

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

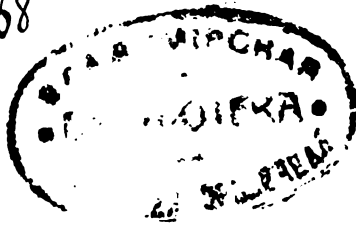
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

475
X-22

282)

858

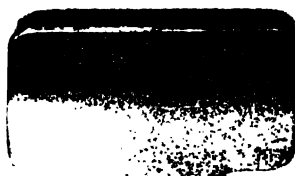
914
X. 22, 8

B1-75

HARVARD LAW SCHOOL
LIBRARY

Received OCT 19 1935

914
х. 22,8

75
17,8,5

858

Ал. Харузинъ.

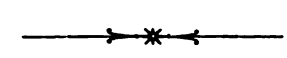

Харузинъ, Алексіей Николаевичъ, 1864-

Боснія-

Герцеговина.

Bosnia - Herzegovina

ОЧЕРКИ

ОККУПАЦИОННОЙ ПРОВИНЦИИ АВСТРО-ВЕНГРИИ

(съ картою).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1901.

6
+

Осн 19, 1821

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Вступленіе	1
I. Яйце и его древности; вопросъ о гербѣ Босніи; останки короля Стефана Томашевича. Езеро; вооруженное столкновение австро-венгерцевъ съ инсургентами; оккупация Босны-Герцеговины. Древніе замки Бочацъ и Винацъ. Изученіе Босніи	4
II. Травникъ; новая мечеть. Отношеніе правительства къ мусульманамъ. Іезуитская коллегія. Правительственная гостинница; туристы. Отношеніе правительства къ сербству. Дѣятельность хорватовъ. Вопросъ о мѣстныхъ языкахъ	25
III. Високо. Киселякъ и его минеральные источники; Фойницкій монастырь. Францисканцы. Вопросъ о кириллицѣ и о босачицѣ	42
IV. Пути изъ Босніи въ Герцеговину: Макленскій и Иванскій перевалы. Безопасность путешествія. Жандармерія. Сооруженіе шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ. Характеръ Босніи и Герцеговины и ихъ обитателей. Ябланица. Правительственныя гостинницы. Долины Неретвы и Дрежанскі; деревни Дрежницы	52
V. Мостаръ: древній мостъ, мечеть Карагъозъ, православный соборъ, католическая епископская церковь. Нижнее теченіе Неретвы. Истоки Буны. Благая. Пещера Вѣтреница	69
VI. Сараево: исторія и общій характеръ города, мусульманскія древности, православный соборъ, новѣйшія постройки, австро-венгерскій элементъ, умственная и научная дѣятельность. Младже-Бани	86
VII. Доисторическій и римскій элементы въ Босніи и Герцеговинѣ. Гласинацкіе могильники. Иллирійское и кельтическое населеніе. Римская колонизация: дороги, колоніи, древнія находки	114
VIII. Очеркъ политической исторіи Босны-Герцеговины: Первоначальное раздѣленіе страны. Событія на Балканскомъ полуостровѣ въ X—XII в. в. Вопросъ о зависимости Босніи отъ Венгріи. Боснія въ XIII в. Возвеличеніе и паденіе Сербіи. Боснія въ XIV в.: Стефанъ Котроманичъ, объединеніе	

съ Захуміємъ, Твѣртко I. Борьба Сербіи и Венгріи съ турками въ XV в. Боснія въ XV в.: борьба партій, роль Герцеговины и паденіе страны. Общій ходъ политической исторіи Босны-Герцеговины. Выселенія и ускучество-гайдучество	134
IX. Къ вопросу о средневѣковой культурѣ въ Босніи и Герцеговинѣ. Средневѣковыямогилы—«богомилскіе камни». Къ вопросу о культурномъ развитіи босно-герцеговинцевъ. Культурныя вліянія въ среднія вѣка . . .	181
X. Аристократизмъ. Феодальный строй, самоуправленіе и автономія Босно-Герцеговины. Утрата автономіи: Гуссейнъ-ага Градашчевичъ и Али-паша Ризванбеговичъ	194
XI. Землевладѣніе и благосостояніе страны. Виды землевладѣнія. Аграрный вопросъ. Естественныя богатства Босны-Герцеговины. Сельское хозяйство. Промышленность. Бюджетъ	206
XII. Религіи и Церкви. Распространеніе христіанства и богомилства. Борьба католической церкви съ богомилствомъ. Распространеніе православія. Исчезновеніе богомилства, распространеніе мусульманства. Мусульмане Босны-Герцеговины ихъ особенности; притѣсненіе христіанъ; распредѣленіе мусульманъ въ странѣ; статистическія данныя. Католическая церковь: ея угасаніе въ турецкія времена; возрожденіе въ серединѣ XIX в.; распредѣленіе католиковъ въ странѣ; католическая иммиграція. Православная Церковь: современное распредѣленіе православнаго населенія въ странѣ; Православная Церковь въ турецкія времена; положеніе православнаго населенія послѣ оккупаци	229
XIII. Народное образованіе. Народная школа въ турецкія времена. Преобразованія оккупационнаго правительства. Народное образованіе мусульманъ. Интерконфессіональныя правительственныя учебныя заведенія. Казенныя расходы на народное образованіе. Борьба правительства съ православною школою.	292

ВСТУПЛЕНИЕ.

Оккупационная провинція Австро-Венгерской имперіи Боснія, или, какъ правильнѣе было бы ее назвать, Босна-Герцеговина, представляетъ громаднѣйшій интересъ во всѣхъ отношеніяхъ. Природа, прекрасная и разнообразная, можетъ удовлетворить самаго требовательнаго туриста; археологъ найдетъ въ странѣ безконечное число памятниковъ доисторическаго времени самаго разнообразнаго характера, не мало римскихъ и средне-вѣковыхъ древностей; къ услугамъ этнографа и антрополога въ провинціи равнымъ образомъ много интереснаго, почти нетронутаго матеріала; натуралиста привлекутъ физическія особенности и связанныя съ ними богатства флоры и фауны; лингвистъ, историкъ въ свою очередь встрѣтятъ обильную жатву; наконецъ политикъ, экономистъ—не въ меньшей степени сочтутъ себя въ Босніи-Герцеговинѣ въ своихъ изысканіяхъ удовлетворенными.

Разносторонность интереса, которую представляетъ страна, обуславливается въ значительной степени ея прошлымъ. Коренной иллирійскій, не вошедшій въ поле историческаго свѣта, элементъ подвергся римской колонизаціи; въ послѣдствіи наслоилось славянство. Находясь въ теченіе своей жизни подъ вліяніемъ разныхъ теченій, Босна-Герцеговина, благодаря своей относительной замкнутости, не утрачивала присущей ея населенію индивидуальности. Выдерживая тяжелую борьбу за политическую самостоятельность въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, Боснія и Герцеговина переживали и во внутренней своей жизни тяжелыя времена религіозной и сословной борьбы. Три вѣроисповѣданія—православіе, католичество и богомилство—одно другому враждебныя, сѣютъ раздоръ между единоплеменнымъ народомъ съ первыхъ годовъ историческаго существованія

славянской Босны-Герцеговины. Взаимныя отношенія исповѣдующихъ разныя вѣры, но единокровныхъ обитателей характеризуютъ историческія событія какъ внѣшняго, такъ еще въ большей степени внутренняго характера. Развивающійся феодализмъ, борьба верховной власти съ магнатами, разрывъ ихъ, какъ представителей высшаго класса, съ народомъ—суть факторы, опредѣляющіе, наряду съ религіозною борьбой, внутреннюю политическую исторію Босны-Герцеговины. Подъ вліяніемъ ихъ распатывается вся организація юнаго государства. Въ дезорганизованномъ, надорванномъ по всѣмъ швамъ, видѣ застаётъ страну роковой для сербскаго народа XIV—XV вѣкъ.

Катастрофа, разыгравшаяся въ 1389 году на Косовомъ полѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Босны-Герцеговины, предрѣшила судьбу и этого королевства, которое падаетъ черезъ 75 лѣтъ. Ставъ въ 1463—83 гг. частью Турецкой имперіи, страна видимо погибаетъ: она наводняется иноплеменнымъ и иновѣрнымъ элементомъ, часть населенія съ «лучшими» людьми во главѣ принимаетъ исламъ. Казалось, что событіями XV вѣка нанесенъ смертельный ударъ народной самостоятельности босняковъ и герцеговинцевъ. Но жизнь страны въ ея дальнѣйшемъ теченіи показываетъ, что ни чужеземное иго, ни мусульманская вѣра не стираютъ съ лица босно-герцеговинской земли славянскую народность въ ея національно-политическомъ существованіи. Христіанская вѣра остается преобладающей въ странѣ, народные обычаи не исчезаютъ, магометане мѣстнаго происхожденія не принимаютъ ни языка, ни письменности побѣдителей—турокъ. Напротивъ того, мѣстный высшій классъ, купивъ цѣною вѣры свои старыя права и вольности, остается, какъ были его отцы, хозяиномъ своего отечества. Христіанскій простолюдинъ равнымъ образомъ не погибаетъ; жизнь его идетъ лишь замедленнымъ темпомъ, онъ, полный терпѣнія, какъ бы выжидаетъ лучшее будущее. Ни соблазны матеріальныхъ благъ, ни притѣсненія и мучительство со стороны исповѣдниковъ ислама не колеблутъ народъ, остающійся вѣрнымъ кресту и своему быту.

Босна-Герцеговина, выдвинувшая въ теченіе турецкаго

періода своей исторіи не мало видныхъ государственныхъ дѣятелей и полководцевъ Османской имперіи, сама не играетъ однако выдающейся роли. Она представляетъ собою, хотя почти автономную страну, но все же лишь провинцію грознаго государства. Значеніе ея умаляется съ XVII вѣка, когда Турція, послѣ потерь въ Венгріи, вынуждена отказаться отъ агрессивной политики.

Бурная и пышная, боевая жизнь мусульманскаго слоя затрогиваетъ лишь верхи населенія страны. Остальная часть его переживаетъ какъ бы подспудное состояніе, благодаря которому сохранились и памятники старины и особенности національнаго быта народа.

Теперь, когда Босна-Герцеговина, такъ или иначе, вводится въ общій оборотъ европейской жизни, этой жизни на встрѣчу идутъ лишь христіанскіе, первоначально низшіе, слои населенія, тогда какъ мусульманскіе элементы, оставаясь вѣрными основамъ ислама, мало обнаруживаютъ жизнеспособности. Новыя условія, охватившія страну со всѣхъ сторонъ и проникающія во всѣ мельчайшія проявленія ея существованія, ведутъ старый бытъ быстро къ его разрушенію. Борьба же новаго, внѣдряющагося съ проникновеніемъ европейскаго культурнаго элемента со старымъ укладомъ вызываетъ то тяжелое, натянутое положеніе, которое проявляется во всѣхъ сторонахъ жизни мѣстнаго населенія.

I.

Яйце и его древности; вопросы о гербѣ Босніи; останки короля Стефана Томашевича. Езеро; вооруженное столкновение австро-венгерцевъ съ инсургентами; оккупация Босны-Герцеговины. Древніе замки Бочацъ и Винацъ. Изучение Босніи.

Желающему посѣтить Босну-Герцеговину ¹⁾ и не имѣющему въ своемъ распоряженіи много времени не слѣдуетъ придержи-ваться того маршрута, который кажется наиболѣе простымъ и который рекомендуется всѣми: черезъ Буда-Пештъ на Бродъ, Сараево, Мостаръ и обратно. При такой поѣздкѣ, совершаемой исключительно по желѣзной дорогѣ, остаются въ сторонѣ наиболѣе интересные мѣста Босніи. Очень простой, не длинный и богато вознаграждающій путешественника маршрутъ слѣдующій: изъ Буда-Пешта (или Вѣны) на Загребъ (Аграмъ), отсюда по желѣзной дорогѣ въ Банялку (въ Босніи), затѣмъ верстѣ 70 на лошадахъ до Яйце, далѣе по желѣзной дорогѣ верстѣ 40 до Бугойно, а отсюда на лошадахъ верстѣ 75 до Ябланицы; затѣмъ можно заѣхать въ Мостаръ, а отсюда въ Сараево. Изъ Яйце, или изъ Сараева слѣдуетъ предпринять поѣздку частью по желѣзной дорогѣ, частью на лошадахъ въ Травникъ и въ Високо, а отсюда проѣхать въ интересные францисканскіе монастыри Фойницу и Крепево. Мѣстами остановокъ могутъ служить: Яйце, Травникъ, Фойница, Ябланица, Мостаръ и Сараево. Такая поѣздка можетъ дать сравнительно полную картину современной Босны-Герцеговины, не

¹⁾ Провинцію эту составляетъ: вся старая Боснія и часть Герцеговины, остальная часть которой отошла, по Берлинскому трактату, къ Черногоріи; кромѣ того незначительная доля Герцеговины вошла въ составъ Косовскаго вилаята современной Турціи. Оккупационная провинція занимаетъ пространство въ 51.270 кв. километровъ или 4.592.430 десятинъ. Жителей въ странѣ 1.568.092 (по переписи 1895 г.) и сверхъ того 22.944 чел. войска. По размѣрамъ и количеству жителей Босна-Герцеговина всего болѣе приближается къ нашей Смоленской губерніи, въ которой 5.118.069 дес. съ 1.551.068 душъ жителей.

только въ отношеніи природныхъ красоть страны, но и по части этнографическихъ наблюдений и впечатлѣній о городской жизни.

Быть въ Босніи и не посѣтить Яйце—значить не видать наиболѣе достопримѣчательнаго города страны. Яйце, послѣдняя твердыня послѣдняго боснійскаго короля, сохранило много старины какъ изъ времени боснійскаго королевства, такъ и изъ турецкихъ временъ. Положеніе города въ высшей степени живописно, своеобразно; окрестности красивы, оригинальны и интересны своими природными особенностями и историческими памятниками.

Надъ городомъ, расположеннымъ на р. Пливѣ, возвышается на скалѣ древняя крѣпость, съ хорошо сохранившеюся стѣною, своимъ стилемъ напоминающею стѣну московскаго кремля. Плива, протекая черезъ городъ, срывается со скалы и съ высоты 11—12 сажень падаетъ могучимъ водопадомъ (ширина его сажень 6) въ рѣку Вырбасъ, текущую въ узкомъ, стѣсненномъ отвѣсными скалами ущельѣ. Контрастъ между рѣками Вырбасомъ и Пливою поразителенъ. Первая изъ нихъ зеленовато-мутная имѣетъ хотя и быстрое, но спокойное теченіе. Подъ прямымъ угломъ бурнымъ водопадомъ, раздѣленнымъ на 8—10 рукавовъ, впадаетъ въ нее Плива, пѣнящаяся рѣка, образующая еще до своего впаденія тысячу катарактовъ разнообразнѣйшей формы; вода чистая, прозрачная, ярко-голубой окраски. Это своеобразное сліяніе, такъ сказать, среди города, двухъ рѣкъ тѣмъ болѣе красиво, что скала, служащая какъ бы подножіемъ Пливы, образована изъ туфа. Многочисленные пещерки, сталактиты и сталагмиты, нависшіе папоротники, мѣстами покрывающіе скалу, придаютъ картинѣ сліянія названныхъ рѣкъ необыкновенно живописный и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственный видъ.

Яйце маленькій городокъ, въ которомъ нѣсколько сотъ домовъ и около 4.000 жителей. Европейская жизнь къ нему еще совсѣмъ не привилась и на всемъ покоится старый «турецкій» характеръ. Древнія же стѣны, полуразвалившіяся башни и иные памятники старины, расположенные въ живописной группировкѣ, обнаруживаютъ много архаизма, напоминая о давно прошедшемъ — объ исторіи Босніи.

Время возникновенія Яйце неизвѣстно. Городъ получаетъ значеніе лишь съ начала XV вѣка. Къ этому столѣтію, повидимому, слѣдуетъ отнести его разцвѣтъ, кратковременный, но, по мѣстнымъ условіямъ, значительный. Содѣйствовалъ возрастанію города герцогъ Сплѣтскій Хырвон, сдѣлавшись владѣльцемъ сѣверо-

западной части Босніи. Впослѣдствіи боснійскіе короли неоднократно живали въ Яйце, что въ свою очередь способствовало возвеличенію и украшенію города. Яйце играетъ выдающуюся роль въ боевой исторіи Босніи въ теченіе второй половины XV и первой четверти XVI вѣка. Городъ былъ послѣднимъ оплотомъ боснійской державы; затѣмъ онъ служилъ базой для венгерскаго владычества и аванпостомъ Западной Европы противъ надвигавшейся несокрушимой турецкой силы. Яйце было впервые взято турками въ 1463 г. Но въ томъ же году городъ былъ, съ помощью босняковъ, отнятъ у турокъ венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ послѣ двухмѣсячной осады. Попытка султана снова овладѣть городомъ въ 1464 году не увѣнчалась успѣхомъ; онъ оставался въ рукахъ Венгріи 50 слишкомъ лѣтъ. Въ теченіе этого времени Яйце выдержало цѣлый рядъ нападеній и осадъ со стороны турокъ, которымъ, однако, главнымъ образомъ благодаря мужеству и находчивости защитника города Петра Кеглевича, не удавалось овладѣть городомъ. Тяжелые дни наступили для гарнизона Яйце съ 1520 г., когда турки, овладѣвъ окрестными замками и укрѣпленіями, не пропускали подвоза провіанта. Въ городѣ образовался голодъ; положеніе его сдѣлалось невыносимымъ. Поэтому Кеглевичъ послалъ нѣкоего Юрія Мырсича въ Венгрію за помощью. Добравшись съ невѣроятными усиліями и рискуя ежедневно своей головой до Буда-Пешта, Мырсичъ разсказалъ королю о бѣдственномъ положеніи города. Разсказъ этотъ привелъ къ героической экспедиціи графа Франкопана (Франгепанъ), снаряженной съ цѣлью снабженія Яйце съѣстными припасами. Экспедиція выступила въ 1525 г. съ Франкопаномъ во главѣ, при участіи граф. Баглая, Зрини, Кружича и Орловича. Возбуждая общее напряженное вниманіе, отрядъ въ составѣ лишь 6.000 человекъ (пѣхоты было 2.000) перешелъ р. Саву и черезъ четыре дня, двигаясь при постоянномъ нападеніи со стороны турокъ, достигъ Яйце. На Петра Кружича была возложена труднѣйшая задача пробиться въ городъ и ввезти въ него припасы, самъ же Франкопанъ вступилъ съ турками въ сраженіе. Кружичъ блестяще выполнилъ свою задачу: онъ прорубился въ городъ, сдалъ припасы и подкрѣпленный гарнизономъ Кеглевича поспѣлъ во время на помощь Франкопану. Побѣда была полная и турки сняли осаду. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ экспедиція вернулась старой дорогой въ Венгрію.

Удержаніе Яйце и сохраненіе хотя части Босніи представ-

лялось въ высшей степени важнымъ для всей Венгріи и гарантировало безопасность земель по сию сторону Савы и Дуная. Въ 1526 г. венгры были на голову разбиты турками подъ Могачемъ (Мухачемъ), на правомъ берегу Дуная, сѣвернѣ впаденія Дравы. Это роковое для Венгріи и ея цѣлости сраженіе предрѣшило и участь Яйце. Къ тому же городъ былъ оставленъ состарившимся Кеглевичемъ и занятъ нѣмецкимъ гарнизономъ, не привычнымъ къ борьбѣ съ турецкимъ войскомъ. Городъ палъ въ 1527 г. послѣ десятидневной осады.

Отъ прошлаго Яйце сохранились слѣдующіе наиболѣе замѣчательные памятники. Крѣпость, на стѣнахъ которой ясно различаются части древне-боснійскаго происхожденія и позднѣйшей турецкой постройки. Сохранились и древнія крѣпостныя ворота, вполнѣдствіи, вѣроятно по стратегическимъ соображеніямъ, задѣланныя; надъ воротами высѣченное на камнѣ изображеніе герба боснійскихъ королей (на гербовомъ щитѣ трехлилейная корона). Тутъ же при крѣпости возвышается стройная башня Св. Луки. Башня эта чисто итальянское сооруженіе, наглядно показывающее, наряду съ манерою постройки древнихъ стѣнъ, итальянское вліяніе, подъ которымъ, между прочимъ, находилась Боснія въ ея дотурецкомъ періодѣ. Съ башней имени Св. Луки связано воспоминаніе о названномъ евангелистѣ. Есть преданіе, которое рассказываетъ, будто бы Св. Лука посѣтилъ мѣсто, на которомъ помѣщается городъ Яйце, и что будто бы онъ былъ здѣсь похороненъ. Другое, болѣе послѣдовательное преданіе повѣствуетъ, что мощи евангелиста доставлены были въ Яйце Марією, женою послѣдняго боснійскаго короля Стефана Томашевича, получившею ихъ въ приданое отъ своего отца Лазаря, деспота Сербскаго, женатаго на Палеологѣ.

Наибольшаго изъ сохранившихся древностей вниманія заслуживаетъ такъ называемая яйцкая «катакомба», обратившая на себя взоры уже первыхъ изслѣдователей Босніи. Катакомба эта служила предметомъ многочисленныхъ догадокъ; были предположенія, что она—старая турецкая тюрьма, съ особыми приспособленіями для пытки узниковъ. Мнѣніе это поддерживалось мѣстными преданіями. Было предположеніе и о томъ, что катакомба—древняя христіанская церковь; полагали наконецъ, что катакомба—казнохранилище боснійскихъ королей. Многочисленные рассказы, легендарнаго и таинственнаго характера, держащіеся въ народѣ, придаютъ этому, во всякомъ случаѣ своеобразному сооруженію, съ

своей стороны, интересъ. За послѣднее время яйцкая катакомба подверглась тщательному изученію со стороны австро-венгерскихъ ученыхъ (Хёрнеса и Трухелки), которыми главнѣйшая суть сооруженія и его цѣлей можетъ считаться вполне выясненной. Лишь нѣкоторые детальныя вопросы остаются еще отчасти спорными. Но во всякомъ случаѣ точно сдѣланные чертежи, планы и рисунки, уже опубликованные, вывели вопросъ о катакомбѣ изъ таинственнаго полумрака.

Наименованіе древности, о которой здѣсь идетъ рѣчь, «катакомбою» не должно вводить въ заблужденіе. Катакомба въ Яйце не имѣетъ ничего, за исключеніемъ своего подземнаго положенія, общаго съ извѣстными катакомбами въ Италіи, происхождение и назначеніе которыхъ совершенно иное. Возникновенію яйцкой катакомбы быть можетъ содѣйствовала естественная пещера; это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что скала, въ которой помѣщается катакомба, какъ и вся подпочва Яйце, состоитъ изъ туфа, богатаго пещерами. Исслѣдованіе яйцкой катакомбы осложнилось абсолютной темнотой, господствующей въ ней, и цѣлымъ рядомъ побочныхъ обстоятельствъ, напримѣръ: двухъэтажностью сооруженія и нѣкоторой неопредѣленностью внутренняго устройства. Эта неопредѣленность, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями (Трухелки), происходитъ отъ неоконченности всего сооруженія. Катакомба, высѣченная цѣликомъ въ камень (спускъ идетъ отъ поверхности круто внизъ), около 6½ саж. длины, 5 саж. ширины и 2 саж. высоты и представляетъ неоконченную церковь, въ которой ясно видны притворъ, главный корабль и алтарь. Галлерейка, долженствовавшая обхватить алтарную часть, начата, но не окончена, и вообще церковь въ своихъ деталяхъ не доведена до конца. Во всемъ сооруженіи ясна какъ бы внезапно брошенная работа. Надъ главнымъ кораблемъ церкви возвышается незаконченный купольный сводъ, по бокамъ этой части расположены тоже неоконченныя ниши, предназначенныя, какъ въ томъ сомнѣваться, повидимому, невозможно, въ качествѣ усыпальницъ. Въ алтарной стѣнѣ продѣланы ниши стрѣльчатого типа, ниши же усыпальницъ полукруглыя. Въ самомъ началѣ главнаго корабля узкое отверстіе въ полу съ нѣсколькими крутыми ступеньками ведетъ въ небольшое нижнее помѣщеніе (около 2 саж. длины, такой же ширины и около сажени высоты). Помѣщеніе это тоже не окончено, но ясна алтарная часть, гдѣ высѣченъ шестиконеч-

ный крестъ съ эмблемами мѣсяца и солнца по лѣвую и правую сторону. Эти эмблемы видны и въ верхней церкви.

Такова, въ общихъ чертахъ, яйцкая катакомба, вызывавшая разные предположенія. Нѣкоторыхъ смущала стрѣловидность нишъ, усматривавшихъ въ этомъ отклики готическаго стиля; другіе указывали на романскій типъ постройки. И то и другое приводило изслѣдователей къ разнымъ выводамъ. Между тѣмъ, стрѣловидность арокъ въ томъ отношеніи не играетъ существенной роли, что онѣ, высѣченныя въ скалѣ, не имѣютъ значенія служащихъ опорой сводовъ и несутъ характеръ орнаментальный. Романскій же типъ постройки нарушается центрально-купольнымъ положеніемъ стиля церкви. Едва ли вообще когда либо сдѣлается съ точностью извѣстнымъ *вся* исторія возникновенія яйцкой катакомбы. Предположить однако возможно, что въ основу ея легла естественная пещера, служившая церковью быть можетъ уже въ отдаленныя времена христіанства. Впослѣдствіи церковь отстраивалась, измѣнилась, расширилась. Современные характерныя черты, какъ это наиболѣе вѣроятно, она приобрѣла въ концѣ среднихъ вѣковъ; этимъ возможно объяснить не полную выдержанность мотивовъ, такъ какъ въ XIV—XV вѣкѣ вліяніе запада въ Босніи и въ частности въ Яйце было сильно. Именно къ этому времени, повидимому, слѣдуетъ отнести разработку церкви, разработку, брошенную по причинѣ—мысль эта лежитъ близко—нашествія турокъ.

Невольно привлекаетъ вниманіе вопросъ, кому собственно принадлежитъ попытка *отстроить* церковь (оставшуюся неоконченною). Новѣйшій изслѣдователь катакомбы не сомнѣвается, что церковь отстраивалъ Хырвоя, герцогъ Сплѣтскій (Спалатскій). Хырвоя, сынъ Вука Хырватинича, выдающагося боснійскаго магната, игралъ въ исторіи Босніи и части Далмаціи въ теченіе 1386—1416 гг. важную роль. Пользуясь первоначально титуломъ «Supremus vojvoda regni Bosnae» и владѣя обширными наслѣдственными имѣніями въ сѣверо-западной Босніи, Хырвоя, поддерживая партію Ладислава Неаполитанскаго, добивавшагося венгерскаго престола, получаетъ отъ него герцогство Сплѣтское; значеніе Хырвоя возрастаетъ и ни одно событіе въ Босніи важнаго политическаго характера не проходитъ безъ его вліянія. Впослѣдствіи (1411 г.) онъ, отказавшись отъ боснійскаго короля Остои, мирится съ венгерскимъ Сигизмундомъ, который подтверждаетъ всѣ его права. Хырвоя—любезно

принятый въ Венгріи гость. Однако его честолюбивые замыслы приводятъ къ недоувѣрію Сигизмунда, къ разрыву и паденію Хырвоя (1413 г.). Тогда онъ соединяется съ турками и съ ихъ помощью, разбивъ въ 1415 г. венгровъ, становится господиномъ западной Босніи; въ слѣдующемъ году онъ умираетъ.

Исторически извѣстно, что Хырвоя неоднократно пребывалъ въ Яйце, народная же легенда приписываетъ ему и основаніе города. При подробномъ изслѣдованіи яйцкой катакомбы найдено, на правой стѣнѣ ея, непосредственно за внѣшнимъ входомъ, высѣченные *контуры* герба: шлемъ, съ помѣщеннымъ на немъ щитомъ, въ верху котораго видны очертанія поднятой и вооруженной мечемъ руки. Исслѣдователь катакомбы утверждаетъ, что въ начерченномъ, но не оконченномъ гербѣ слѣдуетъ видѣть гербъ Хырвоя. Предположеніе это однако довольно спорно, такъ какъ на контурахъ отсутствуетъ самая существенная часть герба: его «изображенія». Щитъ герба Хырвоя (судя по нѣкоторымъ монетамъ) имѣетъ три лиліи, два креста, надъ щитомъ шлемъ, съ поднятою съ мечемъ рукою; справа отъ шлема три лиліи, слѣва два креста. Этотъ гербъ изслѣдователь катакомбы считаетъ единственнымъ въ своемъ родѣ, особенно благодаря поднятой съ мечемъ рукѣ. Эта своеобразность Хырвоевскаго герба и заставляетъ изслѣдователя признать въ контурахъ герба катакомбы гербъ Хырвоя и, поѣтому, приписать попытку достройки катакомбы именно герцогу Хырвоя. Мнѣніе это, однако, шатко. Гербы, подобные гербу Хырвоя, имѣлись и у другихъ боснійскихъ фамилій, напр. у Хануовичей и у Богопанковичей. У тѣхъ и у другихъ надъ щитомъ шлемъ и надъ шлемомъ поднятая съ мечемъ рука, а у первой изъ названныхъ фамилій и «изображенія» герба совершенно совпадаютъ съ изображеніями герба Хырвоя, съ тою лишь разницею, что кресты Хырвоевскаго герба замѣнены у Хануовичей звѣздами.

Въ данномъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, касающихся Босніи и имѣющихъ, казалось бы, чисто научное значеніе, заключается извѣстная тенденція. Дѣло въ томъ, что Хырвоя, ставъ, по признаніи его правъ Ладиславомъ, а затѣмъ Сигизмундомъ,—венгерскимъ вассаломъ, передалъ тѣмъ самымъ историческое право, какъ понимаютъ его венгерцы, на Боснію Венгріи. Съ этой точки зрѣнія констатировать присутствіе Хырвоя въ Яйце, какъ въ своей «столицѣ», является важнымъ. Послѣ покоренія Босніи турками, ея сѣверо-западная часть осталась на

время въ рукахъ Венгріи; это какъ бы подтверждаетъ историческія ея права на Боснію, хотя всецѣло ни Хырвоя, ни венгры ею не владѣли.

Гербъ, установленный за Босніею австро-венгерскимъ правительствомъ,—щитъ, съ поднявшею мечъ рукою, есть часть герба Хырвоя и оттого имѣетъ свое опредѣленно-тенденціозное значеніе. Между тѣмъ—возвращаясь къ яйцкой катакомбѣ—гербъ Хырвоя, который описанъ выше, извѣстенъ лишь по монетамъ, тогда какъ по другимъ источникамъ въ полѣ его герба рука съ мечемъ и двухвостый левъ. Къ тому же надо прибавить, что Хырвоя былъ богомиломъ, какъ это установлено изслѣдованіями. И хотя онъ, какъ кажется, въ видахъ политическихъ, въ послѣдствіи и перешелъ въ католичество, будучи, по мѣткому выраженію Талоци (Thaloczy), достаточно богатымъ, чтобы исповѣдывать двѣ религіи или собственно не исповѣдывать никакой, но принадлежность его къ католической церкви не доказана, а богомильское его исповѣданіе несомнѣнно. Трудно при такихъ условіяхъ предполагать, чтобы Хырвоя былъ озабоченъ постройкой христіанской церкви въ Яйце, требовавшей много труда.

При установленіи герба для оккупированной Босніи были предприняты изслѣдованія, порученныя специалистамъ. Мнѣнія однако раздѣлились и въ вопросъ, поставленный первоначально научно, вмѣшались политическія соображенія. Изъ всѣхъ споровъ, противорѣчій, трактатовъ, въ которыхъ принимали участіе хорваты, нѣмцы, венгерцы и вмѣстѣ съ тѣмъ австро-венгерскія академіи, выяснилось, что собственно гербомъ Босніи слѣдуетъ считать щитъ съ изображеніемъ короны—гербъ боснійскихъ королей. Но по изслѣдованіямъ оказалось, что венгерскими королями употреблялся за гербъ Босніи, уже издавна, гербъ области Рамы¹⁾,—поднятая съ мечемъ рука, т. е. изображеніе, повторяющееся въ гербѣ Хырвоя. Вопросъ о томъ, какой собственно гербъ надлежало признать за оккупационною провинціею,—получилъ разрѣшеніе, конечно, не на основаніи геральдическихъ данныхъ, а на основаніи политическихъ соображеній. У современной Босны-Герцеговины, поѣтому, гербъ Рамы и Хырвоя, а не боснійскихъ королей; этимъ путемъ она какъ бы включена въ составъ собственно Венгріи, а не Австро-Венгерской имперіи.

¹⁾ Область Рама, которой временно владѣла Венгрія, лежала по обѣимъ сторонамъ рѣки того же наименованія, впадающей въ Неретву. Полагаютъ, что имя этой области отождествлялось венгерскими королями съ именемъ Босніи: *pars pro toto*.

Въ Яйце еще есть одна достопримѣчательность, имѣющая ближайшее отношеніе къ исторіи Босніи,—это останки (скелетъ) послѣдняго боснійскаго короля Стефана Томашевича. Послѣ смерти Хырвои, Яйце снова перешло въ полное владѣніе боснійскихъ королей, которые часто жили здѣсь, быть можетъ, въ виду болѣе безопасности со стороны турокъ. Послѣдній боснійскій король жилъ здѣсь особенно охотно, сдѣлавъ такимъ образомъ Яйце своей столицей. Ворвавшіеся въ 1463 году въ Боснію турки застали короля, однако, не въ Яйце, а въ крѣпости Бобовацъ (къ сѣверу отъ современнаго Сараева). Отсюда король бѣжалъ на сѣверо-западъ сначала въ замокъ Соколъ, но затѣмъ, избѣгая преслѣдовавшихъ его турокъ, направился въ Ключъ на Санѣ (на сѣверо-западъ отъ Яйце). Султанъ Магометъ II поручилъ преслѣдованіе короля пашѣ Махмуду, который погнался по слѣдамъ короля съ 20,000 конницы. Преданіе рассказываетъ, что мѣстопробываніе короля было выдано Махмуду кѣмъ то изъ босняковъ за пироги. Ключъ оказался неприступнымъ и Махмудъ предложилъ королю сдаться, письменно обѣщавъ ему отъ имени султана жизнь и свободу. Сдавшася короля повели къ Магомету II, осаждавшему въ то время Яйце. Городъ, узнавъ о плѣненіи короля, немедленно капитулировалъ. Султанъ уговорилъ затѣмъ короля, обманувъ его обѣщаніями, предложить еще невзятымъ городамъ предаться турецкой власти, вслѣдствіе чего перешло въ руки турокъ свыше 70 укрѣпленій. Но затѣмъ Магометъ II, продержавъ короля въ плѣну до окончательнаго покоренія Босніи, не считалъ своимъ долгомъ сдержать данное отъ его имени Махмудомъ обѣщаніе и приказалъ казнить Томашевича. Легенда передаетъ, что до отсѣченія головы съ живого короля была снята кожа и что казнь произошла на «царевполѣ», близъ Яйце. Далѣе легенда ¹⁾ рассказываетъ, что султанъ сдѣлалъ распоряженіе похоронить трупъ короля такъ, чтобы мѣсто погребенія было видно изъ города, но чтобы не былъ видимъ городъ съ могилы и чтобы сама могила не была видна изъ города. Подобное мѣсто будто бы нашли на близлежащемъ холмѣ такъ: яничары понесли трупъ короля, одинъ же изъ нихъ держалъ въ рукахъ на шестѣ знамя; когда процессія

¹⁾ Историкъ Османской имперіи Ханмеръ, а за нимъ и историкъ Босніи Клайчъ говорятъ, что голову Томашевичу отсѣкъ мучи, при этомъ о мѣстѣ казни точно не говорится. Во всякомъ случаѣ казнь произошла послѣ окончательнаго покоренія Босніи вслѣдъ за неудачнымъ походомъ Магомета на Герцеговину, на возвратномъ пути въ Константинополь и слѣдовательно не у Яйце.

исчезла изъ глазъ, но знамя оставалось еще видимымъ, Магометъ далъ знакъ остановиться. На горѣ близъ Яйце народъ, какъ говорятъ, показывалъ могилу, называя ее «кравлевскій гробъ»; рассказываютъ, будто убѣжденіе, что тутъ именно покоятся останки обезглавленнаго короля, держалось среди босняковъ безъ различія религій и конфессій. Помянутыя легенды побудили одного изъ мѣстныхъ австро-венгерскихъ изслѣдователей пуститься на поиски королевской могилы. Подобная могила была найдена на горѣ противъ Яйце по другую сторону Вырбаса. Въ ней оказался костякъ по нѣкоторымъ признакамъ казненнаго и безъ одежды погребеннаго человѣка, что привело къ заключенію, что могила не иная, какъ короля Томашевича; поэтому и скелетъ былъ перенесенъ въ Яйцевскій Францисканскій монастырь.

Все это изысканіе, произведенное безъ достаточной критики, даетъ поводъ мѣстному православному населенію Босніи подозрѣвать оккупационное правительство въ фальсификаціи находки, обвиняя его въ непремѣнномъ желаніи помѣстить въ католической церкви священные, хотя и мнимые, останки послѣдняго короля Босніи. Въ частности про эти останки слѣдуетъ замѣтить, что одинъ изъ весьма извѣстныхъ нѣмецкихъ антропологовъ, анатомъ, считающій за собою свыше 5,000 вскрытій, утверждаетъ, что скелетъ, выдаваемый за скелетъ короля Томашевича, не мужской, а женскій. Подобное положеніе даннаго вопроса вполне естественно тамъ, гдѣ, какъ въ оккупированной Боснѣ-Герцеговинѣ, политика вносится въ науку и послѣдняя приносится въ жертву политическимъ стремленіямъ. Исслѣдованіе подлинности королевскаго скелета велось такъ пристрастно, что изыскатель въ своемъ описаніи не стѣсняется сравнивать черты черепа (не сохранившагося даже цѣльнымъ) съ двумя портретами короля Томашевича, находящимися одинъ въ Загребѣ, а другой въ монастырѣ Сутескѣ (Сутискѣ), и признаетъ между ними сходство.

Туристъ, посѣтившій Яйце, не долженъ отказываться отъ поѣдки въ Езеро. Мѣстечко это, верстахъ въ 10 отъ Яйце на западъ, не представляя само по себѣ ничего замѣчательнаго, интересно своимъ мѣстоположеніемъ, дорога же въ Езеро богато вознаграждаетъ туриста. Шоссе идетъ все время вдоль р. Пливы. Рѣка эта то суживается, то расширяется, дѣлая загибы, и образуетъ безчисленное количество катарактовъ, придающихъ рѣкѣ необык-

новенно своеобразный видъ. Катаракты мѣстами изливаются изъ бассейновъ, словно нарочно сдѣланныхъ искусною рукою; они бѣгутъ во всѣ стороны, ихъ тысячи; струи голубой воды соединяются, образуютъ новые бассейны, снова расходятся, чтобы опять слиться и такъ безъ конца. Что крайне разнообразить рѣку и придаетъ ей еще болѣе оригинальный характеръ, это то, что русло рѣки порасло группами деревьевъ и кустарниковъ. Своею зеленью они очень оживляютъ теченіе рѣки и осложняютъ въ свою очередь причудливость формъ каскадовъ. Полный контрастъ р. Пливъ, въ этой ея части, составляетъ озеро (на полпути отъ Яйце до Езера), которое она образуетъ: тихое, спокойное, обрамленное горами, поросшими букомъ. Природныя красоты Босніи имѣютъ ту общую черту съ красотою Кавказа, что какъ тутъ, такъ и тамъ природа, такъ сказать, не осквернена присутствіемъ человѣка. Боснія мало населенная страна, поэтому она экономически такъ мало развита, но по той же причинѣ природа ея сохранилась во всей ея первобытной неприкосновенности. Здѣсь нѣтъ тѣхъ гостинницъ, пенсіоновъ, ресторановъ, которые столь пріятны туристамъ Швейцаріи и Тироля, здѣсь ни камни, ни деревья не заклеены краской, предупредительно накладываемой членами альпійскихъ клубовъ, здѣсь нѣтъ тѣхъ удобствъ, которыхъ требуетъ культурный человѣкъ въ своей ежедневной жизни, но здѣсь можно любоваться природою въ томъ видѣ, какъ ея создалъ Господь Богъ, какою она была еще сотни лѣтъ тому назадъ. И это безлюдье, эти никѣмъ незаселенныя скалы и горы имѣютъ необыкновенную прелесть, которую не могутъ дать модныя мѣста ни за какія деньги.

Тотъ, кто пожелаетъ изъ Яйце посѣтить Езеро, мѣстечко, лежащее на западномъ концѣ Пливскаго озера, не пожалѣетъ о предпринятой имъ экскурсіи, которая, конечно, легко выполнима и пѣшкомъ. Въ Езерѣ, живописно расположенномъ, путникъ найдетъ въ небольшой гостинницѣ хорошій кофе и прекрасныхъ форелей.

Кофе распространенъ въ Босніи повсемѣстно. Чтобы получить его, достаточно остановиться у любого хана (духана, какъ говорятъ у насъ на Кавказѣ), гдѣ за 3—5 крейцеровъ подадутъ черный, сваренный на турецкій ладъ, кофе, нерѣдко высокаго достоинства. Боснякъ большой любитель этого напитка, распространившагося въ его странѣ подъ вліяніемъ турецкаго Востока. Потребленіе кофе повсемѣстно, оно до извѣстной степени замѣняетъ

спиртные напитки. Впрочемъ, потребление и послѣднихъ въ Босніи достаточно развито. Этому способствуетъ то, что босняками самими, такъ сказать, домашнимъ способомъ, готовится изъ сливъ, славящихся вообще въ странѣ, водка—сливовица. Этотъ національный напитокъ босняковъ можно встрѣтить повсюду: его пьютъ простой людъ, пьютъ и привилегированные классы, пьютъ безъ различія вѣроисповѣданія, пьютъ и свѣтскія и духовныя лица. Сливовица достигаетъ нерѣдко значительной крѣпости и соответственно влияетъ на состояніе потребившаго ее. Тѣмъ не менѣе, на большое изобиліе пьяныхъ пожаловаться нельзя. Лишь въ базарный день въ Сараевѣ присутствіе ихъ становится слишкомъ замѣтнымъ; тутъ иногда не трудно встрѣтить празднично разодѣтыя фигуры поселянъ, покачиваясь возвращающихся съ чарджіи (майдана, базара) во свояси. Нынѣ въ Боснѣ-Герцеговинѣ уже значительно распространилось пиво, выдѣлываемое на мѣстѣ въ нѣсколькихъ пивоварняхъ. Начало этому нововведенію положено однако еще до оккупации страны, наплывъ же австро-венгерскаго элемента лишь способствовалъ развитію пивоваренія. За послѣднее время нѣкоторыми изъ мѣстныхъ дѣятелей австро-венгерскаго правительства предполагается сдѣлать попытки къ распространенію въ странѣ русскаго кваса; въ данномъ случаѣ рассчитываютъ преимущественно на потребность мусульманъ.

Если кофе и сливовица улащаютъ жизнь босняка, то не въ меньшей мѣрѣ услодой является для него куреніе табаку. Табакъ въ Босніи не произрастаетъ, но онъ хорошъ въ сосѣдней Герцеговинѣ, которая и снабжаетъ Боснію этимъ продуктомъ. Герцеговинскій табакъ, дѣйствительно прекрасный по всѣмъ своимъ качествамъ, пользуется доброю славою и въ Австро-Венгріи. За чашкою кофе, курая табакъ, боснякъ способенъ проводить часы, лѣниво бесѣдуя съ сосѣдомъ о злобѣ дня, о новостяхъ, о невзгодахъ жизни.

Окрестности Езера ознаменованы происшедшимъ 7 Августа 1878 г. столкновеніемъ австро-венгерскихъ войскъ съ боснійскими инсургентами. Сопrotивленіе, оказанное здѣсь оккупационнымъ силамъ, было одно изъ наиболѣе значительныхъ. Перестрѣлка началась съ обѣихъ сторонъ къ 9 часамъ утра и продолжалась до 1 часа; къ этому времени инсургенты были принуждены отступить. Занявъ къ 5 часамъ пополудни новую позицію, босняки были однако обращены въ бѣгство энергичнымъ наступленіемъ пѣхоты и атакою кавалеріи, подкрѣпленныхъ артиллерійскимъ огнемъ. Пораженіе инсургентовъ привело вечеромъ того же дня къ

занятію австро-венгерскими войсками Яйце. Потери съ обѣихъ сторонъ были сравнительно довольно значительны. Съ австро-венгерской стороны палъ одинъ офицеръ и 21 солдатъ, ранено 7 офицеровъ и 158 нижнихъ чиновъ, среди босняковъ насчитано 70 убитыхъ и 250 раненыхъ, кромѣ того около 300 было взято въ плѣнъ. Въ память павшихъ въ этомъ столкновеніи поставлены нынѣ два небольшихъ памятника.

Въ австро-венгерской печати существуютъ два противоположныхъ взгляда относительно характера оккупации Босны-Герцеговины. Одни, желая основать владычество Австро-Венгрии какъ бы на правѣ завоевателя, говорятъ о трудностяхъ оккупации, равняющейся будто бы завоеванію страны, и указываютъ поэтому на столкновенія имперскихъ войскъ съ инсургентами какъ на «сраженія», насчитывая, такимъ образомъ, рядъ побѣдъ. Другіе, исходя изъ совершенно другой точки зрѣнія и желая доказать, что Босна-Герцеговина приняла австро-венгерцевъ охотно и тѣмъ самымъ присоединилась къ имперіи добровольно, замалчиваютъ противодѣйствія мѣстнаго населенія оккупационной арміи и представляютъ борьбу какъ нежеланіе исключительно мусульманскаго населенія подчиниться европейскому режиму Австро-Венгрии. И въ томъ и въ другомъ мнѣніи, въ особенности въ послѣднемъ, есть преувеличенія, которыя не соотвѣтствуютъ истинѣ.

Въ дѣйствительности австро-венгерскимъ войскамъ было оказано очень настойчивое сопротивленіе, но о настоящихъ сраженіяхъ при оккупации не можетъ быть и рѣчи. Это вполне понятно. Во-первыхъ во время оккупации въ 1878 г. Босна-Герцеговина была уже ослаблена долговременнымъ возстаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ выселеніемъ христіанскаго населенія, достигшаго въ предѣлахъ одной Австро-Венгрии 200.000 душъ. Кромѣ того въ Боснѣ-Герцеговинѣ не было, да и не могло быть, единодушія по причинѣ разныхъ вѣроисповѣданій, которыя всегда приводили отдѣльныя части населенія къ острымъ отношеніямъ. Къ тому же Босна-Герцеговина, какъ полукультурная страна, вести какія либо серьезныя военныя дѣйствія противъ европейской державы, предпешей съ весьма значительными военными силами, не была конечно въ состояніи. А силы Австро-Венгрии были велики; въ оккупации участвовало 159 баталіоновъ пѣхоты, 29³/₄ эскадрона кавалеріи и 43 артиллерійскихъ батареи (изъ нихъ 17 горной артиллеріи и 2 полевой). Эта армія была направлена на страну, все населеніе которой не достигало и 1¹/₂ милліоновъ жителей

обоего пола. Армія переступила границу въ послѣднихъ числахъ Іюля 1878 г., переправившись у Шамача, Брода и Градишки черезъ Саву и у Костайницы—черезъ Уну. Три мѣсяца спустя оккупация была завершена. Передъ вступленіемъ войскъ въ Боснію, главнокомандующій баронъ Филипповичъ обратился къ населенію съ воззваніемъ, въ которомъ онъ приглашалъ его принять вводимыя имъ войска не какъ враговъ, а какъ друзей, являющихся для водворенія мира и спокойствія въ странѣ. При этомъ обѣщалось сохраненіе обычаевъ, по возможности сохраненіе и во всякомъ случаѣ не ломка существующихъ законовъ; а главное *гарантировалась свобода въроисповѣданія*. Несмотря на это воззваніе, босно-герцеговинцы не покорились и встрѣтили австро-венгерцевъ враждебно, насколько то было возможно съ ихъ слабыми силами. Началась не война съ регулярными сраженіями, да таковая была и немыслима при неравенствѣ матеріальныхъ и моральныхъ силъ,—но систематическое подавленіе непокорнаго населенія. Значительныхъ столкновеній было въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всего 56. Изъ нихъ наиболѣе кровопролитными были «сраженія»: при Бихачѣ, въ сѣверо-западной Босніи, на границѣ Хорватіи, при Сенковичѣ, на востокѣ отъ Сараева, при Добоѣ, на берегу Босны, на сѣверѣ отъ Сараева, у Ключа, на сѣверо-западѣ отъ Яйце, у Тузлы, на сѣверѣ отъ Сараева, подъ Яйце (у Езера) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (напр. у Баялуки, Бырчки, Печи). Затѣмъ, очень упорное сопротивленіе было оказано при занятіи столицы страны—Сараева. Тѣмъ не менѣе, потери австро-венгерскихъ войскъ во всѣхъ «сраженіяхъ» не превысили 4.800 человекъ, изъ нихъ 3.664 ранеными и лишь 868 убитыми (36 офицеровъ и 832 нижнихъ чина). Но эти официально зарегистрированныя потери увеличились въпослѣдствіи, какъ говорятъ, значительно, такъ какъ по официальномъ завершеніи оккупации не одинъ десятокъ австро-венгерскихъ солдатъ былъ убитъ непокорными, скрывавшимися въ горахъ и лѣсахъ, босняками и герцеговинцами. Такія нападенія, продолжавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до подавленія возстанія 1881—82 гг., считались австро-венгерскими властями разбоями и жертвы ихъ не вносились въ число убылей отъ оккупации страны.

Босно-Герцеговинское населеніе реагировало противъ вторженія иностраннаго элемента чѣмъ могло и соотвѣтственно своимъ, въ сущности, для европейской державы, незначительнымъ средствамъ.

Въ сравнительно недалекомъ разстояніи отъ Яйце находятся довольно хорошо сохранившіяся развалины двухъ средневѣковыхъ замковъ. Одинъ изъ нихъ—Бочацъ. Его проѣзжаешь, слѣдуя изъ Банялуки въ Яйце. Другой—Винацъ, верстахъ въ 7 къ югу. Дорога (35 верстъ) между Бочацомъ и Яйце, одна изъ красивѣйшихъ во всей Босніи, идетъ вдоль теченія р. Вырбаса, которая, протекая то среди скалъ, то среди поросшихъ густымъ лѣсомъ высокихъ горъ, дѣлаетъ рядъ извилинъ и представляетъ много разнообразія и интереса. Развалины, подобныя Бочацу и Винацу, не представляютъ рѣдкости ни въ Босніи, ни въ Герцеговинѣ. Замки относятся къ послѣднимъ временамъ самостоятельности страны; начало ихъ упадка положено завоеваніями турокъ. Существовавшіе нѣкогда замки принадлежали частью мѣстнымъ феодаламъ, частью боснійскимъ и герцеговинскимъ властелинамъ. Замки эти расположены на трудно доступныхъ скалахъ и развалины ихъ очень украшаютъ уединенныя, временами дикія, мѣста Босны-Герцеговины. Тамъ, гдѣ къ замкамъ прилежали нѣкогда довольно значительныя поселенія, они превратились въ послѣдствіи въ турецкія крѣпости, поселенія же въ города. Эти крѣпости, въ свою очередь превратившіяся въ полуразвалины, не менѣе живописны. Съ болѣею частью замковъ связаны поэтическія народныя легенды. Онѣ передаютъ о жизни и дѣяніяхъ такихъ людей, какъ Сапдалъ Храничъ, Стефанъ Косача и т. п., игравшихъ видную роль въ мѣстной исторіи. Народная память сохранила и тяжелыя для страны воспоминанія, воспоминанія, связанныя съ трагическою гибелью Босны-Герцеговины. Рассказываютъ объ измѣнѣ, благодаря которой тотъ или иной замокъ сдѣлался жертвой завоевателей—турокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, передаютъ и о геройской защитѣ осажденныхъ, рассказываютъ о Маркѣ Кралевичѣ, который ознаменовалъ своимъ посѣщеніемъ замокъ или сказочно-гигантскимъ прыжкомъ черезъ пропасть, или побѣдою надъ противникомъ. Романтическій элементъ играетъ тутъ, равнымъ образомъ, немаловажную роль. Рассказы передаются въ многочисленныхъ вариантахъ, но всѣ они неизмѣнно поэтичны и красивы и указываютъ, на ряду съ богатствомъ народной фантазіи, и на народную память о сѣдой, хотя сохранившейся и въ легендарной формѣ, старинѣ. Встрѣчаются рассказы, повторяемые въ народѣ безъ различія вѣроисповѣданія, такого же рода существуютъ и пѣсни, и это знаменательно для Босны-Герцеговины въ томъ отношеніи, что, несмотря на рознь, которую положила вѣра, народъ до извѣстной степени не переставалъ быть единымъ.

Пѣсни босняка-герцеговинца не менѣ поэтичны, чѣмъ его легенды. Пѣсни эти, содѣланы собранныя и изданныя не только на сербскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ, уже давно сдѣлались общимъ достояніемъ нашихъ западныхъ сосѣдей, между тѣмъ какъ онѣ для нашего общества продолжаютъ быть совершенно незнакомыми и, какъ это ни странно, — менѣ возбуждаютъ къ себѣ вниманіе, чѣмъ народное творчество тѣхъ странъ, къ которымъ мы не имѣемъ никакого отношенія. Между тѣмъ, знакомство нашего общества, въ его широкомъ значеніи, съ поэтическимъ творчествомъ нашихъ сербскихъ собратій, заслуживающаго полнаго по его достоинствамъ вниманія, способно разъяснить и освѣтить многое нашей собственной народной поэзіи. Нѣмецъ съ большимъ трудомъ изучаетъ сербскій языкъ, а между тѣмъ имѣются на лицо уже сотни нѣмцевъ, хорошо знающихъ этотъ языкъ, тогда какъ у насъ, несмотря на близость русскаго языка къ сербскому, его едва ли знаютъ и десятки. Мы не имѣемъ ни своего руководства для изученія сербскаго языка, ни даже порядочнаго его словаря, тогда какъ изученіе сербскаго языка могло бы оказать намъ большую услугу и быть подспорьемъ какъ къ обогащенію нашего языка, такъ и къ очищенію его отъ излишнихъ неславянскихъ словъ. Безъ знанія языка невозможно и сближеніе, а между тѣмъ оно въ культурномъ отношеніи весьма важно, важно не только для нашей «меньшей» братіи, но и для насъ самихъ. Русское національное самосознаніе — справедливо говорить одинъ изъ нашихъ славистовъ — можетъ утвердиться лишь тогда, когда найдетъ себѣ естественную опору въ болѣе широкомъ славянскомъ племенномъ самосознаніи. Последнее должно его питать и придавать ему болѣе опредѣленный и осмысленный характеръ. Культурное призваніе русскаго народа и историческое его мѣсто въ мірѣ опредѣляются его первенствующею ролью въ великой славянской племенной особи. Чтобы чувствовать себя сильнымъ и стоять на высотѣ своего призванія, русскій народъ въ лицѣ своей интеллигенціи долженъ непрестанно поддерживать связь и духовное единеніе съ прочими членами славянской семьи. Не одна русская, но и славянская идея должна всегда одушевлять его (К. Гротъ).

Цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ изъ области отечественной этнографіи, археологіи, антропологіи, а равно литературы, могли бы освѣтиться на основаніи данныхъ, уже установленныхъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Въ этой странѣ развивался славянскій эле-

*

ментъ, воспринимался и элементъ дославянскій, осаждалось вліяніе турецкаго Востока. Все это создало въ Боснѣ-Герцеговинѣ много особенностей, дѣлающихъ ее въ научныхъ отношеніяхъ кладохранищемъ. На Западѣ, преимущественно въ Австріи и Германіи, уже оцѣнили по достоинству научное значеніе Босны-Герцеговины, на нее не со вчерашняго времени обращено вниманіе ученаго міра; литература о Боснѣ-Герцеговинѣ насчитываетъ свыше тысячи книгъ и научныхъ статей, разбросанныхъ въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ, извѣстіяхъ академій, запискахъ ученыхъ обществъ. Босна-Герцеговина мѣняла уже не разъ направленіе научныхъ теорій, благодаря новымъ фактамъ, внесеннымъ ею въ общую сокровищницу. Наше образованное общество осталось почти чуждымъ этому движенію, до него даже часто не доходили виднѣйшія произведенія Европы на этомъ полѣ, а если и доходили, то какъ бы случайно, отрывочно, не оставляя замѣтнаго слѣда. Между тѣмъ и въ Австріи и въ Германіи неоднократно указывалось на значеніе сличенія научнаго матеріала о Боснѣ-Герцеговинѣ съ научнымъ матеріаломъ русскимъ; по нашему адресу уже не разъ кидались въ печати нашихъ сосѣдей упреки, что, благодаря замкнутости нашей, обмѣниваться именно съ нами въ научномъ отношеніи крайне трудно. Упреки эти, къ сожалѣнію, вполне справедливы. Надо прибавить еще и то, что русскихъ путешественниковъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ совсѣмъ не имѣется; если кто и посѣщалъ за послѣдніе годы эту страну, то онъ ограничивался бѣглымъ проѣздомъ отъ одного конечнаго пункта до другого. Научнаго изученія со стороны русскихъ Босна-Герцеговина совсѣмъ не удостоилась и среди громадной западной литературы объ этой странѣ не теряется лишь одна русская книга: описаніе Босны незабвеннаго Гильфердинга. О такомъ игнорированіи съ нашей стороны оккупационной провинціи нельзя не пожалѣть уже потому, что нѣмецкой и австрійской литературѣ нерѣдко свойственъ предвзятый взглядъ на славянъ, а подчасъ и явная тенденціозность. Въ австро-венгерской литературѣ образовалось уже нѣсколько строго опредѣленныхъ взглядовъ на Босну-Герцеговину; таковыя установились и въ Германіи, даже во Франціи и Англіи. Одна лишь русская литература по живѣйшему вопросу, вопросу о Боснѣ-Герцеговинѣ, не выработала своего, подкрѣпленнаго доводами, мнѣнія. Между тѣмъ, оно имѣетъ всѣ основанія, чтобы сдѣлаться наиболѣе безпристрастнымъ и правильнымъ, а слѣдовательно подходить къ обще-славянскому взгляду. Въ Вѣнѣ уже въ теченіе восьми

лѣтъ выходитъ въ свѣтъ специальное изданіе, посвященное всестороннему научному изученію Босны-Герцеговины; изданіе это ¹⁾, на нѣмецкомъ языкѣ, состоитъ уже изъ семи объемистыхъ, съ убористою печатью томовъ, съ массою научнаго матеріала по исторіи, археологіи, этнографіи и естествознанію страны, съ многочисленными рисунками, при участіи десятковъ лицъ, а между тѣмъ изданіе это не только у насъ мало извѣстно, но оно не имѣется въ библіотекахъ даже наиболѣе выдающихся нашихъ ученыхъ обществъ. Такое игнорированіе столь близкой во многихъ отношеніяхъ для насъ страны, какъ Босна-Герцеговина—не можетъ не приносить своихъ горькихъ плодовъ.

Л и т е р а т у р а.

1. Изъ литературныхъ источниковъ, касающихся Босніи и Герцеговины, надлежитъ первымъ дѣломъ отмѣтить тѣ, которые несутъ общій характеръ. Въ основаніе этихъ источниковъ легли личныя наблюденія авторовъ, посѣтившихъ страну или прожившихъ въ ней болѣе или менѣе долгое время. Многія изъ этихъ сочиненій, а равно и болѣе мелкихъ статей имѣютъ до извѣстной степени монографическій характеръ: они затрагиваютъ географію страны, народный бытъ, древности, исторію края и т. д. Поэтому труды нижеприведенныхъ авторовъ имѣютъ въ дѣлѣ ознакомленія съ Босніею и Герцеговиною первѣйшее значеніе. Труды болѣе specialнаго характера за исключеніемъ тѣхъ, которые относятся къ этой первой главѣ, приведены ниже подъ главами соотвѣтствующаго содержанія. Всѣ источники сгруппированы по предметамъ и въ хронологическомъ порядкѣ.

Pertusier.—La Bosnie considérée dans ses rapports avec l'empire ottoman. Paris, 1822.

Ami Boué.—La Turquie d'Europe, 1840 (нѣмецкое изданіе 1889 г., въ Вѣнѣ).

Bosnjak (Jukić).—Zemljopis i povjestnica Bosne. Agram, 1851.

Ami Boué.—Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Vienne, 1854.

Сергеевскій.—Обозрѣніе Оттоманской имперіи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Спб., 1854 г.

Гильфердингъ.—Собраніе сочиненій, т. III, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1859 г. (перездано въ 1873 г.).

Thoemmel.—Geschichtliche, politische und topographisch-statistische Beschrei-

¹⁾ Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Herzegovina. (Это изданіе неоднократно приводится ниже среди литературныхъ источниковъ въ сокращеніи: W. M. a. B. u. H.).

bung des Vilajet Bosnien, das ist das eigentliche Bosnien, nebst türkisch Croatien, der Hercegovina und Rascien. Wien, 1867.

Boskiewicz.—Darstellung der geograph.-statistischen Verhältnisse und Kulturzustände Bosniens und der Herzegovina. Wien, 1866.

Ero же.—Studien über Bosnien und die Herzegovina. Leipzig, 1868.

Maurer.—Reise durch Bosnien in Saveländer und Ungarn. Berlin, 1870.

Ковалевскій.—Черногорія и славянскія земли. Спб., 1872 г.

S-t. Marie.—Itinéraires en Herzégovine. (Extrait du Bulletin de la Soc. de Géographie; avril et mai 1876). Paris, 1876.

Thomson.—L'Herzégovine. Paris, 1875.

Landeskunde des Königreichs Dalmatien u. seiner Hinterländer Bosnien u. Herzegovina. Wien, 1876.

Yriarte.—Bosnie et l'Herzégovine. Paris, 1876.

Sterneck.—Geograph. Verhältnisse, Communicationen u. die Reisen in Bosnien, der Hercegovina und Nord-Montenegro. Wien, 1877.

Blau.—Reisen in Bosnien u. d. Herzegovina. Topographische und pflanzengeographische Aufzeichnungen mit einer Karte und Zusätzen von H. Kiepert. Berlin, 1877.

S-t. Marie.—L'Herzégovine. Paris, 1878.

Schweiger-Lerchenfeld.—Bosnien. D. Land u. s. Bewohner. Geschichte, Geographie, Ethnographie u. Socialpolit. Wien, 1878.

Мажени и Эрби.—Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи. Спб., 1878 г.

Ковачевич.—Опис Босне и Херцеговине. Београд, 1879.

Klaić.—Bosna. Zagreb, 1879.

Kirchner.—Bosnien in Wort u. Bild (20 Federzeichnungen mit erklärendem Text von Schweiger-Lerchenfeld). Wien, 1879.

Leger.—La Save, le Danube et le Balkan. Voyage chez les Slovènes, les Croates, les Serbes et les Bulgares. Paris, 1884.

Stefanović-Vilovsky.—Die Serben im Südlichen Ungarn, in Dalmatien, Bosnien und in der Hercegovina. Wien und Teschen 1884. (Die Völker Oesterreich-Ungarns. XI).

Laveleye.—La péninsule de Balkans. Bruxelles, 1886.

Asbóth.—Bosnien und die Herzegovina. Reisebilder und Studien. Wien, 1888.

Hoernes.—Dinarische Wanderungen (Cultur- und Landschaftsbilder aus Bosnien und der Hercegovina. Wien, 1888.

Avelot et La Nézière.—Montenegro, Bosnie, l'Herzégovine. Paris, 1895.

Renner.—Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. Berlin, 1896.

Capus.—A travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris, 1896.

Thomson.—The outgoing Turk.—Impressions of a journey through the western Balkans. London 1897.

Hartleben.—Reiserouten in Bosnien und der Hercegovina. Illustrierter Führer. Wien, Pest, Leipzig, 1899.

Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort u. Bild. Bosnien u. Hercegovina. Wien, 1900—1901.

Preindlsberger-Mrazović.—Bosnisches Skizzenbuch. Landschafts- und Kulturbilder aus Bosnien und der Hercegovina. Dresden, 1901.

2. Изъ брошюръ и статей, касающихся Босніи и Герцеговины, умѣстно отмѣтить здѣсь слѣдующія.

Massieu de Clerval.—Rapport sur une mission en Bosnie, 1855. (Arch. d. mis. scient. 1856, t. V).

Макушевъ.—Задунайскіе и адриатическіе славяне. Спб. 1867.

Blau.—Jahresbericht über Bosnien. «Preuss. Handelsarchiv», 1868, I.

S-t. Marie.—De Saraievo à Tachlidja (Bull. de l. Soc. d. Géogr. Paris, 1868, XV et 1869, XVII.).

Militärische Beschreibung des Paschaliks Hercegovina u. d. Fürst. Crngora. Wien, 1870.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и этнографическомъ отноше-
ніяхъ. Спб., 1875 г.

Задерацкій.—Боснія и Герцеговина. «Славянскій Ежегодникъ» за 1876 г. Кіевъ.

Evans.—Through Bosnia and the Herzegovina on foot during the Insurrection, August and September 1875. London, 1876.

Боснія и Герцеговина. Статистическо-географическій очеркъ («Слав. Еже-
годникъ» на 1876 г.).

Лебедевъ.—Боснія и Герцеговина («Дѣло», 1876 г., № 7).

Боснія («Слав. Ежегодникъ», 1877).

Helfert.—Bosnisches. Wien, 1879.

Hoernes.—Reiseskizzen aus Bosnien (Beilage der «Wiener Abendpost». 1880, № 14—16, 41—43, 82—84, 103—105, 133—136, 156—158).

Kohn-Abrest.—Un printemps en Bosnie. Paris, 1887.

Moser.—L'orient inédit à travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris, 1895.

Боснякъ.—Боснія въ 1893 г. («Слав. Обзоръ», 1894).

Colonna.—Contes de la Bosnie. Paris, 1897.

Meignen.—Huit jours en Bosnie. Paris, 1897.

Овсяннѣй.—Сербія и сербы. Спб., 1898 г. Приложение: «Боснія и Герцеговина».

Р-цы.—Вопросъ о Боснії и Герцеговинѣ въ литературѣ и въ дѣйствительности.
(Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. ч. 122, 1899 г., мартъ).

La Bosnie-Herzégovine à l'exposition internationale universelle de 1900 à Paris.
Wienne, 1900.

3. Что касается древностей Яйце, оккупации, историческихъ сказаній, боснійскихъ пѣсенъ и другихъ предметовъ, затронутыхъ въ этой главѣ, то въ отношеніи ихъ можно встрѣтить не мало матеріала въ приведенныхъ уже сочиненіяхъ общаго характера, особенно въ трудахъ Гильфердинга, S-t. Marie, Blau, Stefanović-Vilovsky, Asbóth, Hoernes, Renner, Capus, Die oest.-ung. Mon. in Wort u. Bild. Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія сочиненія и статьи.

Bancalari.—Katakomben von Iajce (Wiener «Deutsche Rundschau für Geographie u. Statistik», 1887, B. X).

Truhelka.—Geschichte und Denkwürdigkeiten v. Iajce. Sarajevo, 1888.

Truhelka.—Die Katakomben von Iajce. (W M a B u H, 1894, II).

Truhelka.—Archäologische Forschungen auf der Burg von Iajce und in ihrer nächsten Umgebung (W M a B u H, 1894, II).

Раѣки.—Ueber das alte Wappen Bosniens. (Arch. für slav. Philologie. 1880). Тамъ же статья по тому же предмету Яйча и Байничица.

Thallóczy.—Herzog Hervoja und sein Wappen (W M a B u H, 1894, II).

Ibrahim-Beg-Bašagić.—Das Todesurtheil des Stjepan Tomašević (W M a B u H, 1893, I).

Haardt.—Die Occupation Bosniens u. d. Herzegowina. Wien, 1878.

Ровинскій.—Наблюденія во время путешествія по Босніи въ 1879 г. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г., Мартъ).

Липранди (Вольнецъ).—Австрійская оккупация Босніи и Герцеговины. Спб., 1895 г.

Die Occupation Bosniens u. der Herzegovina durch k—k. Truppen. Nach authentischen Quellen dargestellt in der Abtheilung für Kriegsgeschichte des k.-k. Kriegs-archivs. Wien, 1879—80.

Noir.—Die Oesterreicher in Bosnien. Prag, 1884.

Hoernes.—Ueber eine historische Volkssage in Bosnien (Oesterr. Iharbuch, herausgegeben v. Helfert, VI, 1882).

Vrčević.—Serbische Volkerzählungen.

Mirković.—Bilder aus der bosnischen Krajina (W M a B u H, 1893, I).

Ivančević.—Ruinen u. Sagen in der Krajina (W M a B u H, 1893, I).

Ugljen.—Erzählungen aus Foča (W M a B u H, 1893, I).

Trbuhović.—Wie das Dorf Samobor entstanden ist (W M a B u H, 1893, I).

Stratimirović.—Bosnische Königsschlösser (W M a B u H, 1894, II).

Tavlj.—Serbische Volkslieder. Volkslieder der Serben. Metrisch übersetzt und historisch eingeleitet. Leipzig, 1853.

Hercegoваc.—Narodne pjesme bosanske i hercegoваčke. U Osieku, 1858.

Marjanović.—Hrvatske nar. pjesme, što se pjevaju u gornjaj hrvatskaj Krajini u turskaj Hrvatskaj. Zagreb, 1864.

Петранович.—Српске народне pjesme из Босне и Херцеговине. I Сарајево, 1867, II и III Биоград, 1867—1870.

Ристич.—Српске нар. pjesme из Босне. Биоград, 1873.

Tordinao.—Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke iz Bosne. Vukovar, 1883.

Давидович.—Српске народне pjesme из Босне. Панчево, 1884.

Миркович.—Српске народне pjesme из Босне. Панчево. 1886.

Мехмед-бег-Константинович-Любуша.—Народно благо по Босни, Херцеговини и сусједним Крајевима. Сарајево, 1888.

Ковчаević.—Denkmäler u. Ueberlieferungen im Bezirke Bihać. (W M a B u H, 1893, I).

Hoermann.—Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovine. Sarajovo, 1888.—1889.

Ястребовъ.—Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спб., 1889.

Караджич.—Српске народне pjesme. I—III. Биоград, 1891—95.

Сах.—Bosnische Musik (W M a B u H, 1894, II).

Гротъ.—Объ изученія славянства. Судьба славяновѣднія и желательная постановка его преподаванія въ университетъ и средней школѣ. Спб., 1901 г.

II.

Травникъ; новая мечеть; отношеніе правительства къ мусульманамъ. Іезуитская коллегія. Правительственная гостинница; туристы. Отношеніе правительства къ сербству. Дѣятельность хорватовъ. Вопросъ о мѣстныхъ языкахъ.

На востокъ отъ Яйце, верстахъ въ 60 по желѣзной дорогѣ, лежитъ г. Травникъ. Въ основу современной, очень живописно на склонѣ расположенной, крѣпости, легъ древній боснійскій замокъ, по преданіямъ, выстроенный королемъ Твирткою II; нынѣшнія стѣны и башни принадлежатъ лишь отчасти сѣдой старинѣ, такъ какъ турки увеличили и отстроили ихъ. Исслѣдователи боснійскихъ древностей (Хёрнесъ и др.) предполагаютъ, что въ средніе вѣка на мѣстѣ современнаго Травника совсѣмъ не существовало городского поселенія; городъ лежалъ поодаль отъ замка на р. Лапвѣ и несъ то же наименованіе. За предположеніе о сравнительной юности происхожденія Травника говоритъ какъ бы и сохранившаяся въ его имени память о бывшихъ здѣсь травянистыхъ лугахъ; документально городъ извѣстенъ во всякомъ случаѣ не ранѣе 1503 года. Травникъ былъ въ теченіе долгаго времени официальной столицей турецкой Босніи.

Покоривъ страну, турецкіе султаны на этомъ не остановились, а продолжали свои завоеванія далѣе на сѣверъ, въ Венгрію, которая вскорѣ и оказалась почти всецѣло въ ихъ рукахъ; поэтому первоначально устроенный въ Сараевѣ центръ управленія вновь приобрѣтенной территоріи былъ перенесенъ въ городъ Банялуку, близкій къ р. Савѣ, а слѣдовательно къ Венгріи. Потерявъ однако въ 1686 г. Буда-Пештъ, турки, въ силу этой неудачи, были отодвинуты къ югу и отнынѣ ихъ центромъ становится Травникъ, являющійся въ теченіе 150 слишкомъ лѣтъ резиденціею ихъ валіевъ ¹⁾, или визирей, какъ они назывались въ Босніи, сохранившихъ титулъ «венгерскихъ». Пребываніе визирей (валіевъ) именно въ Травникѣ

¹⁾ Въ теченіе первыхъ 120 лѣтъ послѣ паденія Босніи, турецкіе ея управители носили титулъ санджакбеевъ, потомъ — пашей.

вызывалось не только притязаніями османліевъ на Венгрію, но главнымъ образомъ фактическою невозможностью въ концѣ XVII, въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣковъ основать свою столицу въ Сараевѣ. Городъ этотъ, а равно условія жизни въ завоеванной Босніи, съ середины XV вѣка въ теченіе послѣдующихъ 100 лѣтъ радикально измѣнились. Изъ побѣжденной и угнетенной страны съ ограбленнымъ населеніемъ выросла какъ бы новая страна съ самостоятельною національною и могучею аристократіею во главѣ, исповѣдовавшею, правда, вѣру побѣдителей—мусульманъ, но гордо и не безъ презрѣнія даже относившеюся къ турецкимъ властямъ.

Надъ могилами умершихъ въ Травникѣ визирей воздвигнуты мавзолеи, нѣкогда роскошные, придающіе въ своемъ забытомъ видѣ своеобразный характеръ городу. Эти мавзолеи живо переносятъ зрителя въ глубь безвозвратно минувшихъ временъ. Новыя европейскія зданія, которыми особенно за послѣдніе годы обстраивается Травникъ, стоя въ перемѣшку съ «турецкими» сооруженіями, тѣсня и какъ бы придавливая ихъ, представляютъ наглядную картину европейской новизны, пришедшей смѣнить азіатскую старину.

Нѣтъ, кажется, разногласія среди многочисленныхъ изслѣдователей Босны-Герцеговины въ томъ, что наиболѣе культурноспособною частью населенія являются христіане, тогда какъ мусульмане, гордые и заносчивые, преисполненные сознаніемъ своего величія, но вялые и апатичные, не могутъ, не смотря на физическую крѣпость, считаться почвой, годной для прогресса въ свѣтѣ цивилизаціи. Боснійскій «турчинъ» едва ли жизнеспособенъ, особенно при теперешнихъ условіяхъ, когда Босна-Герцеговина введена въ общій европейскій культурный оборотъ, который ни въ чемъ не подходитъ къ мусульманскому укладу жизни. Эта жизнь, пышно расцвѣтшая въ Боснѣ-Герцеговинѣ, уже пала, новыя европейскія наслоенія начинаютъ повемногу заслонять остатки мусульманскихъ временъ; ихъ памятники нынѣ заброшены, частью полуразрушены.

Одна изъ достопримѣчательностей Травника, воздвигнутыхъ австро-венгерскимъ правительствомъ,—это мечеть со школою, изящное зданіе мусульманскаго стиля, съ наглядностью указывающее какъ бы на заботливость оккупационнаго правительства и о магометанской части населенія Босны-Герцеговины. Заботливость этого рода вызываетъ во многихъ крайнее неодобреніе. Но сторонники дѣятельности современныхъ властей (преимущественно

католики) находятъ, что они, отстраивая и реставрируя мусульманскія мечети и школьныя зданія, поступаютъ какъ подобаетъ мудрымъ и справедливымъ выразителямъ безпристрастнаго правительства: всѣ обыватели Босны-Герцеговины—говорятъ они—должны быть удовлетворены равномѣрно; нѣтъ нужды, что магометане когда то притѣсняли христіанъ, этого нынѣ болѣе не существуетъ, а мусульманамъ надо же для жизни удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ потребностей. Правительство—продолжаютъ его сторонники—не выказываетъ особенной и исключительной заботливости о мусульманскомъ населеніи, оно поддерживаетъ не въ меньшей степени и православныхъ, оно выстроило со времени оккупации 132 православныхъ храма, больше того: оно даже оказало помощь лютеранамъ въ постройкѣ ихъ кирки въ Сараевѣ; нужны ли лучшія доказательства религіознаго безпристрастія оккупационнаго правительства? Но тѣ лица, которыя склонны критиковать (лица равныхъ лагерей, но преимущественно въ данномъ случаѣ православныя) дѣйствія и распоряженія пришедшаго австро-венгерскаго элемента, смотрятъ на дѣло совсѣмъ иначе. Они возмущаются постройками, возводимыми для нуждъ мусульманъ: христіанское правительство, говорятъ они, должно оставаться христіанскимъ; не слѣдуетъ давить и преслѣдовать магометанъ, но зачѣмъ же какъ бы пропагандировать исламъ, враждебный всему христіанству, исламъ, загубившій такъ много христіанскаго люда, ту вѣру, которая именно здѣсь, въ Босніи, натворила столько зла и которая и по сіе время въ лицѣ ея исповѣдниковъ считаетъ себя господствующей и насыщена ненавистью и презрѣніемъ ко всему христіанскому. Иные держатся того мнѣнія, что хотя и не желательно поддерживать мусульманство, само по себѣ уже обреченное на гибель, по крайней мѣрѣ въ Боснѣ-Герцеговинѣ, но что самому правительству въ этомъ отношеніи не развязаны руки: если оно не будетъ ублажать мусульманъ, то эта часть населенія станетъ открыто враждебной, можетъ очень затруднить всю систему управленія и привести къ крайне нежелательнымъ осложненіямъ. Въсѣмъ съ тѣмъ, есть мнѣніе другихъ лицъ, которыя освѣщаютъ дѣйствія правительства въ отношеніи мусульманъ совершенно другимъ свѣтомъ. Постройка мечетей, говорятъ люди этого мнѣнія, совсѣмъ не проистекаетъ отъ «заигрыванія», какъ полагаютъ нѣкоторые, правительства съ мусульманскимъ элементомъ; кому неизвѣстно, что изъ Босны-Герцеговины ежегодно съ перваго дня оккупации идетъ выселеніе «турчинъ»; они не терпятъ

«швабовъ», они мечтаютъ лишь о султанѣ и Турціи поддержи-
ваетъ выселеніе магометанъ. Не огорчается этимъ и оккупацион-
ное правительство, заботясь лишь, чтобы выселеніе не было
шумнымъ, чтобы оно шло шито и крыто, дабы не всплывали
истинные мотивы этого явленія. Постройки мечетей—говорятъ тѣ
же лица—есть только обманъ; онъ послужитъ при случаѣ для
оправданія правительства, что не оно виновно въ недовольствѣ и
выселеніи «турчиновъ»—для нихъ дѣлалось все, что можно. Но
главное—продолжаютъ они—обманъ этотъ нуженъ, чтобы при-
крыть католическую пропаганду. Сколько мечетей ни строй,
исламъ не опасенъ и безвреденъ, но каждая перестройка или
реставрація мечети даетъ законный поводъ къ возведенію новой
католической церкви даже въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ католиковъ
почти совсѣмъ не имѣется. Пусть себѣ блещутъ мечети, въ тѣни
ихъ легко укрыться католическому патеру, который свое дѣло
твердо знаетъ и помнитъ; реставрированные мечети не мѣшаютъ
католической пропагандѣ, онѣ лишь укрываютъ ее отъ излишне
бдительнаго посторонняго глаза. Католическое населеніе имѣетъ
въ своей средѣ лицъ, уже награжденныхъ святѣйшимъ папою за
обращеніе мусульманокъ въ католичество; возмущенныхъ магоме-
танъ заставили замолчать, ублаживъ ихъ наиболѣе видныхъ пред-
ставителей новыми обѣщаніями. Ссылка на возведенные 132 пра-
вославныхъ храма—говорятъ тѣ же лица—смѣшна: что это за
храмы, это убогія часовни; взгляните на новыя католическія
церкви: каждая изъ нихъ стоитъ десяти православныхъ; статисти-
ческія данныя въ ихъ голомъ видѣ ничего не значатъ. Справед-
ливо поддерживая вѣроисповѣданія, надо соображаться съ коли-
чествомъ народонаселенія. Православныхъ около 45%, мусульманъ
же и католиковъ—лишь 37% и 20%. Между тѣмъ, что дѣлается
для первыхъ и что дѣлается для послѣднихъ двухъ? Средства
черпаются изъ общаго фонда, при чемъ болѣшая доля податей
падаетъ на православное населеніе. Правда, католическая церковь
въ Боснѣ-Герцеговинѣ существуетъ не исключительно на мѣст-
ныя средства, она получаетъ постоянную матеріальную поддержку
отъ римской пропаганды и отъ французскаго правительства. Про-
тивъ этого нельзя возражать—продолжаютъ тѣ же лица—но и
тутъ не соблюдается правительствомъ справедливости. Если като-
лической церкви разрѣшается притокъ средствъ со стороны, то
постороннія пожертвованія слѣдуетъ допустить и для православ-
ной церкви, а между тѣмъ они строго запрещены. Правитель-

ствомъ не только примѣняются всѣ позволенные и непозволенные средства, дабы не допустить притока денегъ на православныя церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ изъ Россіи, но и дѣлается все, чтобы уничтожить всякую связь православныхъ босно-герцеговинцевъ съ ихъ русскими братьями по вѣрѣ. На достройку Блажуйской церкви (недалеко отъ Сараева) поступило отъ св. Синода 3.000 р. Правительство не могло, разумѣется, отклонить это пожертвованіе, но заявило представителю Россіи, что православная церковь Босны-Герцеговины не нуждается въ посторонней поддержкѣ, такъ какъ мѣстный фондъ достаточно обезпечиваетъ ея интересы. Наряду съ этимъ запрещено было въ сербской (православной боснійской) печати упоминать о русской лептѣ, а священникъ церкви, Стево Трифковичъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Россіею, лишился своего прихода. Правительство забываетъ, что Босна-Герцеговина не часть Австро-Венгріи, а страна, доверенная ей временно для водворенія порядка. Подъ порядкомъ державы, подписавшія Берлинскій трактатъ, конечно, не подразумевали только внѣшнюю безопасность и порядокъ полицейскаго характера, но и порядокъ внутренній, основанный на довольствѣ всѣхъ слоевъ населенія и въ частности всѣхъ вѣроисповѣданій, особливо христіанскихъ. Между тѣмъ, порядка этого не существуетъ: довольны только католики. Магометане вынуждаются къ выселенію, близко время выселенія и православнаго люда, ибо стѣсненіе его религіозной совѣсти нестерпимо. Исторія постройки лютеранской церкви въ Сараевѣ извѣстна. Постройка ея ни что иное какъ наглый обманъ представителей Европейскихъ державъ, кромѣ развѣ Германіи, которой возведеніемъ лютеранской кирки дѣлается любезность. Лютеранъ въ Сараевѣ менѣе 300 ¹⁾; они собрались выстроить для себя капеллу, не имѣя на церковь достаточно средствъ, правительство же добровольно ассигнуетъ лютеранской колоніи десятки тысячъ гульденовъ на постройку церкви, безцеремонно заявляя, что оно слишкомъ озабочено красотою Сараева, чтобы допустить какую то капеллу. Такимъ образомъ мѣстныя средства, кровныя деньги босняка и герцеговинца, идутъ на непрощенное удовлетвореніе нуждъ горсти нѣмцевъ, пользующихся и безъ того достаточными льготами для своего обогащенія.

1) Всего же ихъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ—около 4.000 душъ.

Дальнѣйшими достопримѣчательностями Травника новѣйшаго происхожденія являются: іезуитская collegia и мѣстная правительственная гостинница.

Иезуитская collegia (гимназія съ семинарією для мальчиковъ), прекрасное, для мѣстныхъ условій, просторное и свѣтлое двух-этажное зданіе, со дворомъ, для игръ учениковъ, и садомъ, для хозяйственныхъ надобностей. Учебными пособіями collegia, равнымъ образомъ, оборудована хорошо; особенно выдѣляются физическій и естественно-историческій кабинеты. Іезуиты допущены въ Босну-Герцеговину лишь послѣ оккупациі ¹⁾. Эта возмутительная съ нашей точки зрѣнія мѣра оправдывается тѣмъ, что лица этого ордена допущены во всей Австріи. Открывая двери всякаго рода духовенству въ Босну-Герцеговину, имперское правительство не имѣло основанія дѣлать исключеніе для много заслуженнаго въ смыслѣ интересовъ католической церкви ордена. Іезуиты обратили свое главное вниманіе на образованіе юношества и въ частности, соотвѣтственно традиціямъ ордена, на образованіе среднее и высшее. Травникская collegia ихъ посѣщается нынѣ не только католиками, но и нѣкоторыми православными, а равно довольно многочисленными евреями. Водвореніе въ странѣ іезуитовъ и главнымъ образомъ устройство ими collegi ²⁾, какъ говорятъ, возбудило сильное неудовольствіе со стороны францисканцевъ, которые не переставали добиваться открытія своей гимназіи; домогательства ихъ увѣнчались успѣхомъ и постройка францисканской гимназіи (весьма обширнаго зданія) въ Високѣ близится къ концу.

Прогрессивное увеличеніе среднихъ школъ, находящихся формально въ католическихъ рукахъ, вызываетъ справедливыя жалобы православнаго населенія, которому правительство систематически отказываетъ въ открытіи своей гимназіи, предлагая отдавать ихъ дѣтей въ интерконфессіональныя правительственныя среднія учебныя заведенія. Вопросъ о школахъ одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Населеніе страны—это можно сказать съ увѣренностью—вполнѣ проникнуто важною народнаго образованія, но разныя части населенія смотрятъ на вопросъ объ организаціи его для своего юношества съ разныхъ точекъ зрѣнія, а это приводитъ къ ожесточенной борьбѣ.

¹⁾ Ранѣе, въ 1868 г., съ разрѣшенія султана, водворились въ Банялукѣ траписты.

²⁾ Кромѣ collegi въ Травникѣ іезуитами содержится богословское учебное заведеніе въ центральной семинаріи въ Сараевѣ.

Мы остановимся на ней въ другомъ мѣстѣ, наряду съ вопросомъ о религиозной борьбѣ въ Боснѣ и Герцеговинѣ.

Что касается правительственной гостинницы, то она устроена безъ роскоши, но комфортабельно и хорошо. Она составляетъ какъ бы культурный уголокъ среди полутурецкаго Травника. Гостинница рассчитана на значительное число постояльцевъ; она болѣе или менѣе всегда занята, частью офицерами и чиновниками, частью туристами изъ Австро-Венгріи или другими иностранцами. Правительство за послѣдніе годы очень заинтересовано приливомъ путешественниковъ въ Босну-Герцеговину. Первое время послѣ оккупации на прѣѣзжихъ смотрѣли съ крайнимъ подозрѣніемъ, опасались постороннихъ вліяній на мѣстное населеніе, опасались и критическаго отношенія къ дѣйствіямъ правительства. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Правительство считаетъ оккупационную провинцію хорошо оборудованной и туристъ поэтому представляется очень желательнымъ: онъ оставляетъ деньги въ странѣ, а главное онъ можетъ и рассказать и, при случаѣ, написать о томъ, что сдѣлано мѣстными властями на полѣ цивилизаціи Босны-Герцеговины. Нынѣ съ туриста уже не требуютъ при вѣздѣ въ страну паспорта и онъ можетъ свободно слѣдовать и черезъ Загребъ на Баялуку, и изъ Брода на Сараево, и съ Адриатическаго моря на Метковичи и Мостаръ. Но все же туристъ не остается совсѣмъ безъ надзора со стороны правительственныхъ органовъ. Надзору этому придаютъ обыкновенно попечительный характеръ. Такъ путеводитель официальнаго изданія предъупреждаетъ туристу извѣстные, строго опредѣленные пути и экскурсіи; кромѣ того, въ болѣе крупныхъ центрахъ при правительственныхъ гостинницахъ имѣются проводники, которые направляютъ туриста туда, куда, по мнѣнію властей, слѣдуетъ. Даже извозчики, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, снабжены извѣстными инструкціями. Туристу рекомендуется показная сторона Босны-Герцеговины. А она, надо отдать справедливость властямъ, обставлена прекрасно. Все, что ново, будь то школа или иное зданіе, опытная станція или другія учрежденія—поставлено, не безъ явной рекламы, на самое видное мѣсто, часто непосредственно противъ вокзала желѣзной дороги, гдѣ таковая имѣется. Такого рода постановка дѣла сама по себѣ уже заставляетъ предполагать существованіе крупныхъ недочетовъ, тщательно скрываемыхъ властями. Это вполне понятно. Австро-Венгрія, получивъ временно отъ Европы Босну-Герцеговину для водворенія въ ней

порядка, хотя и не связана никакимъ формальнымъ контролемъ, вовсе не предусмотрѣннымъ Берлинскимъ трактатомъ, тѣмъ не менѣе фактически отвѣтственна за свои дѣйствія. Конечно, по существу Австро-Венгрія никогда не была заинтересована въ порядкѣ Босны-Герцеговины и не съ цѣлью достиженія его именно добивалась она оккупациі. Поэтому естественно, что Австро-Венгрія всѣми силами озабочена доказать передъ Европою, что оккупационная провинція подъ ея управленіемъ процвѣтаетъ и благоденствуетъ и что она сдѣлала могучіе шаги по пути европейской культуры. Наступитъ же рано или поздно часъ, когда Европа поставитъ вопросъ: «что сдѣлала Австро-Венгрія въ предоставленной ей странѣ, оправдала ли она возложенное на нее довѣріе. И Австро-Венгрія укажетъ тогда на то, что ею сдѣлано, на важность своей цивилизаторской роли; она укажетъ на проведенныя ею шоссе, на желѣзныя дороги, на заведенныя ею фабрики, на отстройку городовъ, на школьныя зданія, на опытныя станціи, конюшни, заводы и т. п. Все это тутъ, подъ рукою, на главныхъ пунктахъ; все это блещетъ чистотой, порядкомъ и благоустройствомъ. Оправдавшись такимъ образомъ передъ Европой, Австро-Венгрія возвыситъ свой голосъ и, въ свою очередь, предложитъ вопросъ Европѣ—не въ правѣ ли Австро-Венгрія, сдѣлавъ такъ много для Босны-Герцеговины, включить ее въ составъ своей имперіи. Какъ на это отвѣтитъ Европа и будетъ ли этотъ отвѣтъ единодушнымъ—покажетъ будущее.

Во всемъ вопросѣ оккупациі Босны-Герцеговины много неопредѣленности и фальши. Трудно себѣ представить болѣе несправедливости, чѣмъ та, которую выказалъ Берлинскій конгрессъ въ отношеніи сербскаго народа и въ частности Босны-Герцеговины, мужественно поднявшей знамя возстанія, геройски сражавшейся, не смотря на слабость средствъ, въ теченіе столь долгаго времени. Но стародавній расколъ въ самомъ населеніи страны, расколъ между высшимъ и низшимъ классами, господство перваго и угнетеніе втораго, наряду съ разностью въ вѣроисповѣданіи—помогли врагамъ сербскаго народа. Указывалось, что христіане притѣсняются не турками, а сербами же, исповѣдующими исламъ, что несправедливое распредѣленіе правъ на землю имѣетъ опору въ мѣстныхъ традиціяхъ, что наконецъ само христіанское населеніе разбито на двѣ части: православную и католическую, что при всѣхъ этихъ условіяхъ спокойствіе въ странѣ не можетъ быть иначе водворено, какъ «безпристрастной» европейской дер-

жавой. Такой державой очевидно могла быть только Австро-Венгрия, какъ ближайшая сосѣдка. Босна-Герцеговина была однако предоставлена этой державѣ не всецѣло. Часть Герцеговины (съ чисто православнымъ населеніемъ) отошла по трактату къ Черногоріи. вмѣстѣ съ тѣмъ, полоса (съ православнымъ населеніемъ) коренной сербской земли, лежащей между королевствомъ Сербскимъ и Черногоріей и отчасти входившей нѣкогда въ составъ Герцеговины, осталась въ турецкихъ рукахъ, образовавъ часть Косовскаго вилаята Оттоманской имперіи. Лишь осталшая часть Герцеговины со всею Босніею была предоставлена оккупациі Австро-Венгріи.

Такимъ образомъ, Берлинскимъ трактатомъ какъ бы довершено крайнее раздробленіе сербской православной народности, лишающее ее силы. Послѣ названнаго трактата территория, занимаемая сербскимъ народомъ, оказалась раздробленной на шесть кусковъ. Во первыхъ маленькое королевство Сербское, съ династіей Обреновичей во главѣ. Во вторыхъ—крохотная Черногорія, управляемая династіей Нѣгошей. Ни то, ни другое государство не представляетъ бесспорнаго центра притяженія для сербскаго народа; почему населеніе третьей части сербской территоріи—Косовскаго вилаята тяготеетъ частью къ первому, частью ко второму государству. Четвертая часть сербской земли Далмація съ полукатолическимъ полуправославнымъ населеніемъ, входящая въ предѣлы собственно Австріи, имѣетъ свои традиции, сложившіяся исторически и выдвигающія особые мѣстные интересы. Далѣе—венгерская Сербія, находящаяся въ предѣлахъ собственно Венгріи и отторгнутая отъ своего естественнаго центра, поглощена церковными спорами и несогласіями. Затѣмъ Боснія-Герцеговина, которая предоставлена, хотя и временно, нераздѣльно Австріи и Венгріи. Если при этомъ вспомнить, что и въ части Македоніи живутъ сербы, борящіеся и тамъ за свою народность, то картина трагическаго положенія сербскаго народа станетъ вполне ясна. Такимъ образомъ сербская народность не только раздроблена, но каждой ея части въ отдѣльности приданъ свой особый оттѣнокъ, крайне затрудняющій, почти парализующій стремленія объединиться во имя общей національной идеи. Нѣкоторые находятъ, что изъ этого выигрываетъ современная Австро-Венгрія. Между тѣмъ, предположеніе это очень спорно. Когда подымался вопросъ объ оккупациі Босны-Герцеговины, то мнѣнія въ Австро-Венгріи раздѣлились: нѣмецкая партія высказалась рѣшительно противъ оккупациі, опасаясь увеличенія въ импе-

рии славянского элемента. Славянская партия, напротив того, стояла за оккупацию провинции, рассчитывая на подкрепление своих силъ. Тогдашній руководитель Австро-Венгерской политики графъ Андраши, венгерецъ, высказался за мнѣніе славянъ и оккупация состоялась. Голосъ Венгрии играетъ въ данномъ случаѣ не маловажную роль, потому что Босна-Герцеговина прилегаетъ именно къ ней, а совсѣмъ не къ Австріи (не считая Далмаціи). Въ частности, такъ какъ Венгрія граничитъ съ Босніей посредствомъ Хорватіи, прилегающей къ ней всей своей южной и юго-восточной границей, то наиболѣе заинтересованы въ присоединеніи Босны-Герцеговины къ имперіи хорваты. Разностью интересовъ отдѣльных частей Австро-Венгрии и объясняется разность взглядовъ господствовавшихъ тамъ по вопросу объ оккупации, вопросу, казалось бы, очень простому. Поэтому и нынѣ въ Австро-Венгрии выражаются разные взгляды на Босну-Герцеговину. Нѣкоторые пылкія нѣмецкія головы думаютъ, что пріобрѣтеніемъ новой провинции открывается новое поле для германизации. Мнѣніе очень шаткое и пока ни на чемъ неоснованное. Венгры, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, надѣются со временемъ мадьяризировать Хорватію, а за нею и Босну-Герцеговину или въ крайнемъ случаѣ пріобрѣсти ее для себя, тогда какъ нынѣ Босна-Герцеговина оккупирована, какъ сказано, Австріею и Венгріею совмѣстно. Большая часть славянъ недоумѣваетъ; у нихъ слишкомъ много своей политической работы у себя дома, они слишкомъ заняты борьбою у себя, чтобы преслѣдовать *особыя* цѣли въ Боснѣ-Герцеговинѣ, интересы же тамъ современной Австро-Венгрии, цѣлокупно взятые, сомнительны и не доказаны. Лишь одна славянская народность имперіи не сомнѣвается въ своихъ задачахъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Это—хорваты. Не сомнѣваются они потому, что задачи ихъ просты и ясны. Они желаютъ превратить босно-герцеговинцевъ въ хорватовъ, а для этого надо лишь одно: превратить православное населеніе въ католическое, остальное же сдѣлается само собою. И хорваты въ этомъ правы. Что разъединяетъ нынѣ ихъ и сербовъ-босняковъ? Въ сущности лишь то, что часть ихъ, хотя и наибольшая, исповѣдуетъ православную вѣру, такъ какъ босняки-простолюдины, а они составляютъ громадное большинство, дѣлятъ себя не по національности, а по вѣроисповѣданію. Католикъ не называетъ себя хорватомъ. Онъ просто «католикъ». Ему, незнакомому съ понятіемъ о національности, принять ту или другую легко, легче всего конечно хорватскую, сосѣднюю, говорящую на одномъ съ

нимъ языкѣ и исповѣдующую одну съ нимъ вѣру. Хорватамъ это конечно хорошо извѣстно и такъ какъ правительственные интерконфессіональныя школы низшаго и средне-образовательнаго типа въ Боснѣ-Герцеговинѣ фактически въ ихъ рукахъ по причинѣ опять таки ихъ ближайшаго сосѣдства, общности языка и воодушевляющей ихъ политической идеи, то школа и служить главнымъ и сильнѣйшимъ орудіемъ для превращенія босно-герцеговинцевъ католическаго вѣроисповѣданія въ хорватовъ. Принадлежность ихъ къ этой народности прямо внушается учителями, мысль эта проводится и въ учебникахъ, особенно въ учебникахъ грамматики и вообще языка: и то и другое—«хорватское», географія же и исторія хорватскія, въ извѣстномъ направленіи изложенныя, довершаютъ свое дѣло. Подъемъ національнаго духа среди хорватской молодежи уже теперь великъ. Передаютъ анекдотъ: хорвата-школьника спрашиваютъ какое его отечество, «Хорватія»—отвѣчаетъ школьникъ; «ну да, а отечество—я спрашиваю—въ широкомъ его смыслѣ,» «Велико-Хорватія» говоритъ школьникъ вмѣсто ожидавшагося отвѣта: «Австро-Венгрія». Этотъ духъ о «Великой Хорватіи» переселяется хорватами въ Боснію и Герцеговину, особенно въ первую, гдѣ католичество прочнѣе, чѣмъ въ Герцеговинѣ. Пока еще преждевременно говорить, насколько помянутая политическая проповѣдь хорватовъ пускаетъ корни въ Босніи всесторонне. Констатировать однако можно, что проповѣдь эта среди простонародія распространяется туго. Что же касается воспитывающейся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи, то въ ея средѣ можно встрѣтить лицъ, именующихъ себя въ разговорѣ съ сербомъ сосѣднихъ странъ «босняками» и показывающихъ не безъ ударенія, что они не «братья» сербамъ, а принадлежать къ народности особаго рода. Но такъ какъ народности боснійской существовать конечно никогда не можетъ, по причинѣ отсутствія для того подлежащихъ факторовъ въ странѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что подобные «босняки» составляютъ прекрасный матеріалъ для охорватенія въ неотдаленномъ будущемъ. Впрочемъ, на территоріи Австро-Венгріи (а къ таковой въ данномъ случаѣ надо отнести и Босну-Герцеговину) происходятъ такія національныя эволюціи, что предрекать на основаніи наблюдающихся нынѣ фактовъ будущее можно, пожалуй, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Выше сказано, что выгода Австро-Венгріи, совокупно взятой, въ оккупации и присоединеніи Босны-Герцеговины сомнительна.

*

Дѣйствительно, пріобрѣтая эту страну, имперія лишь увеличиваетъ территорію для политическихъ споровъ и несогласій, которыхъ и безъ того въ этомъ государствѣ болѣе чѣмъ достаточно. Чтобы идти по пути территоріальнаго увеличенія Австро-Венгрія должна первымъ дѣломъ перемѣнить весь свой внутренній политическій строй. Пока же Австрія остается полугерманской державой съ руководящимъ нѣмецкимъ элементомъ во главѣ—движеніе ея по Балканскому полуострову едва ли можетъ содѣйствовать прочности имперіи. Это сознается и въ самой Австріи, чѣмъ и объясняется та нерѣшительность, съ которою она поступала въ вопросѣ о Боснѣ-Герцеговинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Австро-Венгрія вмѣсто того, чтобы съ ревностью слѣдить за нашими дѣйствіями на ближнемъ Востокѣ, объявила въ 1877 году одновременно съ нами войну Турціи, то не владѣла ли бы она на полномъ правѣ собственности не только Босніею и Герцеговиною, но, быть можетъ, и большею территоріею на Балканахъ. Австрія не пожелала активно дѣйствовать рука объ руку съ нами, а потому ей пришлось удовлетвориться сколькимъ правомъ временной оккупациі. Эта оккупация, въ томъ видѣ, какъ она производится, въ свою очередь, строго говоря, не предрѣшаетъ нисколько правъ Австро-Венгріи на завладѣніе Босніею и Герцеговиною. Дѣло въ томъ, что оккупационная провинція содержитъ себя исключительно на мѣстныхъ, земскія, какъ можно выразиться, средства. Если бы Австро-Венгрія несла извѣстную долю расходовъ по управленію и культурному развитію Босны-Герцеговины, она несомнѣнно пріобрѣтала бы на эту провинцію извѣстныя права, которыя вырастали бы по мѣрѣ увеличенія произведенныхъ издержекъ. Но Австро-Венгрія, держа на свой счетъ лишь имперскій войсковой корпусъ, вовсе для самой Босны-Герцеговины ненужный, не пріобрѣтаетъ оккупациею никакихъ правъ въ будущемъ ни на Боснію, ни на Герцеговину. Хорваты и венгры, ссылаясь на временное единеніе (впрочемъ въ сѣдую старину) Хорватіи и Венгріи съ Босніею, основываютъ свои притязанія на нее на историческомъ правѣ. Но изъ этого «права» трудно при современныхъ этническихъ взглядахъ сдѣлать какіе либо практическіе выводы.

Правительство Австро-Венгріи зарекомендовало себя заядлымъ врагомъ всего сербства или, на что сводится вся суть дѣла, православія. Православное сербство преслѣдуется въ Далмаціи, въ венгерской Сербіи; ему враждебна Австро-Венгрія въ Черногоріи и королевствѣ Сербскомъ; оно преслѣдуется ею и въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Такая политика осложняетъ и затрудняетъ культурную

работу Австро-Венгрии, заставляя ее тратить едва ли не большую часть своих сил непроизводительно. Непроизводительно потому во первых, что решительная победа католичества над православием едва ли когда-либо возможна, а равно и оттого, что с православием по сю и по ту сторону Савы связана сербская народность, имѣющая свою историю, свои традиции, сломить которых невозможно. Въ этой борьбѣ Австро-Венгрия, всецѣло ваятая, теряет силы. Она приобретаетъ этой борьбой непримиримыхъ враговъ какъ внутри государства, такъ и за рубежомъ, а равно и въ самой Боснѣ-Герцеговинѣ. Не всѣ сербы, особенно взирая на политическія событія въ королевствѣ Сербскомъ, мечтаютъ о самостоятельномъ и независимомъ государствѣ. Есть сербы, и среди нихъ нерѣдки видные руководители, которые теоретически ничего не имѣютъ противъ принадлежности своей къ Австро-Венгрии. Къ лицамъ такого взгляда принадлежатъ не только сербы имперіи, но и сербы зарубежные; они совершенно справедливо указываютъ, что жизнь серба въ Австро-Венгрии при современныхъ ея условіяхъ невыносима. Принадлежать къ какому либо государству и быть его полноправнымъ членомъ—одно, представлять же матеріалъ для денационализациі, для католической пропаганды, нѣчто совершенно другое. Начало XX вѣка застаётъ Австро-Венгрію въ переходномъ положеніи. Нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что положеніе, нынѣ существующее, продлиться долго не можетъ. И если Австро-Венгрия желаетъ существовать какъ государственный организмъ, то ей необходимо отказаться отъ руководящихъ ею нынѣ идей: отъ германизациі и мадьяризациі славянъ и отъ окатоличенія православнаго элемента. Тогда многіе затруднительные вопросы сами собой исчезнутъ, тогда и Австро-Венгрия можетъ стать въ болѣе нормальныя отношенія и къ Боснѣ-Герцеговинѣ. Между тѣмъ нынѣ Австро-Венгрия не желаетъ терпѣть сербской народности въ оккупационной провинціи. Въ сербской, т. е. православно-боснійской печати строгойше воспрещено именовать босняковъ сербами, слово «сербъ», если оно не касается серба королевства, по возможности вычеркивается цензурою изъ словаря босно-герцеговинцевъ. Въ Босніи нѣтъ сербовъ, говоритъ правительство, въ Босніи—босняки. Это мнѣніе стараются доказать научно: ссылаются на историю Босніи, ссылаются на этнографію, археологію и—да не взыщетъ наука—на антропологію. Стараюсь подкрѣпить свои доводы научными соображеніями, власти конечно теряютъ подъ собою именно научную почву, ибо наука-то и дока-

зываетъ, что чистыхъ расъ не существуетъ и что политическая народность опредѣляется языкомъ и національнымъ самосознаніемъ. Въ Босніи, по увѣренію правительственныхъ властей, не говорятъ по-сербски, а по-боснійски, и иностранецъ очень огорчитъ мѣстную власть, если скажетъ, что онъ объясняется съ боснякомъ по-сербски; «по-боснійски» поправятъ иностранца. Хорваты, наиболѣе ревностные въ этомъ отношеніи, доходятъ до своего рода цинизма: они утверждаютъ, что «боснійскій» языкъ одинъ и тотъ же, что хорватскій и «бливокъ» къ сербскому. Такого рода филологія можетъ у знающаго дѣла человѣка лишь вызвать улыбку.

Ища опоры для политическихъ цѣлей въ научныхъ заключеніяхъ, нѣкоторые австрійскіе изслѣдователи пытаются доказать, что три вѣроисповѣданія, по которымъ себя дѣлитъ народонаселеніе Босны-Герцеговины, положили столь глубокую рознь между католиками, православными и магометанами, что эти группы невозможно отождествлять съ понятіемъ о единомъ народѣ. Въ этомъ есть несомнѣнное преувеличеніе, ибо хотя и нѣтъ народа, на которомъ не отзывалось бы конфессіональное вліяніе, но само по себѣ вѣроисповѣданіе не въ состояніи въ подобной странѣ, какъ Босна-Герцеговина, создать какую то новую народность. Такія преувеличенія замѣчаются и въ сужденіяхъ объ языкѣ: нѣкоторые утверждаютъ именно будто босно-герцеговинцы разныхъ вѣроисповѣданій говорятъ въ сущности на разныхъ языкахъ; указываютъ на изобиліе турецкихъ словъ въ языкѣ мусульманъ и на различіе въ рѣчи католиковъ и православныхъ.

Правда, мусульмане, въ особенности горожане, не прочь пощеголять турецкими словами и восточными пословицами, но во первыхъ не надо забывать, что магометанскій элементъ, составившійся изъ потомковъ древней мѣстной аристократіи, отличается отъ элементовъ католическаго и православнаго не только по вѣрѣ, но и по сословному происхожденію, а во вторыхъ турецкія слова встрѣчаются вообще въ языкѣ сербскомъ, такъ же какъ и въ болгарскомъ, при этомъ на боснійской почвѣ многія турецкія слова націонализированы и сохранились не болѣе, какъ туркизмы ¹⁾, которыхъ въ языкѣ босняковъ едва ли не меньше, чѣмъ въ русскомъ языкѣ словъ татарскаго происхожденія. Различіе, замѣчаемое между католическою и православною частями населенія въ

¹⁾ Туркизмы турецкаго, арабскаго и персидскаго происхожденія насчитываютъ въ рѣчи современныхъ босно-герцеговинцевъ до 1000.

отношеніи внѣшнихъ этнографическихъ фактовъ, сводится преимущественно на вліяніе мѣстныхъ условій, а не конфессіональныхъ. Понятно, что герцеговинецъ, живущій на границѣ Черногоріи, не можетъ во всемъ совпадать съ боснякомъ, живущимъ на границѣ Венгріи, кромѣ того въ Боснѣ-Герцеговинѣ, какъ въ странѣ преимущественно горной, сохраняются мѣстныя особенности, имѣющія подчасъ глубокія причины, болѣе прочно, чѣмъ среди жителей плоскости.

Въ поискахъ за особенностями босно-герцеговинцевъ по вѣроисповѣданіямъ нѣкоторые авторы силились доказать, будто съ теченіемъ времени у лицъ разныхъ конфессій выработался свой «національный» шрифтъ; православные, говорятъ такіе изслѣдователи, писали кириллицей, католики—глаголицей, а мусульмане турецкимъ шрифтомъ. Это совершеннѣйшее заблужденіе. Кириллица есть единственный алфавитъ, который получилъ право гражданства въ Боснѣ-Герцеговинѣ съ стародавнихъ временъ. Глаголицу въ свое время старались внѣдрить въ страну римскіе папы, но этотъ шрифтъ успѣха не имѣлъ и памятники, писанные этимъ алфавитомъ, крайне малочисленны. Утверждать же будто католики пользовались глаголицей, какъ своимъ «національнымъ» алфавитомъ, значитъ дѣлать по крайней мѣрѣ грубѣйшую ошибку, такъ какъ даже францисканскіе монастыри пользовались до недавняго времени кирилловскою азбукою, съ которой перешли на латинскую. Что касается мусульманъ, то какъ это ни покажется, быть можетъ, удивительнымъ—и они писали тою же кириллицей. Это фактъ, стоящій, послѣ новѣйшихъ въ этомъ отношеніи изслѣдованій, внѣ всякаго сомнѣнія. Если же тотъ или иной грамотѣй, желая изобразить изъ себя добраго мусульманскаго ученаго, пользовался турецкимъ шрифтомъ, то явленія эти исключительны и памятники подобнаго рода рѣдки. При такихъ условіяхъ становится совершенно непонятнымъ распоряженія нѣкоторыхъ мѣстныхъ администраторовъ, приказывающихъ ставить на дорогѣ надписи общаго значенія, напр. предупрежденіе о могущемъ прослѣдовать поперекъ дороги поѣздѣ и т. п. на «трехъ мѣстныхъ языкахъ», то есть на томъ же сербскомъ, но написанномъ латиницей—для католиковъ, кириллицей—для православныхъ и турецкимъ шрифтомъ—для мусульманъ ¹⁾. Если надпись

¹⁾ Иногда прибавляется надпись на нѣмецкомъ языкѣ, но для кого собственно—неизвѣстно, ибо число нѣмцевъ, живущихъ въ странѣ, самое незначительное и они всѣ понимаютъ сербскій языкъ.

латинскими буквами и имѣть опредѣленное значеніе, о которомъ было говорено уже выше, то надпись турецкимъ шрифтомъ никакого смысла не имѣетъ, такъ какъ она для мѣстныхъ жителей совершенно непонятна. Если же администраторы думаютъ выказать подобнымъ распоряженіемъ «безпристрастное» отношеніе ко всему народонаселенію, то ихъ слѣдуетъ упрекнуть въ незнаніи дѣйствительныхъ мѣстныхъ условій.

Л и т е р а т у р а.

Политическая литература, касающаяся Босніи и Герцеговины, очень велика. Сербская періодическая печать не оставляетъ за послѣдніа десятилѣтія безъ вниманія мѣропріятія австро-венгерскаго правительства. Оккупационная провинція привлекаетъ взоры всѣхъ политическихъ дѣятелей Австро-Венгріи. Представители другихъ европейскихъ государствъ, съ своей стороны, посѣщаютъ Боснію и занимаются ея политическимъ и культурно-историческимъ положеніемъ. Результатомъ этого интереса являются многочисленные сочиненія, брошюры и статьи. Изъ періодическихъ изданій, посвящающихъ наибольшее вниманіе Боснѣ-Герцеговинѣ, слѣдуетъ указать на: «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Глас не ослободженог сръпства» (Бѣлградъ), «Славянскій Вѣкъ» (Вѣна), «Застава» (Новый Садъ), «Србобран» (Загребъ), «Agramer Tageblatt» (Загребъ), «Djelo» (Бѣлградъ), «Босанско-Херцеговачки Гласникъ» (Бѣлградъ, изданіе прекращено). Кромѣ того для иллюстраціи мѣстной жизни важное значеніе имѣютъ: «Сръпски Вѣстникъ», выходящій еженедѣльно въ Мостарѣ и слѣдующія періодическія изданія, выходящія въ Сараевѣ: «Босанско-Херцеговачки источникъ», органъ православной митрополіи (ежемесячно), «Glasnik jugoslavenkih Franjevaca», органъ францисканцевъ (ежемесячно), «Vrhbosna», органы католическаго архіепископства (два раза въ мѣсяцъ), «Bašnjak», органы магометанъ (еженедѣльно), «Bosanska Pošta» (три раза въ недѣлю), «Bosnische Post» (ежедневно) и «Školski Vjesnikъ», официальное изданіе (четыре раза въ годъ). Сверхъ сего представляется правильнымъ отмѣтить здѣсь слѣдующіе труды.

Лапаноскій.—Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи. Спб. 1864.

Г.—Вопросъ о національностяхъ въ Австріи и политика Бейста. (Отеч. Записки 1871 г., № 6).

Reinach.—Etudes sur les peuples slaves et l'Europe oriental. IX. Serbie et Montenegro. 1875.

Будиловичъ.—О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ. (Слав. Сборникъ, 1875 г.).

Veselički-Božidarović.—Bosnisch-Herzegovinishe Frage. Wien, 1878.

Th.—Oesterreich u. d. südslavische Bewegung. Berlin u. Leipzig, 1876.

Die Occupation Bosniens und deren Folgen (als Manuscript gedruckt). Wien, 1878.

Н. З.—Взглядъ мадьярскаго этнографа на славянъ. (Слав. Ежегодн., 1878).

Marbeau.—La Bosnie depuis l'occupation austro-hongroise. Paris, 1880.

Turcizmi u Bosni. Sarajevo, 1881.

«Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» (1868—1883 г.г.). Спб. 1883.

Beer.—Die orient. Politic Oesterreichs seit 1774. Prag, 1883.

V—te de Caix.—Les paus sud—slaves de l'Austro-Hongrie. Paris, 1883.

Laveleye.—En deçà et au delà du Danube (Revue des deux Mondes, 1885 г. VI VIII и IX).

Bosniens Gegenwart und nächste Zukunft, Leipzig, 1886.

Bosnien unter österreichisch-ungarischer Verwaltung. Leipzig, 1886. (Эта брошюра служитъ возраженіемъ предыдущей).

Лавеле.—Балканскій полуостровъ. М. 1889.

Первоульфъ.—Славяне и ихъ взаимныя отношенія. Варшава. 1886—1890.

«Послѣднія 10 лѣтъ перваго двадцатипятилѣтія существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» (1883—1893). Спб., 1893 г.

Весничъ.—Државно-правни положај Босне и Херцеговине. Београд. 1893.

Флоринскій.—Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX ст. Кіевъ, 1895 г.

Mehmed beg Kapetanović-Ljubusak.—Istočno blago. Sarajevo, 1896.

Auerbach.—Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie. Paris, 1898.

Бовачевичъ.—О «поноснај Босни» и «кршnoj Херцеговини». Београд., 1898.

Loiseau.—Le Balkan Slave et la crise autrichienne. Paris, 1898.

Bosnische Streiflichter. Eine patriotische Warnung. Zürich, 1898.

Кн. Голицынъ (Муравлинъ).—У сина моря. (Путевые очерки Черногорія и Далматинскаго побережья). Спб., 1898.

Brat bratu.—Srbin Hrvat u pomoć bog i pozdrav. Spljet, 1899.

Langhans.—Karten der Verbreitung der Deutschen u. d. Slaven in Oesterreich. Mit statistischen Begleitworten. Gotha. 1899. Къ картѣ относятся статья того же автора въ Petermanus Mittheil. 1899. H, 4.

Spalaikovich.—La Bosnie et l'Herzégovine. Paris, 1899.

Рогановичъ.—Боснійско-хумскій вопросъ въ связи съ національно-государственнымъ состояніемъ сербскаго народа наканунѣ XX столѣтія. Казань, 1900.

Baulat.—Die Sprachenfrage im Königreiche Dalmatien. Wien, 1900.

Ein Ungarn.—Die Lage der Mohammedaner in Bosnien. Wien, 1900.

Knell.—La Bosnie et l'Herzégovine. Etude d'histoire politique et économique. Paris, 1900.

III.

Високо. Киселякъ и его минеральные источники. Фойницкій монастырь. Францисканцы. Вопросъ о кириллицѣ и босанчицѣ.

Верстахъ въ 60 на юго-востокъ отъ Травника и 30 на сѣверо-западъ отъ Сараева лежитъ Високо, мѣстечко въ 3.900 душъ, преимущественно мусульманскаго вѣроисповѣданія (2.800 душъ). Мѣстечко это, расположенное внѣ намѣченнаго туристами пути и горделиво носящее наименованіе города—грязненькое поселеніе, сохранившее еще вполнѣ свой старый, «турецкій» характеръ. Тѣснота улицъ, небольшой базаръ, деревянные дома, съ высокими и крутыми, почернѣвшими отъ времени крышами, придаютъ городку своеобразный боснійско-восточный видъ.

Когда то—объ этомъ сохранилось до сихъ поръ преданіе—городъ игралъ довольно важную торговую роль. Теперь значеніе его не велико; но было ли оно когда либо больше, очень сомнительно. Паденіе городовъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ замѣчается повсемѣстно. Причины этому лежатъ глубоко и не легко разобратъ въ нихъ, тѣмъ болѣе, что упадокъ городской жизни совершился совсѣмъ не въ послѣднее время, а происходилъ постепенно въ теченіе столѣтій. Главная и общая причина упадка нѣкогда болѣе значительныхъ городовъ заключалась въ измѣненіи общаго положенія Турецкой имперіи, сокращеніи ея торговли, благосостоянія, въ эмансипаціи отдѣльных ея частей, въ измѣненіи всего строя политической и экономической жизни Балканскаго полуострова. За послѣднее время, съ наплывомъ европейскаго элемента, городская жизнь въ Босніи снова развивается, но уже на новыхъ началахъ, при чемъ руководящая роль и главное значеніе принадлежатъ не коренному, а пришлому австро-венгерскому элементу. Впрочемъ, городская жизнь въ Боснѣ-Герцеговинѣ вообще все еще мало развита, въ зависимости отъ низкаго культурнаго уровня всей страны. Населеніе даже Сараева не достигаетъ 40.000 жителей, въ Бая-

лукѣ и Мостарѣ лишь по 14.000, въ Дольней Тузлѣ—11.000, всѣ же остальные города имѣютъ менѣе 10.000 жителей ¹⁾.

Едва ли въ ближайшемъ и даже въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ цифры эти были значительно выше; но дѣло въ томъ, что для прошедшаго времени даже тѣ же цифры населенности способны были выдвигать города въ ихъ торговомъ и промышленномъ значеніи.

Городъ Високо удачно расположенъ для экскурсій въ разныхъ направленіяхъ. Одно изъ наиболѣе интересныхъ мѣстечекъ, которое удобно посѣтить изъ Високо—это Фойница, лежащая отъ него верстахъ въ 30. Живописная шоссеиная дорога идетъ вдоль славящейся форелями и раками рѣки Фойницы. Путь разнообразенъ и красивъ. Рѣка прекраснаго голубого цвѣта течетъ среди высокихъ горъ, поросшихъ букомъ, дубомъ и грабомъ.

На подорогѣ отъ Високо къ Фойницѣ лежитъ Киселякъ, незначительное (250 жителей), но живописно расположенное, мѣстечко. Вниманія заслуживаетъ минеральный источникъ. Сюда съѣзжаются для купанья и для питья водъ. Мѣстечко, плохо устроенное и совсѣмъ не приспособленное къ приему болѣе избалованныхъ гостей, привлекаетъ постороннихъ въ ограниченномъ числѣ. Источникъ Киселяка относится къ разряду водъ, называемыхъ «Sauegrupp», съ незначительной примѣсью желѣза. Онъ уже давно пользуется доброй славой. Еще въ турецкія времена богатые люди Сараева держали здѣсь свои дачи, болѣе бѣдный людъ искалъ пріютъ въ ханахъ (гостиницахъ). Устройство мѣстечка было довольно примитивно и эксплуатація источника не была подчинена никакому контролю: имъ пользовались всѣ, какъ даромъ Божиимъ. Особеннаго прогресса въ смыслѣ благоустройства въ Киселякѣ не замѣчается, но вода его источника пользуется съ каждымъ годомъ болѣе распространеніе въ странѣ. Не обладая въ изобиліи какими либо солями, могущими превра-

¹⁾ Всего въ Боснѣ-Герцеговинѣ поселеній, имѣющихъ свыше 1.000 жителей—203, изъ нихъ только 11, съ населеніемъ въ 5.000 душъ и больше и лишь 18 съ населеніемъ отъ 3.000 до 5.000, остальные же 174 имѣютъ отъ 1.000 до 3.000 душъ. Все городское населеніе въ странѣ составляетъ 11,8% общаго числа жителей. Для сравненія отмѣтимъ, что у насъ Европейская Россія безъ Кавказа, Балтійскихъ, Привислинскихъ и Финляндскихъ губерній, даетъ—12,4%; Кавказскій и Финляндскій края—по 10,8%; Привислинскія губерніи—21,8%; Балтійскія губерніи—25,8%. Въ Московской губерніи горожане составляютъ—46,4%, а въ Петербургской—67,8%.

тить ее исключительно въ лечебную, вода Киселяка хороша для питья. Это качество киселякской воды даетъ ей уже теперь возможность конкурировать съ водами Gieshübler и Krondorfer, распространившимися въ гостинницахъ Босны-Герцеговины повсемѣстно.

Фойница. городокъ въ 1.530 жителей, частью мусульманскаго (644), частью католическаго (839) вѣроисповѣданій ¹⁾. Онъ лежитъ въ центрѣ издавна славящагося желѣзомъ, мѣдью, серебромъ и ртутью района. Значеніе самой Фойницы въ ея францисканскомъ монастырѣ, живописно лежащемъ на горѣ, къ которой прислонился городъ. Монастырь поражаетъ своей величиной и обиліемъ построекъ, кажущихся слишкомъ обширными для братіи, не превышающей числомъ 20. Фойница одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Босніи; основаніе его относится къ XIV вѣку. Хотя онъ и имѣлъ въ турецкія времена свои невзгоды, свои тяжелые дни, но, по сравненію вообще съ положеніемъ христіанской церкви въ турецкія времена, монастырь былъ привилегированнымъ мѣстомъ. Привилегіи эти основаны на выданной султаномъ Магометомъ II грамотѣ (атнамѣ) на свободу отправленія христіанскихъ обрядовъ, хранящейся и понынѣ въ библіотекѣ монастыря. Съ грамотою этой связано въ народной памяти имя настоятеля монастыря Звиздовича, который, не смотря на всѣ ужасы, происходившіе во время завоеванія Босніи, не смотря на явныя притѣсненія всего христіанскаго, рѣшился предстать передъ Магометомъ II и просить его о привилегіяхъ для своего монастыря. Выданная, вслѣдствіе этого ходатайства, грамота однако не спасла впослѣдствіи монастырь отъ коренного разоренія: на ряду съ другими монастырями онъ былъ разрушенъ въ 1524 г. При этомъ, какъ говорятъ, погибло много драгоценныхъ рукописныхъ матеріаловъ, важныхъ для исторіи страны. Впослѣдствіи монастырь былъ восстановленъ, постепенно поправился и былъ вновь отстроенъ въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія.

Достопримѣчательности монастыря Фойницы исчерпываются его ризницей и библіотекой. Въ первой хранятся интересныя священническія одежды, церковные сосуды, древности, найденныя на землѣ и въ окрестностяхъ монастыря ²⁾. Что же касается библіотеки, насчитывающей свыше 10,000 томовъ, въ томъ числѣ не-

1) Православныхъ 25 душъ; евреевъ—22.

2) Фойницкая коллекція древностей считается одной изъ лучшихъ частныхъ коллекцій въ Босніи-Герцеговинѣ.

мало рукописей (не старше XVI вѣка), то въ ней обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ упомянутой грамоты Магомета II, рукописная копія древняго боснійскаго гербовника. Онъ содержитъ 126 гербовъ, исполненныхъ въ краскахъ и принадлежащихъ тѣмъ родамъ, которые при появленіи турокъ оставили страну и предпочли жизнь за рубежомъ, вѣтъ тѣхъ родовъ, которые перешли въ мусульманство и не утратили свои старыя дворянскія традиціи, и наконецъ тѣхъ, память о которыхъ нынѣ совершенно утеряна. Копія гербовника, (подлинникъ котораго, какъ предполагаютъ, не сохранился) находящагося въ Фойницѣ, не единственная: извѣстны подобныя экземпляры въ императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ, въ частной библіотекѣ въ Загребѣ (Аграмѣ) и наконецъ въ одномъ изъ монастырей Аэона (нѣкоторые предполагаютъ, что здѣсь находится подлинникъ). Гербовникъ датированъ 1340 годомъ. Еще Гильфердингомъ, бывшимъ нашимъ консуломъ въ Сараевѣ въ 1856—1858 г.г., была обнаружена фальсификація изданія. Нынѣ, изслѣдованіями цѣлаго ряда лицъ (особенно Асбота и Трухелки), поддѣлка гербовника можетъ считаться установленною. Изъ изображенныхъ 110 гербовъ *собственно боснійскихъ* дворянскихъ фамилій, какъ доказывается изслѣдователями, едва ли одна можетъ считаться существовавшею до XV вѣка. До этого времени въ Босніи совсѣмъ не было извѣстно фамильнаго дворянства; фамилій въ нашемъ смыслѣ не существовало и значеніе ихъ играло отчество, которое лишь въ послѣдствіи стало переходить къ внуку въ качествѣ фамильнаго прозвища. Гербы, по западно-европейскому образцу, появляются въ Босніи равнымъ образомъ не ранѣе XV вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ здѣсь рыцарства въ европейскомъ смыслѣ слова. На основаніи этихъ и нѣкоторыхъ другихъ достаточно вѣскихъ соображеній, происхожденіе гербовника приписываютъ XV, а не XIV вѣку. Во всякомъ случаѣ, этотъ документъ играетъ для исторіи культуры Босніи выдающуюся роль и заслуживаетъ не только полнаго вниманія, но и спеціальнаго изученія.

Францисканцы, владѣющіе Фойницкимъ монастыремъ, имѣютъ громадное вліяніе на мѣстное католическое населеніе, которое обращается къ фратерамъ не только для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, но ищетъ у нихъ совѣта и по хозяйственнымъ и домашнимъ дѣламъ. Вліяніе монастырской братіи издавна распространялось и на мусульманскую часть населенія. Это вліяніе, правда, сколько извѣстно, никогда не приводило къ переходу исповѣдующихъ исламъ въ христіанскую вѣру, но имъ обусловливался

тотъ миръ, который сохранялъ спокойствіе въ отношеніяхъ мусульманъ и католиковъ, живущихъ въ окрестностяхъ монастыря, а слѣдовательно и болѣе обезпеченное существованіе послѣднихъ.

Имя францисканцевъ тѣсно связано съ исторіею Босніи. Они водворились здѣсь въ концѣ XIII вѣка для борьбы съ богомилствомъ. До францисканцевъ въ странѣ были (неизвѣстно, впрочемъ, съ какого времени) доминиканцы, которые и вели пропаганду католической церкви. Попытки фратеровъ этого ордена не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ богомилство не только не уменьшилось, но, повидимому, еще болѣе распространилось въ народѣ. Поэтому Стефанъ Драгутинъ, бывший король сербскій, назначенный, послѣ потери сербскаго престола (1282 г.), венгерско-хорватскимъ королемъ Ладиславомъ IV правителемъ Босніи съ титуломъ герцога, принявъ католичество (онъ ранѣе былъ православнымъ) и озабочиваясь его упроченіемъ въ Босніи, просилъ (1291 г.) папу для вящаго успѣха пропаганды назначить въ страну священниковъ, знающихъ мѣстный языкъ. Исполняя эту просьбу Стефана Драгутина, папа поручилъ начальнику францисканскаго ордена въ Славоніи послать подходящихъ монаховъ въ Боснію ¹⁾. Водворившіеся такимъ образомъ въ концѣ XIII вѣка, францисканцы приобрѣтаютъ въ скоромъ времени по желанію папъ, такъ сказать, монополию по дѣламъ католической церкви во всей Боснѣ-Герцеговинѣ. Эта ихъ привилегія продолжается вплоть до оккупации страны Австро-Венгеріею. Послѣ этого событія, папа, не желая сохранять за римской церковью въ оккупационной провинціи «миссіонерскій характеръ», разрѣшилъ доступъ въ Босну-Герцеговину всякаго рода католическому духовенству, не исключая и свѣтскаго.

Проповѣдь францисканцевъ въ томъ отношеніи не имѣла большаго успѣха, чѣмъ проповѣдь доминиканцевъ, что Босна-Герцеговина въ католическую страну не превратилась. Но францисканцы играли выдающуюся роль въ турецкія времена и заслуги ихъ передъ католическою церковью громадны. Въ XVII и XVIII вѣкѣ, когда положеніе христіанъ въ странѣ сдѣлалось совершенно невыносимымъ, францисканцы вынуждены были оставлять одинъ монастырь за другимъ. Такъ брошены были монастыри въ Рамѣ, Модричѣ, Сребреницѣ, Оловѣ, Високѣ, Дольной Тузлѣ и фратеры, съ значительнымъ числомъ своей паствы, спасались въ

¹⁾ Нѣкоторые авторы (напр. Тёммель) приурочиваютъ появленіе францисканцевъ къ 1260 г.

Славонию. Тѣмъ не менѣе францисканскій орденъ не покинулъ окончательно Босну-Герцеговину: монахи, оставаясь въ странѣ, съ большимъ трудомъ и рискуя постоянно своею жизнью, продолжали поддерживать другіе свои монастыри (въ томъ числѣ Фойницкій) въ надеждѣ, что лучшія времена рано или поздно наступятъ. Францисканцы не ошиблись въ этомъ: впоследствии, во времена ослабленія турецкаго могущества, имъ удалось достигъ для своей церкви многого. Долгое (въ теченіе почти 600 лѣтъ) пребываніе францисканцевъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ наложило на нихъ свой мѣстный отпечатокъ. Францисканцы приобрѣли здѣсь своеобразныя черты, не свойственныя ихъ собратьямъ по ордену въ другихъ мѣстностяхъ. Взглянувъ на францисканца въ Италіи или въ Тироли и взглянувъ на францисканца Босны-Герцеговины, не повѣришь, что тѣ и другіе члены одного ордена. Пойдешь ли въ боснійскіе францисканскіе монастыри, посмотришь ли на францисканца-одиночку, священника той или иной, часто захолустной церкви, всюду встрѣтишь одинъ и тотъ же типъ. Францисканецъ въ Босніи—природный боснякъ; онъ загорѣлый, крѣпкій, бладушный, пышущій здоровьемъ человѣкъ. Стриженные въ кружокъ волосы обыкновенно темныя, глаза свѣтло-голубые, сѣрые; густые усы, свѣшивающіеся внизъ, свѣтская, простая, безъискусственная манера себя держать, движенія, полныя мощи и здоровья. Весь внѣшній обликъ его всего менѣе напоминаетъ о постѣ и молитвѣ и придаетъ ему видъ работника, борца, даже война. Францисканецъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ—много заслуженный для интересовъ христіанской вѣры человѣкъ. Конечно, отстаивая христіанство, францисканецъ понималъ его исключительно въ духѣ католической церкви, не только не поддерживая въ турецкія времена православнаго своего собрата, но при случаѣ ему вредя и ведя конкуренцію съ нимъ. Францисканецъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ былъ врагомъ православія не въ меньшей степени, чѣмъ врагомъ мусульманства. Но прискорбная вражда эта между католичествомъ и православіемъ, столь древняя въ Босніи, имѣетъ и столь глубокіе корни и причины, возникшія и разившіяся не только внѣ территоріи Босны-Герцеговины, но среди ея духовныхъ учителей и руководителей, что едва ли справедливо дѣлать за эту вражду ответственными францисканцевъ Босны-Герцеговины.

Народность первыхъ францисканцевъ неизвѣстна. Они вѣроятно были хорваты, но впоследствии въ странѣ укоренилось

францисканство боснійской народности, что сохранилось и по сіе время. Есть основаніе думать, что подобнаго рода уступка боснійской католической церкви со стороны римской куріи была сдѣлана не безъ борьбы. Быть можетъ, что къ этой уступкѣ привела папѣ полная безуспѣшность всѣхъ ранѣе испытанныхъ средствъ вкоренить католическую церковь. Національные францисканцы, популяризовавъ въ странѣ римскую церковь, сѣумѣли, вопреки основнымъ принципамъ католичества—до извѣстной степени націонализировать въ Боснѣ-Герцеговинѣ латинскую вѣру. Этотъ національный характеръ францисканцевъ, удержавшихся въ теченіе столѣтій, сохранился поднесъ. Въ францисканцѣ Босніи и Герцеговины безошибочно узнаешь мѣстнаго жителя; во всѣхъ своихъ хваткахъ, манерѣ, привычкахъ—онъ боснякъ, онъ герцеговинецъ. Поэтому онъ близокъ къ народу, поэтому онъ могъ такъ или иначе выдержать вѣковую борьбу съ мусульманствомъ. Францисканецъ Босны-Герцеговины не блещетъ ни начитанностью, ни тѣмъ менѣе ученостью. Исключеніе изъ этого составляютъ преимущественно молодые элементы, получившіе нерѣдко основательное образованіе въ Хорватіи или Римѣ, но и общій характеръ этой францисканской молодежи иной. Въ ней нѣтъ ни той чистосердечной простоты, ни довѣрчивости и, быть можетъ, столько національнаго самосознанія, какъ у стараго поколѣнія, какъ у тѣхъ народныхъ сельскихъ францисканцевъ, которыхъ можно видѣть, по старому обычаю, работающими на полѣ, или на виноградникѣ не въ орденской одеждѣ, а въ шароварахъ по мѣстному образцу и съ феской на головѣ. Національный францисканецъ сѣумѣлъ даже, хотя и относительно лишь, націонализировать и католическую церковь. Боснійскіе католическіе храмы, кромѣ обычныхъ изображеній распятія и Богоматери, украшены живописью національныхъ мотивовъ, взятыхъ изъ исторіи собственно боснійской католической церкви. Такая націонализація католической церкви придавала ей въ Боснѣ-Герцеговинѣ несомнѣнно значительную устойчивость, которая, при другихъ условіяхъ едва ли была бы возможна, несмотря на постоянную матеріальную поддержку со стороны римской пропаганды и со стороны Австро-Венгріи. Нѣкоторая національная обособленность католической церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ была, однако, лишь временно терпима. Стремленія римской куріи, а равно сосѣдней Австро-Венгріи и въ частности Хорватіи уже давно направлены къ денационализаціи францисканства въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Крупный шагъ на пути денационализаціи боснійской католической церкви,

исподволь подготовлявшійся, не безъ невольнаго содѣйствія нѣкоторыхъ изъ среды самихъ францисканцевъ, впитавшихъ внѣ своего отечества истинный духъ католицизма, былъ сдѣланъ въ началѣ XIX вѣка, ознаменовавшійся замѣною кириллицы въ дѣлопроизводствѣ—латиницей. Еще въ старыя времена римскіе папы стремились ввести въ Босніи, среди ея католическаго населенія, глаголицу, т. е. тотъ славянскій шрифтъ, съ которымъ Римъ до извѣстной степени примирился и который въ противоположность кириллицѣ знаменовалъ принадлежность къ католической церкви. Но попытки въ этомъ отношеніи не привели ни къ какимъ результатамъ; глаголица не отвоевала себѣ въ Босніи прочнаго положенія и кириллица осталась во всей своей силѣ. Въ Фойницѣ монастырскія книги писались кирилловской азбукой до 1811—13 ¹⁾ годовъ (печатаніе книгъ кириллицей прекратилось въ концѣ XVIII вѣка); съ этого времени національный шрифтъ замѣняется латинскими буквами. Это съ перваго взгляда незначительное новшество имѣетъ въ дѣйствительности громадное мѣстное значеніе. Надо вникнуть во внутренній смыслъ жизни того народонаселенія, которое вѣками ведетъ борьбу и борьбу на жизнь и на смерть за свою національность, чтобы по достоинству оцѣнить важное значеніе преобладанія того или иного шрифта въ мѣстахъ соприкосновенія католицизма съ православіемъ. Въ частности на Балканскомъ полуостровѣ, въ той части, въ которой находятся Боснія и Герцеговина, письменность кириллицею знаменуетъ принадлежность къ сербской (православной) народности, письменность же латиницею принадлежность къ народности хорватской (католической). То населеніе, которое отреклось отъ кириллицы, отреклось, хотя бы и безсознательно, и отъ своей сербской народности. Хорваты наиболѣе, какъ сосѣди, заинтересованные въ распространеніи католицизма въ Босніи-Герцеговинѣ и въ отреченіи отъ кириллицы, такъ какъ то и другое уже предрѣшаетъ фактически перечисленіе босняковъ и герцеговинцевъ изъ сербовъ въ хорватовъ (литературный языкъ одинъ и тотъ же), уже давно оцѣнили важное значеніе этого отреченія. Кириллица подвергается со стороны хорватовъ жестокимъ нападкамъ: «кириллица неуклюжа, кириллица неудобна, кириллица архаична, кириллица варварское письмо, она тормозитъ развитіе чловѣка, она вызвала отсталость Россіи, ибо пишущіе ки-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ другихъ францисканскихъ монастыряхъ кириллица сохранилась дольше, мѣстами даже до пятидесятихъ годовъ.

риллицей къ прогрессу не способны». Но доводы эти представлялись самымъ хорватамъ нѣсколько скользкими. «Въ Босніи никогда не было кириллицы» сѣются доказать нѣкоторые, прибѣгая какъ бы къ научнымъ доводамъ, «въ Босніи существовала своя азбука—босанчица; сколь она неуклюжа—видно на древнихъ памятникахъ». Дѣйствительно та кириллица, которою пользовались въ Боснѣ-Герцеговинѣ до послѣдняго времени ¹⁾ лица всѣхъ вѣроисповѣданій (православные, католики и мусульмане), имѣетъ мѣстный оттънокъ, такъ что еще Гильфердингъ отмѣтилъ, что рукописи, писанныя ею «съ непривычки разбираются трудно», но изслѣдователь этотъ, котораго отнюдь нельзя упрекнуть въ недостаточномъ знаніи кириллицы, далекъ отъ мысли признать боснійскій вариантъ за самостоятельный алфавитъ. Къ тому же мѣстное отличіе замѣтно преимущественно въ курсивѣ и менѣе въ лапидарномъ шрифтѣ. Если признать въ боснійской кириллицѣ (называть ли ее босанчицей или нѣтъ—это все равно) особую азбуку, особый шрифтъ, то логически остается пожалуй признать, что и у насъ не писали кириллицей, или если ею писали въ Кіевѣ, то не писали въ Москвѣ и въ Новгородѣ, или же, если писали ею въ XII вѣкѣ напримѣръ, то не писали болѣе въ XVI вѣкѣ, т. е. договориться до абсурдовъ. Въ дѣйствительности вся «босанчица» сводится, какъ показали изслѣдованія Трухелки, на особенности мѣстнаго письма кириллицею.

Вторая и крупная побѣда интернаціональнаго католицизма надъ націонализировавшимся францисканствомъ, побѣда, можно сказать, рѣшительная совершилась уже послѣ оккупации Босны-Герцеговины Австро-Венгріею. Со времени этой оккупации «монополія» францисканцевъ прекратилась. Мало того, Босна-Герцеговина наводнилась свѣтскимъ католическимъ духовенствомъ почти исключительно хорватской народности съ архіепископомъ во главѣ. Францисканцы утратили свою первенствующую роль, отодвинулись на второй планъ. За водворившимися въ 60-хъ годахъ въ Босну-Герцеговину трапистами, имѣющими свой монастырь въ Баялукѣ, внедрились въ страну іезуиты съ коллегіумомъ въ Травникѣ. Однако францисканцы обидѣ не терпятъ, напротивъ того ихъ монастыри отстраиваются, реставрируются и снабжаются новыми церквями. Тѣмъ не менѣе, францисканцы не удовлетворены и, если ихъ и нельзя считать въ активной оппозиціи въ отношеніи мѣстнаго правительства,

¹⁾ Старая кириллица замѣнена нынѣ латинизированною кириллицею Караджича.

то они передъ иностранцемъ, по крайней мѣрѣ, не скрываютъ своего неудовлетворенія. Но если съ приплытымъ католическимъ духовенствомъ такъ или иначе потеряло францисканство, то несомнѣнно выиграло католичество. Его духовенство возросло количествомъ, церковь обогатилась матеріально и—а это самое главное—церковная іерархія выросла духовно, наполнившись болѣе культурно-образованнымъ и воспитаннымъ элементомъ. Сила католическаго духовенства новой формации не могла остаться втуне, она является не силою потенциальною, а силою активной—кинетической. Католическое духовенство достигло въ теченіе 20 лѣтняго оккупационнаго періода такихъ успѣховъ, десятой доли которыхъ не достигли францисканцы въ теченіе столѣтій. Конечно, времена измѣнились: Босна-Герцеговина изъ угнетенной турецкой провинціи превратилась въ колонію католической державы, державы достаточно одаренной культурными средствами. И этотъ избытокъ культуры съ успѣхомъ приложенъ къ Босніи-Герцеговинѣ на пользу католической церкви, но уже не національно боснійской, а церкви отчасти интернаціональной, отчасти церкви хорватской народности.

Л и т е р а т у р а.

Католическіе монастыри Босніи и Герцеговины описываются многими авторами сочиненій общаго характера, приведенныхъ нами подъ первой главой. Въ частности отмѣтить слѣдуетъ сочиненія Гильфердинга, Ноernes и Renner. Кромѣ того надлежитъ указать здѣсь на двѣ спеціальныя статьи, касающіяся монастыря Фойницы, книгу о монастырѣ Крешевѣ, статью о босанчицѣ и наконецъ обширное сочиненіе объ исторіи францисканскаго ордена въ Босніи и Герцеговинѣ. Другіе труды, относящіеся до католическихъ монастырей и касающіеся преимущественно ихъ древностей, приведены нами ниже, подъ главой о религіяхъ и церквяхъ.

Bjelokosić.—Denkwürdigkeiten in der Gegend v. Fojnica (W. M. a B. u H. 1893, I).

Truhelka.—Der Maler des Wappenbuches v. Fojnica. (W. M. a B. u H., 1894, II)

Truhelka.—Die Bosančica (W. M. a B. u H., 1894 II).

Fra Strukić.—Povjestničke crtice Kreševa i franjevačkoga samostana. Sarajevo, 1899.

Fra Batinić.—Djelovanje Franjevaca u Bosni i Hercegovini za prvih šest vjekova njihova boravka. I—III. U Zagrebu, 1881—1887.

IV.

Пути изъ Босніи въ Герцеговину: Макленскій и Иванскій перевалы. Безопасность путешествія. Жандармерія. Сооруженіе шосейныхъ и желѣзныхъ дорогъ. Характеръ Босніи и Герцеговины и ихъ обитателей. Ябланица. Правительственныя гостиницы. Долины Неретвы и Дрежанки; деревни Дрежницы.

Изъ Босніи ведутъ два интересныхъ пути въ Герцеговину: отъ Яйце черезъ Макленскій перевалъ и Прозоръ и отъ Сараева черезъ Иванскій перевалъ и Кониць. Оба пути соединяются у Ябланицы. Изъ Сараева рядомъ съ шоссе идетъ желѣзная дорога, а изъ Яйце послѣдняя построена лишь на 40 верстъ, остальные же двѣ трети пути дѣлаются на лошадахъ.

Дорога изъ Яйце въ Ябланицу ведетъ сначала по долинѣ р. Вырбаса, потомъ, за Прозоромъ, по долинѣ р. Рамы. Встрѣчающіеся города: Дольній Вакуфъ, Бугойно, Горный Вакуфъ и Прозоръ не лишены интереса, дорога же богата разнообразными, смѣняющимися красотами природы.

Дольній Вакуфъ (2,400 д., въ томъ числѣ 1,500 мусульманъ) основанъ, по мусульманскому преданію, нѣкимъ бегомъ Ибрагимомъ, по указанію «святого», который пожелалъ быть здѣсь похороненнымъ. Названіе города — Вакуфъ — свидѣтельствуетъ о построеніи его на землѣ, предоставленной въ пользу церковныхъ и богоугодныхъ учрежденій. Преданіе рассказываетъ, что нѣкогда обширныя вакуфныя земли города были въ смутныя времена расхищены и такимъ образомъ поступили въ частное владѣніе. Верстахъ въ семи отъ города, на югъ, лежатъ развалины замка Прусача, извѣстнаго мужественною защитою противъ турокъ. Замокъ этотъ продержался двумя годами дольше, чѣмъ Яйце. Бугойно, — такъ же какъ и Дольній Вакуфъ, небольшой городъ (около 2,000 д., въ томъ числѣ 950 католиковъ, 450 православныхъ и 350 мусульманъ), славится тѣмъ, что, не смотря на его незначительность, въ немъ помѣщается едва ли не наибольшая въ

странѣ по размѣрамъ католическая церковь: длиною 25 саж. Церковь можетъ помѣстить большее число прихожанъ, чѣмъ то имѣется въ городѣ и окрестностяхъ. Этотъ чрезвычайный размѣръ церкви случайнаго происхожденія: на торжественномъ обѣдѣ въ день серебряной свадьбы императора Франца - Іосифа (въ 1879 г.) одинъ францисканецъ счумѣлъ возбудить интересъ къ выраженной имъ мысли о необходимости постройки церкви въ Бугойно. Значительная, тутъ же собранная, сумма положила основаніе капиталу, возросшему значительно впоследствии, благодаря добродетельнымъ пожертвованіямъ въ Австро-Венгріи. При выборѣ и отмежеваніи мѣста каждый участникъ обѣда требовалъ удлиненія церкви «для себя», поэтому, хотя собранный капиталъ и оказался настолько большимъ, что, превзойдя всѣ ожиданія, далъ возможность соорудить церковь означеннаго выше размѣра, но вопросъ о соотвѣтственномъ ея украшеніи, а равно о постройкѣ башенъ, остается до сихъ поръ открытымъ за неимѣніемъ средствъ.

Вся верхняя долина Вырбаса, до Горнаго Вакуфа включительно, считалась издавна мѣстопробываніемъ древнихъ мусульманскихъ, бегскихъ родовъ, владѣвшихъ здѣсь обширными помѣстьями. Богатство мѣстныхъ беговъ за послѣднее время, однако значительно сократилось, и мусульманское населеніе порѣдѣло вслѣдствіе выселеній въ Турцію. Горный Вакуфъ (около 2,000 д., изъ нихъ 1,400 мусульманъ) славится кустарными издѣліями, распространяющимися повсемѣстно. За этимъ городомъ начинается подъемъ на Радушскій кряжъ. Дорога достигаетъ, образуя Макленскій перевалъ, высоты 3,700 фут. Далѣе начинается крутой и въ высшей степени живописный спускъ, ведущій въ Прозоръ. Этотъ городокъ незначителенъ (1,100 д., изъ нихъ 850 мусульманъ), но интересенъ сохранившимися развалинами замка Студенаца, игравшаго въ средневѣковой исторіи Босніи видную роль. Преданіе рассказываетъ, что здѣсь долго защищалась послѣдняя королева Босніи, но туркамъ удалось въ концѣ концовъ ворваться въ башню сверху, королева же, спасаясь со своими сокровищами въ подземельѣ, погибла въ немъ вслѣдствіе обвала. Послѣдняя часть преданія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ исторически извѣстно, что королева спаслась отъ турокъ бѣгствомъ.

За Прозоромъ идетъ живописная долина Рамы, впадающей въ Неретву, на правомъ берегу которой лежитъ Ябланица.

Не менѣе, чѣмъ путь отъ Яйце до Ябланицы, интересенъ и

путь отъ Сараева до Ябланицы, особенно если пользоваться не желѣзною дорогою, а почти параллельно съ нею идущимъ шоссе. Какъ на первомъ пути Радужскія горы отдѣляютъ Боснію отъ Герцеговины, такъ и тутъ у Иванскаго перевала одна страна отдѣляется отъ другой Бѣлашницкой и Трескавицкой горными цѣпями.

Началомъ Герцеговины здѣсь можно считать Коницъ, небольшой, но не безынтересный городокъ. Происхожденіе Коница ставится народомъ въ интересную связь съ возникновеніемъ горнаго озера Борке, лежащаго верстахъ въ 20 отъ города на юго-востокъ по верховой тропѣ. Преданіе, сохранившееся среди православнаго населенія, говоритъ, что на мѣстѣ озера когда то существовало поселеніе, въ которомъ Св. Савва не нашелъ гостепріимства и потому уничтожилъ, превративъ его въ озеро. Мусульмане рассказываютъ въ существѣ то же самое, не упоминая о Св. Саввѣ и добавляя, что «святой» нашелъ въ поселеніи лишь одну благочестивую вдову съ сыномъ, которую онъ и пожелалъ пощадить. Онъ велѣлъ имъ оставить свой домъ, идти на сѣверо-западъ и поселиться тамъ, гдѣ остановится ихъ лошадь и ударить копытомъ. Конь привелъ вдову и ея сына къ Неретвѣ и ударилъ копытомъ тамъ, гдѣ теперь Коницъ. Въ легендѣ этой заключается, повидимому, та истина, что озеро Борке образовалось на памяти людей и притомъ болѣе или менѣе внезапно. Явленія подобнаго рода на почвѣ карста не представляютъ рѣдкости. Новѣйшія изслѣдованія Карлинскаго показавши, вмѣстѣ съ значительной глубиной (въ среднемъ до $7\frac{1}{2}$ саж.) озера, что пространство его было нѣкогда значительно больше и что истокъ его Шистица позднѣйшаго происхожденія.

Коницъ въ средніе вѣка игралъ видную роль какъ пограничный городъ между Босніею и Герцеговиною. Особенно же памятенъ этотъ городъ собраннымъ въ немъ въ 1446 году земскимъ соборомъ, на которомъ по преданію были восстановлены суверенныя права боснійскихъ королей надъ отдѣлившимся Захуміемъ, образовавшемъ самостоятельное герцогство (нынѣ Герцеговину). Кромѣ того, на соборѣ было урегулировано управленіе Босніею, установлены права католической церкви и были приняты строжайшія мѣры противъ богомиловъ.

Объ описанныя дороги интересны не только природными красотою, но замѣчательны и какъ произведеніе инженерной техники. Дороги, прекрасно шоссированныя, съ большимъ иску-

ствомъ проведены по горнымъ мѣстностямъ, черезъ рѣки смѣло переброшены мосты, въ скалахъ пробиты тунели. Содержатся дороги идеально. Полотно ихъ не отличается особенной шириной и въ этомъ отношеніи шоссе болѣе или менѣе принаровлены къ мѣстнымъ потребностямъ страны. Впрочемъ, чтобы быть вполне справедливымъ, слѣдуетъ отмѣтить, что культурное состояніе Босны-Герцеговины и по сіе время таково, что мѣстное населеніе, въ большинствѣ случаевъ, не нуждается въ шоссированныхъ дорогахъ; настоящая эксплуатація ихъ—дѣло будущаго. Извѣстное оживленіе на шоссе замѣтно лишь около городовъ, или на мѣстахъ скрещиванія съ горными тропинками. Въ остальныхъ мѣстностяхъ движенія почти совсѣмъ не существуетъ. Шоссейныя дороги часто прорѣзываютъ хотя и очень живописныя, но мало населенныя мѣстности. Можно ѣхать десятки верстъ въ любое время дня и ночи, не встрѣтивъ на пути никого, кромѣ какой нибудь пары пѣшеходовъ, или одного омнибуса, да нѣсколькихъ рабочихъ, занимающихся починкой попорченныхъ мѣстъ. Населеніе, соотвѣтственно своему культурному уровню, предпочитаетъ горныя тропы. Конечно, послѣдними можно пользоваться лишь при помощи вьючныхъ и верховыхъ лошадей, или же пѣшкомъ; тропы эти круты, но значительно короче, чѣмъ шоссе. Еще путешественниками 70-хъ годовъ отмѣчалось незначительное число телѣгъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ и въ этомъ отношеніи по сіе время страна мало измѣнилась. Послѣ оккупации, Австро-Венгрія позаботилась завести въ городахъ коляски, устроены были также фабрики и заводы, въ связи съ которыми австро-венгерскій элементъ ввезъ въ страну значительное число рабочихъ лошадей и телѣгъ, но все же эти перевозочныя средства группируются лишь около извѣстныхъ промышленныхъ центровъ, вся же страна живетъ и движется на старый ладъ. Такимъ образомъ, большинство устроенныхъ шоссе служитъ главнымъ образомъ для переѣзда чиновниковъ или рѣдкихъ туристовъ и, въ случаѣ надобности, для стратегическихъ цѣлей. Этимъ отсутствіемъ движенія по устроеннымъ шоссе и слѣдуетъ въ значительной степени объяснить ихъ свѣжесть, если можно такъ выразиться, элегантность, на которую охотно ссылаются мѣстные власти.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что пустынность и непосѣщаемость босно-герцеговинскихъ дорогъ дѣлаютъ разѣзды по странѣ рискованными и опасными. Нѣтъ, можно слѣдовать по

любому шоссейному или выючному пути, не рискуя рѣшительно ничѣмъ, такъ какъ разбойничества въ странѣ не существуетъ вовсе. Этимъ спокойствіемъ Босна-Герцеговина обязана оккупационному правительству. Еще недавно, лѣтъ 15—20 тому назадъ, проѣздъ по странѣ былъ далеко не безопасенъ. Разбойничествомъ отличалась преимущественно восточная часть. Путники старались, особенно въ турецкія времена, держаться группами и выѣзжали не иначе, какъ вооруженными.

Спокойствіе страны установлено особымъ видомъ земской стражи, такъ называемой жандармеріей. Австро-венгерскіе жандармы разсыяны по всей странѣ. Служба ихъ трудная, многосторонняя и отвѣтственная. Исполняя обязанности, возлагаемыя вообще на земскихъ полицейскихъ чиновъ, жандармы, вмѣстѣ съ тѣмъ, несутъ всѣ заботы о поддержаніи безопасности въ странѣ. Жандармскій корпусъ (преимущественно изъ пѣшихъ чиновъ) состоитъ изъ 52 офицеровъ и 2,310 нижнихъ чиновъ. Послѣдніе раздѣляются на фельдфебелей, начальниковъ постовъ и жандармовъ перваго и втораго разряда. Всего постоянныхъ жандармскихъ постовъ, раскинутыхъ повсемѣстно въ странѣ, 262, въ составѣ 4—10 жандармовъ; на границѣ Черногоріи размѣщены усиленные посты, съ 16—18 жандармами каждый. Служба чиновъ этой земской стражи оплачивается хорошо: фельдфебель получаетъ по 480 р. въ годъ, начальникъ поста—по 400, жандармъ перваго разряда—по 320 и втораго разряда—по 292 руб. въ годъ. Черезъ три года службы содержаніе усиливается на 40 р., а черезъ шесть лѣтъ—на 80 р. въ годъ. Кромѣ того чинамъ жандармскаго корпуса предоставлены значительныя льготы по пенсіи. Такая постановка службы дала оккупационному правительству возможность оборудовать свою жандармерію вполне надежными и подходящими людьми. Въ 1896 г. изъ 2,310 нижнихъ чиновъ было: 981 австріецъ (разныхъ народностей), 827 хорватовъ и 108 уроженцевъ собственно Венгріи, на долю же босно-герцеговинцевъ приходилось 394 человека, изъ нихъ 207 православныхъ, 120 католиковъ и 67 магометанъ. Въ прежніе годы жандармерія состояла болѣе чѣмъ на половину изъ мѣстныхъ элементовъ, но затѣмъ число босняковъ и герцеговинцевъ быстро уменьшалось изъ года въ годъ; въ 1886 г. они составляли лишь $\frac{1}{3}$ общаго числа, въ 1891 г. менѣе $\frac{1}{4}$, а въ 1896 г. всего только 16,1%. Общій расходъ на содержаніе жандармеріи въ 1896 г. составлялъ 1.278.391 р. 36 к. (1.589.798 гульд. 92 кр.). Введенная у насъ въ 1899 г. въ Закавказьѣ, а именно

въ Тифлисской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской, и Кутанской губ., Карсской области и Закатальскомъ округѣ земская стража матеріально обставлена приблизительно такъ же ¹⁾ какъ и жандармерія въ Боснѣ-Герцеговинѣ, но общее число ея чиновъ сравнительно значительно меньше: въ Закавказьѣ на 5.936.095 сельскихъ жителей учреждено 5,500 нижнихъ чиновъ стражи, а въ Боснѣ-Герцеговинѣ на 1,385,291 сельскаго жителя 2,310 нижнихъ чиновъ, т. е. въ первой мѣстности — одинъ стражникъ приходится на 1,080 сельскихъ жителей, а во второй—на 600. Численный составъ босно-герцеговинской жандармеріи долженъ считаться громаднымъ, такъ какъ въ *городахъ* всей Европы, гдѣ полицейскій надзоръ всегда болѣе силенъ, чѣмъ въ мѣстахъ сельскихъ, нормально исчисляется одинъ полицейскій чинъ на 500 жителей.

Нельзя обойти молчаніемъ и боснійскія желѣзныя дороги. Онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Эти дороги исключительно австро-венгерскаго сооруженія. Онѣ крайне увokoлейны: разстояніе между рельсами только 76 ст. (17 $\frac{1}{8}$ вершк.). Это обуславливаетъ, такъ сказать, игрушечный характеръ всего поѣзда. Паровозы очень малы, соотвѣтственно не велики и вагоны. Ширина послѣднихъ не превышаетъ 184 ст. (2 ар. 9 $\frac{1}{2}$ вершк.). Вагоновъ отдѣльно для перваго и втораго класса не существуетъ; есть только вагоны смѣшанные. Причины понятны: при иныхъ условіяхъ пришлось бы сформировывать большіе поѣзда, что не вызывалось бы дѣйствительною необходимостью. Узкость вагоновъ не позволяетъ дѣлать ихъ проходными и оттого они раздѣлены на замкнутые купе, со входами сбоку. Въ вагонахъ перваго класса помѣщаются лишь два мѣста въ рядъ (въ вагонахъ втораго класса—три) и купе состоитъ изъ четырехъ мѣстъ (втораго класса изъ шести). На каждой линіи поѣздъ ходитъ почти исключительно одинъ разъ въ сутки и состоитъ, кромѣ перваго—втораго, изъ вагоновъ третьяго и четвертаго классовъ, а равно товарныхъ. Движеніе, вообще, слабое и поѣзда рѣдко бываютъ наполнены пассажирами. Наиболѣе заняты вагоны III класса, отчасти IV; второй классъ, не смотря на незначительное число мѣстъ, довольно свободенъ, а первый обыкновенно пустъ, хотя въ поѣздѣ не болѣе восьми мѣстъ этого класса. Всѣ дороги правительственныя.

¹⁾ Старшій урядникъ получаетъ 480 р. въ годъ, младшій—420 р., старшій стражникъ—360 р., а младшій—300 р.

Общее ихъ протяженіе около 880 километровъ, изъ которыхъ большая часть приходится на магистраль отъ Босна-Брода черезъ Сараево и Мостаръ до Метковичей—гавани для Адриатическаго моря. Не смотря на узкоколейность, не смотря на миниатюрность локомотивовъ и вагоновъ, поѣзда идутъ хорошо, дѣлая по 30 верстъ въ часъ; крушеній не бываетъ, но запозданія поѣздовъ часты. Средняя стоимость километра 27.500 гульденовъ (22.000 руб.), такъ что правительствомъ израсходовано всего на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ приблизительно 22 милліона гульденовъ, или 17½ милліоновъ рублей. По бюджету на 1901 г. расходы на желѣзнодорожное дѣло опредѣлены въ 4.819.000 кронъ или 1.927.600 руб., доходъ же—5.446.000 кр., т. е. 2.178.400 руб. Слѣдовательно чистая прибыль ожидается въ 250.800 руб. или около 1,5% на затраченный капиталъ.

Незначительное движеніе пассажировъ по боснійскимъ дорогамъ зависитъ главнымъ образомъ отъ низкаго культурнаго уровня всей страны и ея населенія. Последнее и по сіе время мало нуждается въ передвиженіи вообще и по желѣзнымъ дорогамъ въ частности. Къ тому же проѣздная плата сравнительно дорога. Выдающагося торговаго значенія боснійскія дороги пока еще также не имѣютъ, потому что ни промышленность Босны-Герцеговины, ни транзитъ въ ней развитыми считаются не могутъ. Главнѣйшее значеніе боснійскихъ дорогъ до сихъ поръ остается лишь стратегическое и съ этою же цѣлью нынѣ удлиняется желѣзнодорожный путь постройкою дороги стоющей дороги отъ Габелы (около Метковичей) на Ерцегнови (Кастельнуово) и Которъ—дороги, по заявленію весьма компетентныхъ лицъ, не имѣющей никакого торговаго значенія, но важной въ отношеніи стратегическомъ.

Надо замѣтить, что постройка и направленіе боснійскихъ желѣзныхъ дорогъ служатъ однимъ изъ поводовъ раздора различныхъ партій Австро-Венгріи. Хорватская, считая выгоднымъ, въ видахъ интересовъ Хорватіи, стремиться къ выходу въ Солунъ для участія въ міровой торговлѣ, отрицаетъ государственное значеніе направленія дорогъ на Адриатику, венгерская же партія, не считая собственно Венгрію заинтересованною въ указаннаго рода торговлѣ и недовольствуясь Фіуме, единственнымъ венгерскимъ портомъ на Адриатикѣ, стремится къ увеличенію своихъ выходовъ къ этому морю черезъ Босну-Герцеговину. Но такъ какъ *высшее* управленіе (въ Вѣнѣ) оккупационною провинцію

находится фактически въ рукахъ венгерцевъ, то желанія ихъ дають перевѣсъ. Коренное же населеніе Босны-Герцеговины въ этомъ спорѣ, конечно, ничего не выигрываетъ. Оно, съ своей точки зрѣнія, даже право, говоря, что желѣзныя дороги ему не нужны: разстоянія въ странѣ не столь велики, чтобы ихъ было трудно преодолѣть на лошадахъ, безъ помощи которыхъ все равно не обойтись, а собственно желѣзнодорожной *спти* — говорить мѣстное населеніе — не существуетъ и потому благосостоянію края желѣзныя дороги не содѣйствуютъ, тѣмъ болѣе, что имѣющіеся фабрики и заводы находятся въ рукахъ не босняковъ, а приплагавшаго нѣмецко-австро-венгерскаго элемента. Именно ему нуженъ вывозъ, а не босняку и герцеговинцу. Пассажиру III и IV классовъ торопиться некуда, а перво- и второклассники изъ коренныхъ жителей насчитываются лишь десятками. Въ этомъ мнѣніи есть конечно преувеличенія, но есть и доля истины. На сооруженіе дорогъ израсходована, какъ указано, весьма большая сумма изъ мѣстныхъ средствъ. Между тѣмъ движеніе незначительно. Пассажиры первыхъ двухъ классовъ — либо австро-венгерскіе офицеры оккупационнаго корпуса, либо лица мѣстнаго управленія, къ участію въ которомъ коренные элементы не привлечены. Большинство же пассажировъ туристы, движущіеся или къ Адриатическому морю — преимущественно австрійцы и венгерцы, или идущіе съ Адриатики — преимущественно германскіе нѣмцы.

За сооруженіе желѣзныхъ и шоссированныхъ дорогъ Австро-Венгрія взялась немедленно послѣ оккупации. Постройка ихъ была какъ бы первымъ культурнымъ дѣйствіемъ новаго правительства. Въ наслѣдство отъ турецкихъ временъ въ этомъ отношеніи почти ничего не было получено. Рѣшительно всѣ авторы (Блау, Гильфердингъ, Стернекъ, Тѣммель, Швейгеръ-Дерхенфельдъ и др.), посѣтившіе Босну-Герцеговину въ эпоху до оккупации (въ 70, 60 и 50-хъ годахъ), единодушно отмѣчаютъ отчаянное состояніе дорогъ. Въ большинствѣ случаевъ пути сообщенія сводились къ горнымъ тропамъ, нерѣдко головоломнаго характера; дорогъ шоссированныхъ почти совсѣмъ не существовало (постройка ихъ начата въ 1862 г.), а тамъ, гдѣ онѣ были устроены, какъ напр. отъ Градишки до Банялуки, Сигнъ-Ливно, Метковичи-Мостаръ, Дубровникъ-Требинье и Бродъ-Сараево, онѣ содержались почти всегда плохо. Особенно же отмѣчается старыми авторами печальное состояніе мостовъ, ихъ малочисленность и ветхость. Между тѣмъ, хорошія переправы въ такой странѣ, какъ Босна-Герцеговина, богатой горными рѣками, особенно важны.

Оккупационнымъ правительствомъ до 1899 г., сверхъ 880 километровъ желѣзныхъ дорогъ, всего устроено 3857 км. шоссированныхъ дорогъ; кромѣ того поддерживалось 2394 км. проѣздныхъ грунтовыхъ дорогъ и верховыхъ тропъ. Засимъ въ 1901 г. предполагено открыть 185 км. желѣзныхъ дорогъ отъ Габелы въ Которъ съ вѣтвями на Гружъ (Гравозу) и Требинье.

Выше было сказано, что Герцеговина отдѣлена отъ Босніи кряжами горъ. Направленіе ихъ издавна опредѣлило сѣверныя границы Герцеговины. Пограничныя босно-герцеговинскія горы играютъ въ топографіи страны болѣе важную роль, чѣмъ то можетъ показаться при первомъ взглядѣ. Онѣ составляютъ водораздѣлъ. Поэтому на Боснію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на страну, принадлежащую исключительно къ водной системѣ Дуная и слѣдовательно Чернаго моря, а на Герцеговину, какъ на страну, всецѣло принадлежащую Адриатикѣ. Всѣ рѣки Босніи: Уна съ Савою, Вырбась, Укрина, Босна и Дрина впадаютъ въ Саву и слѣдовательно изливаются въ Дунай; исключеніе составляютъ незначительныя рѣчки, какъ Рама и др., впадающія въ верховья Неретвы. Герцеговина принадлежитъ къ системѣ Неретвы съ ея, впрочемъ немногочисленными, притоками. Правда, въ предѣлахъ Герцеговины находится и верховье Дрины, но области этихъ рѣкъ надо отнести къ Герцеговинѣ въ ея болѣе позднихъ границахъ. Въ связи съ указаннымъ направленіемъ, рѣки Босніи всей своей массою направлены къ Савѣ, т. е. на сѣверъ, Герцеговины же—къ югу. Динарскія альпы, рѣзко отдѣляющія на сѣверѣ Боснію отъ Хорватіи-Далмаціи,—къ югу теряютъ свою высоту. Эти горы, подойдя къ морю, позволили и Герцеговинѣ приблизиться къ нему; пропуская же Неретву, онѣ открываютъ странѣ какъ бы естественный выходъ къ Адриатикѣ. Различное географическое положеніе Босніи и Герцеговины вызвало различіе въ исторіи этихъ странъ. Онѣ были соединены другъ съ другомъ слабыми узами и въ теченіе сравнительно короткаго времени. Лишь общее горе—турецкое иго связало эти двѣ во многомъ разныя страны общою судьбою, продолжающеюся и понынѣ.

Босняки и герцеговинцы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, такъ же рѣзко, какъ и страны, въ которыхъ они живутъ. Боснія мѣстность преимущественно гористая, покрытая густымъ лиственнымъ лѣсомъ, обильно орошенная многочисленными рѣками, плодородная, богато одаренная природою. Климатъ ея умѣренный и она носитъ характеръ страны средне-

европейскаго пояса. Герцеговина имѣетъ совершенно другой ландшафтъ, бросающійся каждому въ глаза почти непосредственно при переходѣ изъ Босніи. Кряжы горъ, отдѣляющіе Герцеговину отъ Босніи, ограждаютъ ее отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Поэтому Герцеговина страна теплая, даже жаркая. Виноградъ, табакъ и т. п. южныя растенія уже давно, такъ сказать, націонализировались въ ней. Въ Босніи они не растутъ. Боснію можно назвать страной лѣсистыхъ горъ и сливовыхъ садовъ, Герцеговину же—страною винограда и голыхъ скалъ. Обнаженный сѣрый карстъ приближаетъ ландшафтъ Герцеговины къ ландшафту Черногоріи и придаетъ ей суровый, правда грандіозный, но и безплодный характеръ. Лишь долины рѣкъ, какъ оазисы среди моря скалъ, составляютъ исключеніе.

Равность природы положила различіе и на обликъ обитателей Босніи и Герцеговины. Это различіе нельзя не замѣтить. Правда, на границѣ областей оно менѣе бросается въ глаза, но становится неоспоримымъ при сравненіи босняка изъ центральной Босніи съ герцеговинцемъ коренного Захулмія. Въ основу различія типа этихъ двухъ народовъ легли, быть можетъ, первоначальные расовые элементы какъ аборигеновъ, такъ и пришлыхъ славянъ. Различіе это сохранилось тѣмъ болѣе стойко, что дальнѣйшая жизнь и развитіе народовъ, какъ во времена полуйсторическія, такъ и въ вѣка, протекавшіе въ свѣтѣ исторіи, не могли не происходить въ тѣсной зависимости отъ топографическихъ и климатическихъ особенностей, столь различныхъ въ Босніи, съ одной стороны, и въ Герцеговинѣ съ другой. Физическій типъ, платье, характеръ, манера, умственный и нравственный обликъ—все это у коренного герцеговинца сложилось въ значительной степени на иной ладъ, чѣмъ у коренного босняка.

«Поносна Босна» и «юначка Херцеговина»—вотъ мѣстное опредѣленіе самого народа, даваемое имъ въ поэзіи для характеристики особенностей той и другой страны. Да, «гордая Босна» и «молодецкая Герцеговина»—этимъ сказано многое, этимъ характеризована вся прошлая жизнь двухъ народовъ, трагизмъ исторіи которыхъ трудно передаваемъ.

Въ Босніи замѣчается значительное различіе между представителями разныхъ вѣроисповѣданій. Долголѣтняя жизнь при совершенно разныхъ условіяхъ, которыя существовали для мусульманъ и христіанъ, положила свою печать. Въ Герцеговинѣ разнища по вѣроисповѣданію не бросается столь рѣзко въ глаза. Соб-

ственно въ антропологическомъ отношеніи боснякъ не отличается *замѣтно* отъ герцеговинца; по крайней мѣрѣ антропологическія наблюденія разныхъ лицъ не могли установить *вполнѣ определенную* различія въ физическомъ типѣ тѣхъ и другихъ. Какъ въ Босніи, такъ и въ Герцеговинѣ, преобладаетъ очень высокій ростъ; какъ тутъ, такъ и тамъ большая часть населенія брюнеты. Последнихъ, впрочемъ, въ Герцеговинѣ больше, тогда какъ блондины встрѣчаются въ Босніи чаще. Въ обѣихъ странахъ нерѣдко даже у брюнетовъ голубые, сѣрые, зеленоватые глаза. Босняки, а равно и герцеговинцы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, короткоголовы. Высокій лобъ, выдающіяся надбровныя дуги, густыя брови, большой, нерѣдко «орлиный» носъ, загорѣлыя лица—все это черты, свойственныя какъ жителямъ Герцеговины, такъ и обитателямъ Босніи. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ и другіе принадлежать, въ сущности, къ одному народу, что различіе физическаго типа заключается въ деталяхъ его, неуловимыхъ для глаза наблюдателя, невооруженнаго измѣрительными инструментами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общемъ обликѣ босняка и герцеговинца, разница несомнѣнна. Боснякъ деревни болѣе тяжело-вѣсенъ, чѣмъ герцеговинецъ, но горожанинъ Босніи болѣе элегантенъ; герцеговинецъ суровѣе босняка, у котораго больше мягкости въ обращеніи. Суровость герцеговинца не граничитъ однако съ дикостью или жестокостью; въ обращеніи онъ простъ, естественъ, но полонъ достоинства. Герцеговинецъ свободолюбивъ, храбръ и смѣлъ до отчаянія. Привязанность въ вѣрѣ герцеговинецъ раздѣляетъ съ боснякомъ, вмѣстѣ съ любовью къ семьѣ, къ родному очагу. Боснякъ сдержанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодушенъ. Особенности жизненныхъ условій отразились на характерѣ современнаго босняка: мусульманинъ, въ сознаніи своего превосходства, вообще гордъ, спѣсивъ; при этомъ горожанинъ мусульманской вѣры деликатенъ, франтоватъ и изященъ. Сельчанинъ христіанской вѣры молчаливъ, затаенъ, недовѣрчивъ, но смирененъ. Вообще населеніе Босны-Герцеговины способно, воспріимчиво и живо, но среди мусульманъ замѣчается больше лѣни и привычки къ покою и нѣгѣ, чѣмъ среди населенія христіанскаго. Сила характера скаывается у герцеговинца въ настойчивости, у босняка—въ упрямствѣ. Гостепріимство свойственно какъ тѣмъ, такъ и другимъ, равнымъ образомъ вѣрность данному слову, прочность въ установившейся связи. Герцеговинецъ болѣе подвиженъ и воспріимчивъ и оттого вспыльчивѣе босняка. Боснякамъ не свойственна злопамятность;

герцеговинецъ—мстительнъ. Богато одаренный босно-герцеговинскій народъ развѣдиненъ вѣроисповѣданіями и оттого лишень возможности развитъ всю свою силу. Религіозное разобщеніе вкоренялось въ Боснѣ-Герцеговинѣ вѣками. Тѣмъ оно глубже пустило свои корни, тѣмъ оно типичнѣе для страны. Но что соединяетъ всѣхъ босно-герцеговинцевъ—такъ это горячая любовь къ ихъ родинѣ. Въ этомъ отношеніи едва ли ошибочно будетъ сказать, что любовь эта, наряду съ преданностью къ церкви, до болѣзненности развита у православнаго герцеговинца, который ни минуты не задумается положить свою жизнь «за крестъ православный» и за родныя горы, какъ бы негостепріимны онѣ ни казались для посторонняго взгляда. Преданы оба народа и своимъ обычаямъ. Этимъ и слѣдуетъ объяснить, что, несмотря на проникновеніе мусульманства, несмотря на принятіе турецкаго «закона», мѣстный магометанинъ не пересталъ быть сербомъ-боснякомъ-герцеговинцемъ, сохранивъ во многомъ свой старыи, родной бытъ.

Ябланица, совершенно незначительное поселеніе, теряющееся среди горъ. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія. Здѣсь не только стоитъ побывать, но и пожить. Мѣстность красива; особенно же хороши окрестности Ябланицы, куда можно предпринимать рядъ горныхъ экскурсій. Кромѣ того, Ябланица удачно расположена въ томъ отношеніи, что она, находясь южнѣе горныхъ переваловъ, отдѣляющихъ Герцеговину отъ Босніи, гораздо теплѣе послѣдней, жары же въ ней нѣтъ благодаря горному положенію. Природа здѣсь южная, климатъ теплый.

Климатическими особенностями Ябланицы воспользовалось мѣстное правительство и устроило гостинницу, превращающую Ябланицу въ такъ называемую «Sommerfrische». Въ гостинницѣ нѣтъ ни мраморныхъ лѣстницъ, ни золоченыхъ перилъ, нѣтъ ни роскошной мебели, ни дорогихъ ковровъ, нѣтъ колоссальныхъ зеркалъ и нѣтъ эlegantнаго табельдота. Здѣсь все просто, солидно и чисто, но здѣсь есть все для того, чтобы культурный человѣкъ чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ. Кухня гостинницы не отличается изысканностью, но она даетъ здоровый «домашній» столъ. Эти черты превращаютъ Ябланицкую гостинницу въ мѣсто, гдѣ могутъ хорошо прожить тѣ, которые не боятся скуки при отсутствіи общества и которые могутъ удовлетвориться скромнымъ столомъ, красивымъ мѣстоположеніемъ и прогулками по нетрону-

тымъ культурою горамъ. Мѣсто для устройства такого учрежденія какъ Ябланица выбрано правительствомъ очень удачно, и не только потому, что она лежитъ хорошо въ климатическомъ отношеніи, но и оттого, что она расположена на узлѣ нѣсколькихъ дорогъ. Такимъ образомъ есть возможность подъѣхать къ Ябланицѣ съ разныхъ сторонъ: какъ отъ Сараева или Мостара, такъ и отъ Баялуки и Яйце.

Тѣмъ не менѣе, Ябланица почти не посѣщается. Лишь изрѣдка заѣзжаетъ компанія туристовъ, которая черезъ пару дней снова исчезаетъ, оставляя Ябланицу прозябающей до слѣдующаго года. Туристовъ изъ мѣстныхъ жителей Босна-Герцеговина не знаетъ, а рассчитывать на туристовъ изъ-за границы не можетъ, такъ какъ она лежитъ эксцентрично, желѣзнодорожныя сообщенія мало развиты, жизнь мало приспособлена для удовлетворенія туриста. Здѣсь туристу, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, дѣлать нечего. Жизнь въ Боснѣ-Герцеговинѣ еще недостаточно комфортабельна и непринаровлена къ европейскимъ вкусамъ. Здѣсь шагу нельзя ступить изъ города, чтобы не озаботиться, и при томъ не безъ труда, надежными и говорящими на понятномъ для европейца языкѣ проводниками; здѣсь надо добывать лошадей, искать ихъ; въ горахъ экскурсіонистъ не находитъ готовой постели, готового стола. Все это, конечно, не по сердцу тому туристу, который колеситъ по Швейцаріи и Тиролю.

Въ Боснію, правда, заѣзжаютъ нерѣдко тѣ, которые, совершая болѣе или менѣе продолжительное круговое путешествіе по Италіи, Австріи, Далмаціи, въ концѣ своего пути посѣщаютъ и оккупационную провинцію, но такіе туристы не имѣютъ ни достаточно времени, ни достаточной охоты останавливаться въ Ябланицѣ; въ ней имъ скучно. Поэтому Ябланица, сколь она ни хороша, сколь ни благоустроена ея гостинница, относится по сіе время къ показнымъ сторонамъ дѣятельности правительства. Теоретически здѣсь все хорошо, практически же все это пока совсѣмъ не нужно. Мѣстный недовольный элементъ въ этомъ отношеніи совершенно правъ, когда говоритъ, что Ябланица устроена на народныя деньги для пріюта немногочисленныхъ иностранцевъ.

Этотъ упрекъ, впрочемъ, относится вообще къ устройству правительственныхъ гостинницъ. Ихъ въ настоящее время еще немного. Главнѣйшія находятся въ Илидже, Мостарѣ, Травникѣ, Яйце и Ябланицѣ. Правительство является устройтеlemъ этихъ гостинницъ, но не содержателемъ ихъ. Устроенная и оборудованная гостинница

сдается въ аренду. Чтобы привлечь подходящихъ содержателей-арендаторовъ правительство передаетъ гостинницы за самую ничтожную цѣну. Хозяину предоставляются разные льготы, но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство нормируетъ цѣны помѣщеній и стола. Результатомъ этого являются въ Боснѣ-Герцеговинѣ благоустроенныя и дешевыя гостинницы. Сколь ни остроумны эти учрежденія, нельзя не отмѣтить, что гостинницы подобнаго рода даютъ нѣкоторымъ небезосновательный поводъ говорить, что всякій туристъ, всякій вообще постоялецъ гостинницы живетъ на народный счетъ, не возмѣщая странѣ ея затратъ рѣшительно ничѣмъ. Часть недовольнаго населенія, стоящая въ оппозиціи къ оккупационной власти, совсѣмъ не заглядываетъ въ устроенныя ею гостинницы и вообще мѣстный элементъ почти отсутствуетъ въ нихъ. Гостинницы не подходятъ къ среднему уровню населенія; онѣ его не удовлетворяютъ и совсѣмъ ему ненужны. Изъ названныхъ пяти гостинницъ три: ябланицкая, яйцкая и въ Илджже служатъ почти только для туристовъ и оттого въ громадномъ большинствѣ случаевъ пустуютъ. Травникская и мостарская гостинницы и особенно послѣдняя, напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ заняты, въ нихъ даже тѣсно, и при желаніи воспользоваться помѣщеніемъ въ нихъ необходимо предварительно увѣдомить управленіе о своемъ прибытіи. Главный элементъ посѣтителей гостинницъ въ Мостарѣ и въ Травникѣ составляютъ офицеры и чиновники. Оба города, являясь крупными административными центрами, значительно наполнены должностными лицами. Эти послѣдніе, за неимѣніемъ квартиръ, селятся, особенно въ Травникѣ, въ правительственной гостинницѣ, пользуются ея столомъ и вносятъ очень характерное оживленіе.

Одна изъ интересныхъ экскурсій, которую можно предпринять изъ Ябланицы, экскурсія, способная дать много впечатлѣній какъ въ отношеніи красоты природы, такъ и въ отношеніи бытовыхъ наблюденій—это поѣздка въ Дрежницы. Деревни Дольная и Горная Дрежницы лежатъ на югъ отъ Ябланицы. До желѣзнодорожной станціи того же наименованія можно воспользоваться поѣздомъ, но лучше и интереснѣе поѣхать на лошадяхъ или, кто хорошій ходокъ, идти пѣшкомъ. Станція Дрежница лежитъ верстахъ въ двадцати отъ Ябланицы. Прекрасное, какъ повсюду въ Боснѣ-Герцеговинѣ, шоссе идетъ все время по берегу Нерствы, сначала по правой, а потомъ по лѣвой сторонѣ рѣки. Весь путь пред-

ставляетъ типичнѣйшіе виды Герцеговины: высокія, разнообразно сложенныя, сѣрыя и голыя скалы падаютъ крутыми обрывами въ долину рѣки, суживая ея русло мѣстами до крайнихъ предѣловъ. Сама Неретва, прорывъ въ теченіе долгихъ лѣтъ глубокое ложе въ конгломератныхъ частяхъ породы, пѣнится и шумитъ. Кругомъ все безмолвно. Полотно желѣзной дороги по одну сторону рѣки, шоссе по другую, проведенныя съ большимъ искусствомъ, проходятъ то черезъ тунели, то въ глубокихъ нишахъ скалъ и, въ свою очередь, безшумны. Дороги эти, явные выразители присутствія культурнаго человѣка, какъ то даже мало нарушаютъ общую гармонію дикой, грандіозной, суровой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенно привлекательной мѣстности. По пути бурно изливаются въ Неретву два небольшихъ, но довольно многоводныхъ голубого цвѣта притока Командина и Грабовица. Они тутъ же вытекаютъ могучею въ полторы сажени ширины струею непосредственно изъ скалы. Подобнаго рода короткія рѣчки часты на почвѣ карста, но непривычный глазъ невольно приковывается къ этому своеобразному явленію. Тамъ, гдѣ Неретва стискивается скалами до послѣдней крайности и безшумно, но коварно-стремительно течетъ въ узкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень глубокомъ руслѣ, лежитъ желѣзнодорожная станція Дрежница: небольшой станціонный домъ, еще меньшее зданіе для сторожа и больше ничего. Эта миниатюрная станція расположена въ одной изъ красивѣйшихъ и грандіознѣйшихъ мѣстностей Герцеговины. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ станціи въ Неретву втекаетъ рѣка Дрежанка, въ долину которой за хребтами горъ лежатъ деревни Дрежницы. До Дольней Дрежницы, куда можно дойти только пѣшкомъ или пробраться верхомъ, не болѣе часа пути. Дрежанка, красивая нѣжно-голубого цвѣта рѣка, немногочисленна и не глубока въ обыкновенное, сухое время, но довольно широкое сухое ложе ея, забросанное намытыми камнями, свидѣтельствуетъ, что съ виду невинная рѣчка въ дождливую погоду способна превратиться въ могучую и грозную рѣку. Поэтому дорога идетъ непосредственно по скаламъ выше берега рѣки. Дорога камениста, почти лишена растительности, какъ и большая часть обрамляющихъ красивую долину скалъ. Онѣ подъ палящими лучами солнца кажутся свѣтло-сѣрыми безплодными массами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, красивы, грандіозны и заманчивы. Часахъ въ 4—5 пути отъ Дольней Дрежницы лежитъ деревня Горная Дрежница. Населеніе этихъ деревень (1400 д.) частью католическое (450 д.), частью

мусульманское (945 д.) ¹⁾. Среди этого, живущаго вдали отъ крупныхъ центровъ, населенія сохранилось не мало остатковъ старины, своеобразнаго быта. Преданіе рассказываетъ, что жители Дрежниць долго боролись противъ надвигавшихся турокъ и что они приняли исламъ лишь при условіи освобожденія ихъ отъ податей и воинской повинности. Эти льготы будто бы были отмѣнены въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія Али-пашой Ризванбеговичемъ, управителемъ Герцеговины. Обитатели названныхъ деревень не могутъ считаться бѣдными, такъ какъ орошаемая Дрежанкой долина позволяетъ сѣять пшеницу, разводить фруктовые сады и виноградники. Населеніе производитъ очень пріятное впечатлѣніе своей простотой, своимъ свободнымъ, полнымъ достоинства, разговоромъ, веселостью и живнерадостностью. Дрежницы отличаются еще тѣмъ, что католики и мусульмане живутъ не только мирно между собою, но даже дружно. Различіе вѣроисповѣданія здѣсь, въ противоположность другимъ мѣстностямъ Босны-Герцеговины, какъ бы совсѣмъ не ощущается. При первомъ зовѣ живущаго здѣсь въ качествѣ священника францисканца собирается деревенскій людъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Они болтаютъ, шутятъ и смѣются, какъ будто между ними и не существуетъ той громадной пропасти, которая въ другихъ поселеніяхъ возбуждаетъ ненависть, злобу, проклятія. Такое отношеніе другъ къ другу односельчанъ Дрежниць существуетъ издавна и тѣмъ удивительнѣе, что и здѣсь, какъ вездѣ въ странѣ, христіанинъ по своимъ имущественнымъ правамъ, по землевладѣнію и землепользованію не равенъ своему мусульманскому собрату.

Л и т е р а т у р а.

Изъ спеціальныхъ источниковъ, имѣющихъ отношеніе къ предметамъ, затронутымъ въ этой главѣ, слѣдуетъ преимущественно отмѣтить слѣдующіе.

Čatić.—Volkssage über die Ruine von Prosor (W. M. a B u H., 1899, VI).

Karlinski.—Die Messungen der Tiefe des Borkesees bei Konjica (W. M. a B. u H. 1893, I).

Vuksan.—Der Ursprung v. Dolnij Vakuf (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Geschichte der Sicherheitstruppen u. d. öffentlichen Sicherheit in Bos. u. d. Herc. 1878—1898 (Herausgegeben v. d. Landesregierung). Wien, 1898.

1) Православныхъ лишь 5 душъ.

Weisbach.—Die Serbokroaten der Adriatischen Küstenländer. Berlin, 1884 (u. M. d. Anthp. Gesell. in Berlin).

Mittheilungen der Anthr. Gesell. in Wien, 1885, B. XV. Статя Крауса по антропологији босњакѡвъ.

Weisbach.—Die Herzegoviner verglichen mit Čechen und Deutschen aus Mähren. Wien, 1889 (M. d. Anth. Gesell. in Wien, Supl. II).

Weisbach.—Die Bosnier (M. d. Anthr. Gesell. in Wien. B. XXV, 1895).

Weisbach.—Altbosnische Schädel. (Mit. d. Anthr. Gesell. in Wien. B. XXVII, 1897).

Weisbach.—Prähistorische Schädel vom Glasinac (W. M. a B. u. H, 1897, V).

Glück.—Zur physischen Anthropologie der Albanesen (W. M. a B. u. H, 1897, V).

Ripley.—The Peoples of the Balkan Peninsula—The Greek, the Slav, and the Turk. (Appl. Pop. Sc. Mon. New-York, 1899, III).

V.

Мостаръ: древній мостъ, мечеть Карагъозъ, православный соборъ, католическая епископская церковь. Нижнее теченіе Неретвы. Истоки Буны. Благай. Пещера Вѣтреница.

Мостаръ, современный центръ Герцеговины, лежитъ на мѣстѣ очень древняго поселенія. Сѣвернѣе города находится равнина Бѣло-поле, южнѣе—Бишче-поле. Плоскости эти раздѣлены стѣсшившими теченіе Неретвы горами Хумомъ и Вележомъ. На означенныхъ равнинахъ найдены многочисленныя поселенія римлянъ. Мостарская тѣснина, представляющая какъ бы естественныя ворота, вѣроятно была укрѣплена еще при этихъ колонизаторахъ. Черезъ мѣсто современнаго Мостара проходила римская дорога съ устьевъ Неретвы въ Сараевское поле. Именно въ Мостарскомъ ущельѣ дорога должна была пересѣкать рѣку, такъ какъ она здѣсь сужена. Въ средніе вѣка Мостарская тѣснина была укрѣплена: развалины замка сохранились понынѣ на Хумѣ. У древняго же моста черезъ Неретву въ послѣдствіи образовалось поселеніе, получившее наименованіе, связанное съ памятью о старомъ мостѣ: Мостъ-старъ. Поселеніе это вырастаетъ до степени города лишь въ турецкія времена.

Теперешній Мостаръ представляетъ характерную и интересную смѣсь восточнаго съ западнымъ. Европейскихъ построекъ воздвигнуто здѣсь за послѣднее время много, но не настолько, чтобы стереть старый восточный характеръ города. При этомъ европейскія постройки такъ перемѣшаны со стросніями турецкихъ временъ, что пока не можетъ быть рѣчи объ европейской и азіатской частяхъ города. Онъ расположенъ очень живописно по обѣимъ сторонамъ Неретвы, которая протекаетъ здѣсь по глубоко лежащему ложу. Совершенно каменистые берега ея не требуютъ для укрѣпленія искусственной выкладки, но они въ большинствѣ случаевъ настолько застроены, что любоваться ими какъ и лазуревою рѣкой возможно почти исключительно только съ мостовъ. Городъ

выстроенъ тѣсно; поэтому онъ душный. Лѣтомъ, благодаря узости Мостарскаго ущелья, воздухъ становится невыносимымъ. Мостаръ не подвергся еще той коренной перестройкѣ, которая за послѣднія десятилѣтія такъ радикально измѣнила Сараево. Вслѣдствіе этого народная жизнь наблюдается въ Мостарѣ легче, чѣмъ въ «столицѣ» Босніи, хотя послѣдняя и болѣе населена и жизнь въ ней шире, чѣмъ въ «столицѣ» Герцеговины—въ Мостарѣ.

Главная древность и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшая достопримѣчательность города—старинный мостъ черезъ Неретву. Прежде приписывали сооруженіе его римлянамъ и именно съ этимъ мостомъ связывали наименованіе города. Въ настоящее время можетъ считаться вполнѣ установленнымъ, что знаменитый мостъ построенъ въ турецкія времена. Сооруженіе это славится смѣлостью замысла и искусствомъ архитектурнаго исполненія. Тамъ, гдѣ мостъ перекинутъ черезъ Неретву, рѣка, шириною слишкомъ въ 18 сажень. Черезъ такое пространство переброшенъ мостъ въ одинъ пролетъ, который лишь незначительно меньше ширины рѣки (13 саж.); арка пролета неособенно крута: наибольшее ея разстояніе отъ уровня воды составляетъ $8\frac{1}{2}$ сажень, при этомъ толщина верхней части моста, вмѣстѣ съ каменными перилами, не болѣе 2 аршинъ. Размѣры эти достаточно ясно показываютъ, что мостарскій мостъ представляетъ по своей легкости совершенно феноменальное сооруженіе. Мостъ этотъ очень узокъ (не много болѣе двухъ саж.) и нынѣ, по причинѣ обнаруженныхъ трещинъ, служитъ лишь для пѣшеходовъ. Въ старое время онъ былъ укрѣпленъ и часть древнихъ турецкихъ башенъ сохранилась и по сіе время.

Мостарскій мостъ вызывалъ справедливое удивленіе всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ городъ. Но и народъ издавна любовался и восхищался имъ, слагая о немъ свои сказанія. Тѣмъ не менѣе, до настоящаго времени еще не установлены точно ни время постройки моста, ни имя строителя. Турецкій географъ Хаджи-Халфа (умеръ въ 1648 г.) утверждаетъ, что на мѣстѣ современнаго моста ранѣе находился всякій деревянный, возбуждавшій всеобщее опасеніе. Поэтому мѣстные жители просили султана Солимана II о постройкѣ новаго моста. Султанъ поручилъ это дѣло Синану, знаменитому турецкому архитектору, который, однако, осмотрѣвъ условія мѣстности, нашелъ сооруженіе каменнаго моста невозможнымъ. Дѣло было оставлено. Но ватѣмъ мостарскій ремесленникъ взялся за постройку и блестяще выполнилъ свою работу въ 974 г. хеджры, т. е. въ 1566 г. нашего лѣто-

счисления. Такимъ образомъ, обозначая точно годъ сооруженія, Хаджи-Халфа не передаетъ имени его строителя, ограничиваясь глухими указаніями о мѣстномъ его происхожденіи и о его профессіи. Это обстоятельство позволяетъ думать, что архитекторъ былъ скромнаго званія. Последнее предположеніе какъ бы подтверждается народными предапіями: православное населеніе рассказываетъ, что строителемъ моста былъ нѣкій Раде, турецкій «плѣнный», купившій себѣ свободу сооруженіемъ моста. Другое народное преданіе повѣствуетъ, что строитель (имя неизвѣстно) ручался головою за удачу предпринятой работы и, окончивъ ее, бѣжалъ во время снятія подпорокъ въ деревню Подпоримъ (по дорогѣ въ Коницъ), гдѣ, находясь въ ожиданіи извѣстія о прочности моста въ возбужденномъ состояніи, обрабатывалъ скалу и высѣкъ въ ней цистерну для дождевой воды. Имя строителя моста, казалось бы, должно было быть извѣстнымъ мостарскому уроженцу, мѣстному поэту Дервишу-пашѣ, бывшему въ 1595 г. боснійскимъ визиремъ. Между тѣмъ онъ, воспѣвая Мостаръ и въ частности его мостъ и сравнивая сводъ послѣдняго съ небеснымъ сводомъ, но упоминаетъ—какъ то было бы естественно ожидать—имени архитектора. Можно сдѣлать предположеніе, что извѣстіе Хаджи-Халфы о времени сооруженія моста не совсѣмъ точно, но правильность его показанія подтверждается и памятью народа, сохранившеюся въ средѣ мусульманскаго населенія. Указываютъ между прочимъ на помѣщенную въ серединѣ свода арабскую надпись, которую видно, впрочемъ и то не ясно, только съ берега. Надпись эта (по свидѣтельству Мустафы Мухибича) гласитъ: «сводъ всемогущества Божія»; эта надпись, какъ говорятъ, представляетъ, согласно арабскому обычаю, «тарихъ», т. е. хроностихонъ ¹⁾ и означаетъ 974 годъ хеджра (1566 г.). Какъ бы то ни было время сооруженія мостарскаго моста, повидимому, безспорно относится къ временамъ турецкаго владычества и вѣроятно къ XVI в. Въ турецкія времена въ Боснѣ-Герцеговинѣ строились довольно многочисленные мосты, что стояло въ связи какъ съ развившеюся съ Константинополемъ торговлею, такъ съ тѣми передвиженіями войскъ, которыя вызывались завоеваніями на сѣверѣ. Наиболѣе извѣстные мосты турецкаго сооруженія находятся въ Коницѣ, черезъ Неретву, въ Вышеградѣ (1571 г.), черезъ Дрину, у Са-

¹⁾ Сумма цифръ, принятыхъ для каждой буквы, согласно ея очереди въ алфавитѣ, равняется цифрѣ года.

раева, такъ называемая Козья Чупрія черезъ Милачку (XVI в.), черезъ р. Жепу, у ея впаденія въ Дрину (мостъ одноарочный мостарскаго типа), у Благая, черезъ Буну, и др. Всѣ они свидѣтельствуютъ, что строительная техника была хорошо развита. Со многими изъ босно-герцеговинскихъ мостовъ связаны народныя преданія о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, о замурованныхъ людяхъ. Подобная легенда разсказывается православнымъ населеніемъ и о мостарскомъ мостѣ: постройка не удавалась до тѣхъ поръ, пока, по совѣту горной вилы ¹⁾, не были замурованы двое влюбленныхъ. Аналогичный разсказъ существуетъ и про другіе мосты, напр. про вышеградскій. Здѣсь будто бы подлежали замурованію, по требованію вилы рѣки Дрины, женихъ и невѣста, которымъ, впрочемъ, удалось бѣжать. Про жителей Требиньи разсказываютъ (Хѣрнесъ), будто они лѣтъ 60 тому назадъ, желая выстроить мостъ, похитили трупъ младенца, который предполагали замуровать. Подобный фактъ очень интересенъ и можетъ быть объясненъ переживаніемъ нѣкогда существовавшаго обычая человѣческихъ жертвоприношеній для умиловленія рѣчного божества. Сказанія о человѣческихъ жертвахъ при постройкахъ нерѣдки какъ въ Босніи и Герцеговинѣ, такъ и вообще среди южныхъ славянъ (Краусъ).

Памятниками турецкаго искусства, кромѣ мостовъ, являются мечети. Въ Мостарѣ ихъ 30, изъ которыхъ многія выдаются архитектурными достоинствами. Особенно изящны минареты. Лучшею изъ мостарскихъ мечетей слѣдуетъ считать Карагѣозъ-джамию. Красота ея выражается въ гармоніи линій какъ самой мечети, такъ и ея минарета. Зданіе выведено изъ сѣраго камня, прекрасно отесаннаго и не покрытаго известью. Не смотря на отсутствіе какихъ либо украшеній или фресокъ (не считая обычной сталактитовой аркады подъ галлереею минарета) — сооруженіе производитъ вполне художественное впечатлѣніе. Среди христіанскаго населенія Мостара сохранилось преданіе, что мечеть Карагѣозъ выстроена на мѣстѣ церкви. Православные разсказываютъ, что при церкви находился большой монастырь; вся братія его вмѣстѣ съ игуменомъ была изрублена на паперти. Такъ какъ послѣ этого ночью показывались привидѣнія, то турки разрушили монастырь, а церковь перестроили въ

¹⁾ Вилы болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ греко-римскимъ нимфамъ; горная вила—ореадѣ.

мечеть. Католики, которые въ свою очередь разрушенную церковь считают своею, передаютъ, что во время ломки зданія упала съ алтаря икона Архангела Михаила и укрылась въ ящикъ, оставшійся въ мечети. Его не рѣшаются открыть магометане, а францисканцы отказываются сдѣлать это до тѣхъ поръ, пока мечеть не превратится снова въ церковь. Добавляютъ еще, что въ мечети дьяволъ устроилъ качели, на которыхъ онъ на радостяхъ качается; при оккупациі онъ было собрался оставить мечеть. Мусульмане съ своей стороны передаютъ легенду, что мечеть была сооружена нѣкою Кадун-Фатимою, славившейся своею спѣсью; выстроить мечеть посоветовала ей вила, предупреждая, что въ противномъ случаѣ Богъ ее накажетъ за ея спѣсь.

Большинство городовъ и болѣе крупныхъ посадовъ Босны-Герцеговины заселены преимущественно мусульманами. Обыкновенно христіанское населеніе, православные и католики вмѣстѣ взятые, не составляютъ половины числа горожанъ и общее ихъ число колеблется отъ 30% до 50%. Даже въ Сараевѣ, не смотря на значительный притокъ послѣ оккупациі христіанскихъ элементовъ, христіанское населеніе всѣхъ вѣроисповѣданій не даетъ 50%. Исключеніе изъ этого явленія составляютъ въ настоящее время лишь Яйце, Травникъ и Мостаръ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ однихъ католиковъ больше, чѣмъ мусульманъ, въ Травникѣ число католиковъ почти такое же какъ и магометанъ, а, если считать православныхъ (650) и лютеранъ (20), христіанъ нѣсколько больше чѣмъ мусульманъ. Что касается Мостара, то здѣсь христіанское населеніе превышаетъ магометанское на 300 человекъ ¹⁾. Подобное численное отношеніе между христіанами и мусульманами установилось въ Мостарѣ, Травникѣ и Яйце лишь въ послѣднее время. Въ старину всѣ города представлялись мѣстожительствомъ исповѣдниковъ ислама по преимуществу. Нынѣ съ притокомъ оккупационнаго населенія процентъ католическаго городского населенія значительно поднялся. Но и ранѣе этого христіане увеличивались въ городахъ въ численности. Такое усиленіе относится преимущественно, повидимому, къ XIX вѣку и должно быть объяснено тѣми успѣхами, которыхъ достигли какъ православные, такъ и католики послѣ первой трети означеннаго столѣтія.

¹⁾ Всего въ городѣ 14,370 жителей (1895 г.), изъ нихъ 6,946 магометанъ, 3,877 православныхъ, 3,353 католика, 24 лютеранина, 164 испанскихъ еврея и 6 исповѣдующихъ другія вѣры.

При громадномъ перевѣсѣ въ городахъ мусульманъ надъ христіанами, положеніе церквей послѣднихъ было очень тяжелое, болѣе тяжкое во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ внѣ городскихъ поселеній, такъ какъ горожанъ не закрывали ни лѣса, ни горы. Они не жили какъ сельчане большими массами, которыя придавали иногда почти чисто христіанскій колоритъ цѣлымъ округамъ. Горожане христіанской вѣры жили на главахъ магометанъ, подѣ постояннымъ ихъ наблюденіемъ, ежедневно соприкасались съ мусульманскими властями. Но если въ городахъ по преимуществу сосредоточивались сильные люди магометанской вѣры, то и среди христіанъ въ предѣлахъ тѣхъ же городскихъ поселеній вырабатывались менѣе безотвѣтные, чѣмъ сельчане, люди. Въ городахъ ютились купцы, т. е. люди со средствами, жило болѣе многочисленное духовенство, наконецъ лица, получившія то или иное образованіе. Въ городахъ было ближе до властей, которыя при постоянномъ сожитіи иногда поддавались вліянію, а главное подкупу. Наконецъ, оперившіеся горожане христіанскаго вѣроисповѣданія получали, при помощи денегъ же, ходъ до сильныхъ людей, не исключая и тѣхъ, которые жили въ Стамбулѣ. Эти обстоятельства, при содѣйствіи наиболѣе заинтересованныхъ европейскихъ державъ (Россіи и Австро-Венгріи), облегчали христіанскому населенію достиженіе своихъ цѣлей. Борьба эта шла медленно и скрытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны христіанъ необыкновенно твердо и приводила ихъ постепенно къ ряду побѣдъ. Новѣйшая исторія Мостара въ этомъ отношеніи очень поучительна. Городъ имѣетъ въ настоящее время два блестящихъ памятника побѣды христіанъ надъ магометанами, побѣды, достигнутой не насиліемъ, не разрушеніемъ, а мирнымъ путемъ, благодаря твердости и глубокой вѣрѣ въ свою правоту представителей христіанскихъ вѣроисповѣданій. Памятники эти: православный и католическій соборы.

Православный мостарскій соборъ—монументальное зданіе, выстроенное въ 60-хъ годахъ XIX в. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу Неретвы, въ главной части города, хотя и на краю его. Соборъ стоитъ на обширной уравненной площади, устроенной на горѣ; это мѣстоположеніе, вмѣстѣ съ массивностью зданія, дѣлаетъ соборъ доминирующимъ надъ всѣмъ городомъ. Храмъ виденъ со всѣхъ сторонъ, бросается въ глаза даже за городской чертой. Внутри соборъ, не смотря на голыя стѣны, производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Внѣшность усту-

пасть внутреннему виду: соборъ выстроенъ въ позднемъ византійскомъ стилѣ, съ чрезмѣрно вытянутыми барабанами, не гармонирующими съ плоскостью куполовъ. Послѣдніе, окрашенные черною краскою, придаютъ храму нѣкоторую сумрачность, чему содѣйствуетъ подобная же крыша колокольни; она, впрочемъ, совсѣмъ не вяжется со стилемъ собора, такъ какъ сооружена въ стилѣ барокко. Храмъ выстроенъ при содѣйствіи Россіи.

Исторія его возникновенія очень интересна и характерна.

Въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія православная церковь Мостара находилась въ полномъ убожествѣ. Храмъ былъ самый незначительный, полуразвалившійся, требовавшій коренной перестройки. Другихъ церквей на большомъ разстояніи отъ Мостара совсѣмъ не существовало. Между тѣмъ, православная община окрѣпла, благосостояніе ея членовъ поднялось. Поэтому православное населеніе, не щадя затратъ, стало хлопотать у турецкихъ властей о разрѣшеніи на постройку новаго храма въ Мостарѣ. Съ этою цѣлью въ 1832 г. къ боснійскому визирю отправились мостарскій митрополитъ Іосифъ и представители общины. Фирманъ на постройку былъ полученъ, старое зданіе было немедленно сломано, мѣсто для новаго расчищено, матеріалъ припасенъ. Но въ это какъ разъ время произошла коренная ломка въ управленіи Герцеговины: она была отдѣлена отъ Босніи и во главѣ ея сталъ герцеговинецъ Али-паша Ризванбеговичъ. Дѣло съ постройкою православнаго храма остановилось, такъ какъ мусульмане возмущались успѣхами православныхъ, фирманъ же боснійскаго визиря потерялъ свое значеніе. Въ 1833 г. Али-паша явился изъ Константинополя, чтобы принять управленіе Герцеговиною. Вмѣстѣ съ мусульманами встрѣтили его и православные, но онъ обошелся съ митрополитомъ немилостиво. Это не предвѣщало для православной общины ничего хорошаго. Тогда она обратилась къ содѣйствію Гассанъ-бега Ресульбеговича, назначенному Али-пашею каймакомъ въ Мостарѣ. Гассанъ-бегъ, капитанъ Требинскаго края, зарекомендовалъ себя уже ранѣе въ отношеніи православныхъ съ хорошей стороны. Но и мусульманскіе улемы не теряли времени: они предстали предъ Али-пашой, жаловались ему на православныхъ, просили не дозволить постройки церкви, при этомъ указывали на выгодное положеніе для православныхъ находившагося въ ихъ распоряженіи мѣста, говорили, что церковь станетъ выше всего Мостара, и рекомендовали отвести для храма участокъ за городомъ. Послѣ уловокъ ходатайствовалъ передъ Али-пашею за

православныхъ Гассанъ-бегъ и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Онъ указалъ, что мостарская церковь единственная на три округа (Мостарскій, Коницкій и Любушскій), что въ бывшемъ его, Гассана, Требинскомъ округѣ въ каждомъ селѣ по церкви, что земля, гдѣ больше церквей у христіанъ, лучше и смиреннѣе. При этомъ, дабы снять съ себя всякое подозрѣніе, онъ заявилъ, что самъ онъ не симпатизируетъ христіанамъ и что былъ бы радъ посадить ихъ всѣхъ на одинъ корабль и потопить, даже утонуть съ ними, лишь бы на свѣтѣ не оставалось ни одного «влаха». Али-паша, уступивъ Гассанъ-бегу, разрѣшилъ постройку православнаго храма, но съ тѣмъ во-первыхъ, чтобы новая церковь не была ни длиннѣе, ни шире и ни выше старой, а во-вторыхъ, чтобы ему православная община заплатила 15.000, а сыну его 2.500 піастровъ (всего приблизительно 1.750 рублей). За постройку принялись немедленно, но, вѣроятно вслѣдствіе поспѣшности работы, каменный сводъ рухнулъ; онъ былъ замѣненъ деревяннымъ. Церковь окончена въ 1835 г. Съ этого года начинается подъемъ православной общины, положившій прочныя основанія для ея дальнѣйшаго развитія. Православное населеніе, преуспѣвъ матеріально, нуждалось въ умственномъ и духовномъ просвѣщеніи. Поэтому вызваны были изъ монастыря Завалы (четыре часа пути отъ Любинья, на юго-востокъ отъ Столаца) три іеромонаха: Антоній Периновичъ, Серафимъ Шола и Іоанникій Памучина, ставшіе просвѣтителеми православнаго населенія Мостара. Дѣятельность этихъ лицъ и ихъ преемниковъ можно оцѣнить лишь при сопоставленіи того низкаго уровня, на которомъ находилась православная община въ первой трети XIX столѣтія, съ тѣми ступенями, на которыхъ православное населеніе стоитъ нынѣ.

Вновь выстроенная въ 1835 г. церковь, по тогдашнимъ условіямъ прекрасная, представляла, однако, весьма убогій видъ: крыша ея едва превышала ограду и ничѣмъ не отличалась отъ крыши простыхъ домовъ. Чтобы нѣсколько возвысить церковь внутри, ее врыли въ землю, такъ что приходилось спускаться по лѣстницѣ, ступеней двадцать; окна были малы, образа почти отсутствовали; при этомъ церковь была такъ тѣсна, что помѣщала лишь незначительную часть молящихся. Въ такомъ видѣ засталъ церковь Гильфердингъ въ 50-хъ годахъ.

Но духовенство неустанно трудилось, подымая духъ православной общины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны дѣятели: іеромонахъ Прокопій Чокорило и уже названный выше Памуч-

чина. Послѣдній, извѣстный своими литературными трудами, прославилъ свое имя какъ церковный и общественный труженикъ. Вліяніе его на народъ было громадно, своею дѣятельностью онъ заслужилъ лестное прозвище «народный человѣкъ»; авторитетъ его признавался не только православными, но и мусульманами, обращавшимися къ нему за разъясненіями, касающимися ихъ вѣры. Заботами и трудами Памучины основалось въ 1854 г. и православное мостарское училище, оказавшее неоцѣненные услуги православной общинѣ. Къ этимъ дѣтелямъ Мостара присоединились въ 50-хъ годахъ іеромонахи Дужскаго монастыря (по дорогѣ отъ Требиня къ Дубровнику-Рагузѣ) Никифоръ Дучичъ и Серафимъ Перовичъ. Послѣдній, извѣстный въ свое время заступникъ православнаго люда, терпѣлъ неоднократно гоненія со стороны мусульманскихъ властей и даже былъ въ изгнаніи; нынѣ уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, исключаящихъ возможность какой либо дѣятельности, Серафимъ Перовичъ состоитъ въ санѣ мостарскаго митрополита.

Всѣ эти незабвенные труженики православной церкви поставили ее на прочное основаніе, развили и укрѣпили общину и приготовили въ лицѣ ея передовыхъ людей борцовъ, дѣятельность которыхъ такъ нужна въ настоящее время, когда православной церкви грозитъ опасность уже не со стороны мусульманскихъ, а католическихъ властей и духовенства.

Возникновеніе католической церкви въ Мостарѣ не въ меньшей мѣрѣ интересно. Церковь эта выстроена тоже въ 60-хъ годахъ. Съ внѣшней стороны она не представляетъ ничего художественнаго, но внутри это весьма обширное строеніе, могущее вполне удовлетворить католическое населеніе даже при нынѣшнемъ покровительствѣ положеніи римской церкви. Впрочемъ, храмъ украшался уже въ послѣдующія десятилѣтія, церковныя же пристройки весьма недавняго (послѣ оккупаци) происхожденія.

Въ XVI вѣкѣ въ Мостарѣ извѣстны три католическихъ церкви и одинъ францисканскій монастырь. Изъ этого можно заключить, что число католиковъ было въ то время довольно значительно. Въ 1570 г. церкви и монастыри были разрушены и сожжены. Поводомъ къ этому послужило бѣгство Дуванскаго (изъ Дувна) католическаго епископа, спасагося отъ преслѣдованія турокъ среди мостарскихъ францисканцевъ, отказавшихся его выдать. Монахи были всѣ убиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, началось и по-

головное преслѣдованіе христіанъ. У францисканцевъ остались лишь три монастыря: въ Фойницѣ, Крешевѣ и Сутискѣ. Затѣмъ католическая церковь лишилась своихъ руководителей: епископіи Боснійская, Дуванская и Мостарская упразднились. Во главѣ церкви сталъ францисканецъ съ титуломъ викарія. Такое положеніе длилось съ 1737 по 1840 г. Съ 40-хъ годовъ католическая церковь начинаетъ, однако, крѣпнуть; Герцеговина въ церковномъ отношеніи отдѣляется отъ Босніи и получаетъ своего викарія, — многозаслуженнаго для Рима францисканца Рафаила Баришича. Въ это время въ Мостарѣ совсѣмъ не было католическаго храма, число же мирянъ не превышало 500 душъ (православныхъ тогда было въ Мостарѣ приблизительно тысячи двѣ). Отсутствіемъ римскихъ церковныхъ властей объясняется то тяжелое положеніе, въ которомъ находились мостарскіе католики. Укрѣпленіе и развитіе дѣятельности церкви православной могли приводить къ мысли немногочисленныхъ католиковъ о переходѣ въ лоно восточной церкви. Поэтому Баришичъ, живя далеко отъ Мостара, въ Дуванскомъ полѣ (въ Сеоницѣ), и не имѣя возможности посѣщать городъ иначе, какъ переодѣтымъ, твердо задался цѣлью оберечь свою паству отъ «схизма» и упрочить римскую церковь въ Мостарѣ, въ центрѣ Герцеговины и мусульманства. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи замѣчательна.

Выше было указано съ какимъ трудомъ для православныхъ была сопряжена перестройка ихъ церкви. Претензіи католиковъ были правильно оцѣнены магометанами. Они поняли, что вопросъ подымается уже о второмъ шагѣ христіанъ, при этомъ, шагъ совершенно новымъ: Баришичъ добивался постройки епископскаго дома, ранѣе въ Мостарѣ не существовавшаго. Возмущеніе мусульманъ по этому было громадно. Но Баришичу удалось съ большимъ трудомъ и тяжкими расходами купить себѣ въ Стамбулѣ фирманъ на проектированную постройку. Мостарскіе «турчины» игнорировали однако приказъ султана, къ тому же никто не соглашался продать участокъ земли. Тутъ Али-паша явился посредникомъ: онъ купилъ на свое имя небольшой участокъ за чертою города въ Волчьей долинѣ и перепродалъ его Баришичу за шесть кошельковъ піастровъ (рублей 240). Это произошло въ 1847 г. Мусульмане, узнавъ объ этомъ, собрались было убить Баришича, но онъ, въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ кавасовъ, мужественно прослѣдовавъ черезъ городъ, намѣтилъ на приобрѣтенномъ участкѣ очертанія зданія и поручилъ возведеніе его работникамъ Али-

наши, самъ же удалился въ Сеоницу. Возбужденіе мусульманъ было такъ сильно, что каменщики должны были работать вооруженными. Въ 1852 году Баришичъ переселился въ Мостаръ и припился за устройство конфессіональной школы. Скоро церковь при епископскомъ домѣ оказалась слишкомъ малой и Баришичъ принялся за сооруженіе новой. Окончаніе этого храма онъ не пережилъ, скончавшись въ 1863 г.; храмъ былъ оконченъ въ 1866 г. Постройка новой церкви состоялась при содѣйствіи австрійскаго правительства; именно этимъ слѣдуетъ объяснить сдѣланное на церковь пожертвованіе султана 50 кошелевковъ піастровъ (около 2.000 р.). Это крупное пожертвованіе превзошло сумму лепты мѣстнаго католическаго населенія, которая составила лишь 2.350 гульденовъ, т. е. 1.880 р. Изъ Австріи пожертвовано было 7.290 р. (9.013 гульд.), но большую половину расходовъ (16.035 гульд., т. е. около 13.000 р.) покрыла римская пропаганда.

Такой успѣхъ въ высшей степени ободрилъ католическое населеніе и его пастырей. Число католиковъ въ Мостарѣ начинаетъ быстро увеличиваться: въ 1867 г. ихъ уже 1,715 душъ, а въ 1873 г. 2,012 д. Въѣстъ съ тѣмъ, растутъ и уваженіе къ католической церкви. Епископскій храмъ, хотя и за чертой главной части города, бросался въ глаза своею монументальностью. Служила свою службу и надпись надъ дверьми храма; тутъ открыто заявлено что: «бѣдный народъ лишь малымъ содѣйствовалъ» сооруженію. Съ него, слѣдовательно, какъ бы снималась отвѣтственность за постройку новой церкви. Далѣе надпись повѣствуетъ, что «остальныя издержки покрыты за-границею, заботами братьевъ францисканцевъ и ихъ епископа». Этимъ народъ какъ бы ободрялся, что онъ не одинъ, что о немъ есть кому подумать и что ревностные его предстатели—францисканцы. Наконецъ, и это самое главное, надпись не скрываетъ, что «милостивый царь Стамбула пожертвовалъ для сооруженія храма участокъ и сверхъ того 50 кошелевковъ (піастровъ)». Этимъ ясно указывалось, что католическая церковь находится подъ высокимъ покровительствомъ главы государства и тѣмъ отличается отъ церкви православной.

Такая постановка дѣла дала прекрасные результаты. Въ церкви былъ разрѣшенъ колокольный звонъ, допущены похоронныя и церковныя процессіи, мусульманскимъ властямъ запрещено вмѣшательство въ католическіе браки. Последняя льгота была

особенно важна, такъ какъ она содѣйствовала удержанію католичекъ отъ замужества съ мусульманами и переходу въ римскую церковь выходившихъ замужъ за католиковъ мусульманокъ. Сталъ вообще замѣчаться переходъ въ католичество. Правда, движеніе это не слѣдуетъ преувеличивать, но оно тѣмъ не менѣе имѣло мѣсто. Переходъ этотъ замѣчался преимущественно при жизни Баришича (котораго въ этомъ отношеніи упрекають въ излишнемъ фанатизмѣ) и происходилъ, вѣроятно, лишь со стороны тѣхъ католиковъ, которые въ старое время въ своемъ отчаянномъ положеніи примыкали къ мусульманамъ, а быть можетъ и къ православнымъ. Торжество католической церкви было такимъ образомъ полное. Формально оно сказалось въ 1865 г. при вѣздѣ въ Мостаръ преемника Баришича Ангѣла Краевича. Его провожало католическое духовенство, консулы христіанскихъ державъ, чиновники визиря; онъ вошелъ въ городъ торжественно въ полномъ облаченіи, сопровождаемый кадилнымъ дымомъ.

Такой успѣхъ католической церкви не предвѣщалъ ничего хорошаго для православнаго населенія. Оно дѣйствительно оказалось въ положеніи болѣе угнетенномъ со стороны властей, чѣмъ католическое. Послѣднее поддерживалось сосѣдней Австріею и римскою пропагандою, тогда какъ православные могли рассчитывать лишь на сравнительно скудную поддержку отдаленной Россіи. Не прошло и 15 лѣтъ съ торжественнаго вѣзда Краевича, какъ страна была оккупирована Австро-Венгріею. Нынѣ мостарскіе православные со вздохомъ вспоминають турецкія времена: тогда все же удалось достигнуть сооруженія большого, прекрасно расположеннаго храма, теперь не только о подобномъ успѣхѣ не можетъ быть рѣчи, но съ трудомъ отстаивается и то, что уже пріобрѣтено.

Отъ Мостара въ юго-восточномъ направленіи тянется трехугольной формы равнина Бишче-поле. Въ народѣ держится традиція, что здѣсь нѣкогда находилось озеро. Рассказываютъ, что въ окружающихъ Бишче-поле скалахъ и по сіе время сохранились желѣзные кольца для привязыванія кораблей, пристававшихъ къ берегамъ озера. Эта традиція въ народѣ такъ сильна, что почти всѣ изслѣдователи Босны-Герцеговины, начиная съ наиболѣе ран-

нихъ (какъ Бакула и Блау), относясь съ вѣрою къ означенному пересказу, повторяютъ его голословно. Между тѣмъ, рассказы о кольцахъ, корабляхъ и озерѣ имѣютъ чисто легендарный характеръ и переносятся народомъ и на другія мѣстности страны. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что русло Неретвы, по крайней мѣрѣ ниже Коница и до ея дельты, съ теченіемъ лѣтъ несомнѣнно значительно мѣнялось, и рѣка въ свое время образовывала разливы, затоны, озера. Ложе Неретвы въ среднемъ и нижнемъ ея теченіи представляетъ неоспоримый геологическій интересъ. Рѣка то пробивается черезъ узкія ущелья известковыхъ скалъ, то расширяется, приобретаѣтъ болѣе спокойное теченіе, то глубоко прорѣзываетъ конгломератную породу, происхожденіе которой стоитъ, быть можетъ, въ связи съ динамическими вліяніями той же рѣки, относящимися къ болѣе отдаленнымъ періодамъ. Протекая въ верхней и средней своей части исключительно гористыя мѣста, Неретва передъ Мостаромъ вступаетъ въ плоскость Бѣло-поле; далѣе слѣдуетъ подобная же равнина—Бишче-поле, затѣмъ идетъ Крупская болотистая плоскость, послѣ которой Неретва течетъ, становясь съ Метковичей судоходной, уже исключительно по низменности.

Неретва—единственная судоходная рѣка Герцеговины. Значеніе ея поэтому важно. Роль Неретвы была несомнѣнно гораздо болѣе важной для страны въ тѣ времена, когда человечество не было вооружено тѣми культурными средствами передвиженія, которыми оно обладаетъ нынѣ. Оттого и вопросъ о существованіи по теченію Неретвы озера представляется очень существеннымъ. Въ древней литературѣ имѣется по этому предмету весьма опредѣленное указаніе: Скилаксъ говоритъ, что въ 80 стадіяхъ (около 15 верстъ) отъ устья рѣки, «на мѣстѣ торговли» (предполагаютъ, что подразумѣвается мѣсто, на которомъ впоследствии образовался городъ Нарона, лежавшій между современными Метковичами и Габелою) находится большое озеро съ плодороднымъ островомъ, величиною въ 120 стадіевъ (т. е. около 22 верстъ); изъ этого озера вытекаетъ р. Нарона, т. е. Неретва. Слѣдуя точно приведенному свидѣтельству, нѣкоторые изслѣдователи предполагали существованіе озера сѣвернѣе современной Габелы, въ предѣлахъ Крупской низменности. Къ этому убѣжденію приводило то обстоятельство, что Неретва, суженная отъ Буны до Почителя, втекаетъ южнѣе послѣдне-означеннаго мѣста въ равнину, а затѣмъ у Габелы прорываетъ узкую цѣпь горъ, представляющую какъ бы естествен-

ную плотину. Однако, если допустить на мѣстѣ Крупской плоскости озеро, то надо признать, что оно не могло быть большимъ; кромѣ того, здѣсь нѣтъ тѣхъ возвышенностей, которыя могли бы служить нѣкогда островомъ въ 20 слишкомъ верстъ длины. Поэтому другіе изслѣдователи искали озеро Скилакса сѣвернѣе. Допускалось именно, что въ свое время Бишче-поле и Бѣло-поле составляли резервуаръ, наполненный водой; нѣкоторые при этомъ думали, что Бишче-Бѣлопольское озеро соединялось съ современнымъ Мостарскимъ Блатомъ (на западъ отъ Мостара) и такимъ образомъ образовывало бассейнъ весьма значительной величины. Однако, всѣ эти предположенія чисто теоретическаго свойства и не подтверждаются научными доводами. Правда, вполне отрицать существованіе озера или озеръ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ сейчасъ было сказано, не представляется возможнымъ, но существованіе ихъ должно быть отнесено къ довольно древнимъ геологическимъ временамъ. Свѣдѣнія Скилакса приурочиваются къ 410—310 г.г. до Рождества Христова (Кипертъ), т. е. частью ко времени иллирійскаго періода страны, частью же ко времени вторженія на Балканскій полуостровъ кельтовъ (380 до Р. Хр.). Изслѣдованія послѣдняго времени показали, однако, что означенныя выше равнины были заселены уже иллирами, оставившими многочисленныя памятники такъ называемаго гальштатскаго періода. Поэтому есть основаніе считать показанія Скилакса неправильными или по крайней мѣрѣ неточными. О существованіи какого либо озера или озеръ въ болѣе позднее, напримѣръ, римское время, равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ наряду съ памятниками гальштатскаго типа на Бишче-полѣ и другихъ равнинахъ Неретвы найдены древности римской эпохи и среднихъ вѣковъ, свидѣтельствующія, что въ историческое и полуисторическое время названныя низменности были заселены и, слѣдовательно, озернаго дна не составляли. Тѣмъ не менѣе, возможно предположить, что современное Мостарское Блато представляло, быть можетъ въ сравнительно неотдаленномъ прошломъ, озеро. Конечно, его не могли посѣщать корабли съ устья Неретвы, благодаря маловодью и неровности теченія рѣки выше Метковичей и Габелы, т. е. выше древней Нароны. Нынѣ Мостарское Блато превращается въ озеро лишь въ зимніе мѣсяцы, лѣтомъ же свободная отъ воды почва обрабатывается и даетъ хорошій урожай. Эти особенности Мостарскаго Блата могли дать поводъ къ легендѣ объ озерѣ съ плодороднымъ островомъ,

такъ какъ ни того, ни другого авторъ древняго извѣстія лично, вѣроятно, и не видалъ.

Южная часть Бишче-поля орошается Буною, довольно многоводной, но очень короткой рѣкой. Все теченіе ея не достигаетъ и десяти верстъ. Истокъ этой рѣки, лежащій въ юго-восточномъ углу названной равнины, представляетъ одно изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ природныхъ явленій не только Босны-Герцеговины, но и всей Европы. Въ равнину отвѣсно падаетъ голая, сѣраго цвѣта скала Подвележа. Въ этой естественной стѣнѣ, высокою сажень въ 90, помѣщается громадная сталактитовая пещера, изъ которой спокойно вытекаетъ уже совершенно сформированная рѣка. Въ пещеру, глубина которой не превышаетъ нѣсколькихъ сажень, можно вѣхаться на лодкѣ. Лазуревый свѣтъ, нависающіе своды, таинственное безшумное возникновеніе рѣки, причудливыя формы стѣнъ и декоративно освѣщенная солнцемъ даль — все это производитъ могучее, сказочное впечатлѣніе. Истокъ Буны, вотъ то явленіе, которое вызывало въ народной фантазіи представленіе о подземномъ царствѣ, заколдованномъ, манящемъ человѣка и обѣщающемъ ему несказанные богатства.

Глубина воды въ пещерѣ громадна. Это понятно, такъ какъ рѣка непосредственно за выходомъ изъ пещеры получаетъ очень широкое теченіе, которое указываетъ на большой запасъ воды въ истокѣ. Буну считаютъ за продолженіе р. Заломски, впадающей верстахъ въ 20 отъ истока Буны въ горную пропасть. Народъ рассказываетъ, что палка, брошенная пастухомъ въ Заломску, была найдена въ Бунѣ его отцомъ. Узнавъ о подземной связи двухъ рѣкъ, пастухъ, по уговору съ нимъ, сталъ спускаться въ Заломску овецъ, которыя и вылавливались его отцомъ. Это будто бы продолжалось до тѣхъ поръ, пока къ отцу не приплылъ обезглавленный трупъ сына: турецкій ага узналъ о продѣлкахъ своего слуги и жестоко наказалъ виновниковъ.

На вершинѣ горнаго хребта Подвележа, непосредственно надъ истокомъ Буны, находятся развалины Степанопограда — средне-вѣковаго замка, отстроеннаго герцогомъ Степаномъ Касачею. Степанопоградъ въ первоначальномъ видѣ, равно какъ и лежащее подъ нимъ городское поселеніе Благай, отождествляются съ крѣпостью и поселеніемъ X вѣка, упоминаемыми Константиномъ Багрянороднымъ. Благай оставался столицею сначала Захумія, а потомъ Герцеговины, съ древнѣйшихъ до самыхъ недавнихъ временъ. Нынѣ Благай не имѣетъ никакого значенія; это небольшое

и заброшенное поселеніе, развалины построекъ котораго указываютъ на нѣкогда цвѣтущія времена.

Рѣки, подобныя Бунѣ, очень типичны для Герцеговины. Характеръ ихъ стоитъ въ связи съ почвою карста. Едва ли не бѣольшая часть босно-герцеговинскихъ рѣкъ имѣетъ схожее съ Буною происхожденіе. Явленіе это у другихъ рѣкъ не настолько грандіозно, какъ то имѣетъ мѣсто у Буны, но оно очень обыкновенно въ Герцеговинѣ. Масса рѣчекъ, еще большее количество ручьевъ вытекаютъ прямо изъ скалы, но и теряются внезапно или постепенно въ скалахъ, чтобы затѣмъ снова появиться изъ подземнаго міра на свѣтъ Божій. Очень типична въ этомъ отношеніи Требинчица. Она вытекаетъ у Билечи на Черногорской границѣ, течетъ сначала на югъ, затѣмъ, круто сворачивая, на западъ, орошаетъ Попово-поле, въ концѣ котораго, становясь мельче, она совсѣмъ теряется въ почвѣ. За продолженіе этой рѣки нѣкоторые считаютъ Крупу, впадающую у Габелы въ Неретву, другіе же Омблу, впадающую послѣ нѣскольکو сажennaго теченія въ глубокій фіордъ у Гружа (Гравозы) въ Далмаціи и образующую схожую съ истокомъ Буны картину. Теченіе рѣкъ подобнаго рода, какъ сказано, свойственно вообще карсту: Крайна, напр., подобно Герцеговинѣ богата подземными рѣками (въ Черногоріи—истокъ рѣки Черноевича, въ Крыму—истокъ Салгира). Сильно пересѣченная мѣстность, съ внезапными паденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ известковая почва содѣйствуютъ исчезновенію и появленію рѣкъ. Онѣ часто стоятъ въ связи съ пещерами, которыми карстъ равнымъ образомъ богатъ и которыя часто скрываютъ подземныя озера или временами служатъ проводниками и стоками дождевыхъ водъ (Кизилъ-коба въ Крыму). Пещеръ въ Герцеговинѣ, какъ и въ Босніи, очень много; нѣкоторыя изъ нихъ служили мѣстомъ пребыванія доисторическаго человѣка, какъ напр. у Ракитно въ Герцеговинѣ, Маринова-печина, по дорогѣ отъ Сараева къ Мокро, Міятина-печина, у Ивана по дорогѣ отъ Сараева къ Мостару и др. Но самая интересная изъ нихъ, представляющая въ нѣкоторомъ родѣ феноменъ—это пещера у Завалы, на Поповомъ полѣ, въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Любинья. Она называется Вѣтреницей (Вјетреница—печина) на томъ основаніи, что въ ея входѣ постоянно дуетъ вѣтеръ. Зимомъ токъ идетъ въ пещеру, а лѣтомъ въ обратномъ направленіи; въ жаркое время года теченіе воздуха такъ велико, что свѣчи тухнутъ. Вѣтеръ этотъ обусловливается разностью въ температурѣ воздуха, достигающей лѣтомъ

20 градусо́въ. Вѣтреница узкая и очень длинная пещера; она изслѣдована (Вавровичемъ) въ глубину 330 сажень и пройдена (Михайловичемъ) на разстояніи свыше 650 сажень. Кромѣ интересныхъ сталактитовыхъ образованій и водяныхъ бассейновъ, пещера привлекаетъ вниманіе звуковыми эффектами: въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышенъ шумъ какъ бы отъ тренія мельничныхъ жернововъ, а въ одномъ мѣстѣ громкіе удары, схожіе съ барабаннымъ боемъ (до 150—200 ударовъ въ минуту). Причинъ этихъ явленій по сіе время не удалось выяснитъ. Эти своеобразныя качества пещеры вызываютъ суевѣрный къ ней страхъ въ народѣ, въ средѣ котораго передаются различные рассказы. Магометане между прочимъ думаютъ, что пещера населена войскомъ духовъ, на мельницахъ мелется для нихъ пшеница, а барабанъ играетъ когда они садятся ѣсть и пить. Вѣтреница, вѣроятно, была прежде русломъ подземной рѣки, которая нашла себѣ въ послѣдствіи другой исходъ. Нахожденіе римскихъ монетъ показываетъ, что во время римской колонизаціи пещера уже существовала вѣроятно въ современномъ видѣ, но остатковъ постоянного жительства людей въ пещерѣ до сихъ поръ не констатировано. У входа въ Вѣтреницу въ скалѣ вытесаны сцены охоты и поединка, обычнаго для Босны-Герцеговины средневѣковаго типа.

Л и т е р а т у р а.

Кромѣ нижеперечисляемыхъ трудовъ, въ отношеніи Мостара и другихъ предметовъ, затронутыхъ въ этой главѣ, не мало матеріала можно встрѣтитъ въ сочиненіяхъ общаго характера, приведенныхъ подъ главою первую.

Mustapha Hilmi Muhibbié.—Volksthümliches über die alte Brücke in Mostar. (W. M. a B. u H., 1893, I).

Hörmann.—Die alte Brücke in Višegrad. (W. M. a B. u H., 1894, II).

Sarajevski list, 1883, № 43 и Босанска вила. Сарајево, 1888, № 10 и 11 (народные рассказы о мостѣ въ Вышеградѣ).

Kraus.—Das Bauopfer beiden Südslaven. (Mitt. d. Anthr. Gesell. in Wien B. XVII 1887).

Radimský.—Der Narenta—See des Skylax. (W. M. a B. u H., 1896, IV).

Flucek.—Zur Hydrologie zweier Bezirke der Herceg. (W. M. a B. u H., 1896, IV)

Mihajlović.—Die «Vjetrenica»—Höhle in Zavala. (W. M. a B. u H., 1893, I глава въ статьѣ: «Das Popovopolje»).

Vavrović.—Die Vjetrenicahöhle bei Zavala. (W. M. a B. u H., 1895, III).

VI.

Сараево: исторія и общій характеръ города, мусульманскія древности, православный соборъ, новѣйшія постройки, австро-венгерскій элементъ, умственная жизнь и научная дѣятельность. Илѣдже-Баня.

Главный городъ Босны-Герцеговины, Сараево, всецѣло относится къ турецкой эпохѣ исторіи страны. Основаніе его нѣкоторые приписываютъ мѣстнымъ магнатамъ-ренегатамъ Соколовичу и Златоровичу. Преданія мусульманъ связываютъ возникновеніе города съ Кирай-ханомъ (Гиреемъ) изъ Крыма, который здѣсь отличился при Магометѣ II, велѣвшимъ въ память побѣды выстроить дворецъ—сарай. Поселенія и крѣпость на мѣстѣ тепершняго Сараева существовали, однако, и до покоренія Босніи, но они еще не играли первенствующей роли. Сохранилась традиція, что нѣкоторыя части современнаго Сараева: Быстрикъ, Бѣлява и Вратникъ нѣкогда были самостоятельными селеніями. На основаніи древнихъ могилъ можно утверждать, что уже въ 1445 г. здѣсь жили мусульмане, въ 1465 же году, т. е. два года послѣ завоеванія Босніи, здѣсь былъ основанъ вакуфъ.

Если Сараево, какъ городское поселеніе этого наименованія, принадлежитъ исключительно къ турецкому періоду босно-герцеговинской исторіи, то мѣстность, занимаемая городомъ, по крайней мѣрѣ часть ея, была населена съ древнихъ временъ.

Сараево лежитъ въ узкой долинѣ р. Милячки, впадающей вмѣстѣ съ другими рѣчками на Сараевскомъ полѣ въ Босну. Обильно орошенная равнина эта служила, равно какъ и спускающіяся въ нее горы, мѣстомъ жительства доисторическаго человѣка.

Долина Милячки обрамлена съ юга горами Требевича. Ближайшіе къ Сараеву отроги этихъ горъ были заняты аборигенами страны. Поселеніе ихъ начиналось на рубежѣ современнаго города въ юго-западномъ отъ него направленіи въ Собунарѣ, поднималось по горѣ Дебело-бырдо (2462 ф.) и продолжалось до обособлен-

ной возвышенности Златиште (2534 ф.). Изслѣдованія этого древняго мѣста жительства, произведенныя въ недавнее время (Трухелкой и особенно Фіалой), показываютъ, что собственно поселеніе сначала находилось на Собунарѣ, гдѣ между прочимъ найдены обильныя залежи глины, и что Дебело-бырдо и Златиште были укрѣпленіями. Первое изъ нихъ небольшихъ размѣровъ могло служить для убѣжища воиновъ, второе, значительно обширнѣе, могло укрывать въ минуты опасности семьи и имущество (стада) обитателей Собунара. Доисторическое населеніе Собунара-Дебело-бырдо-Златиште занималось земледѣліемъ и скотоводствомъ (козы, бараны, рогатый скотъ и собаки—были домашними животными). Мѣсто жительства доисторическаго челоѣка здѣсь расположено очень благопріятно: оно защищено отъ вѣтровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доминируетъ надъ всей долиной; кромѣ глины подъ рукою находилась и вода. Таковы поселенія были въ теченіе поздняго каменнаго и бронзоваго вѣковъ. Затѣмъ Дебело-бырдо начинаетъ служить уже не укрѣпленіемъ только, но и постояннымъ мѣстомъ жительства; оно сохраняетъ свое значеніе въ теченіе гальштаттской и ла-тенской эпохъ, т. е. иллирійскаго и кельтическаго періодовъ. Въ первой изъ нихъ развивается керамика, во второй разнообразныя металлическія издѣлія. Торговля сношенія замѣчаются съ древнѣйшихъ временъ черезъ всѣ эпохи. Мѣстное населеніе продаетъ естественныя продукты, а покупаетъ: обсидіанъ, янтарь, курительную смолу, стеклянныя бусы и т. п. Съ приходомъ римлянъ поселеніе гибнетъ, но новыя колонизаторы продолжаютъ на Собунарѣ пользоваться глиной, а на Дебело-бырдо строить свое укрѣпленіе. Послѣднее незначительныхъ размѣровъ, быть можетъ лишь для охраны мѣста добычи глины или, въ виду доминирующаго значенія названной горы, для господства надъ долиною Милячки и для охраны развивающейся въ ней колонизаціи. Римское поселеніе на Дебело-бырдо сохраняется до конца римской эпохи въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. до VI вѣка по Р. Х.

Послѣ завоеванія страны турками Сараево въ теченіе долгаго времени не имѣло выдающагося значенія, которое оно, какъ центръ мѣстнаго мусульманства, начинаетъ пріобрѣтать лишь въ самомъ концѣ XV и въ XVI вѣкахъ. Въ это время городъ отстраивается и расцвѣтаетъ. Многимъ обязанъ онъ Гази-Хузревъ-бегу, бывшему въ первой половинѣ послѣдне означеннаго столѣтія дважды боснійскимъ визиремъ. Лишь съ указаннаго приблизительно

времени Сараево становится дѣйствительнымъ центромъ Босніи и Герцеговины. Самое выдающееся событіе города произошло въ 1697 г., когда онъ былъ взятъ и разграбленъ войскомъ Евгенія Савойскаго. Впрочемъ, мусульмане успѣли скрыться, взявъ съ собою цѣнное имущество; христіане и евреи были отведены въ плѣнъ.

Первоначально городъ населяли почти исключительно магометане, христіанъ было мало, но затѣмъ стали приселяться къ нимъ преимущественно православные, не изъ коренныхъ впрочемъ босняковъ или герцеговинцевъ, а изъ пришельцевъ другихъ областей сербской земли. Эта часть населенія составила довольно значительный торговый классъ. Походъ Евгенія Савойскаго нанесъ христіанскому населенію чувствительный ударъ. Однако въ послѣдствіи многіе возвратились и населеніе увеличилось новыми пришельцами.

Въ 50-хъ годахъ XIX вѣка въ городѣ считалось до 50.000 жителей, изъ нихъ приблизительно 5.000 православныхъ и 200 католиковъ. Нынѣ соотношеніе частей населенія по вѣроисповѣданіямъ сильно измѣнилось, причемъ общее число жителей значительно сократилось: по переписи 1895 года считалось въ городѣ кромѣ войскъ 38,083 души¹⁾, изъ нихъ 17,158 мусульманъ, 5,858 православныхъ, 10,672 католика, 285 лютеранъ, 4,058 евреевъ и 52 души другихъ вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ число магометанъ сильно уменьшилось, число православныхъ осталось почти безъ увеличенія, католики же возрасли въ числѣ на громаднѣйшій процентъ.

Сараево настолько измѣнилось за послѣднія 20 лѣтъ подъ вліяніемъ европейской культуры, что отъ стараго города, описываемаго еще въ 70-хъ годахъ, сохранилось, кромѣ мечети, сравнительно немного. Обыкновенно натискъ европейцевъ, уничтожая живописную азіатскую безпорядочность, создаетъ тотъ типичный казарменный характеръ города, среди котораго и душно и тоскливо. Но про Сараево этого сказать нельзя. Мѣстное правительство въ высшей степени озабочено, чтобы новыя постройки были не только приспособлены къ тому, къ чему онѣ призваны служить, но чтобы онѣ были и красивы. Въ этомъ отношеніи рекомендуется мусульманскій стиль. И нельзя не отдать справедливости, что Сараево, уже украшенный цѣлымъ рядомъ построекъ этого стиля, въ значительной степени содѣйствуетъ развитію и возрожденію худо-

¹⁾ Изъ нихъ: 20,237 мужчинъ и 17,846 женщинъ.

жественныхъ мотивовъ восточнаго архитектурнаго искусства. Со временемъ, надо думать, городъ пріобрѣтетъ довольно своеобразный характеръ, чему уже теперь содѣйствуютъ сохранившіяся въ изобиліи старинныя мечети, разбросанныя какъ въ нижнемъ городѣ, такъ и въ нагорныхъ его частяхъ. Нижъ-городъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ р. Милячки, можно назвать европейскою частью по преимуществу. Здѣсь главнымъ образомъ встрѣтишь болѣе или менѣе регулированныя, хорошо шоссированныя и застроенныя новыми домами улицы; въ этой части уже ходятъ вагоны электрической желѣзной дороги; здѣсь устроено электрическое освѣщеніе, выстроены правительственныя зданія, общественное собраніе, гостиницы съ кафе на вѣнскій ладъ; тутъ именно помѣщаются лучшіе магазины и тутъ же главнымъ образомъ встрѣчаются европейскій костюмъ и австрійскіе мундиры, слышится нѣмецкая рѣчь.

Однако даже въ этой части Сараево не производитъ впечатлѣнія установившагося города. Напротивъ того: тутъ и тамъ строящіеся дома, перекопанныя улицы для укладки канализаціонныхъ трубъ, телегн съ строительнымъ матеріаломъ и рабочіе—каменщики, штукатурщики, обойщики и т. п. указываютъ, что городъ переживаетъ горячій строительный періодъ, узкіе же и грязноватые переулки и иные остатки старины убѣждаютъ, что эта старина еще не сломана и что европеецъ не сдѣлался еще полнымъ хозяиномъ города.

Австріецъ или, какъ его называютъ босняки, «швабъ» (безъ различія народности, къ которой онъ принадлежитъ), занявъ наиболѣе удобную для себя часть города, расположенную, въ равнинѣ по обѣимъ, но преимущественно по правой сторонѣ Милячки, предоставилъ нагорную и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе живописную часть города коренному населенію. Сохранена за этимъ населеніемъ и исконно торговая часть города, тѣсно примыкающая къ европейскому городу чарджія, или—какъ мы ее у себя на востокѣ называемъ—майданъ, базаръ.

Чарджія сохранила еще всецѣло свой мѣстный, или, вѣрнѣе, общій восточный характеръ. Узкія кривыя улицы заставлены настежъ открытыми лавками, въ которыхъ купецъ, онъ же нерѣдко и ремесленникъ, трудится надъ издѣльями, тутъ же продаваемыми. Общая картина этого базара вполне схожа съ картинами подобнаго рода у насъ въ Бахчисарай, Тифлисъ, Эривани и другихъ городахъ. Мѣстная же особенность Сараевского базара выражается въ этнографи-

ческомъ элементѣ. Для наблюденія его наиболѣе удобна среда, базарный день, въ который тѣсная чарджія оживляется стекающимъ деревенскимъ людомъ, а равно толпящимися горожанами, нерѣдко отдаленныхъ мѣстностей. Въ среду въ чарджіи можно изучать этнографическіе типы боснійскаго населенія. Ставь въ сторону, дабы избѣгнуть толкотни, возможно спокойно наблюдать за снующими фигурами. Разнообразіе ихъ поражаетъ, тѣмъ болѣе, что Сараево не столица обширнаго государства, какъ напримѣръ Константинополь, а центръ очень небольшой страны. Разнообразіе это обуславливается, съ одной стороны, тою разностью, которая исторически сложилась въ Босніи между горожанами и сельчанами, съ другой стороны разностью тѣхъ элементовъ, которые, при расширеніи въ средніе вѣка коренной боснійской территоріи, вошли въ составъ ея, не утративъ своей индивидуальности. Далѣе разность вызывается конфессіональными особенностями и наконецъ сплеленіемъ элементовъ славянскаго и мусульманскаго. Пестрота, о которой здѣсь идетъ рѣчь, относится менѣе къ физическому типу населенія, чѣмъ къ его одеждѣ. Боснякъ, находясь съ конца XV в. подъ турецкимъ владычествомъ, не только принялъ вмѣстѣ съ мусульманствомъ турецкій костюмъ, но и полюбилъ его, считая нынѣ его «національнымъ». Поэтому боснякъ-мусульманинъ мало чѣмъ отличается по своей одеждѣ отъ природнаго османлія. Христіанское населеніе, въ свою очередь, не осталось чуждымъ турецкому вліянію, въ особенности въ городахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ христіане, какъ православные, такъ и католики удержали свой національный костюмъ, частью въ совершенно чистомъ его видѣ, частью же измѣнившимся подъ вліяніемъ мусульманскихъ теченій. Такъ, не рѣдкость встрѣтить боснячекъ въ головномъ уборѣ славянскаго типа, напоминающемъ русскіе кокошники, въ безрукавкѣ, отдѣланной славянскимъ орнаментомъ, но—въ шароварахъ. Наряду съ этимъ попадутся закутанныя, какъ бы зашитыя въ мѣшокъ женскія фигуры, столь типичныя для всего мусульманскаго Востока—это боснячки мусульманской вѣры. Тутъ же идутъ боснячки въ цвѣтныхъ шароварахъ, въ кофтѣ, съ обхваченной поясомъ талією и съ кокетливо надѣтою феской на головѣ—это христіанки, преимущественно горожанки, не закрывающія своего лица. Но и магометанки-боснячки не во всѣхъ мѣстностяхъ закрываются, сохранивъ старый обычай, знаменующій свободу женщины. Наряду съ женщинами, въ костюмѣ которыхъ въ той или иной степени отразилось турецкое вліяніе, встрѣчаются боснячки въ совершенно

славянскихъ костюмахъ и уборахъ. Костюмы эти нерѣдко очень (для деревенскаго жителя) богаты, всегда интересны и своеобразны. Иные наряды напоминаютъ костюмы русскихъ, преимущественно малороссійскихъ крестьянокъ; сходство съ послѣдними усиливается обычаемъ, распространеннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ украшать голову живыми или искусственными цвѣтами. Разнообразіе въ нарядѣ стоитъ въ связи съ мѣстностью и религіею. Правда, нѣтъ возможности вполне точно и опредѣленно для всякаго вида одежды установить принадлежность его исключительно той или иной части страны, религіи или конфессіи (православіе и католичество), тѣмъ не менѣе, эти два фактора имѣютъ въ костюмѣ преобладающее значеніе.

Одежда мужчинъ въ своемъ разнообразіи нѣсколько уступаетъ женской. Феска, почти исключительно высокая, является наиболѣе распространеннымъ въ Босніи головнымъ уборомъ. Носятся и другіе виды шапокъ, украшенныя головными повязками. Турецкій костюмъ и у мужчинъ не вытѣснилъ вполне національно славянскаго. Мѣстные мотивы замѣчаются какъ въ покроѣ платья, такъ и въ его орнаментировкѣ. Послѣдняя очень разнообразна (по мѣстностямъ) и интересна. Вообще боснякъ въ большей степени чѣмъ боснячка утратилъ типъ своей первоначальной славянской одежды. И здѣсь слѣдовательно женскій элементъ явился болѣе консервативнымъ, чѣмъ мужской. Типично для босняковъ всѣхъ вѣроисповѣданій—бритье бороды: бреютъ ее повсемѣстно, какъ мусульмане, такъ православные и католики. Борода носится мусульманиномъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ хождя, т. е. если онъ посѣтилъ Мекку. Кромѣ того борода не сбривается, если ее «Богъ далъ», т. е. когда она отросла во время болѣзни. Очень характерная особенность, сохранившаяся и по сіе время у босняковъ и герцеговинцевъ—это ношеніе чуба. Голова либо бреется (у мусульманъ), либо стрижется (у христіанъ), отъ темени же отпускается чубъ, достигающій нерѣдко до плечъ. Хотя обычай этотъ отчасти и выводится, но и нынѣ еще наблюдаешь его не только у стариковъ, но и у молодыхъ. Среди католиковъ ношеніе чуба изгоняется духовенствомъ, какъ «признакъ варварства». Гдѣ собственно слѣдуетъ искать корень указаннаго обычая: среди ли первичнаго славянства или среди аборигеновъ страны, или былъ ли онъ занесенъ въ Босну-Герцеговину впоследствии—сказать съ опредѣленностью въ настоящее время не представляется возможнымъ.

Элементъ, который въ свою очередь придаетъ этнографи-

ческому составу толпы Сараевской чарджии разнообразіе—это испанскіе евреи. Они водворились въ Босніи въ концѣ XVI вѣка. Первоначально они основались, какъ кажется, исключительно въ Сараевѣ, но затѣмъ распространились по всѣмъ городскимъ поселеніямъ Босны-Герцеговины. Хотя евреи и приняли мѣстный костюмъ, но придали ему нѣсколько своеобразный оттѣнокъ; это обстоятельство, вмѣстѣ съ характерными чертами ихъ физическаго типа, позволяютъ легко узнать ихъ даже среди толпы.

Изъ достопримѣчательностей города на первое мѣсто по древности и обилію памятниковъ слѣдуетъ поставить сооруженія турецкаго времени.

Выше уже указано, что Сараево много обязано своими постройками Гази-Хузревъ-бегу; онъ былъ боснійскимъ визиремъ дважды: съ 1517 до 1521 и съ 1531 до 1542 г. Во второй періодъ своего визирства Хузревъ выстроилъ такъ называемую Беговуджамію, мечеть, извѣстную своей величиной и изяществомъ не только въ Босніи, но на всемъ Балканѣ. Мечеть эта считается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ турецкаго водчества. Беговуджамія обширное и свѣтлое купольное зданіе, изящно орнаментированное, производитъ внутри прекрасное впечатлѣніе. Наружный видъ мечети теряется благодаря тѣсотѣ окружающихъ строеній. Дворъ мечети, окруженный низкою стѣною, украшенъ обширнымъ фонтаномъ для обрядовыхъ омовеній «правовѣрныхъ». Здѣсь передъ молитвой толпятся мусульмане, образуя живописныя группы. Весь этотъ дворъ съ колонадой главнаго входа въ мечеть, многовѣковая липа, простирающая свои тѣнистыя вѣтви надъ колодцемъ, могила Хузревъ-бега, расположенная около мечети—все это представляетъ красивую и характерную картину мусульманскаго Востока.

Изъ наиболѣе замѣчательныхъ мечетей Сараева лишь одна выстроена раньше Беговой—это Ферхадъ-бегъ-Соколовичъ-джамія, расположенная въ центрѣ Сараева; она сооружена въ 1491 г. Остальныя же изъ главнѣйшихъ мечетей болѣе поздняго происхожденія. Такъ Бузаджи-Хаджи-Хасанова—отстроена въ 1584 г., Скендеръ-паши и Хаваджи-Хурака—сооружены равнымъ образомъ около 1600 г. Что касается Царева-джаміи, приближающейся по своей величинѣ и искусству исполненія къ Беговой мечети, то постройка ея приписывается нѣкоторыми Магомету II, но болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе, что основатель ея былъ тотъ же Гази-Хузревъ-бегъ. Такимъ образомъ главные памятники

турецкой старины принадлежать самому концу XV и всему XVI вѣку. Послѣ этого Сараево хотя и снабжается новыми турецкими зданіями, но они уступаютъ сооруженіямъ болѣе древнимъ, такъ что расцвѣтъ строительнаго искусства въ Сараевѣ, какъ и во всей странѣ, слѣдуетъ отнести къ XVI вѣку.

Изъ временъ уже названнаго Хузревъ-бега, кромѣ мечети его имени, сохранились баня, безистанъ для 90 лавокъ и ташлиханъ для 60 магазиновъ. Тѣмъ же визиремъ было основано въ Сараевѣ медресе и кухня для бѣдныхъ и путешественниковъ. Эти богоугодныя учрежденія были обезпечены визиремъ многолѣтнимъ вакуфнымъ имуществомъ. Говорятъ, что въ послѣдствіи вакуфный фондъ Хузревъ-бега сократился до $\frac{1}{4}$ своего первоначальнаго размѣра, тѣмъ не менѣе онъ и по сіе время составляетъ свыше 24.000 рублей на наши деньги.

Изъ дальнѣйшихъ достопримѣчательностей Сараева, связанныхъ съ турецкимъ періодомъ страны, слѣдуетъ отмѣтить текѣ Хаджи Синана, основанное въ серединѣ XVII вѣка для дервишей. Постройка имѣетъ въ настоящее время ветхій видъ, но внутреннее ея устройство заслуживаетъ вниманія, особенно потолокъ, покрытый геометрическимъ орнаментомъ искусной раскраски, составленнымъ изъ надписи древне-арабскимъ шрифтомъ: «вѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ».

Затѣмъ наглядно передаютъ турецкое прошлое многочисленныя, расположенныя либо при мечетяхъ, либо особнякомъ, мусульманскія кладбища. Изъ нихъ выдѣляется своею красотой и прекраснымъ мѣстоположеніемъ, находящееся на возвышенности Алифаковацъ, на лѣвомъ берегу Милячки.

Наконецъ, чтобы дополнить впечатлѣніе о мусульманской части города, слѣдуетъ посѣтить такъ называемую крѣпость. Она лежитъ на восточной окраинѣ города и высоко поднимается надъ нимъ. Крѣпость эта, какъ уже сказано, древняго происхожденія; въ турецкія времена она получила лишь окончательное устройство. Послѣдняя ея реставрація происходила въ 1809 г. Нынѣ укрѣпленныя части этого квартала заняты австро-венгерскими войсками. Внутри окруженной стѣнами крѣпости помѣщается исключительно мусульманская часть города. Кто былъ въ подобныхъ магометанскихъ кварталахъ въ другихъ мѣстностяхъ, тому обычные узкіе и кривые переулки, образующіе цѣлый лабиринтъ, не представляютъ особеннаго интереса. Общій видъ ихъ и уличныя сцены здѣсь такіе же какъ и на всемъ «Востокѣ». Въ этой части города есть

также очень старая мечеть—Ховадше-Заде-джамія, основанная въ 1586 г.

Подымаясь по дорогѣ въ крѣпость, встрѣчаешь на каждомъ поворотѣ все новые и новые виды на городъ и долину Милячки. Тутъ, какъ и съ высоты самой крѣпости, можно безъ конца любоваться чудесною панорамой. Сотня стройныхъ минаретовъ, разбросанныхъ среди зелени по всей площади города, глубоко внизу и на окрестныхъ холмахъ; мусульманское кладбище на переднемъ планѣ, тѣнистая долина безподобной Милячки, современные и старыя зданія; за ними, вдали, покрытыя дымкою, горы—все это, при яркомъ освѣщеніи солнца, представляетъ картину, прелесть которой можетъ передать лишь кисть талантливаго художника.

Значительной стариной отличается въ Сараевѣ, кромѣ мусульманскихъ строеній, православный соборъ. Среди мѣстнаго населенія сохранилось преданіе, что церковь была основана вскорѣ послѣ завоеванія Босніи турками. Хотя никакихъ документовъ о столь древнемъ происхожденіи церкви и не сохранилось, тѣмъ не менѣе представляется возможнымъ предположить, что православный храмъ существовалъ, еще до прихода турокъ, въ одномъ изъ тѣхъ средневѣковыхъ поселеній, которыя впоследствии дали начало Сараеву. Мысль эта лежитъ близко потому, что церковь расположена въ центрѣ стараго города, у чарджии, въ двухъ шагахъ отъ Беговой мечети. Невозможно допустить, чтобы мусульмане дозволили возникновеніе православнаго храма въ наиболѣе оживленной части города тогда, когда магометанство уже пустило глубокіе корни въ странѣ, т. е. въ XVI в. Между тѣмъ документально извѣстно что православный храмъ сгорѣлъ 8 Іюля 1556 г. Церковь окружена высокой каменной оградой, почти совсѣмъ закрывающей, ее; внѣшній видъ церкви очень простой, она нѣсколько врыта въ землю и высота ея сводовъ весьма незначительна. Вслѣдствіе этого вся церковь производитъ впечатлѣніе крайне скромной постройки, наглядно выражающей бывшее положеніе христіанства въ Босніи. До 60-хъ годовъ церковь не имѣла даже креста, а о колокольномъ звонѣ не могло быть и рѣчи. Церковь какъ бы прячется за ограду, которая въ свою очередь больше всего напоминаетъ укрѣпленіе. Современное зданіе церкви относится къ XVII в.; въ 1644 и 1656 годы она горѣла, затѣмъ она пострадала въ 1697 г. во время вторженія въ страну Евгенія Савойскаго, утративъ при этомъ большую часть своихъ драгоценно-

стей. Какъ въ храмѣ, такъ и въ ризницѣ сохранились въ настоящее время интересныя древности, впрочемъ не старше XVII в. Церковь довольно богато украшена старинными образами старой греческой и аеонской работы. Изъ исторіи Сараевского православнаго собора не безъинтересно отмѣтить, что при постройкѣ его въ 1658 г. было истрачено 106.700 аспрь, ¹⁾ изъ которыхъ 64.700 аспрь т. е. свыше 60% ушло на подарки туркамъ. Когда въ XVIII столѣтіи потребовался ремонтъ собора, то православные выхлопотали себѣ при значительныхъ издержкахъ фирманъ на право передѣлки, но съ условіемъ, чтобы таковая длилась не долѣе 40 дней. Поэтому, такъ рассказываетъ преданіе, заблаговременно оповѣщенное православное населеніе стеклось въ большомъ количествѣ въ Сараево и принялось безъ различія пола и возраста дѣлать работу. Говорятъ, что известъ растворялась не въ водѣ, а въ бѣлкахъ, принесенныхъ сельчанами въ большомъ количествѣ яицъ; поэтому известъ быстро сохла и перестройка храма была завершена въ назначенный фирманомъ срокъ. Въ старину Сараевскій соборъ былъ единственной православной церковью на всю среднюю Боснію. Это обстоятельство, наряду съ древностью церкви, сдѣлало соборный храмъ Сараева священнымъ для всего боснійскаго православнаго населенія.

Увеличившіеся въ числѣ и окрѣпшіе въ послѣдствіи православные жители Сараева не могли удовлетвориться незначительнымъ по своимъ размѣрамъ старымъ храмомъ и уже въ первой половинѣ XIX столѣтія община помышляла о сооруженіи новаго собора. Накопившіеся для этой цѣли въ 50-хъ годахъ отъ мѣстныхъ пожертвованій значительный капиталъ, а затѣмъ нравственная и матеріальная поддержка изъ Россіи, — привели въ 60-хъ годахъ къ постройкѣ обширной церкви, находящейся въ центрѣ современной европейской части города. Новый храмъ, возникшій въ Сараевѣ одновременно съ Мостарскимъ, по своей внѣшности вполне напоминаетъ послѣдній, уступая, впрочемъ, ему по мѣстоположенію, а равно по внутреннему устройству.

Что касается римско-католической церкви, то община ея въ Сараевѣ была въ старину крайне незначительна; къ тому же католики были бѣднѣе православныхъ, такъ какъ они составляли часть ремесленнаго, а не торговаго, какъ православные, класса. Католи-

¹⁾ Аспрь XVII в. составлялъ мелкую серебряную монету, въ родѣ нашего серебрянаго пятакка.

ческий храмъ въ Сараевѣ извѣстенъ въ XVII вѣкѣ; въ 1656 году онъ сгорѣлъ одновременно съ православнымъ при большомъ пожарѣ, истребившемъ довольно значительную часть города. Затѣмъ католики оставались совсѣмъ безъ церкви, совершая богослуженіе на дому у мѣстнаго францисканца. Лишь въ 1853 г. была выстроена при помощи Австріи новая церковь, довольно обширная и красивая. Въ 1879 г. при оккупациі города она сдѣлалась жертвою пламени, но взамѣнъ ея была выстроена другая церковь, сохранившаяся до нынѣ. Въ настоящее время, кромѣ этой церкви, въ центрѣ европейской части города возвышается сооруженный въ 1889 г. новый большой католическій соборъ. Это очень обширное и довольно красивое зданіе, выстроенное въ романско-готическомъ стилѣ. Впрочемъ, вѣѣшность позволяла бы желать лучшаго, но за то внутреннюю отдѣлку, необыкновенно стильную, нельзя не признать вполне удавшеюся.

Кромѣ этого католическаго соборнаго храма надлежитъ отмѣтить еще нѣкоторыя другія зданія, воздвигнутыя послѣ оккупациі, несомнѣнно украсившія Сараево и совершенно измѣнившія старый «турецкій» характеръ города. Безспорно лучшимъ сооруженіемъ новѣйшаго Сараева является ратуша; это очень большое и вполне художественное зданіе. Не смотря на мусульманскій стиль, въ которомъ выстроена ратуша, она нисколько не подходитъ къ характеру старинныхъ построекъ города, такъ какъ художественныя мотивы магометанскаго зодчества искусно примѣнены къ строенію, отвѣчающему потребностямъ современнаго европейца; къ тому же въ зданіи ратуши такъ смѣло и роскошно выполнены орнаментальныя части, особенно двухэтажная аркада главнаго фасада, что оно оставляетъ далеко позади всѣ произведенія Сараевского строительнаго искусства турецкихъ временъ. вполне гармонируетъ съ этой постройкой выстроенная въ томъ же стилѣ, хотя и значительно меньшихъ размѣровъ, шеріатская школа. Она выигрываетъ своимъ расположеніемъ на возвышенности и благодаря разбитому передъ зданіемъ цвѣтнику. Внутри школы помѣщается мощный и окруженный аркадою небольшой дворъ, украшенный фонтаномъ.

Новую ратушу и шеріатское училище въ Сараевѣ вмѣстѣ съ новою мечетью (со школою) въ Травникѣ, а равно вокзалъ въ Бродѣ, выстроенный также въ мусульманскомъ стилѣ, можно считать прекрасными произведеніями искусства и лучшими архитектурными сооружениями во всей Босніи-Герцеговинѣ. Другія пост-

ройки новѣйшаго времени, воздвигнутыя оккупационнымъ правительствомъ въ Сараевѣ, заслуживаютъ меньшаго вниманія. Однако нельзя не отмѣтить наиболѣе крупныхъ сооружений города, какъ католическая семинарія, съ обширной украшенной куполомъ церковью въ стилѣ эпохи итальянскаго «возрожденія», домъ мѣстнаго управленія, домъ мѣстнаго банка, лютеранская церковь, офицерскій клубъ, общественное собраніе лицъ гражданскаго вѣдомства и нѣкотор. др. Всѣ эти зданія, вмѣстѣ съ хорошо шоссированными улицами, съ выложенною камнями набережной Милячки, придаютъ городу очень чистый, изящный и культурный видъ. Лишь мѣстами сохранившіеся въ европейской части дома-баракки стараго времени, не лишеныя, впрочемъ, живописности, вносятъ извѣстную дисгармонію въ общій европейскій характеръ нижней части города.

Сараево не только старинный центръ Босны-Герцеговины, но и центръ современнаго оккупационнаго правительства. Поэтому большая часть обитателей города изъ австро-венгерцевъ принадлежитъ либо къ чинамъ гражданскаго вѣдомства, либо къ числу офицеровъ оккупационныхъ войскъ. Босна-Герцеговина первоначально управлялась на основаніяхъ, примѣненныхъ въ свое время и отчасти сохранившихся и до нынѣ въ нашей Средней Азіи. Говорятъ, что за образецъ для Австро-Венгріи послужило именно управленіе этой нашей окраины. Благодаря ли неудачному примѣненію чуждой системы, по отсутствію ли подходящихъ лицъ, или по другимъ причинамъ, но управленіе это въ Боснѣ-Герцеговинѣ дало отрицательные результаты, убѣдительно выяснившіеся съ возстаніемъ 1881—1882 г.г. Военное управленіе было замѣнено гражданскимъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Высшее управленіе оккупационною провинціею поручено австро-венгерскому министру финансовъ ¹⁾ (съ 1882 г. Каллай, извѣстный историкъ сербскаго народа) въ Вѣнѣ, при которомъ для сего состоитъ особый департаментъ. Во главѣ собственно мѣстнаго управленія стоитъ начальникъ или генералъ-губернаторъ области, въ рукахъ котораго сосредоточено командованіе войсками и вся гражданская часть. Для ближайшаго руководства послѣдней при начальникѣ состоитъ помощникъ. Центральное управленіе на мѣстѣ (въ Сараевѣ) состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: административнаго, финансоваго, судебнаго и строитель-

¹⁾ Въ Австро-Венгріи три министра финансовъ: одинъ для Австріи, другой для Венгріи и третій для совмѣстныхъ финансовыхъ дѣлъ.

наго, съ начальникомъ во главѣ каждого. Это центральное управленіе состоитъ изъ чиновниковъ числомъ около 300. Вся область раздѣлена на уѣзды или округа («окружье», «Kreis»), которыхъ 6, съ очень ограниченными въ центрѣ каждого составомъ административныхъ должностныхъ лицъ—человѣкъ 20, съ начальникомъ округа включительно; кромѣ этого персонала въ округахъ находятся лица судебного (15-25) и финансоваго (10) управленія. Округа раздѣляются на станы («котаръ», «Bezirk»), которыхъ всего въ области 50, съ 10-20 должностными лицами всѣхъ вѣдомствъ на каждый. Такимъ образомъ управленіе Босны-Герцеговины ввѣрено цѣлой арміи должностныхъ лицъ, численностью приблизительно въ 1500 человѣкъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что въ странѣ всѣ желѣзныя дороги правительственныя, что преподаваніе въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ ведется равнымъ образомъ должностными лицами, что кромѣ того существуетъ особое почтовое управленіе, горное управленіе и что наконецъ въ странѣ введена по примѣру Австро-Венгріи табачная монополія, то станетъ яснымъ, что большая часть австро-венгерскаго элемента въ странѣ представлена чиновниками. Это придаетъ особый характеръ всѣмъ городскимъ поселеніямъ страны и особенно Сараеву. Другая часть австро-венгерскаго населенія въ Боснѣ-Герцеговинѣ состоитъ изъ офицеровъ и наконецъ третья доля приходится на разнаго рода лицъ, занимающихся торговлею, промышленностью, содержаніемъ гостинницъ, ремеслами или состоящихъ въ услуженіи. Австро-Венгрія содержитъ въ оккупационной провинціи корпусъ въ 22.944 чел., который преимущественно сосредоточенъ въ Сараевѣ; вслѣдствіе этого военный элементъ представленъ въ этомъ городѣ весьма значительно.

Надо отмѣтить, что съ оккупациею въ Босну-Герцеговину внѣдрилось очень много иностранцевъ. Къ 1895 г. ихъ общее число достигло почтенной цифры: 70.848 д. Около половины этого числа (32.754) дала Хорватія, за нею слѣдуетъ собственно Венгрія (9.558). Затѣмъ наибольшее число иноземцевъ дали слѣдующія провинціи Австріи: Далмація 6.446, Богемія—3.933, Галиція и Буковина—2.808, Крайна—2.589, Моравія—2.248, Штирія—1.752, Верхняя и Нижняя Австрія—1.334 и Тироль—1.050 душъ. Остальныя провинціи дали Боснѣ-Герцеговинѣ иноземцевъ въ сравнительно незначительномъ числѣ (отъ 600 до 12 душъ каждая). Кромѣ этого австро-венгерскаго элемента, въ оккупационную провинцію водворилось 4.472 д. изъ равныхъ государствъ, но

преимущественно изъ Германіи, главнымъ образомъ колонисты-католики.

За послѣднее время въ Босну-Герцеговину вошелъ элементъ, до оккупациі въ сущности ей совершенно неизвѣстный. Рѣчь идетъ о лютеранахъ. Всѣхъ ихъ въ странѣ 3.596, изъ которыхъ 63 по переписи 1895 г. не считаются иновѣрцами, остальные же 3.533 составляютъ пришлый элементъ. По своему происхожденію большинство изъ нихъ (2.049) принадлежитъ Венгріи, затѣмъ значительное число—Австріи (838), въ частности Галиціи (607) кромѣ того довольно много лютеранъ изъ Хорватіи (421) и наконецъ изъ другихъ (кромѣ Австро-Венгріи) государствъ (225).

Затѣмъ оккупациа принесла сравнительно значительное число (206) исповѣдниковъ разныхъ рационалистическихъ толковъ, а равно евреевъ. Босна-Герцеговина, какъ сказано выше, уже давно пріютила у себя эмигрировавшихъ изъ Испаніи евреевъ, которые акклиматизировались въ странѣ, хотя и не утратили своихъ особенностей. Ихъ въ 1895 г. было 5.729. Къ нимъ съ оккупациею присоединилось 2.484 еврея австро-венгерскихъ, происходящихъ главнымъ образомъ изъ Венгріи (1804).

Въ Сараевѣ для лицъ гражданскаго вѣдомства устроено общественное собраніе, для лицъ же военнаго вѣдомства клубъ. Членами общественнаго собранія состоятъ должностныя лица, а равно консула представленныхъ въ Сараевѣ державъ (Россіи, Франціи, Италіи, Англіи и Германіи); дамы въ собраніе не допускаются. Зданіе его расположено въ очень хорошей части города, на берегу Милячки. Внутреннее его устройство комфортабельно, но лишено роскоши. Здѣсь обѣдаютъ, играютъ, читаютъ газеты. Оживленіемъ собраніе не отличается. Напротивъ того, служба мѣстомъ сборища тѣхъ лицъ, которыя кромѣ службы ничего между собою общаго не имѣютъ, будучи фактически закрытымъ для лицъ семейныхъ, общественное собраніе Сараева несетъ всѣ признаки мертворожденнаго учрежденія. Уровень и народность должностныхъ лицъ служить въ свою очередь препятствіемъ къ тѣсному сближенію колонизаціоннаго австро-венгерскаго элемента. Уровень босно-герцеговинскаго чиновничества весьма разнообразенъ; въ лицѣ представителей высшихъ должностей встрѣтишь людей съ хорошимъ образованіемъ, остальной контингентъ позволялъ бы желать лучшаго. Босна-Герцеговина въ отношеніи службы привилегированная по закону мѣстность и туда устремляются, какъ то всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тѣ, которые не могутъ

*

и по образовательному цензу и по другимъ условіямъ найти себѣ подходящія мѣста въ имперіи. По отзыву компетентныхъ лицъ общій уровень мѣстнаго чиновничества ниже среднего уровня должностныхъ лицъ въ Австро-Венгріи. Что касается народности, къ которой принадлежитъ чиновничій людъ оккупационной провинціи, то и въ данномъ случаѣ встрѣтишь громадное разнообразіе; однако численный перевѣсъ остается на сторонѣ славянъ, особенно хорватовъ, поляковъ и чеховъ, кромѣ того много венгерцевъ, затѣмъ нѣмцевъ. Вся эта пестрая толпа, правда, не переноситъ на почву Босны-Герцеговины свои отечественные счета, которые наполняютъ ихъ жизнь на родинѣ, тѣмъ не менѣе все же представители отдѣльныхъ народностей держатся преимущественно своихъ сородичей. Чиновники не могутъ имѣть своей политики, они послушные наемники правительства, обязанные исполнять его предначертанія. Нѣкоторое исключеніе изъ этого составляютъ лишь хорваты, личныя политическія стремленія которыхъ совпадаютъ съ видами и цѣлями современнаго австро-венгерскаго правительства. Весьма ревностными чиновниками являются, какъ говорятъ, поляки, которые, видя въ сербахъ народность, пользующуюся симпатіями Россіи, съ удовольствіемъ принимаютъ дѣятельное участіе въ притѣсненіи православнаго населенія и его вѣры. Полякъ—говорятъ православные босно-герцеговинцы—причинивъ вло одному православному въ странѣ, считаетъ, что онъ убилъ семь русскихъ. Если исключить, по указаннымъ выше причинамъ, хорватовъ, надо признать, что на почвѣ Босны-Герцеговины не существуетъ обычной для Австро-Венгріи борьбы разныхъ партій. Чиновники безъ различія народности одинаково работаютъ на полѣ австро-венгеризаціи оккупационной провинціи, т. е. трудятся надъ включеніемъ ея въ общій культурно-политическій оборотъ имперіи, надъ католизаціею мѣстнаго народонаселенія, надъ распространеніемъ нѣмецкаго языка. Насколько такая дружная работа окажется плодотворной, предугадывать пока представляется преждевременнымъ.

Военный элементъ, не привлеченный нынѣ къ управленію, составляетъ въ свою очередь довольно замкнутый кругъ, центромъ котораго является военное собраніе. Составъ оккупационнаго корпуса Босны-Герцеговины по своему контингенту не представляетъ ничего особеннаго. Нынѣ къ отбыванію воинской повинности на общихъ для Австро-Венгріи основаніяхъ привлечено и босно-герцеговинское населеніе. Сформированные четыре боснійскихъ полка

расположены частью въ Вѣнѣ, частью въ Буда-Пештѣ, лишь одинъ баталіонъ находится въ Сараевѣ. Офицеры даютъ, вообще, хорошіе отзывы о боснійскомъ солдатѣ, но указываютъ на вялость, свойственную впрочемъ преимущественно исповѣдующимъ мусульманскую вѣру. Врачи отмѣчаютъ неблагоприятное вліяніе, которое оказываетъ на босняковъ и герцеговинцевъ, отбывающихъ воинскую повинность, городская и казарменная жизнь, вызывающая заболѣваніе чахоткой. Зато на маневрахъ босно-герцеговинскій солдатъ, по общему голосу, является неподражаемымъ; въ немъ сказывается привычка къ жизни среди природы: онъ необыкновенно выносливъ и находчивъ. Въ обыкновенное время, по заявленію врачей, побѣги весьма часты, во время же маневровъ они почти никогда не случаются.

Оккупационный австро-венгерскій элементъ какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомствъ не сливается съ мѣстнымъ. Поэтому все населеніе провинціи возможно раздѣлить на управляющій и управляемый классы. Со стороны правительства ничего не предпринимается для того, чтобы сблизить разнородныя части населенія. Общественной жизни ни въ Сараевѣ, ни въ другихъ городахъ страны не имѣется. Въ ней два лагеря, другъ друга не понимающіе, другъ другу враждебные. Эта рознь коренного и пришлаго элементовъ наблюдается въ сотнѣ мелочей, обуславливающихъ повседневную жизнь. Сближенію по существу разныхъ элементовъ препятствуетъ ненормальное поднадзорное состояніе обывателей. Они не привлечены къ участию въ мѣстномъ управленіи, которое находится всецѣло въ рукахъ пришлыхъ австро-венгерцевъ. Надъ мѣстнымъ населеніемъ учрежденъ весьма бдительный надзоръ со стороны властей. Кромѣ обычной полицейской власти правительственные органы имѣютъ въ своемъ распоряженіи обильно организованную сыскную часть. Сыщиками, или какъ ихъ называютъ въ странѣ «шпіонами», такъ сказать, переполнены города Босны-Герцеговины, особенно много ихъ въ Сараевѣ и Мостарѣ. Усиленному надзору «шпіоновъ» подлежитъ православная часть населенія, въ частности духовенство и интеллигенція, затѣмъ консула иностранныхъ державъ и пріѣзжіе, если они остаются въ странѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Такого рода надзоръ, въ томъ видѣ, какимъ онъ существуетъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ, не можетъ, въ сущности считаться тайнымъ; онъ производится крайне безцеремонно. При этомъ «шпіоны» правительства всѣмъ извѣстны; ихъ показы-

вають приїзжому, дабы предостеречь на всякій случай отъ могу-щей произойти неприяности; съ ними здороваются, особенно въ клубѣ, гдѣ они являются неизбежными посѣтителями. Про каждого «шпіона» ходять разлічнаго рода разсказы, анекдоты, шутки; при консулахъ подобныя личности играютъ роль постоянныхъ трабантовъ, сопровождающихъ ихъ во время путешествій даже за предѣлы оккупационной территоріи. Въ концѣ концовъ весь этотъ «шпіонажъ» не лишенъ юмористическаго элемента, особенно когда «такая личность» всѣмъ, по незначительности населенія, извѣстная, одинъ день хромаетъ, другой день подвязываетъ «для неузнаваемости» глаза, надѣваетъ очки или подобнымъ примитивнымъ образомъ старается быть «новымъ» лицомъ. При такомъ режимѣ естественнымъ является самое безсовѣстное вскрытіе писемъ. Общество борется находящимися въ его рукахъ средствами съ этимъ зломъ. Если письмо послано такому лицу или отъ такого лица, которое состоитъ такъ или иначе подъ надзоромъ, что даетъ поводъ опасаться «пропажи» письма, то его посылають заказнымъ (за пропажу такого письма выплачивають 15 гульд.), пришиваютъ его къ конверту, или же пришиваютъ особыми машинками. Кромѣ того, письма препровождаютъ не по почтѣ, а съ довѣреннымъ лицомъ. Только этимъ послѣднимъ путемъ возможно переписываться мѣстному населенію съ лицами, живущими въ Черногоріи или Россіи; инымъ образомъ посланныя письма обязательно вскрываются и въ извѣстныхъ случаяхъ не только не доставляются по назначенію, а могутъ вызвать очень неприяныя послѣдствія.

Благодаря такому положенію, мѣстное населеніе живетъ подъ тяжелымъ гнетомъ, особенно чувствительнымъ для тѣхъ, которые стремятся къ самообразованію и дѣятельности, такъ какъ всякая свобода слова, всякій обмѣнъ мысли, выписываніе журналовъ и газетъ, не рекомендованныхъ спеціально правительствомъ, вызываютъ конфискацію, репрессіи, усиленный надзоръ и вообще все то, что дѣлаетъ существованіе свободныхъ людей неприятымъ, тяжелымъ, невыносимымъ.

При подобныхъ условіяхъ невозможно ждаты развитія общест-венности и интеллигентной жизни. Ни того, ни другого и не суще-ствуетъ среди мѣстнаго населенія Босны-Герцеговины. Довольно многочисленные для мѣстныхъ условій журналы и газеты, издаваемые, какъ латиницей, такъ и кириллицей, на сербо-хорватскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, поражаютъ своей неоригинальностью,

бѣдностью содержанія, пустотой. Къ тому же мѣстнымъ органамъ непосильна конкуренція съ тѣми изданіями, которыя печатаются въ имперіи, присылаются ежедневно по желѣзной дорогѣ и охотно прочитываются чиновнымъ людомъ и офицерами. Сербская печать, представленная, кромѣ органа сараевского митрополита, «Сербскимъ Вѣстникомъ», газетой, издаваемой въ Мостарѣ, и «Босанской Вилой», литературнымъ журналомъ, выходящемъ въ Сараевѣ, проходятъ такую строгую цензуру (въ Мостарѣ двойную: въ городѣ и кромѣ того для нѣкоторыхъ статей въ Сараевѣ), нещадно вычеркивающую самого невиннаго содержанія статьи, фразы, слова, даже отдѣльныя буквы, что о развитіи печатнаго слова и рѣчи быть не можетъ. Сербская печать подвержена формально гоненію со стороны органовъ правительства, номеръ изданій неоднократно переверстывается, для удовлетворенія требованіямъ цензуры, слова «сербъ», «сербскій», если они не касаются королевства Сербіи, по возможности совсѣмъ не допускаются, о Россіи и Черногоріи разрѣшается писать лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Слова «Россія» и «Черногорія» особенно же первое являются настоящими жупелами для австро-венгерскаго правительства Босны-Герцеговины. Ему повсюду грезится агитація, шпіонство, подкупъ и интрига «москотовъ». Православное населеніе провинціи подозрѣвается въ постоянныхъ тайныхъ связяхъ съ нами. Правда, Черногорія и Россія пользуются большими симпатіями со стороны мѣстнаго православнаго люда, но ни о какихъ сношеніяхъ и рѣчи нѣтъ, всего менѣе, конечно, о сношеніяхъ, могущихъ клониться въ ущербъ намѣреніямъ оккупационнаго правительства. Строгость мѣстной цензуры привела къ обезличенію и книжныхъ магазиновъ. Въ нихъ обывается правда легкая литература сосѣдней Хорватіи, но совсѣмъ не имѣется ни книгъ, ни брошюръ, касающихся страны. Всѣ эти изданія можно получить въ изобиліи въ Вѣнѣ и Буда-Пештѣ, но отнюдь не въ Сараевѣ.

Политическая литература считается правительствомъ для страны вредной, отчего она, по возможности, совсѣмъ не допускается въ ея предѣлы. Дѣйствія правительства въ этомъ отношеніи однако не вполне достигаютъ цѣли. Боснія ограждена охранительною погранично-таможенною линіею лишь со стороны Сербіи и Черногоріи и совершенно открыта со стороны Австріи (Далмаціи) и Венгріи. Поэтому услѣдить за всѣмъ тѣмъ, что пересылается и привозится изъ этихъ государствъ въ оккупационную провинцію совершенно невозможно. Такимъ образомъ всѣ новости, каса-

ющіяся политическаго положенія Босны-Герцеговины, ея отношенія къ имперіи, дѣйствій мѣстнаго правительства, новости, появляющіяся какъ въ австро-венгерской, такъ даже и въ другой европейской печати, быстро вѣдряются въ оккупационную область и получаютъ, хотя и негласное, но довольно широкое распространеніе среди образованныхъ людей. Бороться съ этимъ «зломъ» правительству невозможно, такъ какъ «врагъ» гнѣздится не гдѣ нибудь за границей, а у себя дома, въ Австро-Венгріи. Отсюда идутъ нападки на мѣстное правительство, здѣсь издаются газеты, неблагопріятныя его дѣятельности, тутъ именно врѣются тѣ статьи и брошюры, которыя обличаютъ мѣстныя власти. Единственнымъ средствомъ, которымъ располагаетъ въ этомъ отношеніи правительство—это подкупъ редакторовъ газетъ и журналовъ. Но и это средство не вполне достигаетъ цѣли, такъ какъ мѣсто подкупленныхъ органовъ заступаютъ новые. Что касается той части печати, неблагопріятной мѣстному правительству, которая имѣетъ свои органы внѣ Австро-Венгріи, то она менѣе опасна, чѣмъ отечественная печать. Русскія газеты (не говоря о конфискаціи) не могутъ получить распространенія въ странѣ, по незнакомству босно-герцеговинцевъ съ нашимъ языкомъ, перепечатывать же русскія статьи въ мѣстныхъ органахъ запрещено. Сербскія газеты либо подкупаются, либо, благодаря вѣдѣнію австрійскихъ властей, подвергаются гоненію и даже прекращенію со стороны собственнаго правительства.

Обезличивая и подавляя изданія литературно-политическаго характера мѣстнаго происхожденія, босно-герцеговинское правительство озабочено изданіемъ литературнаго органа, въ правильности направленія котораго оно увѣрено. На мѣстные средства выпускается въ свѣтъ беллетристическій двухнедѣльный иллюстрированный журналъ «Нада» (Надежда). Изданіе это, съ внѣшней стороны не оставляющее желать ничего лучшаго, есть однако хорватскій органъ и оттого дѣйствительнымъ интересамъ страны служить не можетъ. Наряду съ этимъ журналомъ, правительствомъ издается (4 книги въ годъ) на сербско-хорватскомъ языкѣ, частью кириллицей, частью латиницей, органъ мѣстнаго музея. Изданіе это посвящено исключительно научному матеріалу, но, къ сожалѣнію, не можетъ имѣть мало мальски широкаго распространенія за недостаткомъ научно-образованныхъ людей въ странѣ. Такъ какъ языкъ, на которомъ издается означенный органъ, не вошелъ въ общій научный оборотъ и печатаемый мате-

ріалъ такимъ образомъ не можетъ служить интересамъ научнаго міра Европы, то онъ всецѣло переводится на нѣмецкій языкъ и перепечатывается въ Вѣнѣ въ особомъ изданіи. Оно то собственно и служитъ для распространенія среди образованнаго міра тѣхъ научныхъ изслѣдованій и трудовъ, которые производятся въ Боснѣ-Герцеговинѣ, частью постоянно живущими тамъ австро-венгерцами, пріѣзжими учеными.

На ученую дѣятельность въ странѣ правительствомъ вообще обращено большое вниманіе. Мѣстныя силы, конечно, участвуютъ въ ней лишь въ слабой степени; все что въ этомъ отношеніи достигается идетъ извнѣ, т. е. дѣлается пришлымъ австро-венгерскимъ элементомъ. Хотя и въ данномъ случаѣ политическія соображенія не упускаются изъ вида, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить и плодотворности трудовъ правительства въ этомъ отношеніи. Исполдоль собранныя послѣ оккупации древности положили начало образованію правительственнаго кружка для основанія музея, а затѣмъ и къ открытію его въ 1888 году. Устроивъ въ Сараевѣ босно-герцеговинскій музей и создавъ тѣмъ самымъ мѣстный ученый центръ въ лицѣ штатнаго персонала (15 человекъ) музея, правительство поставило всестороннее научное изученіе страны на прочную ногу. За 11 лѣтъ своего существованія музей настолько пополнился коллекціями, что заслуживаетъ нынѣ самаго серьезнаго вниманія и завоевалъ себѣ извѣстность среди ученаго міра Европы. Музей предназначенъ для храненія всякаго рода предметовъ научнаго характера, добытыхъ на территоріи оккупационной провинціи. Поэтому въ немъ образовались разные отдѣлы, крайне интересные и весьма полные по своему содержанію. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ коллекціи доисторическихъ древностей, составленныя благодаря многочисленнымъ раскопкамъ; затѣмъ древности римскаго періода, коллекція стариннаго оружія, монетъ, далѣе отдѣлъ этнографическій съ прекраснымъ собраніемъ манекеновъ, образцовъ одежды, предметовъ обихода, украшеній, орнаментированныхъ тканей и т. д. Богатствомъ отличаются и естественно-историческія коллекціи, въ частности собранія насѣкомыхъ. Музей этотъ имѣетъ въ томъ отношеніи громадное значеніе, что тѣ достопримѣчательности, которыми богата Босна-Герцеговина, не только не утрачиваются, но и не выходятъ изъ страны. Этимъ путемъ сконцентрированы мѣстныя древности и положено основаніе къ развитію подрастающаго поколѣнія въ національномъ духѣ. Музей находится въ хорошихъ рукахъ, по-

ставленъ прекрасно и дальнѣйшій его ростъ вполне обезпеченъ. Можно только пожалѣть, что по сіе время музей служить собственно не для интересовъ мѣстныхъ жителей, за счетъ которыхъ онъ содержится, а для посторонняго научнаго контингента людей, часто враждебно относящихся къ сербской Боснѣ-Герцеговинѣ.

Верстахъ въ 8-ми на юго-западъ отъ Сараева лежитъ мѣстечко Илидже или Баня. Оно извѣстно своими горячими (58° С.) серными ключами. Ими пользовались еще римляне; находки римской эпохи свидѣтельствуютъ, что здѣсь было значительное поселеніе. Въ турецкія времена Илидже не игнорировалось и по тогдашнему состоянію культуры страны этотъ курортъ былъ недурно устроенъ. Собственно своей организаціей Илидже обязано Омеръ-пашѣ, который при помощи европейцевъ разбилъ здѣсь садъ, началъ проводить шоссе и устроилъ ханъ (гостинницу) для прїѣзжающихъ. Источники пользовались доброю славою и считались цѣлебными, особенно для ревматиковъ и страдающихъ кожными болѣзнями. Кромѣ того, Илидже посѣщалось сараевцами какъ мѣсто прогулки, купанья и развлеченія; въ 50—60 годахъ ванны были устроены по мѣстнымъ условіямъ недурно.

Послѣ оккупации правительство взяло оборудованіе Илидже въ свои руки, при этомъ не жалѣлись ни трудъ, ни деньги для приданія курорту европейскаго характера, для его популяризаціи и для привлеченія больныхъ или вообще посѣтителей извнѣ. Илидже можетъ считаться окончательно устроеннымъ въ 1893 г. и успѣшность всего учрежденія можетъ быть нынѣ взвѣшена безъ пристрастія. Тѣ, которые помнятъ Илидже въ турецкія времена или въ моментъ оккупации провинціи Австро-Венгріей, не говорятъ иначе о современномъ курортѣ какъ съ величайшимъ восторгомъ, указывая на культурность и благоустройство мѣстечка. Дѣйствительно, въ Илидже сдѣлано очень много: паркъ расчищенъ и расширенъ, разбитъ прекрасный цвѣтникъ, выстроены новыя ванны, отстроены три правительственныхъ гостинницы: Аустріа, Хунгарія и Босна, устроены кегельбанъ, лаунтенисъ, крокетъ, карусели, стрѣльбища и все т. п., что составляетъ какъ бы неизбѣжную принадлежность европейскаго курорта. Въмѣстѣ съ тѣмъ, имѣется оркестръ (впрочемъ довольно слабый, состоящій изъ

венгерскихъ цыганъ), обширный и богато отдѣланный ресторанъ. Гостинницы устроены очень комфортабельно, изящно, со вкусомъ и даже богато, въ нихъ имѣются читальни, биллиарды, гостинныя и т. д. и т. д. Всѣхъ комнатъ свыше ста, причемъ цѣны до смѣшного низки и, какъ и въ другихъ правительственныхъ гостинницахъ, сданныхъ въ аренду, нормированы мѣстными властями. Комнаты отъ 80 крейцеровъ до двухъ гульденовъ (т. е. отъ 60 к. до 1 р. 80 к.), причемъ при пребываніи болѣе одной недѣли дѣлается скидка въ 10%, при пребываніи же болѣе трехъ недѣль скидка увеличивается до 20%. Дешевизна изумительная, прямо невѣроятная, которую понимаешь только тогда, когда узнаешь, что все устройство Илидже произведено изъ мѣстнаго фонда, т. е. не стоило австро-венгерскому правительству ни единого крейцера. Но Илидже поражаетъ и своей пустотой; оно почти совсѣмъ не посѣщается мѣстными жителями. За то туристы, пребывающіе въ Сараевѣ, заѣзжаютъ въ Илидже обязательно. Иначе и невозможно, такъ какъ еще по дорогѣ въ Сараево правительственные агенты говорятъ туристу объ Илидже, о немъ пишется и въ австрійскихъ газетахъ, о немъ рассказываетъ чудеса правительственный путеводитель, въ самомъ Сараевѣ о немъ напоминаютъ чиновники, офицеры, доктора, проводники у гостинницъ, кучера, однимъ словомъ все, что такъ или иначе олицетворяетъ собою въ Босніи Австро-Венгрію. Илидже любимое дѣтище высшаго боснійскаго правительства не только въ Сараевѣ, но особенно въ Вѣнѣ, оно гордость, слава и, вмѣстѣ съ тѣмъ, реклама властей. Содержаніе Илидже конечно не окупается. На 1901 г. расходы на этотъ курортъ опредѣлены въ 72.000 кронъ, а доходы въ 58.000 кронъ, т. е. въ этомъ году *ожидается* убытокъ въ 14.000 кронъ или въ 5.600 рублей. Трудно сказать, гдѣ собственно во всемъ вопросѣ объ Илидже кончается слѣпая ошибка и гдѣ начинается ложь. Несомнѣнно, что Илидже не слѣдовало оставлять въ томъ убогомъ видѣ, въ которомъ оно находилось во времена до оккупации, необходимо было изъ него сдѣлать благоустроенный курортъ, обставить медицинскимъ персоналомъ, подъ контроль котораго надлежало поставить больныхъ, необходимо было озаботиться хорошимъ помѣщеніемъ для пріѣзжающихъ, здоровымъ столомъ, наконецъ даже развлеченіями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно и то, что тратить деньги на оборудованіе Илидже вполне на европейскій ладъ, поднять его до уровня гораздо болѣе высокаго, чѣмъ потребности населенія—

есть явный абсурдъ для всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ о благоустройствѣ Боспы-Герцеговины, а не о блестящей рекламѣ властей для пусканія пыли въ глаза празднымъ туристамъ и корреспондентамъ. Илидже не поднялось до степени европейскаго курорта, какъ то надѣялись мѣстныя власти, потому что Боснія не въ состояніи привлечь «большую публику». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Илидже не удовлетворяетъ и мѣстнымъ потребностямъ: оно слишкомъ роскошно для средняго босняка. Поэтому Илидже пусто. Правительство, однако, дѣлаетъ все съ своей стороны, чтобы привлечь посѣтителей. Не говоря уже о рекламѣ всякаго рода, надо вспомнить о дешевизнѣ, о благоустройствѣ его, объ удобствахъ путей сообщенія. Въ Илидже можно ѣхать изъ Сараева по шоссе въ своей коляскѣ или въ дилижансѣ, можно ѣхать и по желѣзной дорогѣ. Поѣзда идутъ каждые три четверти часа, но они прямо поражаютъ своею пустотой. Невольно удивляешься терпѣнію властей, которыя систематически продолжаютъ пускать такую массу поѣздовъ, несмотря на полное отсутствіе необходимости въ ихъ наличномъ числѣ. Сообщеніе съ Илидже отъ Сараева не только часто, но оно и удобно: билеты получаютъ и на вокзалѣ желѣзной дороги, и въ конкахъ въ городѣ для прямого сообщенія. Мало того: въ Буда-Пештѣ даже билетъ въ Сараево выдается не иначе, какъ съ правомъ слѣдовать съ нимъ и въ Илидже. Между тѣмъ, несмотря на всѣ старанія, Илидже какъ курортъ безъ сомнѣнія плохъ; мѣстное населеніе, особенно изъ небогатыхъ классовъ, неохотно отправляется лечиться, а кто и заѣдетъ взять ванну—не останавливается ни въ гостинницѣ, ни въ ресторанѣ, а возвращается съ ближайшимъ поѣздомъ обратно въ Сараево. Поэтому въ гостинницахъ можно проходить комнату за комнатой и лично убѣдиться, что онѣ всѣ не заняты.

Говорятъ, что правительство само наконецъ сознало неудачность своей затѣи, но тщательно это скрываетъ и пользуется Илидже въ качествѣ показной стороны своей дѣятельности. Злые языки прибавляютъ, что чиновникамъ затрудняютъ отпуска, если они просятъ на родину, и немедленно выдаютъ таковые, если просящій заявляетъ о своемъ желаніи пожить и «полечиться» въ Илидже. Помимо несоотвѣтствія устройства курорта съ потребностями мѣстнаго населенія, есть и еще одно весьма важное условіе, мѣшающее Илидже приобрести популярность: оно мѣсто лихорадочное. Гражданскія власти упорно скрываютъ этотъ недо-

статокъ своего дѣтища, но не скрываютъ это военные врачи, которые не считаютъ себя заинтересованными, какъ вообще военныя власти, въ соображеніяхъ и цѣляхъ властей гражданскихъ.

Однако, чтобы быть справедливымъ, надо отмѣтить, что старая привычка сараевцевъ пользоваться Илидже по праздникамъ для гулянья традиціонно сохранилась и понынѣ. Въ эти дни Илидже оживляется, поѣзда довольно заняты, народъ толпится, фланируетъ. Собственно для народнаго гулянья сдѣлано все-таки пока мало. Фальшь Илидже бросается въ глаза, ее выдаетъ все устройство, всѣ затѣи и среди послѣднихъ, быть можетъ, больше всего «знаменитыя» скачки. Онѣ знамениты тѣмъ, что въ нихъ принимаютъ участіе прѣѣзжіе изъ Венгріи, для лошадей которой въ сущности и устраиваются скачки, начинающіяся послѣ окончанія скакового сезона въ Венгріи. Этимъ привлекается на нѣсколько дней значительное число народа въ Илидже, но къ сожалѣнію скачки не служатъ для конкурса мѣстныхъ лошадей, потому что, при участіи лошадей венгерскихъ, высшіе призы предназначены для нихъ, а не для боснійскихъ лошадей. Это вполне понятно, такъ какъ безъ крупной приманки никому не могло бы придти въ голову ѣхать изъ Венгріи на скачки въ Боснію.

Л и т е р а т у р а.

1. Сараево такъ или иначе описывается всѣми авторами, посѣтившими Боснію и обильный матеріалъ объ этомъ городѣ можно найти во всѣхъ сочиненіяхъ общаго о Босніи и Герцеговинѣ характера. Изъ специальныхъ трудовъ, касающихся Сараева, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе.

Fiala.—Prähistorische Wohnstätten in Sobunar bei Sarajevo. (W. M. a B. u H., 1893, I).

Fiala.—Die prähistorische Ansiedelung auf dem Debelo brdo bei Sarajevo. (W. M. a B. u H., 1896, IV).

Fiala.—Ausgrabungen auf dem Debelo brdo bei Sarajevo im J. 1894. (W. M. a B. u H., 1897, V).

Fiala.—Bericht über die Ausgrabungen am Debelo brdo bei Sarajevo. (W. M. a B. u H., 1899, VI).

Radimsky.—Reste einer römischen Ziegelei und eines Brennofens in Sarajevo. (W. M. a B. u H., 1899, VI).

Čajkanović.—Die orientalischo-orthodoxe Kirche des heil. Erzengel in Sarajevo. (W. M. a B. u H., 1893, I). (О рукописахъ и книгахъ этой церкви помѣщена статья Живковича въ Гласникъ сербскаго ученаго общества (Glasnik srpskog učenog društva). 1885 г., т. 65).

Mehmed Effendi Kalabić.—Die Tekè des Hadži Sinan. (W. M. a B. u H., 1893, I).

Mustapha Hilmi Muhibbić.—Beitrag zur Geschichte Sarajevos. (W. M. a B. u H., 1893, I).

Essad Effendi Uzunić.—Ueber das Castell von Sarajevo. (W. M. a B. u H., 1893, I).

Müller und Schlosser.—Die Haggadah v. Sarajevo. Wien, 1898.

2. Кромѣ того, въ отношеніи мусульманскихъ древностей, слѣдуетъ указать еще двѣ статьи:

Čokić.—Die Heiligenzelle im Dorfe Rataji. (W. M. a B. u H., 1893, I).

Zarzycki, Arndt u. Stratimirović.—Die Aladza-Moschee in Foca. (W. M. a B. u H., 1894, II).

3. Засимъ, изъ трудовъ, касающихся дѣятельности оккупационнаго правительства, состава населенія, состава австро-венгерскаго элемента и его дѣятельности, а равно интеллектуальной жизни Босны-Герцеговины, надлежитъ отмѣтить слѣдующіе труды.

Eichler.—Das Justizwesen Bosniens u. d. Herzegowina. Wien, 1889.

Strafgesetz über Verbrechen u. Vergehen für Bos. u. d. Herc. Sarajevo. 1894.

Mayer.—Etude sur le Code de procédure penale pour la Bosnie et l'Herzégovine. Paris, 1892.

Das Bauwesen in Bosnien u. d. Herzegovina, herausgegeben v. d. Landesregierung, Wien, 1887.

Blau.—Culturverhältnisse u. commerciale Lage der Herzegovina. Preuss. Handelsarchiv, 1869, I.

Blau.—Politische Statistik Bosniens. Preuss. Handelsarchiv. 1865, I.

Landesübersicht der einheimischen Bevölkerung v. Bosnien u. d. Herzegovina nach dem Stande v. 1 Mai 1885.

Ortschafts- und Bevölkerungs-Statistik v. Bosnien u. Herzegovina nach dem Volkszählungs-Ergebnisse von 1 Mai 1885. Sarajevo, 1886.

Hauptresultate der Volszählung in Bosnien u. d. Herzegovina v. 22 April 1895. Sarajevo, 1896.

Umlauf.—Die Oesterreichisch-Ungarische Monarchie. Geographisch-statistisches Handbuch für Leser aller Länder. Wien, Pest, Leipzig. 1897.

Hörmann.—Zur Geschichte des bosnisch-herzegovinisches Landesmuseums. (W. M. a B. u H., 1893, I)

Provisorisches Statut für das Bosnisch-Herzegovinisches Landesmuseum in Sarajevo. Sarajevo, 1894.

Гласник земальског музеја у Босни и Херцеговини. Сарајево. (Научный журнал).

Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Herzegovina. Wien, 1893—1900, I—VII).

Bošnjak.—Kalendar za prostu godinu. Sarajevo (справочная книга).

Bosnischer Bote.—Universal-Hand- und Adressbuch für Bosnien u. Herzegovina.

4. Что касается научнаго изученія Босніи и Герцеговины, то, кромѣ уже указанныхъ трудовъ и изданій, надлежитъ здѣсь отмѣтить главнѣйшія сочиненія по естественной исторіи, а равно по этнографіи.

A. Естествознаніе. I. Животный міръ.

- Grimmer.**—Fossile Säugethierreste aus der Save. (W. M. a B. u H., 1899, VI).
Siebenrock.—Ueber einige fossile Fische aus Bosnien. (W. M. a B. u H., 1900, VII).
Tomasini.—Skizzen aus dem Reptilienleben Bosniens u. d. Herzegovina. (W. M. a B. u H., 1894, II).
Werner.—Beiträge zur Kenntniss der Reptilien-u. Batrachierfauna der Balkanhalbinsel. (W. M. a B. u H., 1899, VI).
Verhoeff.—Diptodenfaune v. Bos., Herc. u. Dalmatien. (W. M. a B. u H., 1899, VI).
Karlinski.—Verzeichniss der bis zum Jahre 1892 in Bosnien u. d. Herzegovina gesammelten Myriapoden. (W. M. a B. u H., 1894, II).
Wasmann.—Zur Kenntniss der bosnischen Myrmekophilen u. Ameisen. (W. M. a B. u H., 1899, VI).
Apfelbeck.—Fauna insectorum balcanica. (W. M. a B. u H., 1894, 1896, 1897, II, IV и V).
Knotek.—Die bosnisch-herzegovinischen Borkenkäfer. (W. M. a B. u H., 1894, II).
Klapálek.—Beiträge zur Kenntniss der Trichopteren-und Neuropterenfauna v. Bos. u d. Herc. (W. M. a B. u H., 1900, VII).
Strobl.—Dipterenfauna v. Bos., Herc. u. Dal. (W. M. a B. u H., 1900, VII).

II. Растительный міръ.

- Beck.**—Flora v. Südbosnien u. d. angrenzenden Herzegovina. I—V. (Annalen d. k. k. naturhistor. Hofmuseums. Wien, 1886—1890).
Vandas.—Neue Beiträge zur Kenntniss der Flora Bosniens u. d. Herzegovina. (Sitz.-ber. d. k. böhm. Gesell. d. Wissenschaft. Prag. 1890).
Fiala.—Beiträge zur Pflanzengeographie Bosniens u. d. Herc. (W. M. a B. u H., 1893, I).
Beck v. Mannagetta.—Ein botanischer Ausflug bei Livno. (W. M. a B. u H., 1897, V).
Fiala.—Beiträge zur Flora Bos. u. d. Herc. (W. M. a B. u H., 1899, VI).
Malý.—Floristische Beiträge. (W. M. a B. u H., 1900, VII).
Protić.—Zur Kenntniss der Flora der Umgebung von Vareš in Bos. (W. M. a B. u H., 1900, VII).
Beck.—Alpine Vegetation der südbosnischen u. herzegovinischen Hochgebirge. (Verhand. d. k. k. zool.-botan. Gesell. Wien, 1888).
Beck.—Interessante Nadelhölzer im Occupationsgebiete. (M. d. Sec. f. Naturkunde d. Oesterr. Touristenclubs. Wien, 1889).
Fiala.—Zwei interessante Nadelhölzer des bosnischen Waldes. (W. M. a B. u H., 1893, I).
Karlinski.—Kieselalgen-Flora Bos. u. d. Herz. (W. M. a B. u H., 1897, V).
Gutwinski.—Ueber die in Bos. u. d. Herc. entdeckten Algen. (W. M. a B. u H., 1897, V).

Б. По этнографіи. Кромѣ ранѣ отмѣченныхъ трудовъ, касающихся народнаго творчества, надлежитъ указать еще на слѣдующія сочиненія и статьи.

Robert.—Les slaves de Turquie. Paris, 1844.

Общественный и домашній бытъ сербовъ. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1856 г., т. 90).

Лежанъ.—Этнографія Европ. Турціи («Этногр. Сборникъ» 1864. Вып. 6).

Kanitz.—Serbien. Historisch-ethnographische Reisetudien aus dem J. 1851—1868. Leipzig, 1868.

Sax.—Skizzen über die Bewohner Bosniens, Wien, 1864.

Караджич.—Живот и обичаји народа српскога. Будапешт, 1867.

Гильфердингъ.—Старинный сборникъ сербскихъ пословицъ. Спб. 1868.

Serben an der Adria. Ihre Typen und Trachten. Leipzig, 1875 (8 выпусковъ).

Петранович.—Обичаји српског народа у Босни (Гласник 1870—1871).

Очевидецъ.—Герцеговина. Этногр. очеркъ. («Соврем. Извѣстія», 1876, № 149).

Н.—Ночь на Рождество у герцеговинцевъ и босняковъ. («Моск. Вѣд.», 1876, № 22).

Bosanciće.—Crte, pjesme, priče i pripovjesti iz života bosanskoga. Sabrao ih Vjekoslav Livadić. U Zagrebu. 1883.

Krauss.—Sitte u. Brauch d. Südslaven. Wien, 1885.

Ястребова.—Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ (въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ). Спб., 1886.

Hörnes.—Culturskizzen aus d. Herzegovina. (Oestr. Jahrb., herausgegeben v. Helfert, V).

Kraus.—Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. Münster i. W. 1890.

Zovko.—Ursprungsgeschichten u. andere Volksmeinungen. (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Delić.—Beiträge zur Landes- und Volkskunde. (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Lilek.—Gottesurtheile und Eidhelfer in Bosnien u. d. Herz. (W. M. a B. u. H., 1894, II).

Hörmann.—Das «Kumstvo» bei den Muhamedanern. (W. M. a B. u. H., 1894, II).

Glück.—Skizzen aus der Volksmedizin und dem medicinischen Aberglauben in Bosnien u. d. Herzegovina. (W. M. a B. u. H., 1894, II).

Truhelka.—Die Heilkunde nach volkstümlicher Ueberlieferung mit Auszügen aus einer alten Handschrift. (W. M. a B. u. H., 1894, II).

Die Costümausstellung im k—k. öster. Museum, 1891. Ihre wichtigsten Stücke, ausgewählt und beschrieben von Dr. K. Maser. Wien, 1894.

Миллеръ.—Систематическое описаніе коллекціи Дашковскаго этнографическаго музея, вып. IV. М. 1895.

Glück.—Die Volksbehandlung der Tollwuth in Bos. u. d. Herzegov. (W. M. a B. u. H., 1895, III).

Kostić.—Südslavische Volksschauspiele primitivster Art. (W. M. a B. u. H., 1895, III).

Lilek.—Die Erzeugung «lebendigen» Feuers in Bos. u. d. Herzeg. (W. M. a B. u. H., 1895, III).

Bratić.—Die Herzogsquelle u. d. Griechenland. (W. M. a B. u. H., 1895, III).

Truhelka.—Die «phrygische Mütze» in Bosnien. (W. M. a B. u. H., 1896, IV).

Lilek.—Volksglaube und volkstümlicher Cultus in Bos. u. d. Herzeg. (W. M. a B. u. H., 1896, IV).

Ugljen.—Der Brautkauf bei den muhamedanischen Bauern. (W. M. a B. u. H., 1896, IV).

Truhelka.—Zum Capitel Aberglauben. (W. M. a B. u. H., 1896, IV).

Ciszewski.—Künstliche Verwandtschaft bei den Südslaven. Leipzig, 1897.

Verehrung des Kirschbaums. (W. M. a B. u. H., 1897, V).

Глик.—Медицинска народна терминологија у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1898.

Dimitrijević.—Weinachtsbräuche im Bezirke Maglaj. (W. M. a B. u. H., 1899, VI).

Klarić u. Carić.—Verlobungs u. Hochzeitsbräuche in Bos. u. Dalmatien. (W. M. a B. u. H., 1899, VI).

Grgjić-Bjelokosić.—Volks Glaube u. Volksbräuche in der Herzeg. (W. M. a B. u. H., 1899, VI).

Meringer.—Das volksthümliche Haus in Bosnien u. d. Herzeg. (W. M. a B. u. H., 1900, VII).

Kalinović.—Volksaberglauben u. Volksheilmittel bei den Muhamedanern Bos. u. d. Herz. (W. M. a B. u. H., 1900, VII).

Lilek.—Vermählungsbräuche in Bos. u. d. Herz. (W. M. a B. u. H., 1900, VII).

VII.

Доисторическій и римскій элементы въ Босніи и Герцеговинѣ.

Гласинацкіе могильники. Иллирійское и кельтическое население. Римская колонизація: дороги, колоніи, древнія находки.

Древній періодъ Босны-Герцеговины очень теменъ. Онъ относится вполне къ доисторическому времени и свѣтъ на него могутъ пролить лишь археологическія изслѣдованія. Лишь они въ состояніи разяснить культурныя стадіи развитія древнѣйшихъ обитателей страны, чужія вліянія, нашествія, покоренія. Нынѣ можно съ положительностью сказать, что аборигенами Босны-Герцеговины являлись иллирійскія племена. Въ V вѣкѣ до Рождества Христова извѣстны два племени: ардіейцы и аутаріаты. Первые изъ нихъ жили въ сѣверо-западной Босніи, вторые находились южнѣе ихъ, а равно занимали часть Герцеговины. Въ IV вѣкѣ до Рождества Христова (370—360) въ страну вторгаются кельты. Они вытѣсняютъ къ востоку ардіейцевъ, которые между прочимъ занимаютъ нижнее теченіе Неретвы; сѣверо-западъ же и сѣверъ Босніи остаются въ рукахъ кельтовъ. Названная рѣка становится съ III вѣка до Рождества Христова центромъ иллирійскаго государства до покоренія его римлянами. Колонизація послѣднихъ начинается во II вѣкѣ до Рождества Христова; ихъ формальное господство длится до паденія Западно-Римской имперіи (476 послѣ Рождества Христова). Въ V вѣкѣ нашей эры страна подпадаетъ подъ власть остготовъ и остается въ ихъ рукахъ до 535 г. Въ это время начинается ихъ война съ Юстиніаномъ, владычество ихъ колеблется, теряется, вмѣстѣ съ тѣмъ впервые появляются славяне (548, 551 и 553 гг.). Въ 555 году Босна-Герцеговина становится частью Византійской имперіи, но нашествія славянъ продолжаютъ. Въ 598 г. происходитъ набѣгъ аваровъ и опустошеніе римскихъ колоній сѣверо-западной части страны. Засимъ продолжается на-

стойчивое нападеніе на нее славянъ, главная колонизація которыхъ совершается въ теченіе VII вѣка.

Такимъ образомъ въ древней исторіи страны слѣдуетъ отмѣтить преимущественно три эпохи: чисто иллирійскій періодъ, далѣе время римской колонизаціи и наконецъ эпоху славянскаго осѣданія. Кельты заняли лишь часть страны, готы, повидимому, были лишь номинальными хозяевами ея, къ тому же въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени; авары ограничились набѣгомъ, а византіяцамъ пришлось мириться съ усиливавшеюся колонизаціею славянъ, которые и оставались въ это время настоящими господами страны.

Народы, исчезая, какъ извѣстно, не погибаютъ; они продолжаютъ свое существованіе въ составѣ этнографическихъ и политическихъ группъ тѣхъ народностей, которыя приходятъ на смѣну первоначальныхъ обитателей. Ассимиляція съ аборигенами значительно измѣняетъ и первоначальный составъ пришельцевъ. Босна-Герцеговина не дѣлаетъ, конечно, въ этомъ отношеніи исключенія. Славянское населеніе ея всосало кровь своихъ предмѣстниковъ и представляетъ, какъ впрочемъ и всѣ остальные народы, антропологическій конгломератъ. Слившись съ аборигенами (иллирами) и вѣроятно отчасти съ колонизаторами страны (римлянами), славяне Босніи и Герцеговины заняли мѣста ихъ жительства. Этимъ объясняется, что расположеніе многихъ поселеній по сіе время остается въ общихъ чертахъ то же, что и во времена римскія и доисторическія. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего новаго; напротивъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ наблюдается лишь то явленіе, которое замѣчено и въ другихъ странахъ.

Память объ иллирахъ до настоящаго времени сохранилась въ устахъ современнаго населенія страны: наименованіе многихъ мѣстностей древне-иллирійскаго происхожденія. Связь босно-герцеговинскихъ славянъ съ иллирійскимъ элементомъ, хотя и установлена безспорно, но по настоящее время еще мало изслѣдована. Однако труды послѣдняго времени въ области лингвистики, антропологии, а равно археологии уже проливаютъ кое какой свѣтъ на интересный вопросъ о степени естественно-и культурно-исторической связи этихъ двухъ, можно сказать, коренныхъ элементовъ страны.

Мѣстныя археологическія изслѣдованія доисторическихъ памятниковъ сдѣлали особенно за послѣднія 10—15 лѣтъ крупныя

шаги. Они открыли для науки много интереснаго и игнорировать ихъ, при знакомствѣ съ Босною-Герцеговиною, невозможно.

«Градацъ», «градина», «стариградъ», «градиско», «храдекъ», «храдиште», «гродъ» и «городиште»—вотъ тѣ названія, которыя устами самого народа указываютъ на присутствіе доисторическихъ поселеній. Ихъ очень много въ Боснѣ-Герцеговинѣ и не малое ихъ число подверглось уже изслѣдованіямъ. Всего больше труда въ этомъ отношеніи положено на раскопки на Гласинацѣ, открывшія новый археологическій міръ; онѣ послужили возникновенію новой иллирійской теоріи и вызвали живой обмѣнъ мысли среди археологовъ.

Гласинацомъ называется лежащее верстахъ въ 30 на востокъ отъ Сараева плоскогорье, высотой въ 3000 ф. Съ запада и юга оно ограничено возвышенностями Романьи, достигающими 5 и 5½ тысячъ фут. высоты. Гласинацъ частью ровная, частью волнистая мѣстность; почва мѣстами болотистая, мѣстами каменистая, или поросшая лѣсомъ. На этомъ то плоскогорьѣ расположено нѣсколько десятковъ (42) «градинъ» (городищъ, такъ можно было бы выразиться на русскомъ языкѣ) и десятки тысячъ (свыше 20000) кургановъ. Первые обильныя находки были сдѣланы въ 1880 г. случайно при проведеніи шоссе отъ Сараева на Вышеградъ. Первоначальныя раскопки принадлежатъ Лексу, Глосауеру и Брудлю. Съ 1888 г. началось систематическое изслѣдованіе какъ кургановъ, такъ и градинъ, произведенное Трухелкой, Стратимировичемъ и особенно Фіалой. По сіе время раскопано нѣсколько градинъ и около 1000 кургановъ. Эти раскопки, а равно изслѣдованія найденныхъ предметовъ, произведенныя разными лицами, особенно же Хёрнесомъ, позволяютъ сказать о Гласинацкихъ древностяхъ слѣдующее. Курганы по размѣрамъ различны, они частью сложены изъ одного камня, частью изъ камней съ землею, или же насыпаны исключительно изъ земли. Курганы служили либо для одного покойника, либо (что встрѣчается чаще) для нѣсколькихъ, служа какъ бы семейными усыпальницами. Мертвые хоронились и въ основаніи кургана (клались на материкъ), и въ насыпи его. Трупы иногда сжигались. Но главнымъ образомъ было распространено погребеніе несожженныхъ труповъ. По поводу способа погребенія высказывались разные взгляды: нѣкоторые полагали, что различные способы погребенія указываютъ на сословное происхожденіе погребенныхъ, другіе думали, что способъ погребенія стоитъ въ связи съ поломъ умершаго, нако-

нецѣ нѣкоторые, повидимому наиболѣе правдоподобно, указывали, что трупосожженіе на Гласинацѣ слѣдуетъ считать болѣе позднимъ, быть можетъ занесеннымъ извнѣ обычаемъ.

Что касается градинъ, то это расположенныя на возвышенностяхъ особой формы искусственныя насыпи. Онѣ обыкновенно круглой формы; края ихъ образуются валомъ, состоящимъ иногда изъ сложенныхъ на сухо стѣнъ. Величина градинъ колеблется по діаметру отъ 12 до 47 сажень. Конструкція валовъ и разрушенныя ихъ части позволяютъ предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они подымались высокой стѣной, иногда же они были низки и служили базой для палисадъ. Въ отношеніи назначенія градинъ высказываются очень разнообразныя мнѣнія. А именно: нѣкоторые (напр. Трухелка) полагаютъ, что градины суть укрѣпленія. Но этому противорѣчитъ ихъ большое, на сравнительно незначительномъ пространствѣ, число. Другіе (напр. Рейнакъ) считаютъ градины за мѣста жертвоприношеній. Третьи находятъ, что градины служили убѣжищемъ для населенія во время нападенія. Иные (напр. Хёрнесь) въ свою очередь думаютъ, что градины представляли огороженное мѣсто семейной собственности въ отличіе отъ остальной земли, состоявшей въ общемъ пользованіи. Наиболѣе правильнымъ однако мнѣніемъ является, повидимому, предположеніе Фіалы, что градины играли въ жизни доисторическаго населенія Гласинаца разную роль: нѣкоторыя изъ нихъ являлись безспорно крѣпостями (въ такихъ градинахъ не было сдѣлано находокъ), другія же представляли огороженныя поселенія большихъ семействъ, быть можетъ родовъ; наконецъ, тѣ или другія градины могли служить мѣстомъ общественнаго жертвоприношенія.

Нѣкоторые изслѣдователи (напр. Рейнакъ), указывая на громадное количество кургановъ, считаютъ весь гласинацкій некрополь за священное мѣсто погребенія, куда привозились трупы и изъ отдаленныхъ мѣстностей. При этомъ указываютъ, что Гласинацкое плоскогорье не было въ состояніи прокормить соотвѣтственное числу погребенныхъ (до 60,000) населеніе. Но болѣе точные подсчеты, а равно наблюденіе надъ современными жителями этой мѣстности, доказали, что при длительности эпохи, къ которой относится гласинацкая культура, нѣтъ основанія допускать какой либо особой густоты населенія: оно, вѣроятно, составляло не болѣе 10,000 человекъ, т. е. приблизительно вдвое менѣе, чѣмъ нынѣ. Обитатели древняго Гласинаца были скотоводами; развитію

скотоводства способствовали богато орошенные въ доисторическія времена луга; мѣстность въ то время, вѣроятно, была гораздо болѣе лѣсистой, чѣмъ теперь, и во всякомъ случаѣ болѣе плодородной.

Уже первыя изслѣдованія древностей гласинацкой культуры не оставляли сомнѣнія, что она относится къ желѣзному вѣку и въ частности къ такъ называемому гальштаттскому типу, т. е. къ тому типу начальной эпохи желѣзнаго вѣка, который получилъ свое наименованіе отъ обширнаго и наилучше изслѣдованнаго могильника близъ г. Гальштатта, въ Верхней Австріи. Дальнѣйшія изысканія показали, что гласинацкій могильникъ получилъ начало еще въ повдвѣйшую эпоху бронзоваго вѣка, но что разцвѣтъ поселенія всецѣло принадлежитъ къ такъ называемой гальштаттской эпохѣ. Примыкая къ этому періоду культурнаго развитія европейца, гласинацкій житель выработалъ много самостоятельнаго и не утратилъ своего, не смотря на видимое вліяніе съ юга. Это вліяніе воспринималось гласинацкимъ населеніемъ, но, повидимому, не передавалось имъ далѣе на сѣверъ. Такимъ образомъ Гласинацъ является, хотя и связующимъ сѣверъ и югъ, но все-таки самостоятельнымъ центромъ. На гальштаттскую культуру въ Гласинацѣ, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, наслоилась кельтическая, такъ называемая ла-тенская культура. Но это наслоеніе незначительно и ла-тенскій (кельтическій или развившійся подъ вліяніемъ кельтовъ) періодъ былъ въ Гласинацѣ кратковременнымъ. Сначала предполагалось, что гласинацкая культура угасла еще до прихода римлянъ, но послѣдующія находки неопровержимо доказали, что гласинацкія поселенія существовали въ римскій періодъ жизни Босны-Герцеговины и продолжались въ глубь времени переселенія народовъ. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что въ концѣ среднихъ вѣковъ Гласинацъ извѣстенъ, какъ мѣстность, населеніе которой служило посредникомъ въ торговлѣ дубровчанъ (рагузанцевъ). Насколько впрочемъ жители Гласинаца XV вѣка стояли въ связи съ обитателями курганныхъ полей и градинъ—остается вопросомъ совершенно открытымъ.

При попыткахъ перевести опредѣленіе археологическихъ эпохъ на принятое въ исторіи лѣтоисчисленіе, чтобы этимъ путемъ болѣе наглядно установить время существованія поселеній, давшихъ гласинацкую культуру, были высказываемы довольно разнорѣчивыя мнѣнія. Монтелиусъ, напримѣръ, считаетъ жизнь доисторическаго гласинацкаго человѣка отъ 1100 до 500 г. до

Рождества Христова, Рейнакъ же отъ 800 до 500 г. до Рождества Христова. Эти хронологическія опредѣленія, говоря о конечныхъ годахъ, основаны на данныхъ археологіи, обнаруживающихъ присутствіе ла-тенской, т. е. кельтической культуры. Появленіе кельтовъ, а затѣмъ римлянъ въ странѣ исторически извѣстно. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что водвореніе тѣхъ и другихъ не знаменовало, такъ сказать, непосредственнаго и повсемѣстнаго распространенія ихъ культуры. Это распространеніе шло безъ сомнѣнія очень медленно. Въ частности въ отношеніи римлянъ надо отмѣтить, что они, селясь по долинамъ рѣкъ и въ равнинахъ, проникали въ гористыя мѣстности съ трудомъ, и довольно густо населенный, а равно такъ или иначе укрѣпленный Гласинацъ безъ сомнѣнія представлялъ препятствія къ быстрому распространенію въ этихъ мѣстностяхъ римской власти. Римская дорога, проходившая черезъ Гласинацъ въ Византію, возникла не ранѣе III вѣка по Р. Х., курганы же съ ла-тенскою культурою составляютъ едва $\frac{1}{2}$ процента всего числа кургановъ. Поэтому болѣе правдоподобнымъ представляется мнѣніе Фіалы. Этотъ изслѣдователь, приурочивая начальную эпоху гласинацкаго поселенія гальштаттскаго періода (т. е. ранній желѣзный илирійскій періодъ, а не бронзовый), какъ и Рейнакъ, къ 800 г. до Рождества Христова, считаетъ, что періодъ этотъ кончился не ранѣе 100 г. до Рождества Христова, затѣмъ въ теченіе 200 приблизительно лѣтъ могъ длиться кельтическій (ла-тенскій) періодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ романизация населенія. Тотъ же изслѣдователь допускаетъ, что первичное населеніе Гласинаца было свидѣтелемъ прихода славянъ.

Поселеніе Гласинаца принадлежало къ илирійскимъ племенамъ; въ этомъ согласны всѣ изслѣдователи, т. е. къ тѣмъ антропологическимъ группамъ, остатки которыхъ съ одной стороны сохранились, какъ предполагаютъ, въ довольно чистомъ видѣ въ племенахъ албанскихъ, съ другой же стороны вошли въ составъ современнаго босно-герцеговинскаго народа. Поэтому сопоставленіе физическаго типа гласинацкаго населенія съ таковымъ же албанцевъ и босно-герцеговинцевъ представляетъ особый интересъ. Произведенныя въ этомъ отношеніи изслѣдованія пока еще слишкомъ скудны, чтобы на основаніи ихъ дѣлать какіе либо опредѣленные выводы. Но, сопоставляя имѣющіяся въ этомъ отношеніи данныя (Вейсбаха, Зампы и Глюка), слѣдуетъ отмѣтить во первыхъ, что населеніе Гласинаца было смѣшаннымъ изъ двухъ элементовъ, однако преимущественно длинноголоваго типа, во вторыхъ, что типъ въ

этомъ отношеніи албанцевъ схожъ съ типомъ гласинацкихъ обитателей и что, наконецъ, у босно-герцеговинцевъ, хотя и преобладаетъ короткоголовость, но, что она, повидимому, въ значительной степени зависитъ отъ искусственной деформациі черепа въ дѣтствѣ.

Гласинацкій могильникъ совершенно справедливо стяжалъ себѣ обще-европейскую извѣстность благодаря тѣмъ научнымъ результатамъ, къ которымъ привели изслѣдованія его древностей, основательность этихъ изслѣдованій, а также тѣмъ поистинѣ гигантскимъ числомъ кургановъ, которымъ славится Гласинацъ. Ближайшее знакомство съ доисторическими древностями Босны-Герцеговины выяснило однако, что Гласинацъ совсѣмъ не единственное курганное поле (да и вообще не замкнутый некрополь, какъ думали раньше), заслуживающее по количеству могильниковъ и по интересу, который они представляютъ, исключительное вниманіе. Въ окрестностяхъ Петроваца и Долняго Унаца скрываются едва ли не большіе некрополи; далѣе безчисленное количество кургановъ находится въ окрестностяхъ Столаца, Билечи, Гацка, Невисинья, Любинья и Любушекъ (всѣ въ Герцеговинѣ). Въ Сараевскомъ и Вышеградскомъ округахъ подобные некрополи также не рѣдки. Въ задачу настоящаго очерка не можетъ входить подробное описаніе археологическихъ изысканій, но доисторическія древности такъ типичны для Босны-Герцеговины, ихъ изслѣдованіе такъ важно для познанія этой страны, что нѣтъ возможности обойти ихъ полнымъ молчаніемъ.

Произведенныя по сіе время изслѣдованія позволяютъ утверждать, что находки гальштаттскаго типа являются весьма распространенными, если не преобладающими въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Памятники этой культурной эпохи находятся преимущественно въ средней и восточной Босніи и восточной Герцеговинѣ. Западная же часть, напротивъ того, сравнительно бѣдна. Здѣсь преобладаютъ древности ла-тенской культурной эпохи. Кельтическая культура распространялась преимущественно изъ сѣверо-западной части Босніи (Крайны) къ юго-востоку. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ главнымъ образомъ отмѣтить могильники и градины въ Бихачскомъ округѣ у Езерина, у Майдана, лежащаго на западъ отъ дороги Яйце—Варзаръ Вакуфъ, затѣмъ у Провора въ долинѣ р. Рамы, у Ракитна, въ сѣверномъ углу Любушскаго округа и у Хумаца, на границѣ съ Герцеговиною. Изслѣдованіями, находками

и наблюденіями въ этихъ мѣстахъ установлено непрерывное теченіе кельтической культуры отъ Зальцбурга, Верхней и Нижней Австріи, черезъ южный Тироль, Каринтію, Крайну, Истрію и вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ Венгрію на Хорватію и Боснію до Адриатическаго моря. Кельтическая культура наслоилась въ Босніи частью на гальштаттскую, т. е. иллирійскую, которая, впрочемъ, въ западной части страны представлена слабо, частью же прямо на культуру бронзоваго вѣка. Смѣнялась же кельтическая культура римскою, причѣмъ римскіе колонизаторы нерѣдко занимали градины своихъ предмѣстниковъ.

Кромѣ находокъ гальштаттскаго и ла-тенскаго періодовъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ констатировано присутствіе челоуѣка въ болѣе отдаленныя времена. Находки бронзоваго вѣка произведены преимущественно на сѣверо-западѣ страны, далѣе въ долинахъ рр. Рамы и Дрежанки, затѣмъ у Сараева (Сабунаръ, Дебело-бырдо); вмѣстѣ съ тѣмъ промежуточная между бронзовымъ вѣкомъ и гальштаттскимъ періодомъ культурная эпоха констатирована у Мостара въ Крехинѣ-градацѣ. На ряду съ симъ, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что Босна-Герцеговина была обитаема уже въ эпоху поздняго каменнаго вѣка. Объ этомъ свидѣтельствуютъ находки: у Рипача на юго-востокъ отъ Бихача, въ Мариновой пещерѣ по дорогѣ отъ Сараева къ Мокро, у Чунгара, близъ Цазины, у Войковичей, близъ Сараева и т. д.

Совершенно безцѣльно перечислять здѣсь всѣ мѣста разнообразныхъ доисторическихъ находокъ, произведенныхъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Достаточно ограничиться еще указаніемъ на открытіе въ странѣ: дольменовъ, въ долинѣ Дрины, близъ Фочи, въ долинѣ Требижата, въ Любушскомъ округѣ и у Билечи, хамбаринъ, у Детлака (на сѣверо-западѣ отъ Дервента), обширнаго и укрѣпленнаго поселенія, съ интересными остатками хижинъ, на Бишче-полѣ (Кичинѣ, на р. Буницѣ) и свайныхъ построекъ. Послѣднія найдены Ковачевичемъ у Рипача, на юго-востокъ отъ Бихача на р. Унѣ, и нынѣ всесторонне изслѣдованы Радимскимъ, Вольдрихомъ, Чурчичемъ и Бекомъ. Слѣдуетъ равнымъ образомъ отмѣтить доисторическое поселеніе у Санскаго Моста, на востокъ отъ Бихача, съ сравнительно высокой культурой. Здѣсь добывалось и обрабатывалось желѣзо, выдѣлывались оружія и предметы обихода. Культура этого поселенія имѣетъ мало общаго съ иллирійскою средней и южной Босніи, но стоитъ близко къ желѣзной куль-

турѣ Крайны, Хорватіи и Истріи. Исслѣдовавшій поселеніе это Фіала склоненъ приписать его яподамъ.

Конечно, громадное большинство доисторическихъ памятниковъ Босны-Герцеговины не только еще не изучены, но даже и не описаны. Тѣмъ не менѣе по сіе время сдѣлано на этомъ полѣ уже такъ много, что представляется возможнымъ бѣгло бросить общій взглядъ на постепенный ходъ культурнаго развитія страны съ древнѣйшихъ временъ. Босна-Герцеговина служить мѣстомъ жительства человѣка въ весьма отдаленную эпоху его культурнаго развитія. Присутствіе его въ палеолитическій (древній каменный) періодъ не констатировано, но въ неолитическій (поздній каменный) человѣкъ является уже обитателемъ этой части Балканскаго полуострова. За неолитическимъ наступаетъ для страны бронзовый вѣкъ. Вводится ли бронзовая культура новыми пришельцами, или она распространяется на старыхъ основаніяхъ путемъ вліянія со стороны—сказать опредѣленно не представляется возможнымъ. На бронзовую культуру наслоивается желѣзная и именно частью гальштаттскаго, частью ла-тенскаго типовъ. Первое имѣетъ мѣсто преимущественно въ центрѣ и на востокъ, послѣднее—на западѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гальштаттская культура служитъ посредствующимъ звеномъ между бронзовою и ла-тенскою (кельтическою). За послѣднею шла римская культура, но кельтическая, повидимому, не всегда служила промежуточною стадіею между иллирійскимъ (гальштаттскимъ) и римскимъ періодами. Нѣкоторые пункты непрерывно служили мѣстомъ жительства въ теченіе очень долгаго времени, напр.: свайныя постройки Рипача были обитаемы отъ поздняго каменнаго вѣка до кельтическаго періода включительно, Собунаръ-Дебело-бырдо отъ того же каменнаго вѣка до поздняго римскаго времени, Гласинацъ отъ бронзоваго вѣка до эпохи переселенія народовъ и т. д.

Римляне вообще нерѣдко смѣняли доисторическаго человѣка въ его укрѣпленныхъ мѣстахъ, напр. на Дуванскомъ полѣ шесть градинъ превращены были въ римскія крѣпости.

Началомъ римской эпохи въ Боснѣ-Герцеговинѣ можно считать 167 годъ до Рождества Христова. Послѣ перваго подчиненія мѣстныхъ иллировъ римлянамъ образовался ихъ знаменитый далматинскій союзъ, который велъ неоднократно войны съ пришельцами. Страна была покорена въ 78 г. до Рождества Христова и присоединена къ Риму подъ наименованіемъ Иллиріи. Съ этого времени собственно и начинается римская колонизація, которая,

впрочемъ, сначала не имѣла успѣха: народонаселеніе неоднократно восставало и покореніе возобновлялось. Полное завоеваніе страны окончилось лишь въ 9 году послѣ Рождества Христова, причемъ понятіе «Иллирія», получившее болѣе широкое толкованіе, не примѣнялось уже исключительно къ Боснѣ-Герцеговинѣ, вошедшей въ составъ «Далмаціи». Въ частности Боснія въ административномъ отношеніи была отнесена къ области управленія Салоны (около Сплѣта, Спалато), а Герцеговина—къ области Нароны (около Габелы и Метковичей). Изъ этихъ центровъ распространялась римская культура. Остатки древнихъ римскихъ дорогъ нерѣдки въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Онѣ въ настоящее время довольно хорошо прослѣжены и изучены (Балифъ, Блау, Радимскій, Томанекъ, Хёрнестъ, Трухелка и др.) На основаніи всѣхъ, довольно многочисленныхъ, изслѣдованій про направленіе римскихъ дорогъ въ странѣ, можно сказать слѣдующее: отъ Салоны (слав. Солинъ) шла важная торговая дорога, описывая легкую дугу, къ Наронѣ, на р. Неретвѣ. Направленіе этого пути вполне соотвѣтствовало направленію современнаго шоссе отъ Сплѣта (Спалато) до Метковичей, близъ которыхъ и находилась Нарона. Затѣмъ, другая дорога шла отъ Салоны же непосредственно вдоль Адриатическаго моря къ устью Неретвы (этой дорогѣ нѣтъ нынѣ соотвѣтствующаго шоссе); здѣсь она вѣроятно соединялась съ предыдущей, тянулась далѣе къ Дубровнику (Рагуза), въ томъ же приблизительно направленіи, какъ и современная дорога, далѣе на Эпидaurumъ (Цавтатъ, Рагуза-веккіа), въ Херцеговинѣ (Кастельнуово), огибала Которскія Бокки, касалась Котора (Катарро) и спускалась на югъ. Болѣе или менѣе параллельно этимъ двумъ путямъ шла дорога, прорѣзавшая всю Боснію съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Она вполне совпадала по своему направленію съ современнымъ магистральнымъ шоссе. Сначала она шла съ сѣвера, изъ Паноніи ¹⁾ отъ р. Савы, отъ г. Сервиціума (около Градишки) на югъ къ Баниялкѣ, продолжалась между р. Вырбасомъ и Саною. Здѣсь одна ея вѣтвь шла далѣе поперекъ Босніи и упиралась на югъ въ Салону, другая же вѣтвь сворачивала на юго-востокъ, къ Яйце, на Травникъ, въ окрестности современнаго Сараева и далѣе въ томъ же

¹⁾ Дорога эта представляла вѣтвь Пановскаго пути, шедшаго по Савѣ (Saus): Siscia (Сисекъ)—Servillum (Бербирь, у Градишки)—Certissa (Дьяково)—Cibale (Вичковце)—Sirmium (Митровицъ)—Bassiana—Tavrunum (Земунъ)—Singidunum (Бѣлградъ).

направленіи. Между рѣками Босною и Дриною дорога раздѣлялась: сѣверный путь шелъ на Рогатицу къ Вышеграду и вѣдрался въ современную Сербію, а южный—на Горожду, Плевлье, Ново-Базаръ въ Византію. Двѣ главныя дороги: Салоно-Наронская и центральная юго-восточнаго направленія соединялись между собою, какъ нынѣ соотвѣтствующія шоссе, нѣсколькими путями. Первый, наиболѣе сѣверо-западный, уже указанъ; второй шелъ отъ Травника, какъ и теперь, на Ливно; третій, равнымъ образомъ существующій и въ настоящее время, отъ Сараева черезъ Кониць, Мостаръ и Любушки. Этотъ послѣдній путь, преслѣдовавшій, какъ и теперешнія шоссе и желѣзная дорога, цѣль соединенія центра страны съ Адриатическимъ моремъ, не совсѣмъ совпадалъ въ своемъ направленіи съ современной шоссеиной дорогой. Отъ Салоно-Наронской дороги до Мостара древній путь, повидимому, одного направленія съ нынѣшнимъ шоссе, то же можно сказать и о части пути: Кониць—Сараево; но отъ Кониць до Мостара въ настоящее время шоссе идетъ вдоль береговъ Неретвы, образуя вмѣстѣ съ нею крупное колѣно, въ древнія же времена дорога пересѣкала горы въ болѣе прямомъ направленіи и въ этомъ отношеніи она совпадаетъ съ современною верховою тропою, отличающеюся и донынѣ значительнымъ оживленіемъ. Наконецъ, существовала вѣроятно еще въ римскія времена дорога, которая хорошо извѣстна въ средніе вѣка: отъ Дубровника на Требинье, Билегу, Гацко, Фочу и Горажду. Здѣсь дорога эта должна была соединиться съ главнымъ Паноно-Византійскимъ путемъ. Дорогою отъ Дубровника на Фочу пользовались французскіе посланники XVI вѣка, чтобы ѣхать въ Константинополь. Нынѣ въ этомъ направленіи, вдоль современной границы Черногоріи, существуетъ шоссе, за исключеніемъ куска Гацко—Фоча черезъ Чемернское сѣдло и Сутиское ущелье, представляющее значительныя затрудненія вслѣдствіе дикости и неприступности горъ. Дорога эта въ средніе вѣка считалась тяжелой и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне опасной благодаря разбойничеству. Предполагать существованіе этого пути въ римскія времена тѣмъ болѣе представляется естественнымъ, что онъ долженъ былъ пересѣкать римскую дорогу, шедшую отъ Адриатическаго моря на Требинье къ Никшичу (средневѣковый Оногостъ) въ Діоклею (около Подгорицы въ Черногоріи), и могъ, такимъ образомъ, соединять долину Зеты съ долиною верхней Неретвы.

Изъ совпаденія древнихъ путей съ современными главнѣйшими дорогами, соединяющими важнѣйшіе города и мѣстности

Босны-Герцеговины, видно, что центры этой страны установились въ древнѣйшія времена, свыше 1500 лѣтъ тому назадъ и не подвергались видному передвиженію. Римскія находки послѣдняго времени лишь подтверждаютъ это и указываютъ, на ряду съ находками доисторическими, на преемственное развитіе главнѣйшихъ поселеній съ незапамятныхъ временъ.

Далматическое побережье Адриатическаго моря, какъ извѣстно, было густо заселено римскими колонизаторами; здѣсь находились десятки довольно видныхъ городовъ, соединенныхъ дорогами. Что касается Босны-Герцеговины, то римскія колоніи въ этой странѣ были повидимому болѣе рѣдко расположены, чѣмъ въ Далмаціи. Изысканія и изслѣдованія римскихъ древностей въ Босніи и Герцеговинѣ, произведенныя за послѣднее особенно время цѣлымъ рядомъ лицъ (Баллифъ, Блау, Драгичевичъ, Кельнеръ, Патшъ, Радимскій, Томашекъ, Трухелка, Фіала, Форличекъ, Хѣрманъ, Хѣрнесъ, Хоферъ и Эвансъ), а равно случайныя находки, позволяютъ составить уже теперь довольно подробную картину распределенія римскихъ колоній въ странѣ.

Бишче-поле, т. е. равнина треугольной формы, которая тянется отъ Мостара на юго-востокъ къ Благаю, представляла въ римскія времена довольно густо населенную мѣстность. Главное поселеніе здѣсь лежало, повидимому, на лѣвомъ берегу р. Буницы (притокъ Буны) у современнаго Негочина. Отсюда шли четыре дороги: на сѣверъ къ Коницъ черезъ Мостаръ, на юго-западъ въ Нарону, на юго-востокъ къ современному Столацу и на востокъ къ Невесинью. На Бишче-полѣ не только найдены остатки этихъ дорогъ, но и мосты, въ ихъ числѣ одинъ довольно значительный (шестипролетный) черезъ Буну. Кромѣ массы мелкихъ находокъ, на Бишче-полѣ раскопаны саркофаги, могилы, остатки храмовъ и другихъ строеній римскихъ временъ. Мѣста находженія римскихъ предметовъ, разсыянные по всѣму Бишче-полю, свидѣтельствуютъ о существовавшемъ здѣсь цѣломъ рядѣ поселеній. Плодородіе равнины, очевидно, богато вознаграждало поселенцевъ; установившаяся вслѣдствіе оттѣсненія иллировъ въ горы безопасность вѣроятно содѣйствовала развитію культурной жизни.

Бишче-поле повидимому было связано непрерывными поселеніями съ Нароной, важное значеніе которой извѣстно. Въ рядѣ этихъ поселеній находились и укрѣпленія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, недавно открытый и изслѣдуемый нынѣ

римскій лагерь у Чаплины на берегу Неретвы, верстахъ въ 8 на сѣверъ отъ мѣстъ нахождения Нароны.

Важнымъ въ римскія времена центромъ въ Герцеговинѣ представлялся современный Столацъ. Какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ найдены очень интересныя римскія древности: укрѣпленіе (у Градины), поселенія (у Ошанича и Враньева), жилыя помѣщенія, бани, разнообразныя украшенія, предметы обихода, мозаиковые полы и т. д. Занявъ мѣсто современнаго Столаца, римляне отклонились отъ главнаго рѣчного пути внутрь страны. Они, при этомъ, проникли еще дальше на востокъ, къ Билечѣ (находки у Фатницы), затѣмъ заняли современное Невесинье, на сѣверъ отъ Столаца (находки Грабовицы), очевидно все Невесинско-поле и вѣроятно имѣли непрерывныя черезъ Герцеговину колоніи до современной Черногоріи, гдѣ римскія поселенія, въ свою очередь, уже извѣстны, какъ напримѣръ въ Граховѣ, Никшичѣ, Даниловградѣ, Подгорицѣ-Диоклеѣ.

Подвигаясь вверхъ по теченію Неретвы, римляне заняли современный Мостаръ, съ его окрестностями (находки у Потоци, Градаца, Мостарско-Блата) гдѣ, повидимому, существовалъ довольно значительный центръ римскихъ поселеній, на что указываютъ многочисленныя находки металлическихъ предметовъ и архитектурныхъ украшеній. Мостаръ, въ свою очередь, былъ связанъ непрерывнымъ рядомъ поселеній съ Коницемъ. Здѣсь сдѣланы находки до IV в. включительно. Найдено много монетъ, развалины храма Митры (Миеры) и т. д. Такимъ образомъ, среднее и нижнее теченіе Неретвы, а равно притока ея Неретвицы (Лисичичи—культъ Миеры), вмѣстѣ съ лежащею отъ нихъ на юго-востокъ частью Герцеговины, были заняты, колонизированы и укрѣплены римлянами.

Не въ меньшей степени была колонизирована и западная отъ Неретвы часть Герцеговины и Босніи. Здѣсь преимущественно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія равнины: окрестности Любушекъ, Дуванская, Ливанская и Гламочская равнины («поле»). Около Любушекъ найдены остатки римскихъ строеній, на сѣверъ отъ современнаго города; у Ракитно—укрѣпленіе, тамъ же у Чирина—алтари; на сѣверо-востокъ отъ города, у Читлука—укрѣпленіе и т. д. Наконецъ, самъ городъ Любушки представлялъ и въ римскія времена значительное поселеніе. На Дуванской равнинѣ главная колонія находилась на мѣстѣ современнаго Дувно-Жупаняцъ. Затѣмъ въ его ближайшихъ окрестностяхъ найдены остатки пяти поселеній. Монеты показываютъ присутствіе здѣсь рим-

лянь со временъ конца республики до конца IV в. Здѣсь, какъ и въ Бишче-полѣ, открыта цѣлая сѣть римскихъ дорогъ. На Ливанской равнинѣ найдены римскія поселенія у Лиштанъ, Сухача и Прилуки. На Гламочской равнинѣ находилось видное поселеніе на мѣстѣ современного Гламоча, представлявшаго узловую пунктъ четырехъ главныхъ путей, соединявшихъ, какъ и въ Дувнѣ, Далмацію съ Босніею.

Изъ Гламочскаго поля путь шелъ къ низовьямъ Вырбаса, а изъ Дуванскаго—въ верховья этой рѣки и въ область р. Рамы. Въ долину послѣдней римскія древности найдены въ Штичѣ и Лугѣ, въ верховьяхъ Вырбаса—у Горнаго Вакуфа, въ Буглойно и ихъ окрестностяхъ. На низовьяхъ Вырбаса, повидимому, были болѣе многочисленныя и крупныя поселенія. Слѣдуетъ отмѣтить находки въ г. Яйце (остатки храма) и окрестностяхъ этого города (Піавица, Шаричи, Бырдо). Затѣмъ констатированы поселенія у Варзаръ Вакуфа (Майданъ), у Печки—на юго-западѣ отъ Вакуфа и на р. Пливѣ, выше Езера (Шипово). Здѣсь шелъ изъ Яйце соединявшійся съ дорогою изъ Гламоча и огибавшій Вырбасъ путь на Банялуку и далѣе на сѣверъ въ Панонію. Банялука представляла, повидимому, весьма значительную колонію; весь путь отъ этого города до Сервиціума (у Градишки) былъ равнымъ образомъ занятъ поселеніями (Тыригъ, Лактарши), на сѣверо же востокѣ въ Выршани найдена бронзовая статуя Аполлона, хорошей работы. Не менѣе заселены были берега Саны и Уны. На послѣдней найдены слѣды населенныхъ мѣстъ у современного Бихача и въ его окрестностяхъ (напримѣръ Голубичъ, гдѣ между прочимъ констатированъ культъ Миеры). Что же касается Саны, то на разстояніи отъ Ключа до Предора, кромѣ Санскаго Моста, найдено 21 поселеніе.

Хотя въ центральной Босніи въ римскую эпоху, повидимому, и не было густого населенія, тѣмъ не менѣе и здѣсь находились важныя колонизаціонныя пункты. Во первыхъ самъ Травникъ былъ мѣстомъ римскаго поселенія, кромѣ того въ его округѣ пребываніе римлянъ констатировано въ Градинѣ, Пушичевѣ, Цырквиштѣ и Мошунѣ. Отъ Травника колоніи шли съ одной стороны къ Вырбасу и черезъ его притокъ Вырбанью (находки въ Шипрагѣ и Подбырчѣ), а съ другой черезъ долину Лашвы (находки въ Варошлукѣ и Витезѣ), къ Боснѣ. Долина этой рѣки, въ свою очередь, была занята колоніями, напримѣръ Сараевско-поле, Зеница, Добой и др.

Путь изъ Паноніи на Византію направлялся отъ Травника къ

Сараевской равнинѣ. Приблизительно у Киселяка онъ соединялся съ дорогой изъ Дуванскаго поля (по дорогѣ поселенія въ Фойницѣ и Киселякѣ). Кромѣ того, въ означенный путь на Византию въ Сараевскомъ полѣ упиралась дорога съ юга, отъ Неретвы. Такимъ образомъ и Сараевское поле, какъ и Дуванская, Ливанская, Гламочская и Бишческая равнины, представляло узловыи пунктъ, въ которомъ скрещивались дороги. И здѣсь, слѣдовательно, римская колонизація нашла удобныя и выгодныя условія. Трудно сказать, гдѣ собственно въ то время находился культурный центръ этой равнины. На ней вообще сдѣланы многочисленныя находки и въ самомъ Сараевѣ (у Кошева потока) и въ ближайшихъ окрестностяхъ его (на лѣвомъ берегу Милячки—кирпичный заводъ) и поодаль отъ современнаго города. Но самыя видныя и наиболѣе удачныя раскопки по сіе время произведены въ Илидже. Горячіе сѣрные ключи этого мѣста, очевидно, привлекли и римлянъ, которые устроили здѣсь весьма значительное поселеніе. Находки не позволяютъ сомнѣваться, что на мѣстѣ Илидже были сооружены термы; вмѣстѣ съ тѣмъ, констатируется присутствіе и другихъ зданій (домъ, храмъ). Исследователь древностей Илидже (Кельнеръ) относитъ возникновеніе поселенія къ I вѣку, расцвѣтъ же его къ III—IV в. по Р. Х.

Не задаваясь цѣлью исчерпать наименованіе всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ по нынѣ установлено присутствіе римской колонизаціи, надлежитъ однако отмѣтить, что римлянамъ были извѣстны и минеральныя богатства Босніи. Мѣста добычи рудъ въ тѣ времена были, повидимому, довольно многочисленны. Они извѣстны у истоковъ Вырбаса; были вѣроятно и у Фойницы и Вареша и несомнѣнно у Сребреницы, гдѣ за послѣднее время раскопано значительное римское поселеніе (Домавія) въ Градинѣ. Наконецъ слѣдуетъ указать, что римскія поселенія были и на крайнемъ востокѣ современной Босніи на р. Дринѣ, напр. у Михалевица, Вольевицы, Горажды, въ окрестностяхъ Устиколины, а равно на западѣ отъ Дрины, напр. у Браньева (окр. Зворника), въ Рогатицѣ и др.

Несомнѣнно, что дальнѣйшія изслѣдованія откроютъ еще много новаго въ отношеніи римской колонизаціи Босны-Герцеговины и точнѣе опредѣлятъ ее, тѣмъ не менѣе и нынѣ уже позволительно бросить общій взглядъ на характеръ ея.

Было уже выше отмѣчено, что главныя колонизаціонныя волны, повидимому, исходили изъ Салоны и Нароны; при этомъ римляне селились преимущественно по долинамъ рѣкъ и въ равнинахъ, мало сравнительно проникая въ горную глушь. Какъ бы

исключеніемъ изъ этого составляетъ развѣ центральная Боснія, привлекавшая колонизаторовъ своими минеральными богатствами. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что колонизація была болѣе распространена и римское населеніе было гуще по близости къ Далмаціи съ одной стороны и въ сосѣдствѣ съ Панонією съ другой. Кромѣ того, представляется несомнѣннымъ, что римская жизнь въ Боснѣ-Герцеговинѣ не развернулась богато. Современные находки, по крайней мѣрѣ, не блещутъ тою художественностью, которая свойственна римскимъ древностямъ въ другихъ мѣстахъ. Изъ этого можно съ достаточною вѣроятностью предположить, что страна представляла глухую провинцію. Римскія находки Босны-Герцеговины, во всякомъ случаѣ, стоятъ въ художественномъ отношеніи ниже подобныхъ находокъ въ Далмаціи, которая была, къ тому же, гуще населена римлянами, чѣмъ Босна-Герцеговина. Пункты колонизаціи, повидимому, рѣдѣли къ востоку, къ области Дрины, и были гуще расположены къ сѣверо-западу. Большинство главнѣйшихъ городовъ нынѣшней Босны-Герцеговины, какъ Банялука, Яйце, Бихачъ, Гламочъ, Ливно, Любушки, Мостаръ, Коницъ, Столацъ и другіе, были мѣстами главныхъ поселеній и римскихъ колонизаторовъ. Какъ нынѣ, такъ и тогда, жизнь развертывалась преимущественно на равнинахъ и по долинамъ горныхъ рѣкъ.

Если бы въ другихъ частяхъ Балканскаго полуострова были произведены столь же многочисленныя изслѣдованія доисторическихъ древностей, какъ и въ Боснѣ-Герцеговинѣ, то, несомнѣнно, представилось бы возможнымъ съ большею ясностью опредѣлить въ какомъ направленіи, съ какою постепенностью и подъ какимъ вліяніемъ развилась доисторическая, въ частности гальштаттская культура этихъ мѣстностей. Въ настоящее время съ достаточною правдоподобностью можно лишь отмѣтить, что Босна-Герцеговина обнаруживала въ доисторическую эпоху значительное разнообразіе. Страна не представляла въ равныя фазы этой эпохи однороднаго культурнаго устройства; одновременно были различныя культурныя теченія: въ то время какъ въ одномъ мѣстѣ преобладало одно, въ иномъ господствовало другое. Теченія эти сталкивались, но не всегда сливались и не вездѣ замѣняли одно другое.

Сдѣлать точный учетъ всѣмъ вліяніямъ римской культуры, которыя имѣли мѣсто въ странѣ и которыя впослѣдствіи передались осѣвшему славянству, не представляется возможнымъ. Отрицать же эти вліянія нельзя. Хотя римскіе культурные очаги и подверглись напа-

денію и разоренію, какъ то выяснилось при изслѣдованіи нѣкоторыхъ мѣстностей, но очаги эти не угасали. Главнѣйшія римскія поселенія уничтоженію не подверглись. Оставшіеся въ своемъ расположеніи, въ общихъ чертахъ, безъ измѣненія въ средніе вѣка, эти древнія поселенія сохранились безъ существенныхъ передвиженій и понынѣ.

Пришедшіе въ средніе вѣка славяне встрѣтили въ странѣ значительную въ культурномъ отношеніи пестроту. Какимъ образомъ шло заселеніе славянъ, какъ насланивался этотъ элементъ, опредѣленно отвѣтить не представляется никакой возможности. Нѣкоторые памятники римской эпохи, неся, какъ сказано, слѣды разрушенія, свидѣтельствуютъ какъ бы о насильственномъ вторженіи, но насколько это разрушеніе слѣдуетъ присчитать на долю славянъ и посkolько на долю готовъ и аваровъ, опредѣлить пока очень трудно. Надо однако думать, что появленіе славянъ сопровождалось не мирною колонизаціею, а завоеваніемъ страны. По вопросу о воспринятіи славянами началъ культуры своихъ предмѣстниковъ, о характерѣ смѣшенія новыхъ пришельцевъ съ ранѣе осѣвшими въ странѣ народами, равнымъ образомъ, невозможно сказать что либо съ опредѣленностью. Ранняя славянская эпоха страны въ сущности еще менѣе раскрыта, чѣмъ эпоха римской, даже кельтической колонизаціи и иллирійскаго періода. Надъ Босной-Герцеговиной покрывается для исторіи полный мракъ не только въ моментъ появленія славянъ (VI в.), не только въ періодъ ихъ осѣданія (VII в.), но и въ первыя столѣтія ихъ жизни въ странѣ, когда, повидимому, происходитъ процессъ ассимиляціи ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Этотъ мракъ постепенно, хотя и съ трудомъ, разсѣивается въ X в., когда славянство Босны-Герцеговины начинаетъ выступать на арену исторической эпохи жизни народовъ Балканскаго полуострова.

Л и т е р а т у р а.

Древности Босны-Герцеговины уже давно привлекали вниманіе изслѣдователей этой страны. Поэтому нынѣ накопился уже весьма значительный литературный матеріалъ по археологіи края. Матеріалъ этотъ разбросанъ едва ли не въ болышей части европейскихъ археологическихкихъ журналовъ, сборниковъ и т. п. изданій, посвя-

ценныхъ археологій. Въ частности отмѣтить слѣдуетъ: «Sitzungsberichte der k.-k. Akad. der Wiss. in Wien»; «Archäologisch-epigraphisch. Mit. aus Oesterreich»; «Mit. der. anthrop. Ges. in Wien»; «Viestnik hrvatskog arkeologickog društva»; «Pamatky archaeol.»; «Гласник земальског музеја»; «Wis. Mit. aus Bos. u. d. Herz.» и др. Кромѣ приведенныхъ уже подъ шестой главой трудовъ Фіалы и Радимскаго, касающихся раскопокъ въ окрестностяхъ Сараева, надлежитъ выдѣлить еще слѣдующія спеціальныя сочиненія и статьи, касающіяся:

А. Древностей Босніи и Герцеговины вообще.

Schematismus almae missionariae provinciae Bosnae Argentinae pro anno 1864 (Ofen). Schematismus Dioeceseos Rachusinae pro anno 1866. Schematismus topographico-historicus custodiae provincialis et vicariatus Apostolici in Hercegovina pro anno 1867 (Spalato). (Въ извлеченіи перепечатано у О. Blau.—Reisen in Bosnien u. der Hercegovina, 1877, а равно у Hörnes.—Alterthümer d. Hercegovina I, 1881. Первое извлеченіе касается преимущественно католическихъ приходовъ и отчасти другихъ древностей, второе исключительно древностей средневѣковыхъ и римскихъ. Первое извлеченіе на нѣмецкомъ языкѣ, второе по латыни).

Tomaschek.—Die vörslavische Topographie der Bosna, Hercegovina, Crnogora u. d. angrenzenden Gebiete. (Mittheil. d. k.—k. geogr. Gesell. Wien. 1880).

Hörnes.—Alterthümer der Hercegovina und der südlichen Theile Bosniens nebst einer Abhandlung über die Römischen Strassen und Orte im heutigen Bosnien. Wien, 1881—1882. Тотъ же авторъ описываетъ древности Босніи и Герцеговины въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, приведенныхъ подъ первую главою.

Mittheilungen. d. Anthr. Gesell. in Wien. 1880, В. X, 1888, В. XVIII, 1889, В. XIX. Статьи Хохштегера, Хёрнеса и Трухелки о раскопкахъ въ Босніи.

Fiala.—Archäologische Beiträge. (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Radimský.—Prähistorische u. römische Ruinen u. Bauwerke im Flussgebiet der Sana. (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Truhelka.—Depotfund afrikanischer und anderer Bronzemünzen von Vraukamen bei Krupa. (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Radimský.—Die Alterthümer der Hochebene Rakitno in der Hercegovina. (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Marchesetti.—Von Spalato nach Sarajevo. (W. M. a B. u. H., 1893, I).

Radimský.—Das Bišćepolje bei Mostar. (W. M. a B. u. H., 1894, II).

Hörmann und Radimský.—Die Alterthümer v. Ošanic bei Stolac. (W. M. a B. u. H., 1894, II).

Radimský.—Die vorgeschichtlichen u. römische Alterthümer des Bezirkes Županjac. (W. M. a B. u. H., 1896, IV).

Fiala.—Ueber einige Wallbauten im nordwestlichen Bosnien (W. M. a B. u. H. 1896, IV).

Radimský.—Archäologische Tagebuchblätter. (W. M. a B. u. H., 1894, II, 1895, III, 1896, IV u. 1897, V).

Нидерле.—Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Спб., 1898.

Patsch.—Archäologisch-epigraphische Untersuchungen zur Geschichte der römischen Provinc Dalmatien. (W. M. a B. u. H., 1896, IV, 1897, V, 1899, VI, 1900, VII).

Б. Древности доисторических эпохъ.

Hörnes.—Grabbügelfunde v. Glasinac. (Festschrift der anthrop. Ges. in Wien, 1889).

Truhelka.—Die Necropolen von Glasinac in Bosnien. (Mitt. der Wiener anthrop. Ges. 1889).

Radimský.—Die prähistorischen Fundstätten mit besonderer Rücksicht auf Bosnien u. d. Hercegovina. Sarajevo, 1891.

Hörmann.—Die «Hambarine» von Detlak. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Truhelka.—Ein Steinkistengrab bei Borakovac (Foča). (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Hörmann.—Ein Bronzeschwert aus der Drina. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Radimský.—Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in der Nekropole v. Jezerine bei Bihać. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Kovačević und Mirković.—Die Ausgrabungen auf dem Jezerinafelde unterhalb Pritoka bei Bihać. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Radimský.—Die Gradina v. Majdan, ein neuer Fundort von La-Tène-Bronzen in Bosnien. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Fiala.—Die Ergebnisse der Untersuchungen prähistorischer Grabhügel auf dem Glasinac im Jahre 1892. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Kulpin.—Ausgrabungen auf der Hochebene Glasinac im Jahre 1891. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Truhelka.—Hügelgräber und Ringwälle auf der Hochebene Glasinac. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Radimský.—Skeletgräber der Hallstattperiode im Bezirke Visoko. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Fiala.—Höhlenforschungen in Bosnien. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Truhelka.—Ein Depotfund der Bronzezeit aus Šumetac bei Podzvizd. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Fiala.—Skizzen vom Glasinac. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Fiala.—Die Ergebnisse d. Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf d. Glasinac im J. 1893. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Truhelka.—Prähistorische Bronzen aus dem Bezirke Prozor. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Radimský.—Die Nekropole v. Jezerine. (W. M. a. B. u. H., 1895, III). Ero je: Der prähistorische Pfahlbau v. Ripač bei Bihać. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Truhelka.—Steinkisten-Tumuli in der Hercegovina. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Hörnes.—Vorrömischer Grabstein v. Jezerine. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Radimský.—Die neolitische Station v. Butimir bei Sarajevo in Bosnien. Ausgrabungen im Jahre 1893. Wien, 1895.

Radimský.—Die Gradina Ćugar bei Cazin. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Radimský.—Prähistorische Wallbauten im Bezirke Bihać. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Fiala.—Die Ergebnisse d. Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf dem Glasinac im J. 1894. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Radimský.—Tumuli im Bezirke Bilek. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Fiala.—Die Ergebnisse der Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf dem Glasinac im J. 1895. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).

Radimský, Glück, Waldrich und Beck v. Mannagetta.—Der prähistorische Pfahlbau von Ripač bei Bihać. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).

Fiala.—Die Ergebnisse der Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf dem Glasinac im J. 1896. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).

- Fiala.**—Prähistorische Ausgrabungen. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).
Dragičević.—Neolitische Fundstätte auf den „Kraljevine“. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).
Čurčić.—Ein Flachgräberfeld der Japoden in Ripač bei Bihać. (W. M. a. B. u. H., 1900, VII).

B. Римскія древности.

- Blau.**—Berichte über römische Alterthümer in Bosnien. (Monatsberichte der Berl. Akademie der Wiss. 1866, Dec., 1867, November, 1870, Juli).
Hörnes.—Römische Alterthümer in Bosnien und der Hercegovina. (Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich, 1880, IV).
Truhelka.—Die römische Drinathalstrasse im Bezirke Srebrenica. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).
Ballif.—Römische Strassen in Bosnien und der Hercegovina. Wien, 1893.
Radimský.—Römische Gräber bei Han Potoci nächst Mostar. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).
Truhelka.—Zenica und Stolac. (Beiträge zur römischen Archäologie Bosniens u. d. Hercegovina). (W. M. a. B. u. H., 1893, I).
Radimský.—Die römische Befestigung auf der Crkvenica und das Castrum bei Doboj. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).
Kellner.—Römische Ruine in Laktaši. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).
Radimský.—Generalbericht über die bisherigen Ausgrabungen der römischen Stadt Domavia in Gradina bei Srebrenica. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).
Radimský.—Reste römischer Ansiedlungen in Šipraga und Podbrgje. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Fiala und Patsch.—Untersuhungen römischer Fundorte in der Hercegovina. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).
Radimský.—Die römische Ansiedlung von Majdan bei Varcar Vakuf. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).
Truhelka und Patsch.—Römische Funde im Lašvathale. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).
Radimský.—Bericht über die Ausgrabungen von Domavia bei Srebrenica. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).
Fiala.—Römische Brandgräber bei Rogatica. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).
Hoffer.—Fundorte römischer Alterthümer im Bezirke Travnik. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).
Kellner.—Römische Baureste in Ilidže bei Sarajevo. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).
Fiala.—Beiträge zur römischen Archäologie der Hercegovina. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).
Šarjanović.—Römische Funde aus Čaplina a. d. Narenta. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).
Vortliček.—Römische Alterthümer in Branjevo. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).
Jelić.—Das älteste kartographische Denkmal über die römische Provinz Dalmatien. (W. M. a. B. u. H., 1900, VII).

VIII.

Очеркъ политической исторіи Босны-Герцеговины.

Первоначальное раздѣленіе страны. Событія на Балканскомъ полуостровѣ въ X—XII в. в. Вопросъ о зависимости Босніи отъ Венгріи. Боснія въ XIII в. Возвеличеніе и паденіе Сербіи. Боснія въ XIV в.: Стефанъ Котроманичъ, объединеніе съ Захуміемъ, Твиртко I. Борьба Сербіи и Венгріи съ турками въ XV в. Боснія въ XV в.: борьба партій, роль Герцеговины и паденіе страны. Общій ходъ политической исторіи Босны-Герцеговины. Выселенія и ускочество-гайдучество.

На территоріи современной Босны-Герцеговины извѣстны въ X в. слѣдующія части сербской земли. Во первыхъ *Требинскій край* (*Требинье, Тервунія или Травунія*) съ Конавлею, граничившая на юго-востокъ съ Діоклеею (Зетою, давшою начало Черногоріи) и обнимавшая юго-восточный уголъ современной Герцеговины и часть современной Черногоріи. Затѣмъ, на западъ и сѣверо-западъ отъ Травуніи находилось *Захуміе*, простиравшееся по лѣвую сторону р. Неретвы и образовавшее въ послѣдствіи Герцеговину. Далѣе на западъ и сѣверо-западъ между р. Неретвою и р. Цетиною лежала земля *Нерентинцевъ* или Нарентанцевъ. На сѣверъ отъ этихъ земель простиралась *Босна*, ограниченная на востокъ Подринемъ, а на западъ верхнимъ Вырбасомъ и, вѣроятно, горами между этой рѣкой и Уною.

Гдѣ собственно въ X и въ болѣе ранніе вѣка находилась граница между Сербіею и Хорватіею, т. е. между сербскимъ и хорватскимъ народами,—сказать съ опредѣленностью представляется труднымъ. Вопросъ этотъ, обсуждавшійся многократно въ литературѣ, часто сходилъ съ научной почвы и въ него вносились факторы чисто политическаго характера. Нѣкоторые (напр. Дюмлеръ, Рачки, Петринензисъ и др.) находятъ, что границу между сербами и хорватами составляла р. Дрина; въ связи съ этимъ они считаютъ босняковъ въ составѣ хорватскаго племени.

Другіе авторы или отодвигаютъ эту границу ближе къ современному рубежу хорватской земли (Каллай), считая сербскую землю то (напр. Шафарикъ) отъ Вырбаса, то (Новаковичъ и Гротъ) отъ горъ, лежащихъ между Уною и Вырбасомъ, или же признаютъ Боснію порубежной землей (Клайтъ), относя все, лежащее отъ нея на сѣверо-западъ, къ Хорватіи, а все, находящееся на востокъ и юго-востокъ, къ Сербіи.

Считать первоначальныхъ обитателей Босніи въ составъ хорватской народности нѣтъ никакого основанія, такъ какъ единственный древній источникъ для мѣстностей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, Константинъ Багрянородный, называетъ Боснію, вмѣстѣ съ землею Нерентинцевъ, Травуніею и Захулміемъ, — странами населенными сербами. Наболѣе правдоподобнымъ представляется мнѣніе (Грота), согласно которому хорватское племя первоначально (первая треть VII в.) не простиралось на востокъ далѣе горныхъ хребтовъ между Уной и Вырбасомъ. Впослѣдствіи, во время развитія могущества хорватовъ, (первая половина IX в.) они завоевали часть сербской земли—до Дрины, овладѣвъ такимъ образомъ Босніею. Затѣмъ, пріобрѣтенная территория опять отошла къ сербамъ (вторая половина IX в.) Въ X в. послѣдніе снова въ этихъ мѣстахъ владѣютъ всецѣло своей землей: на западъ—за Вырбасъ, на сѣверъ—до Савы и на югъ—до Адриатическаго моря.

Надо, однако, замѣтить, что та часть *современной* Босніи, которая составляетъ сѣверо-западный ея уголь (между Уною, Савою и Вырбасомъ) и разновременно называлась *Дольнимъ Краемъ*, Турецкой Кроаціею и Крайной, входила, въ теченіе очень долгаго времени (до XIII в.), въ составъ Хорватіи или по крайней мѣрѣ въ сферу ея вліянія. То же самое (до XIV в.) слѣдуетъ, повидимому, сказать про Дуванскую, Ливанскую и Гламочскую жупы, именовавшіяся впослѣдствіи *Западными странами* и лежавшія на юго-востокъ отъ Дольняго края. Съ другой стороны на сѣверъ отъ коренной Босніи (Вырбоспа) между нижними теченіями Вырбаса и Дрины лежали двѣ области *Усора* и *Соли*, составлявшія до XII в. владѣнія Венгріи, которыми она разновременно пользовалась и впослѣдствіи. Области эти равнымъ образомъ въ свое время входили въ составъ Хорватіи. Разумѣется, политическая принадлежность всѣхъ этихъ частей не разрѣшаетъ вопроса объ этническомъ составѣ ихъ народонаселенія.

На востокъ отъ Босны лежало *Подринье* или *Дринское*

княжество (впоследствии), принадлежавшее Сербии и вошедшее въ составъ Боснии лишь въ XIV в.

X вѣкъ знаменуется на Балканскомъ полуостровѣ борьбою на жизнь и на смерть Болгаріи съ Византією и паденіемъ царства Симеона Болгарскаго. На сѣверѣ въ означенномъ столѣтіи образуется Хорватское королевство, освобождающееся отъ византійской зависимости. Въ томъ же вѣкѣ Оттономъ I ставится рѣшительный предѣлъ поступательному движенію венгровъ на западъ. Они осѣдаютъ. Св. Стефанъ организуетъ федеративное мадьярско-славянско-нѣмецкое государство. Въ это время сербы не играютъ почти никакой роли и о нихъ мало слышно. Мѣстными центрами сербской земли являются Требинье, Зета и Захулміе, остальное же пространство дѣлится на жупанства. Византія старается привлечь сербовъ на свою сторону для борьбы съ болгарами, послѣдніе же неоднократно опустошаютъ сербскую землю, подчиняютъ ее своей власти.

Въ началѣ XI в. византійскій императоръ Василій II уничтожаетъ Болгарію и распространяетъ свою власть на сербскія земли. Венгрія поглощается въ этомъ вѣкѣ спорами династическаго характера, во внутреннія дѣла ея вмѣшивается Германія, но въ концѣ столѣтія Венгрія снова достигаетъ могущества подъ управленіемъ Ладислава Святого. Хорватія въ XI в. объединяется съ королевствомъ Далматинскимъ, совершенно освобождается отъ византійской верховной власти, а въ концѣ столѣтія соединяется съ Венгрією.

Что касается собственно Боснии, извѣстной, какъ сказано, уже въ X в. въ качествѣ отдѣльнаго жупанства, то она въ XI в. подчиняется вмѣстѣ съ остальной сербской землей византійскому владычеству. Послѣ смерти императора Василя II Боснія освобождается и, образовавъ самостоятельное банатство, борется противъ Зеты, власть которой къ этому времени распространилась на Захулміе и Требинье. Въ концѣ XI в. Бодинъ Зетскій покоряетъ Боснію, въ которой поставляетъ князя.

Въ XII в. происходитъ враждебное столкновение Византіи съ Западомъ. Послѣдній одерживаетъ верхъ. Константинополь становится добычею крестоносцевъ, первое Византійское царство падаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ этого столѣтія возстаютъ болгары и образуется второе Болгарское царство. Хотя Венгрія переживаетъ въ это время довольно неопредѣленный періодъ, тѣмъ не менѣе и для ея исторіи XII в. является важнымъ.

Не имѣя успѣха на западѣ, она начинаетъ стремиться на югъ, на территорію Балканскаго полуострова, гдѣ сталкивается съ Византією. Хорватія окончательно входитъ въ составъ Венгерскаго государства. Она, правда, управляется своими банами, но надъ ними стоятъ герцоги, назначаемые изъ числа ближайшихъ родственниковъ венгерскихъ королей. Хорватія перестаетъ существовать самостоятельно и составляетъ отнынѣ лишь часть земель короны Св. Стефана. При паденіи Византійской имперіи освобождается и Сербія, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности Стефана Немани, дающаго начало Сербскому государству.

Сербы, находясь въ XII вѣкѣ между двумя соперниками— Венгією и Византією, поглощенными ожесточенною борьбой, вступаютъ въ союзъ съ венгерцами, чтобы освободиться отъ власти Цареграда. Сѣверная держава въ то время не носила мадьярскаго характера, она была государствомъ полуславянскимъ; славянскій элементъ преобладалъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Сербією благодаря включенію въ составъ Венгіи Хорватіи. Поэтому сближеніе Сербіи съ венгерскимъ государствомъ вполне естественно. Для укрѣпленія союза король Стефанъ II Венгерскій женилъ своего племянника и наслѣдника Белу II на Еленѣ, дочери Бела Уроша Сербскаго, дѣда (или отца) Стефана Немани.

XII вѣкъ знаменателенъ и для Босніи. Въ это время страна начинаетъ играть свою, обособленную отъ остальныхъ сербскихъ земель, роль. Въ зависимости отъ поступательнаго движенія венгерскихъ королей на югъ стоитъ начало связи Венгіи и Босніи. Босняки съ своимъ баномъ Боричемъ во главѣ принимаютъ дѣятельное участіе въ борьбѣ венгровъ противъ Византіи. Венгерско-византійскія войны XII вѣка велись съ переменнымъ счастьемъ, потому и Боснія то опустошается византійскими войсками, то выступаетъ побѣдоносно на ряду съ Венгією. Въ концѣ означеннаго вѣка начинается Боснійское государство.

Первый толчокъ, призвавшій Боснію къ политической жизни, дается ея баномъ Кулиномъ. При этомъ банѣ страна достигаетъ значительнаго могущества. Въ то же время Венгія стремится распространить свою власть за Саву, какъ на Боснію, такъ и на другія сербскія земли. Феодалная католическая Венгія является уже въ это время представительницею Запада, тогда какъ населеніе сербской территоріи олицетворяетъ собою византійскій православный Востокъ, духъ котораго воспринялъ славянами Балканскаго полуострова. Боснія, находясь на границѣ

этихъ двухъ противоположныхъ культурныхъ міровъ, представляетъ съ одной стороны окраину Востока, съ другой же порогъ Запада. Не принадлежа опредѣленно ни къ тому, ни къ другому міру, Боснія выступаетъ въ исторіи сербскаго народа обособленно. Въ то время какъ сербы на востокъ отъ Дрины отстаиваютъ свою независимость передъ Византією и стремятся къ образованію національнаго государства, Боснія борется за свободу и свою народность противъ Венгріи. Борьба эта получаетъ религіозно-культурный характеръ. Венгрія, подстрекаемая римскою курією, стремится окатоличить Боснію, которая въ противовѣсъ римской церкви выставляетъ народное богомилство. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XII вѣка извѣстенъ переходъ бана Кулина съ 10.000 босняковъ въ лоно этого ученія. Распространеніе его вызываетъ миссіонерскую дѣятельность Рима, поддерживаемаго Венгрією. Опасаясь вооруженнаго вторженія послѣдней въ свою страну, Кулинъ принимаетъ католичество. Поэтому начавшійся было разладъ оканчивается миромъ.

Опредѣлить точно границы Босніи XII вѣка не представляется возможнымъ. На территоріи современной Босны-Герцеговины, т. е. между Савою и Уною съ одной стороны и Дриною съ другой, — извѣстны, какъ указано, разныя области. Степень ихъ самостоятельности или зависимости отъ окружающихъ государствъ въ XII вѣкѣ почти совершенно неизвѣстна. По обѣимъ сторонамъ верхняго и средняго теченія р. Босны лежала Вырбосна или Боснія, въ собственномъ значеніи этого слова. Предполагаютъ, что Усора и Соли, принадлежавшія ранѣе Венгріи, были въ XII вѣкѣ дарованы ею бану Боричу въ благодарность за оказанную имъ помощь противъ Византіи. Владѣніемъ названныхъ областей, какъ думаютъ (Клайчъ и др.), боснійскіе баны стали въ извѣстную (ленную) зависимость отъ венгерскихъ королей. Такимъ образомъ, въ XII вѣкѣ Боснія вѣроятно была ограничена рѣками Вырбасомъ, Савою, отчасти Дриною (низовьемъ) и Неретвою (верховьемъ).

Въ томъ же вѣкѣ впервые называется область Рама (по обѣимъ сторонамъ рѣки того же имени). Она представляла обособленную жупу. Съ 1137 г. (1135) венгерскіе короли включаютъ въ число своихъ титуловъ и титулъ владѣтелей означенной области. Это обстоятельство внесло значительную путаницу въ

вопросъ о государственно-правовыхъ отношеніяхъ между Босніею и Венгріею.

По данному вопросу въ литературѣ извѣстны четыре мнѣнія. По одному изъ нихъ (высказанному Энгелемъ и Майковымъ) Боснія досталась въ *собственность* венгерскому королю Белѣ II, какъ приданое при его женитьбѣ на Еленѣ, дочери Уроша. По другому мнѣнію (Шимека и Катаны) Боснія была *завоевана* Венгріею. Затѣмъ историкъ Клайчъ, а также Паулеръ предполагаютъ, что Боснія была хотя и *независимымъ* государствомъ, но подчинилась Венгріи какъ младшая *союзница* (противъ Византіи) старшей. Это мнѣніе раздѣляется и Гротомъ, считающимъ Боснію *подручнымъ* государствомъ Венгріи. Наконецъ, въ новѣйшее время однимъ изъ хорватскихъ авторовъ (подъ псевдонимомъ Петринензисъ) высказано убѣжденіе, что Боснія, никогда не принадлежавъ къ сербскимъ землямъ, входила въ составъ Хорватіи и что она, при подчиненіи послѣдней венгерской коронѣ, eo ipso вошла въ составъ Венгерскаго королевства ¹⁾. Въ сущности всѣ изложенныя четыре мнѣнія сводятся въ концѣ концовъ къ одному и тому же— что Боснія въ XII вѣкѣ составляла часть Венгріи въ ея широкомъ значеніи. Разногласіе заключается лишь въ томъ, какимъ путемъ произошло единеніе двухъ странъ. Предположеніе о подчиненности Босніи венгерской державѣ основано главнымъ образомъ на томъ, во первыхъ, что глава Босніи носилъ титулъ бана, и во вторыхъ, что съ XII вѣка въ титулъ венгерскихъ королей включается имя области Рамы, *отождествляемой* съ Босніею. Между тѣмъ, если эта жупа въ XII вѣкѣ и входила въ предѣлы Босніи, то составляла лишь очень незначительную часть ея, поэтому мысль о тождественности наименованій Рамы и Босніи (pars pro toto), являясь бездоказательной, возбуждаетъ сомнѣнія. Что касается титула «банъ», слова не хорватскаго, а аварскаго происхожденія, то надо замѣтить, что, если существовали независимые и подчиненные жупаны и князья, то и титулъ бана могъ принадлежать самостоятельному властелину.

Характерно то, что ни въ титулѣ короля Белы II, ни въ титулѣ позднѣйшихъ венгерскихъ королей, имени Босніи совсѣмъ не поминается. Тогда какъ Бела II (1131—1135 г.) себя назы-

¹⁾ Мнѣніе послѣдне-означеннаго автора изложено въ спеціально посвященномъ данному вопросу сочиненіи, къ сожалѣнію преслѣдуемомъ политическія цѣли. Оттого доказательства не базируютъ вполнѣ на научной почвѣ. Это крайне осложняетъ строго безпристрастное рѣшеніе обсуждаемаго вопроса.

ваецъ королемъ «*Dei gracia Hungarie Dalmatie Rameque*», византийскій императоръ того же времени Мануиль I (1143—1180 г.) титулуется «*In Christo Deo fidelis rex Dalmaticus, Ungaricus, Bosthnicus, Servicus*». Слѣдовательно, Боснія включалась въ титулъ византийскихъ императоровъ, но отсутствовала въ титулѣ венгерскихъ королей. Имя Рамы не могло замѣнять собою имени Босніи. Она была слишкомъ незначительной величины, мало извѣстна, ограждена отъ Босніи высокими горными цѣпями (Бѣлашницкой и Трескавицкой), находилась по теченію рѣки, принадлежащей къ системѣ Неретвы, и, если вѣрить показанію Діоклейскаго священника, принадлежала къ Подгорью, а не къ Босніи. Въ составъ послѣдней она вошла позже, при расширеніи территории Босніи въ собственномъ значеніи этого слова. Если объ этомъ присоединеніи мало извѣстно, такъ это объясняется незначительностью жупы Рамы. Возможно предположить, что равъ хорваты въ свое время перешли Саву и Уну они поступательно двигались впередъ по Санѣ и Вырбасу и заняли сѣверо-западную часть Босніи (въ современномъ объемѣ), т. е. тѣ земли, которыя извѣстны подъ именами Дольній край и Западные страны. Естественную границу хорваты встрѣтили въ Радужскихъ горахъ. Въ этихъ предѣлахъ должна была установиться и Венгрія, соединившаяся съ Хорватіею. Перевалы вѣдѣтъ означенныя горы и завоевавъ долину Рамы, венгры были въ полномъ правѣ отмѣтить новое (за естественнымъ рубежомъ) завоеваніе внесеніемъ имени прибрѣтенной области въ титулъ королей ¹⁾.

Изъ дальнѣйшаго хода исторіи Босніи выясняется не юридическая зависимость ея отъ Венгріи, а домогательства послѣдней стать хозяиномъ въ странѣ босняковъ, домогательства, разновременно увѣнчивавшіяся успѣхомъ, даже въ тѣ вѣка (XIII, XIV), когда сила и могущество Босніи прогрессивно возрастала. Боснія

¹⁾ Хорватскій авторъ, о которомъ сказано выше (Петринензизъ), съ тою цѣлью занялся вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ Венгріи и Босніи, чтобы доказать, что на основаніи «хорватскаго государственнаго права» современная Боснія должна войти въ составъ Хорватіи. Въ зависимости отъ этой предвзятой точки зрѣнія, авторъ не всегда послѣдователенъ и очень страстенъ въ своемъ историческомъ изысканіи. Оттого оно не разъясняетъ, а скорѣе затемняетъ вопросъ. Едва ли вообще возможно добиваться чего нибудь вынѣ ссылаясь на «право», основанное на событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ XII вѣкѣ. Босняки, въ свою очередь, еще съ большимъ «правомъ» могли бы претендовать на Хорватію, такъ какъ при боснійскихъ короляхъ, владѣвшихъ частью Хорватіи, она включалась въ число ихъ титуловъ.

же XII вѣка была незначительной страной и изъ этого естественно вытекали «подручныя» ея отношенія къ Венгріи. Подобные примѣры въ исторіи нерѣдки. Впрочемъ, во взаимныхъ отношеніяхъ Венгріи и Босніи много неопредѣленности, часто встрѣчающейся вообще въ отдаленные вѣка, когда государства строились и когда не существовало регламентированныхъ государственно-правовыхъ нормъ.

Крайняя пересѣченность территоріи, занятой сербскою народностью, и обиліе естественныхъ границъ препятствовали сербамъ организовать обширное и прочное государственное тѣло. Поэтому въ отдѣльныхъ частяхъ сербской земли уже издавна образовались обособленные государственные организмы, которые, оспаривая съ переменнымъ успѣхомъ другъ у друга главенство, не простирали однако своей дѣятельности на все пространство, занятое сородичами. Боснія нашла свой естественный предѣлъ на берегахъ Дрины—съ востока, на берегахъ Савы—съ сѣвера, Уны—съ сѣверо-запада, и у подножія Динарскихъ альпъ—съ запада. Все, что находилось въ этихъ естественныхъ границахъ, вошло въ сферу вліянія Босніи.

Въ теченіе первыхъ двухъ третей XIII вѣка Византіи не существуетъ болѣе. Мѣсто ея въ Константинополѣ занимаетъ съ 1204 по 1261 г. государство Латинское. Возстановленное по изгнаніи латинянъ Михайломъ Палеологомъ, царство не приобретаетъ прежняго могущества и Византія остается надломленной. Съ ослабленіемъ этого традиціоннаго врага южнаго славянства на Балканскомъ полуостровѣ расцвѣтаетъ второе Болгарское царство, достигающее ко второй половинѣ XIII столѣтія при Асѣнѣ II выдающагося значенія, напоминающаго времена великаго Симеона. Затѣмъ Болгарія, распадаясь, вторично погибаетъ и дѣлается въ концѣ вѣка добычею татаръ. Въ XIII вѣкѣ въ отношеніи Балканскихъ славянъ Византію до извѣстной степени замѣняетъ Венгрія. Проникшій въ нее уже въ XII вѣкѣ феодализмъ, равно какъ и утвердившееся католичество, пускаютъ въ XIII вѣкѣ глубокие корни. Вѣкъ этотъ посвященъ въ Венгріи внутренней работѣ, онъ знаменуется въ странѣ рядомъ преобразованій государственнаго строя, развитіемъ промышленности и торговли. Въ серединѣ столѣтія Венгрія потрясается набѣгомъ татаръ (1241 г.), а въ концѣ того же вѣка впервые предъявляются притязанія на Венгрію со

стороны Габсбурговъ. Въ это время въ Сербіи продолжалась дѣятельно начатая Неманею работа, направленная къ образованію сербскаго государства. Въ 1221 г. сынъ Немани вѣнчается на королевство Сербское, Діоклейское (Зетское), Травунское, Далматинское и Захулмское. Такимъ образомъ, въ первой трети XIII вѣка вся сербская земля объединилась и исключеніе составляла лишь Боснія. Послѣдняя не участвуетъ въ общей жизни сербскаго народа, интересы ея привлечены сѣвернымъ и западнымъ центрами.

Послѣ смерти Кулина (не ранѣе 1204 г.) баномъ Босніи становится Стефанъ (вѣроятно сынъ Кулина). Такъ какъ онъ ревностно стоитъ за католическую церковь, то національная богомильская партія его низвергаетъ и возводитъ на его мѣсто богомила Матвѣя Нинослава (1232 г.). Сначала и этотъ банъ какъ бы склоняется къ католичеству, но затѣмъ богомильская ересь съ такою силою распространяется въ странѣ, что Венгрія предпринимаетъ противъ Босніи крестовый походъ (1234 г.). Во главѣ его стоитъ хорватскій герцогъ Коломанъ, сынъ венгерскаго короля Андрея II. Въ первые два года крестоносцы терпятъ неудачу, но затѣмъ съ помощью католика Себислава, сына низвергнутаго бана Стефана, владѣвшаго Усорою, Коломанъ одерживаетъ побѣды (1237 г.) и покоряетъ Боснію. Нинославъ на время исчезаетъ. Господство Коломана длится до 1241 г., т. е. до времени опустошенія Венгріи татарами. Послѣдніе вторгаются въ слѣдующемъ году и въ Боснію, но не причиняютъ ей значительнаго вреда. Въ это время снова появляется Нинославъ и становится хозяиномъ своей страны. Предпринятый въ 1244 г. противъ него походъ Венгерскаго короля Бѣлы IV оканчивается пораженіемъ венгровъ. Нинославъ остается въ Босніи. Въ 1246 г. въ Венгріи готовится новый крестовый походъ, который, повидимому, не состоялся. Съ 1250 г. свѣдѣнія о Нинославѣ отсутствуютъ.

Послѣ его смерти на сцену выступаютъ его многочисленные родственники, спорящіе изъ за наслѣдія. Въ 1254 году Бѣла IV предпринимаетъ новый походъ противъ Босніи, оканчивающійся завоеваніемъ всей страны. Въ это время Боснія состоитъ изъ центральной Босніи (Вырбосна), Усоры, Соли и Дольняго края, т. е. территория ея тянется отъ Уны до нижней Дрины, на югѣ она граничитъ съ Захулміемъ. Бѣла раздѣлилъ это пространство на два банатства: одно обнимало собственно Боснію и Дольній край, а другое—Усору и Соли. Къ пріобрѣтенной боснійской территоріи было присоединено вновь образованное банатство

Мачва или Махо, лежавшее на правомъ берегу Дрины, въ сѣверо-западномъ углу современной Сербіи. Банатство это къ Босніи ранѣе не принадлежало. Собственно боснійское банатство получало своихъ правителей (бановъ) изъ числа мѣстныхъ жителей, въ банатствѣ Соли-Усора поставлялись баны изъ венгерскихъ магнатовъ, а въ Мачвѣ банствовалъ зять Бѣлы Ростиславъ. Послѣ его смерти (1263 г.) изъ трехъ названныхъ банатствъ было образовано герцогство (съ сохраненіемъ отдѣльныхъ бановъ), предоставленное вдовѣ Ростислава Агнесѣ, дочери Бѣлы. Послѣ ея смерти герцогство унаслѣдовалъ ея сынъ (Бѣла). Затѣмъ, когда и онъ умеръ (1272 г.), а вмѣстѣ съ тѣмъ угасло потомство Ростислава,—герцогство Босна-Мачва оставалось до 1280 г. незамѣненнымъ. Въ этомъ году герцогинею была назначена Елизавета, мать новаго венгерскаго короля Ладислава. Черезъ два года герцогомъ Босны-Мачвы назначенъ шурина послѣдняго, бывший ранѣе королемъ сербскимъ Стефанъ Драгутинъ, сынъ Стефана Уроша I. Такимъ образомъ, Венгрія, завладѣвъ Босніею, устроила управленіе ея на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ Хорватіи, т. е. во главѣ страны поставлялись баны, подчиненные герцогамъ, изъ ближайшихъ родственниковъ королей, и игравшіе во вновь пріобрѣтенной землѣ роль какъ бы намістниковъ державнаго правителя.

Вторая половина XIII вѣка является, слѣдовательно, для Босніи эпохою утраты своей самостоятельности и—хотя и посредственной—зависимости отъ Венгріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ концѣ того же столѣтія страна выдвигаетъ выдающагося человѣка, положившаго начало обновленію Босніи, ея освобожденію и будущему расцвѣту. Съ 1272 г. впервые становится извѣстнымъ нѣкій Котроманъ, происхожденіе котораго для исторіи темно. Въ означенномъ году онъ уже банствуетъ въ центральной Босніи и Дольнемъ краѣ. Котроманъ выдѣляется своимъ характеромъ, силою, вліяніемъ. Въ концѣ XIII вѣка онъ умираетъ, оставляя (онъ былъ женатъ на Елизаветѣ, дочери Стефана Драгутина) трехъ сыновей: Стефана, Инослава и Владислава. Слѣдующее столѣтіе имѣетъ выдающееся значеніе въ жизни Босніи и исторія ея раскрывается съ большою ясностью, чѣмъ исторія предъидущихъ вѣковъ.

XIV вѣкъ обнимаетъ весьма важный періодъ въ исторіи всего Балканскаго полуострова. Въ это время происходятъ значительныя измѣненія и перевороты въ славянскихъ земляхъ, но главнымъ

образомъ XIV столѣтіе отмѣчается появленіемъ на почвѣ Европы новой силы—османовъ, измѣнившихъ на долго исторію всѣхъ европейскихъ народовъ.

Вторая Византійская имперія влачить въ XIV вѣкѣ довольно жалкое существованіе. Она уже больше ничего не выигрываетъ, она лишь теряетъ въ своемъ могуществѣ, неуклонно приближаясь къ окончательному паденію. Византія утрачиваетъ одну область за другой: въ Азіи—турки отламываютъ кусокъ за кускомъ, въ Европѣ—Сербія наноситъ ударъ за ударомъ. Нѣкогда могущественная имперія теряетъ къ концу XIV вѣка характеръ государства и превращается, по мѣткому выраженію историка Херцберга, въ грандіозную крѣпость, выдерживающую штурмъ со всѣхъ сторонъ.

Въ началѣ означеннаго вѣка въ Венгріи происходитъ борьба изъ за престолонаслѣдія. Затѣмъ укрѣпляется Карлъ-Робертъ Неаполитанскій (1308—1342). При немъ происходитъ борьба верховной власти съ магнатами. Тѣмъ не менѣе, Венгрія продолжаетъ твердо идти по пути культурнаго прогресса и развитія своей политической силы. Расцвѣтъ Венгерскаго королевства наступаетъ при сынѣ Карла-Роберта Людовикѣ I Великомъ (1342—1382, а съ 1370 г. и польскій король). Венгрія превращается въ могучую державу, но характеръ ея остается преимущественно славянскимъ. Простираясь въ единеніи съ Польшею отъ Балканскаго полуострова до Балтійскаго моря и отъ Адриатики до Чернаго моря, Венгрія—Польша впитываетъ такое количество славянскихъ элементовъ, что среди него теряется мадьярскій. Столѣтіе завершается новыми раздорами изъ за престола, внутреннимъ разладомъ, ослабляющимъ государство, и наконецъ сильнымъ пораженіемъ венгерцевъ турками подъ Никополею (1396 г.).

Что касается славянъ Балканскаго полуострова, то обѣ половины Болгарскаго царства не поднимаются до степени значительныхъ государственныхъ организмовъ. Къ срединѣ XIV столѣтія Болгарія подпадаетъ власти сербовъ, а по распаденіи ихъ царства она скоро сталкивается съ турками, уничтожающими сначала восточную Болгарію (Тырновскую), а затѣмъ, послѣ Никопольскаго сраженія и западную (Бдинскую); цари обѣихъ половинъ (Шишманъ III и Срацимиръ) уводятся въ плѣнъ султаномъ Баязетомъ. Болгарія превращается въ турецкую провинцію.

Первыя двѣ трети XIV вѣка принадлежатъ на Балканскомъ полуостровѣ всецѣло сербской народности. Именно въ этомъ сто-

лѣтніи Сербія достигаетъ высшей точки своего расцвѣта. Уже въ концѣ предшествовавшаго вѣка король Стефанъ Милютинъ значительно расширилъ свои владѣнія за счетъ Византіи, а въ началѣ XIV столѣтія правленіе его было не менѣе удачно. Сербія представляла значительное государство, а державный вождь ея мечталъ о *соединеніи* своего королевства съ Восточною имперіею. Милютинъ умеръ въ 1321 г., отразивъ незадолго до кончины поступательное къ югу движеніе венгровъ. Послѣ него оставался лишь одинъ потомокъ Немани—Владиславъ, сынъ Стефана Драгутина. Но его не желали признать королемъ, вѣроятно вслѣдствіе перехода его отца въ католичество. Поэтому королемъ былъ провозглашенъ побочный сынъ Милютина Стефанъ Урошъ III, Слѣпой, по прованію Дечанскій.

Сербскимъ политикамъ XIV вѣка предстояло рѣшеніе важной политической задачи. Съ одной стороны, именно на Западѣ, жили ихъ единокровные братья, объединиться съ которыми представлялось весьма важнымъ для основанія прочнаго государственнаго цѣлаго. Съ европейскаго же Запада шли свѣжія силы просвѣщенія и культуры. Но сближеніе съ Западомъ угрожало національной вѣрѣ—православію. Передовой постъ Запада былъ вмѣстѣ съ тѣмъ занятъ могучею въ то время Венгріею, опасною для народной независимости сербовъ. Съ другой стороны манилъ Востокъ. Тутъ была упадающая, но образованная Византія. Завладѣть ею значило пріобрѣсти царскую корону, стать властелиномъ Балканскаго полуострова, неоспоримымъ центромъ православнаго міра. Но Востокъ и Западъ, были одинаково опасны для сербовъ: поглотить первый или соприкоснуться со вторымъ значило въ значительной степени утратить свою индивидуальность, денационализироваться. Завоевать Востокъ было легче послѣ предварительнаго пріобрѣтенія сѣверо-западной части Балканскаго полуострова. Этому препятствовала, однако, Венгрія. Востокъ былъ заманчивъ, такъ какъ владѣніе Цареградомъ льстило самолюбію, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ слабъ и нападеніе на него не вызывало соперничества. Поэтому со времени Милютина Сербія выказываетъ рѣшительное стремленіе къ обладанію Востокомъ. Въ связи съ этимъ, уже ранѣе разобшенная съ массою сербскаго народа Боснія не вводится въ кругъ обще-народныхъ интересовъ и образуетъ самостоятельный центръ.

Стефанъ Урошъ, продолжая политику своего отца, поступательно двинулся въ Македонію и Ѳессалію, расширивъ въ свою

очередь Сербію за отчетъ Византіи. Кромѣ того, въ его правленіе было крупное столкновеніе сербовъ съ болгарами, потерявшими въ 1330 г. важное сраженіе, которое подготовило въ дальнѣйшемъ ихъ зависимость отъ Сербіи. Стефанъ Урошъ былъ низвергнутъ съ престола, а затѣмъ убитъ своимъ сыномъ Стефаномъ Душаномъ. Поводомъ къ этому послужилъ второй бракъ Уроша, осложнявшій вопросъ о престолонаслѣдіи.

Царствованіе Стефана Душана, какъ извѣстно—золотой вѣкъ Сербіи. Она достигаетъ небывалаго расцвѣта и могущества. Сербія его времени, повидимому, несомнѣнно находилась на порогѣ обладанія Византіею и всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Но на дальнемъ Востокѣ уже созрѣла громадная сила, которой было суждено играть важнѣйшую роль въ исторіи большей части славянскихъ племенъ и въ особенности въ судьбѣ славянъ Балканскаго полуострова. Стефанъ Душанъ, пріобрѣтшій славу смѣлаго вождя уже въ годъ борьбы своего отца съ болгарами, провелъ все время своего правленія въ безконечныхъ войнахъ и стяжалъ лавры неустоимаго, храбраго и находчиваго государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выказалъ себя мудрымъ и дальновиднымъ правителемъ и руководителемъ своего народа. Онъ продолжалъ дѣятельность своихъ предшественниковъ въ отношеніи Византіи. Но вмѣсто мечты, лелѣянной Милутиномъ, о *соединеніи* Сербіи съ Восточно-Римскою имперіею, Душана воодушевляло страстное и непоколебимое желаніе *покорить* Византійское государство и сдѣлать сербовъ замѣстителями ромеевъ. Завоеванія Душана были огромны, онъ до основанія потрясъ Византію, простеръ свою власть надъ Болгаріею, Македоніею, Фессаліею, Албаніею, Эпиромъ. Константинополю грозила величайшая опасность. Грандіозный и быть можетъ рѣшительный походъ Душана на этотъ городъ однако не состоялся за послѣдовавшей въ 1356 г. смертью Стефана, носившаго въ послѣдніе годы своей жизни титулъ царя.

Византійцы уже издавна привыкли во времена опасности призывать новые народы для ослабленія или уничтоженія тѣхъ, которые грозили ихъ государству. Политика эта многократно увѣнчивалась успѣхомъ и облегчала дальнѣйшее существованіе слабѣвшей имперіи. На этотъ разъ, противъ сербовъ были вызваны изъ Малой Азіи османы, снабжавшіе сначала византійцевъ войскомъ, но затѣмъ (1356 г.) утвердившіеся на европейской почвѣ.

Послѣ смерти Душана царство унаслѣдовалъ сынъ его Урошъ, не сѣмѣвший удержать завоеванныя его отцомъ земли. «Великая Сербія» распалась по частямъ. Собственно же въ королевствѣ Сербскомъ главнѣйшее вліяніе осталось за магнатомъ Вукашиномъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ Уроша. Со смертью Уроша въ Сербіи прекратилось потомство Немани. Тѣмъ легче было завладѣть престоломъ Вукашину (убившему Уроша). Вукашину, носившему титулъ короля, еще не удалось утвердить свою власть во всѣхъ частяхъ государства, какъ уже турки, неуклонно подвигавшіеся на западъ, напали на Сербію. При столкновеніи съ ними Вукашинъ потерпѣлъ полное пораженіе при р. Марицѣ и былъ убитъ (1371 г.). Единственнымъ подходящимъ кандидатомъ на сербскій престолъ признанъ былъ личный другъ покойнаго Уроша, бывшій банъ въ Мачвѣ, храбрый и смѣлый Лазарь Гребляновичъ, стоявшій во время правленія Вукашина во главѣ аристократической оппозиціи. Отъ Великой Сербіи Душана оставалась въ это время лишь незначительная доля. Въ связи съ этимъ и царскій титулъ Душана низведенъ до степени титула князя. Между тѣмъ османы шли побѣдоносно впередъ. Они взяли уже Адрианополь, Филиппополь и Софію. Наступила очередь и Сербіи. Въ 1386 г. турки взяли Нишъ и обязали Лазаря платить дань. Поэтому, стремясь образовать союзъ, онъ привлекаетъ на свою сторону Албанію и Боснію. Въ 1389 г. разыгрывается извѣстная катастрофа на Косовомъ полѣ, гдѣ сербы потерпѣли полное пораженіе, а Лазарь поплатился жизнью. Наслѣдникъ убитаго на Косовѣ султана Мурада, султанъ Баязедъ I не превращаетъ Сербію въ безправную турецкую провинцію, но признанный имъ преемникомъ Лазаря Стефанъ Лазаревичъ пользуется лишь скромнымъ титуломъ деспота и обязуется поставкою для султана войска. Разбивъ Сербію, турки не остановились и обрушились на Болгарію. Такимъ образомъ, османы завладѣли значительною частью Балканскаго полуострова. Опасность, грозившая въ ихъ лицѣ всему христіанскому міру и всей Европѣ, вызвала крестовый походъ венгерскаго короля Сигизмунда, съ участіемъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, чешскихъ, польскихъ и др. рыцарей. Европейское войско, подъ предводительствомъ самого Сигизмунда, переправилось черезъ Дунай и встрѣтилось съ полчищами Баязета подъ Никополемъ. Происшедшее здѣсь сраженіе (1396 г.), въ которомъ пало съ обѣихъ сторонъ свыше 30,000 человекъ, окончилось полною побѣдою турокъ; самъ Сигизмундъ съ трудомъ

*

спасъ свою жизнь. По «ироніи исторіи» рѣшилъ сраженіе въ пользу турокъ деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, между тѣмъ какъ Никопольское сраженіе было въ сущности лишь вторымъ актомъ драмы, начавшейся на Косовомъ полѣ.

Косово-Никопольскій бой имѣетъ чрезвычайное значеніе для всей Европы. Въ частности горькія послѣдствія Косова сраженія для Сербіи были роковыми. Отъ великаго царства Душана сохранилось лишь жалкое и по пространству и по значенію деспотство, окончательная гибель котораго въ ближайшемъ будущемъ не подлежала сомнѣнію. Таково было положеніе въ восточной части сербской земли. Западъ—Боснія и Захулміе—не только сохранили еще въ теченіе столѣтія свою независимость, но именно на это время падаетъ періодъ ихъ политическаго развитія и расцвѣта.

Послѣ смерти Котромана, послѣдовавшей вѣроятно не позже 1298 года, въ теченіе дальнѣйшихъ 24 лѣтъ хозяевами Босніи являются представители хорватской фамиліи Субичъ. Присвоеніе ими власти было самовольное, что, повидимому, объясняется тѣми неурядицами, происходившими въ Венгріи, которыя были вызваны династическими спорами. Павелъ Субичъ, банъ Хорватіи и Далмаціи, былъ главою хорватской аристократической партіи, стоявшей по вопросу о престолонаслѣдіи въ Венгріи за домъ Анжу. Значеніе Субича было громадно, но оно основалось менѣе на владѣніи областями, предоставленными ему верховною властью венгерскаго короля, чѣмъ на его фактическомъ могуществѣ. Титула боснійскаго бана Павелъ Субичъ однако не носилъ, имевшись лишь господиномъ (*dominus*) Босніи. Всѣ его стремленія были направлены къ тому, чтобы сдѣлать званіе хорватскаго и далматинскаго бана наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Сынъ его (Павелъ Субичъ умеръ въ 1312 г.) Младенъ пользуется уже титуломъ бана Хорватіи и Босніи. Хотя семейство Субичей въ это время держало въ своихъ рукахъ, кромѣ Хорватіи, почти всю сѣверо-западную часть Балканскаго полуострова, тѣмъ не менѣе уже въ 1322 г. глава рода, Младенъ, утрачиваетъ свое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Боснія освобождается отъ хорватскаго владычества.

Въ этотъ періодъ въ ней банствуетъ сынъ Котромана Стефанъ. Въ теченіе своего долгаго правленія онъ сосредоточиваетъ

всю свою дѣятельность на Хорватіи-Далмаціи, не перенося ее на территорию собственно Сербіи. Уже въ началѣ своего банствова-нія Стефанъ вмѣшивается во внутреннія дѣла западныхъ сосѣдей. Здѣсь съ паденіемъ Младена Субича первое по вліянію мѣсто занимаетъ семейство Нелипичей. Между мѣстными магнатами возгорается война, причемъ Стефанъ Котроманичъ поддерживаетъ Субичей, съ которыми онъ состоялъ въ близкой дружбѣ ¹⁾, но рядъ неудачъ послѣднихъ приводитъ къ упроченію власти Нелипичей. Стефанъ Котроманичъ поэтому удаляется.

Онъ обращаетъ свои взоры на Захулміе, которое въ скоромъ времени (1325 г.) переходитъ въ его власть.

Страна эта имѣла до того независимую отъ Босніи жизнь. Захулміе (Хулмія, Хумъ, Хлумія, Захумска), первоначальное зерно нынѣшней Герцеговины, лежало по лѣвую сторону средней и нижней Неретвы, доходило до моря и владѣло побережьемъ Адриатики отъ устьевъ Неретвы приблизительно до Дубровника (Рагузы). Главный городъ его издавна былъ (съ X вѣка) Благай, верстахъ въ 9-ти на юго-востокъ отъ Мостара. На перешейкѣ современнаго полуострова Сабіоночелло находилась видная крѣпость Стонь (нынѣ Станьо).

Въ началѣ X вѣка Захулміе извѣстно какъ самостоятельное великокняжество. Въ серединѣ этого столѣтія оно считается, вмѣстѣ съ Зетою и Травунією, въ составѣ сербскихъ земель. Въ послѣдней трети X вѣка Захулміе освобождается снова, но на весьма короткое время, а затѣмъ подпадаетъ, вмѣстѣ съ Травунією, власти Зеты. Въ началѣ XI вѣка Захулміе, вмѣстѣ съ Зетою, входитъ въ составъ Болгарскаго царства Ивана Владиміра. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1019 г.) послѣ пораженія болгаръ Византійскимъ императоромъ Василиемъ II, Захулміе, опять вмѣстѣ съ Зетою, входитъ въ составъ Византіи. Такое положеніе длилось, однако, лишь до половины XI вѣка, причемъ, извѣстная самостоятельность Захулмія не прекращалась. Въ 1050 г. Войславъ Зетскій отрываетъ у Византіи свое отечество вмѣстѣ съ Захулміемъ, которое раздѣляетъ судьбу Зеты до середины XII вѣка. Въ 1150 г., а затѣмъ вторично въ 1168 г., Стефанъ Неманъ Сербскій завоевываетъ Зету и ставитъ княземъ Захулмія своего брата Мирослава. Время княженія послѣдняго знаменуется попытками римской церкви проникнуть въ страну, получившими отъ князя

¹⁾ Впослѣдствіи его братъ Владиславъ женился на Еленѣ Субичѣ.

рѣшительный отпоръ (князь считается нѣкоторыми православнымъ, другими же богомиломъ). Въ концѣ XII вѣка, уже послѣ смерти Мирослава, извѣстенъ побѣдоносный походъ на Захулмію Андрея, герцога Хорватскаго и Далматинскаго. Покорить страну Андрею, однако, не удалось. Въ XIII вѣкѣ богомилство значительно распространяется въ Захулмію; по нѣкоторымъ извѣстіямъ Захулмскій князь Петръ исповѣдывалъ эту вѣру (по другимъ извѣстіямъ приходится его считать православнымъ). Быть можетъ съ цѣлью борьбы съ богомилствомъ, во время княженія Петра, Св. Савва, сынъ Стефана Немани, рукоположилъ въ 1219 г. епископа въ Стонѣ (Станьо). Захулмію считалось удѣломъ Св. Саввы, когда онъ былъ еще въ міру (съ именемъ Растки). Поэтому и связь съ именемъ этого святого, не прерванная паденіемъ Герцеговины, жива понынѣ ¹⁾.

Въ теченіе первой половины XIII вѣка положеніе Захулміи неопредѣленно и степень его зависимости отъ сосѣднихъ государствъ недостаточно выяснена. Извѣстны съ достовѣрностью его войны въ это время съ дубровчанами и хорватами. Въ серединѣ XIII вѣка Захулмію стоитъ уже въ зависимости отъ Сербскаго государства и остается въ такомъ положеніи до окончанія первой четверти XIV вѣка, когда боснійскій банъ Стефанъ Котроманичъ присоединяетъ его къ Босніи. Тѣмъ не менѣе, Захулмію далеко не совсѣмъ теряетъ свою самостоятельность, а зависимость его отъ Босніи весьма относительная.

Приобрѣтеніемъ Захулміи Стефанъ Котроманичъ расширилъ свои владѣнія до моря. Затѣмъ онъ завладѣлъ всѣмъ пространствомъ отъ Неретвы до Цетины вмѣстѣ съ жупами Дуванской, Ливанской и Гламочской, образовавшихъ такъ называемыя Западные страны и входившія ранѣе въ составъ Хорватіи. Этимъ путемъ Стефанъ становится ближайшимъ сосѣдомъ Дубровника (Рагузы). Республика эта могла быть для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей Босніи только полезна. Поэтому Стефанъ уступилъ ей приобретенныя вмѣстѣ съ Захулміею Стонь, Пельешацъ и Превляку и выдалъ республикѣ торговыя привилегіи (1332 и 1333). Что касается другого адриатическаго вольнаго города—Венеціи, то,

¹⁾ Захулмію извѣстно подъ именемъ земли Св. Саввы въ Западной Европѣ. Стефанъ Косача, принявъ герцогскій титулъ, назывался «Херцегъ одъ святаго Саве». Захулмію распространилось въ XV вѣкѣ въ предѣлы Старой Сербіи. Тамъ въ монастырѣ Милешевѣ поконилъ мощи скончавшагося въ 1237 г. св. Саввы и владѣтели Захулміи величались хранителями его гроба.

желая и съ нею сохранить хорошія отношенія, Котроманичъ подержалъ ее въ войнѣ съ Задаромъ (Зарю), а затѣмъ заключилъ съ венеціанцами союзъ. Съ Венгріею Стефанъ старался сохранить миръ, который не былъ нарушенъ ни при Карлѣ Робертѣ, ни при Людовикѣ I. Послѣдній сначала не былъ расположенъ къ боснійскому бану, но борьба венгерцевъ съ хорватскою аристократіею, въ которой босняки поддерживали первыхъ, совершенно примирила Людовика съ Котроманичемъ.

Доброе согласіе съ западными и сѣверными сосѣдями было въ высшей степени важно для Стефана. Время его правленія совпадаетъ съ временемъ расцвѣта Сербскаго царства великаго Душана. Не могло подлежать сомнѣнію, что послѣдній рано или поздно обратится къ Босніи, чтобы ея завоеваніемъ завершить собираніе сербскихъ земель. Къ тому же Котроманичъ расширилъ свои владѣнія уже въ началѣ своего банствованія за счетъ Сербской державы. Пріобрѣтеніе Захумія не могло быть забыто Стефаномъ Душаномъ. Сначала задачи, преслѣдуемыя имъ на Востокѣ, мѣшали посчитаться съ Босніею, тѣмъ болѣе, что она могла рассчитывать на поддержку Венгріи. Но затѣмъ, по упроченіи Сербскаго царства, между Душаномъ и Котроманичемъ образовались явно враждебныя отношенія. Венеція, заинтересованная въ мирѣ, неоднократно принимала на себя роль посредницы между руководителями Босніи и Сербіи, но интересы этихъ послѣднихъ такъ тѣсно соприкасались другъ съ другомъ, что разрыва невозможно было предотвратить. Миръ былъ нарушенъ въ 1349 г. Котроманичемъ. Онъ, однако, не двинулся за Дрину въ центръ сербской земли, не рассчитывая, повидимому, на успѣхъ въ этой части Сербіи. Болѣе выгоднымъ было обратиться къ той части Душанова государства, которая сравнительно недавно вошла въ составъ объединенной Сербіи. Поэтому онъ направился на Требицію, опустошилъ ее, подступилъ къ Зетѣ и проникъ до Котора (Катарро). Этотъ походъ не прошелъ Котроманичу даромъ. Въ слѣдующемъ (1350) году Стефанъ Душанъ ворвался въ Боснію, быстро овладѣлъ всей ея центральной частью и заставилъ своего противника бѣжать въ горы. Однако осада важной крѣпости въ центральной Босніи Бобоваца (на сѣверо-западъ отъ Сараева) не удалась сербамъ. Душанъ обратился къ Захумію, которымъ и завладѣлъ. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1351 г. война между Сербіею и Босніею повидимому кончилась и оба противника, кажется, остались при своихъ прежнихъ владѣніяхъ. Причина быстрого и безрезультатнаго окончанія этого

столкновения заключалась вѣроятно въ томъ, что вниманіе Душана было снова отвлечено Востокомъ. Въ 1353 году умеръ Стефанъ Боснійскій, а черезъ три года Стефанъ Душанъ.

Значеніе Стефана Котроманича для исторіи Босніи громадно. Продолжая дѣло своего даровитаго отца, Стефанъ не только расширилъ границы своихъ владѣній, но поднялъ страну на высоту самостоятельнаго государства. Уже при немъ Боснія не можетъ считаться въ составѣ земель венгерской короны, преемникъ же его съ полнымъ правомъ въ первые годы своего правленія называется боснійскимъ баномъ «Божіею милостью». При Котроманичѣ Боснія занимала вѣроятно почти все пространство современной Босны-Герцеговины безъ ея сѣверо-западнаго угла и безъ Подринья. Первая половина XIV вѣка важна для Босніи какъ эпоха распространенія католичества, которому отчасти, въ видахъ политическихъ, покровительствовалъ Стефанъ. Уже въ это время Боснія является, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своего правительства, скорѣе представительницею Запада, чѣмъ Востока. Впрочемъ, католическая церковь беретъ лишь на время рѣшительный верхъ надъ православіемъ и богомилствомъ. Внутри страны начинается поэтому разладъ, отразившійся на послѣдующемъ ходѣ историческихъ событій.

У Стефана Котроманича, какъ можно думать, совсѣмъ не было сыновей и лишь одна дочь (Елизавета), вышедшая замужъ за венгерскаго короля Людовика I. Это дало поводъ Венгріи разсчитывать на боснійское наслѣдство, но держава Котроманича на столько окрѣпла, что боснійскіе вельможи почти безъ спора признали преемникомъ Стефана малолѣтняго Твиртко, сына его брата Владислава и Елены Субичъ.

Послѣ смерти дяди, бану Твирткѣ было не болѣе 15 лѣтъ; поэтому правленіе его осуществляется при помощи его матери. Такимъ положеніемъ страны воспользовалась Венгрія, которая, желая опереться на боснійскихъ магнатовъ, предложила имъ освободиться отъ юрисдикціи бана и отдаться подъ покровительство венгерской короны. Твиртко оказался въ крайне стѣсненномъ положеніи и былъ вынужденъ (1357 г.) уступить часть своей земли Людовику. Размѣръ этой уступки не исполнѣ точно установленъ, но новѣйшія изслѣдованія (Рувараца) показываютъ, что къ Венгріи отошло не Захуміе, какъ то думали прежде, а тѣ земли, которыя ранѣе входили въ составъ Хорватіи: Ливанская, Дуванская и Гламочская жупы (Западные страны). Людовикъ не удовле-

творился однако этимъ приобрѣтеніемъ. Въ 1363 г. онъ отправилъ войско въ Усору, самъ же съ значительными силами вторгся въ Пливскую жупу (часть Дольняго края на сѣверо-западъ страны). Походъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ и венгерцы вынуждены были отступить, въ частности войско подъ предводительствомъ самого короля потерпѣло неудачу, главнымъ образомъ благодаря помощи, оказанной Твырткѣ воеводой Вукомъ Хырватиничемъ, получившимъ за это обширныя владѣнія въ Пливской жупѣ. Этотъ успѣхъ настолько поднялъ авторитетъ юнаго бана, что въ 1364 г. Венеція называетъ его «баномъ всей Босніи Божіею милостію». Но уже въ 1366 г. самъ Твыртко принужденъ титуловаться «Божіею и нашего господина короля Людовика милостію» баномъ Босніи. Такая перемѣна въ положеніи его произошла оттого, что въ 1365 г. противъ него возстали боснійскіе магнаты, принудившіе Твыртку и его мать бѣжать въ Венгрію. Лишенный своей власти, Твыртко двинулся, вѣроятно при помощи Людовика, въ Боснію, гдѣ ему удалось побѣдить внутреннихъ враговъ и возстановить свой авторитетъ.

Униженіе Твыртки длилось однако не долго. Личныя, выдающіяся качества этого человѣка не могли не выдвинуть, не возвысить его. На время онъ совершенно оставляетъ Венгрію, не вмѣшиваясь ни въ какія ея дѣла. Взоръ его обращенъ на сербскія земли. Но такъ же какъ и его дядя, Стефанъ Котроманичъ, Твыртко не идетъ далеко въ континентальную Сербію, а обращается главнымъ образомъ къ тѣмъ ея частямъ, которыя прилегаютъ къ морю. Уже въ 1370 г. Твыртко начинаетъ военныя дѣйствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ старается поддержать дружескія отношенія съ правителемъ Сербіи Вукашиномъ. Затѣмъ послѣ его смерти (1371), во время борьбы Лазаря Гребляновича съ сыновьями Вукашина Андреемъ и Маркомъ (Кралевицемъ), Твыртко поддерживаетъ Лазаря. Съ его помощью онъ изгоняетъ усилившагося вельможу Алтомановича, сдѣлавшагося хозяиномъ въ земляхъ, лежащихъ по Дринѣ и сѣверо-восточной части современной Герцеговины. Потомъ Твыртко обращается къ Зетѣ, въ которой укрѣпились (съ 1356 г.) Бальшичи. У послѣднихъ ему удается отнять весь Требинскій край и Приморье. Такимъ образомъ Боснія расширилась на востокъ за Дрину, за Никшичъ и по морю до Котора. Событія эти, завершившіяся въ 1376 г., поставили Твыртко въ отношеніи сербскихъ земель болѣе чѣмъ на равную ногу съ княземъ Лазаремъ. Послѣдній былъ даже значительно

слабѣе Твыртки, такъ какъ турки потрясали уже основанія Сербіи. Поэтому Твыртко, не спрашивая ни короля Людовика Венгерскаго, ни Лазаря Сербскаго, вѣнчается въ 1376 г. *двумя королевскими* коронами: боснійской и сербской. Отнынѣ онъ титулуется «въ Христѣ Богѣ» королемъ Сербіи, Босніи и Приморья. Торжество вѣнчанія было совершено въ Милешевѣ, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ были погребены останки Св. Саввы. вмѣстѣ съ тѣмъ Твыртко принимаетъ сверхъ своего имени еще имя Стефана (въ честь великомученика). Все это имѣло очень опредѣленный смыслъ. Намѣренія Твыртки, какъ сербскаго короля, казалось не подлежали сомнѣнію; очевидно въ немъ зародилась мысль возродить великое Сербское государство. Въ этомъ признавался и онъ самъ, говоря о своемъ желаніи «поднять павшее и возстановить разрушенное». Венеція и Дубровникъ, эти великіе политики того времени, немедленно признаютъ новый титулъ Твыртки. Дубровникъ начинаетъ платить ему ту дань, которую онъ вносилъ до того сербскимъ властителямъ. Тѣмъ не менѣе, завладѣвъ значительною долею земель распавшагося сербскаго государства, Твыртко не пошелъ далѣе по пути завоеваній на Востокъ. Отношенія его къ Лазарю Сербскому продолжаютъ оставаться хорошими; во время же наступленія турокъ онъ поддержалъ его на Косовомъ полѣ, пославъ ему войско подъ предводительствомъ Влатка Хранича.

Несмотря на обширный государственный умъ и дальновидность, въ которыхъ Твырткѣ отказать невозможно, онъ повидимому не понималъ истиннаго значенія поступательнаго движенія турокъ, а равно Косова сраженія. Въ отношеніи послѣдняго въ Босніи даже распространилось мнѣніе, что турки были разбиты. Это убѣжденіе, быть можетъ, основывалось на томъ, что Влатко Храничъ ушелъ до окончанія сраженія (оно длилось три дня) и оставался непобѣжденнымъ. Какъ бы то ни было, Твыртко, какъ сказано, не двинулся далѣе на Востокъ. Боснія продолжала оставаться отторгнутой отъ коренныхъ сербскихъ интересовъ, ее привлекалъ Западъ и вмѣстѣ съ нимъ Адриатическое море, на которомъ такіе города какъ Дубровникъ и Сплѣтъ (Спалато) казались слишкомъ сильными. На разрушеніе ихъ могущества, на покореніе всей Далмаціи и приморской Хорватіи были направлены главнѣйшія дѣйствія перваго боснійскаго короля.

Не обладая флотомъ, необходимымъ для завоеванія Дубровника, онъ, дабы нанести ударъ торговымъ интересамъ республики,

выстроилъ и укрѣпилъ при входѣ въ Которскія Бокки городъ Св. Стефана, называвшійся потомъ Нови или Ерцегнови (Кастельнуово). Твиртко приобрѣлъ въ 1385 г. Которъ отъ венгерскихъ королевъ Маріи и матери ея Елизаветы вдовы умершаго безъ мужского потомства Людовика I. Переходъ этого города въ руки боснійскаго короля не могъ не задѣть Зеты. Вслѣдствіе этого правитель ея Бальша II началъ войну противъ Твиртки, но послѣдній проникъ въ глубь страны своего сосѣда до Спужа и остался владѣтелемъ Котора.

Передавая названный городъ боснійскому королю, венгерскія королевны рассчитывали привлечь его на свою сторону въ ожесточенной борьбѣ верховной власти противъ хорватскихъ магнатовъ, сила которыхъ настолько увеличилась, что грозила серьезною опасностью венгерской коронѣ. Магнаты эти, отстаивая свои права и привилегіи, вмѣстѣ съ тѣмъ не желали признавать венгерскимъ королемъ Сигизмунда Богемскаго, за котораго вышла замужъ наслѣдница престола Марія. Хорваты, какъ ранѣе отмѣчено, стоя за домъ Анжу, имѣли своихъ кандидатовъ—Карла Драчскаго, а послѣ его внезапной смерти (1386 г.)—его сына, Ладислава Неаполитанскаго. Твиртко, пользуясь венгерско-хорватскою распрей, вмѣшался во внутреннія дѣла своихъ западныхъ сосѣдей, но, хотя и поддерживалъ хорватскихъ магнатовъ, изъ которыхъ многіе были на его сторонѣ, преслѣдовалъ свои политическіе виды. Онъ завладѣлъ Клиссою, считавшейся ключемъ Сплѣта (Спалато), опустошилъ окрестности этого города, стоявшаго за Марію, пожегъ земли Задара (Зары), взялъ Островицу, Врану, повидимому и Книнъ и завоевалъ значительную долю приадриатической Хорватіи, а равно Далмацію. Когда наконецъ Сплѣтъ, оставленный Сигизмундомъ безъ помощи, призналъ верховную власть Твиртки, то послѣдній (въ 1390 г.) провозгласилъ себя королемъ Хорватіи и Далмаціи. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ.

Твиртко одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей сербскаго народа, которыми, впрочемъ, въ XIV и XV в. народъ этотъ былъ вообще богатъ. Вступивъ на престолъ еще мальчикомъ, онъ вскорѣ съумѣлъ своею энергіею преодолѣть всѣ препятствія, лежавшія на его пути: онъ сломалъ строптивыхъ магнатовъ, онъ освободилъ свое отечество отъ начавшейся было венгерской зависимости, затѣмъ онъ расширилъ свои владѣнія за счетъ своихъ сосѣдей и оставилъ послѣ себя обширное, по мѣстнымъ условіямъ, государство. Это государство, по справедливости, нельзя было

назвать вполне сербскимъ. Боснія соприкасалась непосредственно съ Западомъ, т. е. съ тѣми странами, которыя исповѣдывали католическую вѣру, и, тяготя къ западной культурѣ, въ значительной степени поддавалась ея влиянію. Въмѣстѣ съ римской церковью въ страну внѣдрились, до извѣстной степени по крайней мѣрѣ, западные идеалы, которые придавали странѣ Котроманичей по сравненію съ остальною Сербіею свою фязіономію. Связи съ единоплеменнымъ народомъ, граничившимъ съ востока и юго-востока, невольнo постепенно разрушались и интересы Босніи тѣсно сплетались съ интересами Далматинскаго побережья и Хорватіи. Отмѣтить это явленіе очень важно потому, что, при завоеваніи Балканскаго полуострова турками, оторванная отъ восточной Сербіи Боснія стояла передъ новымъ врагомъ безпомощно, такъ какъ, не войдя въ составъ западныхъ державъ, она имѣла враговъ и въ тылу у себя, враговъ, видѣвшихъ въ Босніи претендентовъ на свои права и оттого не склонныхъ поддержать падавшую страну. Порубежное между Западомъ и Востокомъ положеніе Босніи значительно осложнило ея исторію. Не порвавъ окончательно всѣхъ связи съ остальными сербскими землями, Боснія не успѣла сковаться съ сѣверо-западными своими сосѣдями. Въмѣшиваясь во внутреннія хорватскія и хорвато-венгерскія дѣла до объединенія всего сербства, Боснія сходилась съ историческаго пути сербскаго народа. Это направленіе не приводило, правда, ни къ какимъ неблагопріятнымъ результатамъ для боснійской державы пока во главѣ ея стоялъ такой человекъ, какъ Твиртко, но не могло не сказаться пагубно при его преемникахъ, уступавшихъ ему во всѣхъ отношеніяхъ. Но и самъ Твиртко, несмотря на его выдающіяся способности, не достигъ величины такого государственнаго мужа, какъ Стефанъ Душанъ, правильно угадавшій историческія задачи своего народа. Если царство и этого великаго строителя сербской земли при преемникахъ его быстро пошло подъ уклонъ, то одинаковая участь ждала Боснію. Обoимъ частямъ сербской территоріи ударъ готовился со стороны турецкой силы и вопросъ о ихъ гибели былъ лишь вопросомъ времени и очереди.

Твирткѣ наследовалъ не его сынъ, какъ того можно было бы ожидать, а младшій братъ—Стефанъ Дабиша. Это, повидимому, вызывалось тѣмъ, что часть сербскаго народа и въ концѣ XIV в. не вполне еще вышла изъ родового быта, при условіи котораго главенство остается за старшими членами рода. Нельзя сказать, чтобы въ это время наследованіе старшаго въ родѣ являлось

безусловнымъ правиломъ, тѣмъ не менѣ родовыя отношенія были еще настолько тверды, что подобное наслѣдованіе оказывалось возможнымъ. То же самое въ данную эпоху видно и въ Зетѣ, въ которой за Бальшою I слѣдуютъ по порядку старшинства его сыновья Георгій и Бальша, за ними сынъ старшаго и ранѣе умершаго брата Страцимира — Георгій II. Достался ли, впрочемъ, престолъ Стефану Дабишѣ съ борьбою или безъ оной—неизвѣстно.

При своемъ восшествіи на престолъ, Дабиша былъ признанъ, какъ его предшественникъ, королемъ Сербіи, Босніи, Хорватіи и Далмаціи. Но титулъ въ отношеніи послѣднихъ двухъ земель являлся для Дабиши въ значительной степени фиктивнымъ. Выше отмѣчено, что Твырткѣ удалось утвердиться въ Далмаціи и части Хорватіи благодаря мѣстнымъ магнатамъ, отстаивавшимъ свои права противъ венгерской короны и въ частности нежелавшими признавать Сигизмунда. Уже благодаря этому, положеніе боснійскаго владычества являлось шаткимъ. Дабиша не могъ отстаивать свои права на хорватскія и далматинскія владѣнія противъ двухъ претендентовъ: Сигизмунда Венгерскаго и Ладислава Неаполитанскаго. За послѣдняго высказались виднѣйшіе магнаты. Дабишѣ, при его слабости, оставалось лишь отказаться отъ своихъ правъ. Онъ это и сдѣлалъ, но не въ пользу Ладислава, а въ пользу Сигизмунда. Этимъ, не приобрѣвъ друзей въ Венгріи, онъ нажилъ себѣ враговъ среди хорватскихъ магнатовъ. Но Дабиша пошелъ далѣе: не имѣя, какъ кажется, сыновей, онъ въ 1393 г. завѣщалъ (по Дьяковскому договору) верховныя права на Боснію венгерскому королю Сигизмунду. Этотъ шагъ Дабиши былъ, съ точки зрѣнія сербскихъ интересовъ, преступнымъ. Правда, Венгрія въ то время была болѣе, чѣмъ полу-славянскою державой, но государствомъ западнымъ, католическимъ. Поэтому понятно, что національныя партіи какъ въ Босніи, такъ и въ Хорватіи-Далмаціи возстали противъ состоявшагося договора. Началась неурядица: нѣкоторые (въ Хорватіи и Далмаціи) совсѣмъ отказывались отъ королевской власти, другіе признавали Ладислава, часть стояла за Сигизмунда и наконецъ за Дабишу. Это побудило послѣдняго нарушить договоръ, но одержанныя Сигизмундомъ побѣды привели къ окончательной потерѣ Хорватіи и Далмаціи Дабишею. Въ 1395 г. онъ умеръ.

Послѣ его смерти Сигизмундъ имѣлъ право занять Боснію, какъ страну, завѣщанную ему ея королемъ. Но національная часть магнатовъ, не признавая правъ венгерскаго короля, поставила на

престолъ вдову Дабиши Елену, остававшуюся у власти до 1398 г. Въ этомъ году она была свергнута и королемъ Босніи сталъ Стефанъ Остоя, котораго считаютъ незаконнымъ сыномъ Твыртки I. Новому королю предстояли тяжелыя задачи. Запутавшись въ хорвато-венгерскихъ дѣлахъ, Боснія вовлечена была въ борьбу разныхъ партій своихъ и зарубежныхъ магнатовъ. Турецкая сила между тѣмъ надвигалась все ближе и ближе: въ 1392 г. турки впервые перешли боснійскую границу, въ 1398 г. было второе ихъ вторженіе. При такихъ условіяхъ наступилъ XV вѣкъ.

Въ XV столѣтіи гибнетъ все Балканское славянство, за исключеніемъ Зеты. Столѣтіе это началось, однако, при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ. Въ то время какъ Европа казалась безсильною передъ турецкимъ могуществомъ, послѣднему грозила опасность съ дальняго Востока. Великій ханъ Тамерланъ (Тимуръ) несокрушимо надвигался на османовъ. Рѣшительная его побѣда въ 1402 г. при Ангорѣ и плѣнъ султана Баязета, казалось надолго надломили турецкое владычество. Но такъ какъ Тамерланъ не послѣдовалъ за турками на Западъ, то сила ихъ быстро возстановилась. Съ первой четверти XV в. начинается систематическое покореніе Балканскаго полуострова. Правда, покореніе это идетъ медленно, турки неоднократно терпятъ пораженія, тѣмъ не менѣе движеніе ихъ успѣшно.

Византія въ XV в. едва влачитъ свое существованіе. Въ ней нѣтъ даже силы использовать пораженіе турокъ подъ Ангорою. Попытки путемъ примиренія (Флорентинскій соборъ) съ римскою церковью получить помощь съ Запада не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. Столица имперіи падаетъ въ 1453 г., вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается навсегда существованіе Византійской имперіи.

Въ Венгріи въ XV в. не прекращаются споры изъ за престола, ослабляющіе государство. Послѣ Сигизмунда, Венгрія достается не на долго Альбрехту Габсбургскому. По смерти его (1440 г.) часть населенія стоитъ за его сына Владислава Постума. Но польская партія беретъ верхъ, и королемъ становится Владиславъ III Ягеллонъ, умершій, впрочемъ, уже въ 1444 г. Кандидатура малолѣтняго Владислава IV Постума выступаетъ снова, ему достается престолъ, правителемъ же страны становится знаменитый Янъ Гуніадъ Семиградскій. Послѣ изгнанія (послѣдовавшаго за

смертью Гуніада) Владислава IV и его смерти, сторонники Гуніада рѣшаютъ (1458 г.) вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу его сына Матвѣя Корвина. Эти два выдающіяся лица—Янъ и Матвѣй Гуніады, обезсмертившіе себя своею неутомимою дѣятельностью, играютъ важнѣйшую роль въ борьбѣ съ надвигающимися турками и слѣдовательно въ исторіи Сербіи, а равно и Босніи. Столкновение венгровъ съ турками началось съ вторженія послѣднихъ въ 1432 г. въ Трансильванію, гдѣ они потерпѣли сильное поражение. Затѣмъ въ 1438 г. подъ Смедеревомъ (при сліяніи Моравы съ Дунаемъ) разбиты были венгры, пришедшіе на помощь сербамъ. Янъ Гуніадъ употребилъ всѣ силы, чтобы собрать войско для дальнѣйшей борьбы съ турками. Въ 1440 г. турки должны были отступить послѣ семимѣсячной осады Бѣлграда, въ слѣдующемъ году подъ этимъ самымъ городомъ Гуніадъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду. Потерявъ затѣмъ въ томъ же году сраженіе подъ Вейсенбургомъ, Гуніадъ разбилъ турокъ при Эмерихѣ. Далѣе въ 1442 г. онъ нанесъ османамъ тяжкое поражение на Верхней Влашской Яломицѣ у Васапа. Но затѣмъ послѣдовали два жестокихъ удара: въ 1444 г. былъ на голову разбитъ Владиславъ III подъ Варною, гдѣ король потерялъ жизнь, а въ 1448 г. Гуніадъ потерпѣлъ страшное поражение въ трехдневной битвѣ на Косовомъ полѣ. Тѣмъ не менѣе, венгры во главѣ съ Гуніадомъ продолжали сдерживать турокъ. Послѣднимъ подвигомъ его была геройская и блестящая защита Бѣлграда въ 1456 г.. Въ томъ же году онъ умеръ.

Послѣ поражения турокъ Тамерланомъ сербы могли вздохнуть свободнѣе. Въ 1403 г. они одерживаютъ на Косовомъ полѣ блистательную, но безплодную, къ сожалѣнію, побѣду. Затѣмъ, благодаря участію Венгріи (вмѣстѣ съ Польшею) въ борьбѣ съ турками, вниманіе послѣднихъ было временно отвлечено отъ Сербіи. Стефанъ Лазаревичъ, сознавая безвыходное положеніе своей страны, старается вступить въ союзъ съ венгерцами, не упуская при этомъ выгоды своего государства. Войска Стефана вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаютъ участвовать въ качествѣ невольныхъ союзниковъ въ походахъ турокъ и удивляютъ какъ ихъ, такъ и противниковъ смѣлостью и храбростью. Въ 1427 г. Стефанъ умеръ, завѣщавъ престолъ Георгію Бранковичу, сыну Вука Бранковича, измѣнившаго (по преданію) Лазарю Гребляновичу на Косовомъ полѣ въ 1389 г. Въ 1442 г. Георгію удается, при помощи венгровъ и главнымъ образомъ благодаря лихой атакѣ польской конницы, одержать полную

побѣду надъ турками между Бѣлой Паланкой и Нишемъ. Этимъ заканчивается успѣхъ въ Сербскомъ деспотствѣ. Послѣ паденія Константинополя (1453 г.) и смерти (1456 г.) Георгія Бранковича, Сербія существуетъ съ тѣнью самостоятельности лишь три года: въ 1459 г. она становится турецкою провинціею.

Кромѣ Стефана Лазаревича и Георгія Бранковича сербскій народъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ врагомъ выдвигаетъ въ XV в. еще трехъ героевъ, прославившихъ свои имена упорнѣйшимъ сопротивленіемъ и многочисленными побѣдами. Эти герои: Георгій Кастріотъ (Скендербегъ) Албанскій, Стефанъ Черноевичъ и сынъ его Иванъ (Иванбегъ) Зетскіе. Дѣятельность послѣдняго приходится на конецъ XV в., когда турки стоятъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ твердой ногой и чувствуютъ себя полными хозяевами его. Уступая каждую пядь своей земли туркамъ лишь съ ожесточеннаго боя, Иванъ Черноевичъ, послѣ десятилѣтней неутомимой борьбы, сжигаетъ въ 1482 г. свою крѣпость Жаблякъ, удаляется, продолжая сражаться за независимость, въ горы, въ 1484 г. переноситъ центръ своего государства въ Цетинье и этимъ кладетъ основаніе знаменитой Черногоріи.

Только 70 лѣтъ продолжалось существованіе сербовъ послѣ пагубнаго пораженія 1389 г. на Косовомъ полѣ въ центрѣ своей земли, т. е. собственно въ Сербіи. Эти годы посвящены упорному сопротивленію мусульманскимъ туркамъ. Силу въ этой борьбѣ сербы черпали въ вѣрѣ и въ патріотическомъ единеніи всѣхъ классовъ. Поэтому покореніе Сербіи происходитъ медленно, такъ сказать, шагъ за шагомъ. Тѣхъ условій, которыя вызывали упорное сопротивленіе въ Сербіи и особенно въ Зетѣ, въ Босніи не существовало. Оттого и паденіе этой страны произошло быстро и почти безъ всякой борьбы.

Послѣ избранія Стефана Остои боснійскимъ королемъ, Сигизмундъ не отказался отъ своихъ правъ на Боснію. Но венгерскія войска, двинувшіяся въ походъ, потерпѣли пораженіе и такимъ образомъ Остоя является въ 1400 г. королемъ Босніи во всемъ ея объемѣ: съ Захумьемъ, Усорою, Подринемъ и Дольнимъ краемъ. Стефанъ Остоя, поставленный боснійскими магнатами, былъ представителемъ національныхъ интересовъ и слѣдовательно естественнымъ врагомъ Венгріи. Въ этомъ отношеніи онъ пользовался поддержкой знаменитыхъ въ то время: Хырвои Вукчица, Сандаля Хранича и

Павла Радиновича. Первый изъ этихъ магнатовъ былъ сыномъ того Вука (Вукача) Хырватинича, который въ 1363 г. помогъ Твирткѣ I противъ Венгріи и получилъ за это обширныя владѣнія въ Пливской Жупѣ. Дѣятельность Хырвой сосредоточивается въ сѣверо-западной части Босніи, части Хорватіи и Далмаціи. Сандаль въ то время владѣлъ Захулміемъ ¹⁾, гдѣ его значеніе не уступало значенію Хырвой на сѣверо-западѣ. Наконецъ Павелъ Радиновичъ игралъ первенствующую роль въ Требинскомъ краѣ. Какъ враги Венгріи и слѣдовательно Сигизмунда, магнаты эти поддерживали права на венгерскій престолъ Ладислава Неаполитанскаго, права, реализовать которыхъ представлялось впрочемъ весьма затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе, было ясно, что, пока существовала кандидатура Ладислава, Сигизмундъ, а слѣдовательно и Венгрія, не могли чувствовать себя сильными въ предѣлахъ Балканскаго полуострова.

Хырвоя первоначально владѣетъ хорвато-далматинскими и боснійскими землями лишь въ качествѣ «генеральнаго викарія королей Ладислава и Остои», но затѣмъ, когда первый въ 1403 г. высадился въ Далмаціи и короновался въ Задарѣ (Зарѣ), то онъ утвердилъ Хырвою герцогомъ Сплѣтскимъ и генераль-губернаторомъ Хорватіи и Далмаціи, вслѣдствіе чего значеніе Хырвой возрасло еще больше. Впрочемъ, Ладиславъ вернулся въ томъ же году въ Неаполь и болѣе не игралъ важной роли въ хорвато-венгерскихъ отношеніяхъ. Тѣмъ временемъ Остою измѣнилъ національному направленію политики и не только примирился съ Сигизмундомъ, но и призналъ его покровительство. Разочарованные такимъ поведеніемъ короля магнаты народной партіи съ Хырвою во главѣ порѣшили низвергнуть Остою и поставить на его мѣсто князя Павла Радишича. Остоѣ послѣ этого не оставалось ничего болѣе, какъ искать помощи у венгерскаго Сигизмунда. Этимъ онъ могъ лишь испортить свое дѣло въ отечествѣ. Наряду съ Радишичемъ

1) Съ 1348 по 1367 г. въ Захулміи править именемъ боснійскаго бана съ титуломъ жупана представитель мѣстной древней фамиліи Санко, счумѣвшій завоевать себѣ весьма независимое положеніе. Сыновья его Бѣлякъ и Радичъ Санковичи, дѣйствуя уже совершенно самостоятельно, завоевываютъ часть Требинскаго княжества (жупу Конавлье) и предоставляютъ ее Дубровнику, вмѣстѣ съ привилегіями на торговлю въ Захулміи. Такое могущество Захулмскихъ магнатовъ не прошло имъ даромъ. Боснійскій воевода Сандаль Храничъ (сынъ Храни Вуковича, крупнаго землевладѣльца въ Вирбоснѣ), самъ выдающійся магнатъ, соединяется съ боснійскимъ феодаломъ княземъ Павломъ Радиновичемъ, нападаетъ въ 1397 г. на Санковичей, беретъ ихъ въ плѣнъ и занимаетъ ихъ мѣсто, передавъ Радиновичу Конавльскую жупу.

былъ еще одинъ сильный кандидатъ на боснійскій престолъ, именно сынъ покойнаго Твыртки I, Твыртко II. На немъ то и остановилось избраніе (1404). Выборъ новаго національнаго короля не могъ не привести къ войнѣ съ Венгріею. Сигизмундъ нападаетъ на Боснію съ трехъ сторонъ, но терпитъ полную неудачу. Во время этой борьбы и вѣѣмъ въ дальнѣйшіе годы, низвергнутый Остою находился въ своемъ боснійскомъ замкѣ Бобовацѣ, въ которомъ, при помощи венгерскаго гарнизона, онъ могъ считать себя въ безопасности.

Сигизмундъ однако не могъ примириться съ независимымъ положеніемъ Босніи и готовилъ грозный на нее походъ. Этому походу старались придать характеръ религіозный. Такъ какъ въ то время бѣльшая часть боснійскихъ магнатовъ исповѣдывала богумильство, представляя вмѣстѣ съ своею религіею и національную партію, то папа Григорій XII сталъ проповѣдывать противъ нихъ и одновременно противъ турокъ крестовый походъ. Сигизмундъ вторгся (1408) въ страну во главѣ громаднаго войска (60.000) съ сѣвера и совершенно разбилъ подъ Даборомъ босняковъ. Король Твыртко II былъ взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 126 магнатами, которые были казнены. Остою немедленно признали королемъ, вѣроятно дабы тѣмъ самымъ избавиться отъ формальнаго владычества Сигизмунда. Авторитетъ послѣдняго благодаря побѣдѣ возросъ настолько, что самые могущественные магнаты, даже Хырвои, поспѣшили къ нему. Король обошелся съ послѣднимъ милостиво и утвердилъ его въ принадлежавшихъ ему ранѣе правахъ. Поэтому и отношеніе многихъ магнатовъ, особенно Хырвои, къ Босніи совершенно мѣняется. Оспаривать власть Сигизмунда было при новыхъ обстоятельствахъ совершенно бесполезно, между тѣмъ дружба съ нимъ гарантировала владѣнія. Однако, Сандаль Захулмскій твердо держался оппозиціи и поддерживалъ своего короля въ борьбѣ съ Венгріею. Поэтому въ 1410 и 1411 г. происходятъ новые походы Сигизмунда на Боснію. При помощи Хырвои ему удается проникнуть въ глубь страны. Одновременно на Остою нападаетъ съ востока союзникъ венгровъ по борьбѣ съ турками Стефанъ Лазаревичъ Сербскій. Послѣ этой удачной для венгровъ войны Усора передается Сигизмундомъ во владѣніе Ивана Гараскаго, весь Дольній край—Хырвоѣ, Сребреница (вѣроятно вся Соли)—Стефану Лазаревичу. Королевство же Боснійское ограничивается средней Босніею, Захулміемъ, Подриньемъ и Требиньею. Измѣнивъ національнымъ интересамъ и передавши на

сторону венгерскаго короля, Хырвоя утратилъ въ Босніи свое значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Сигизмундъ не довѣрялъ ему. Такое положеніе привело къ паденію Хырвоя. Напрасно онъ обращался за поддержкой къ венгерской королевѣ и обѣщалъ принять вмѣсто богомилства католичество—звѣзда его закатилась и могущество его утратилось навсегда. Лишенный вскорѣ своихъ владѣній въ Хорватіи и Далмаціи и оставаясь у власти лишь въ Долнемъ краѣ, Хырвоя сталъ искать дружбы боснійскаго короля (1414 г.). Сигизмундъ въ это время былъ занятъ гусситскимъ вопросомъ и не могъ принимать близкое участіе въ балканскихъ дѣлахъ. Въ 1415 г. снова появляется Твиртко II; вокругъ него образуется сильная партія, но въ скоромъ времени онъ отгѣсняется. Тѣмъ временемъ Хырвоя пытается возвратить всѣ свои владѣнія, но такъ какъ противъ него востаютъ хорвато-венгерскіе магнаты, не желавшіе усиленія его власти, то онъ обращается къ помощи турокъ. Рѣшительное столкновение Хырвоя и турецкаго войска съ венграми произошло въ Усорѣ, при чемъ послѣдніе были разбиты на голову. Внутреннія смуты Босніи осложнились убійствомъ Павла Радиновича, въ которомъ приняли участіе Сандаль и самъ король. Сыновья убитаго, вмѣстѣ съ своими приверженцами Милорадовичами, въ свою очередь обратились за помощью къ туркамъ, которые и вторглись въ страну, дошли до ея центра и поставили въ 1416 г. своего губернатора (санджака) въ Вырбоснѣ. Въ томъ же году умеръ Хырвоя. Большая часть остальныхъ магнатовъ порѣшила низвергнуть Остою, который, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ. Черезъ два года онъ скончался.

Его замѣнилъ сынъ его Стефанъ Томашъ Остойчъ. Но большая партія недовольныхъ не дала ему оставаться долго у власти. Уже въ 1421 г. королемъ Босніи былъ признанъ снова Твиртко II. Послѣднему удается возстановить боснійскія владѣнія въ прежнихъ границахъ, за исключеніемъ Сребреницы (Соли), которая остается въ рукахъ сербовъ.

Въ сущности, Твиртко лишь номинально считался королемъ въ Захулміи, такъ какъ владѣлецъ ея Сандаль Храничъ былъ фактически совершенно независимымъ отъ Босніи господиномъ. Съ Хырвоею Сандаль состоялъ въ родствѣ, будучи женатъ на его племянницѣ, дочери его брата Вука Вукчича, хорватскаго бана. Это родство придавало обоимъ магнатамъ большую силу и они долго дѣйствовали сообща, что приводило лишь къ разрушенію молодого боснійскаго королевства. Во время такого почти неограниченнаго правленія Захулміемъ, Сандаль значительно раздвинулъ его

*

границы на сѣверо-востокъ, присоединивъ къ нему Подринье. Впослѣдствіи Сандаль разошелся съ Хырвоею этому содѣйствовала смерть жены его, прервавшая родственную связь обоихъ магнатовъ. Сандаль вѣтъ женился вторично (1412 г.) на вдовѣ Зетскаго князя Георгія Страциміровича—Еленѣ, дочери Лазаря Сербскаго. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій сила и власть Сандалья продолжала увеличиваться; территорія Захулмія расширяется на западъ отъ Неретвы, а равно за счетъ Требинскаго княжества. Сильный своимъ родствомъ, своимъ значеніемъ въ Захулміи, Сандаль, словивъ власть мѣстныхъ магнатовъ, съ титуломъ великаго воеводы, стоялъ выше самого боснійскаго короля, въ отношеніи котораго онъ былъ не болѣе, какъ подданный.

Тяжелыя условія, въ которыхъ въ это время находилась Боснія, особенно въ виду постоянно продолжавшихся турецкихъ набѣговъ, побудили Твыртку заключить миръ съ Сигизмундомъ. Что же касается престолонаслѣдія, то бездѣтный король завѣщалъ свою страну племяннику, бану Славоніи Герману, графу Цильскому. Такого рода поступокъ Твыртки не могъ снискать ему популярность среди соотечественниковъ и его положеніе становится шаткимъ.

Кромѣ турокъ Боснія подвергалась нападеніямъ и со стороны Сербіи и со стороны Захулмія. Послѣдняя страна явно шла къ полному отдѣленію. Сандаль Храничъ и Георгій Бранковичъ могли такимъ образомъ подать другъ другу руку. Союзъ этотъ кончился покупкою (1433 г.) у султана правъ на Боснію: деспотъ Георгій овладѣваетъ (сверхъ Соли) Усурою, а Сандаль присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ другія части Босніи. Центръ страны переносится въ Захулміе. Хотя владѣтель его и не пользуется титуломъ короля Босніи, но значеніе послѣдняго столь ничтожно, что о какомъ либо противовѣсѣ съ его стороны и рѣчи быть не можетъ. Въ данный періодъ очень трудно опредѣлить, кто чѣмъ владѣлъ, въ чемъ заключались права отдѣльныхъ владѣтелей, гдѣ кончались предѣлы верховной власти и гдѣ начинались права магнатовъ. Ясно лишь одно, что Захулміе идетъ на смѣну Босніи и что смыслъ этой смѣны заключался въ національномъ духѣ захулмцевъ, тогда какъ босняки въ лицѣ своихъ правителей (короля и многихъ магнатовъ) слишкомъ тяготѣли къ Западу и тѣмъ самымъ являлись какъ бы предателями народныхъ интересовъ.

Послѣ раздѣла Босніи Твыртко бѣжалъ въ Венгрію и господиномъ страны остался Сандаль. Верховная власть его, повидимому, нигдѣ не оспаривалась, за исключеніемъ сѣверо-западной части

Босніи, въ Дольнемъ краѣ, на который претендовалъ, не желая подчиниться Сандалю, племянникъ Хырвои Георгій Войсаличъ.

При жизни Сандаля Твыртко не рѣшался возвратиться въ Боснію, но когда послѣ его смерти (1435 г.) ему наследовалъ его племянникъ Стефанъ Вукчичъ Косача, то Твыртко снова появляется въ странѣ. При этомъ онъ уже явно поддерживаетъ венгерское начало: беретъ подъ свое покровительство католическую церковь и францисканцевъ. Можно думать, что именно подъ этимъ условіемъ онъ получилъ поддержку отъ Венгріи. Но владѣнія Твыртки сильно сократились въ объемѣ. Ему принадлежали вѣроятно только Дольній край и часть центральной Босніи, такъ какъ Усора, Соли и часть Подринья были въ рукахъ Георгія Бранковича, въ другой же части центральной Босніи укрѣпились турки, а остальнымъ владѣлъ Косача. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ, Твыртко ищетъ помощи, гдѣ можетъ: у Венгріи и Дубровника, у турецкаго султана, которому онъ платитъ дань, а главное у польскаго Владислава, сдѣлавшагося и венгерскимъ королемъ. Отправленные къ Владиславу послы убѣдительно просили его о помощи; они указывали на обще-славянское происхожденіе сербовъ и поляковъ, на родственность языка и заклинали во имя племенного родства не отказать въ помощи. Какъ указано выше, Владиславъ принялъ на себя роль борца съ мусульманскою силою, но окончилъ свою жизнь въ кровопролитномъ сраженіи подъ Варною (1444 г.). Однако, походы польско-венгерскаго короля не оказались безслѣдными для Босніи, такъ какъ турки очистили занятые ими земли. Твыртко же еще до смерти Владислава умираетъ (1443 г.), повидимому отъ рукъ убійцы. Такой исходъ можно было предвидѣть, въ виду того, что король этотъ былъ представителемъ венгерской партіи и слѣдовательно, съ точки зрѣнія партіи патріотической, врагомъ своего отечества.

Твыртко, какъ указано, завѣщалъ свои права на Боснію графу Цильскому, но завѣщаніе это не было приведено въ исполненіе. Босняки желали имѣть королемъ своего человѣка. Поэтому и не имѣя другого кандидата, они провозгласили (1444 г.) королемъ ранѣе изгнаннаго сына Остои Стефана Томаша (уменьшительное имя отъ Оомы) Остонча. Онъ не могъ не сознавать необходимости въ посторонней помощи; естественнѣе всего было искать ее въ Венгріи. Съ теченіемъ времени въ Босніи многое измѣнилось. Вліяніе сосѣднихъ Хорватіи, Далмаціи и Венгріи произвело свое дѣйствіе. Католическая вѣра, которая еще сравнительно недавно, казалось, не была въ

состояніи укорениться въ странѣ, достигла значительныхъ успѣховъ. Національная партія, опасавшаяся Венгріи, повидимому стала на второй планъ, и Боснія въ срединѣ XV в. рѣшительно входитъ въ кругъ державъ Запада. Этому въ извѣстномъ смыслѣ содѣйствовало возвеличеніе Захумлія. Захумцы продолжали твердо отстаивать народныя особенности и, представляя въ отношеніи Босніи оппозиціонную часть населенія, содѣйствовали переходу недовольнаго западнымъ новшествомъ элемента въ свободное Захуміе. Въѣсть съ тѣмъ страна эта, расширяя свои границы во всѣхъ почти направленіяхъ, достигла въ концѣ концовъ одинаковыхъ съ Босніею размѣровъ. Захуміе является въ описываемое время уже не частью Босніи, а самостоятельнымъ государствомъ, грозящимъ уничтоженіемъ боснійскому королевству. Въ то время какъ въ Босніи весь складъ исторической жизни, повидимому, складывается такъ, что страна, подобно Хорватіи, склонна войти въ составъ Венгерской державы, въ Захумліи крѣпнеть національный элементъ, готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Томашъ Остоичъ принужденъ былъ, первымъ дѣломъ, озаботиться упроченіемъ своего положенія. Ближайшую поддержку онъ находитъ въ Янѣ Гуніадѣ, которому онъ обязуется платить ежегодную дань. Затѣмъ ему было необходимо подумать лично о себѣ, такъ какъ онъ былъ незаконнымъ сыномъ Остои и въѣсть съ тѣмъ женатъ на женщинѣ незнатнаго происхожденія. Обратившись къ папѣ и принявъ (онъ былъ богомиломъ) католичество, впрочемъ повидимому искренно, онъ получалъ изъ Рима признаніе законности своего происхожденія отъ Остои, а также и разводъ. Послѣднее ему было необходимо, чтобы жениться на дочери Стефана Косачи (Екатерины). Лишь этимъ путемъ, отнюдь не силою, онъ могъ обезпечить признаніе своихъ правъ и въ Захумліи. Упрочившись такимъ образомъ, Томашъ пытался возстановить свою власть въ остальныхъ частяхъ Босніи, разновременно отошедшихъ отъ центра. Сначала онъ обратился къ тѣмъ землямъ, которыя остались за Георгіемъ Бранковичемъ. Здѣсь онъ не имѣлъ сначала удачи, но пораженіе Гуніада на Косовомъ полѣ (1448 г.) содѣйствовало, наряду съ мирными переговорами и, кажется, третейскимъ судомъ, благопріятному для Томаша разрѣшенію дѣла.

Въ отношеніи католической вѣры примѣру короля послѣдовали и многочисленные магнаты (богомилы). Вслѣдствіе этого, богомильская партія въ Босніи значительно ослабѣла, что дало возможность Томашу вступить въ войну съ Косачею. Послѣдній, полу-

чивъ въ 1448 г. отъ римскаго императора Фридриха III титулъ герцога (dux) и называя себя господаремъ «Божіею милостію», совершенно эманципировалъ свою страну отъ Босніи. Поводомъ къ войнѣ между Босніею и Герцеговиною послужила семейная распря, возникшая въ послѣдней и приведшая ее къ столкновенію съ Дубровникомъ. Война эта получила религіозный характеръ. Побѣдителемъ вышелъ Косача, однако Томашъ остался при своихъ владѣніяхъ. Болѣе удачной была его борьба въ Дольнемъ краѣ и Западныхъ странахъ, гдѣ его не хотѣли признавать нѣкоторые магнаты. Увлекаясь успѣхомъ здѣсь, Томашъ обратилъ вниманіе на Хорватію и Далмацію, стремясь возстановить и въ этихъ земляхъ власть, принадлежавшую нѣкогда Твирткѣ I. Стремленія его въ этомъ отношеніи не привели, однако, ни къ какимъ результатамъ.

Принявъ католичество и ставъ тѣмъ самымъ въ тѣсное единеніе съ Западомъ, Томашъ старался возбудить всеобщій интересъ къ крестовому походу противъ турокъ. Папа принялъ въ этомъ дѣлѣ горячее участіе: походъ былъ возвѣщенъ въ Венеціи, Миланѣ, Бургундіи и Неаполитанскомъ королевствѣ. Но безучастное отношеніе Запада разрушило смѣлые планы Томаша и въ 1458 г. онъ долженъ былъ обязаться платить дань Магомету II. Въ томъ же году Томашъ пріобрѣлъ, путемъ женитьбы своего сына на дочери сербскаго деспота (Лазаря Бранковича), западную часть Сербіи (до Моравы). Однако уже въ слѣдующемъ году Магометъ беретъ Смедерево (на слияніи Моравы и Дуная) и завоевываетъ всю Сербію. Томашъ не могъ удержать въ своихъ рукахъ сербскую территорию не только благодаря превосходившей его турецкой силѣ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе своей непопулярности во вновь пріобрѣтенной землѣ. Въ лицѣ Томаша и его сына сербы видѣли представителя католической церкви и слѣдовательно Запада. Поэтому жители Смедерева предпочли отдаться въ руки турокъ и передали имъ ключи крѣпости. Черезъ два года (1461 г.) Томашъ умеръ, какъ передаютъ современные источники, отъ руки своихъ сыновей Стефана и Радивоя.

Ранѣе отмѣчено, что турки неоднократно вторгались въ Боснію и даже укрѣплялись въ ней на нѣкоторое время. Но пока существовала Сербія, хотя бы и съ тѣнью самостоятельнаго государства, Босна-Герцеговина была болѣе или менѣе гарантирована отъ османскаго владычества. Съ паденіемъ Сербіи турки сдѣлались ближайшими сосѣдями Босніи. Между тѣмъ послѣдняя совсѣмъ не была готова для встрѣчи грознаго врага. Поддержки съ Запада,

какъ показало прошлое, ждать не было основанія. Надежду подавала лишь Венгрія, но она имѣла свои корыстные виды на Боснію и оттого являлась скорѣе врагомъ, чѣмъ дружественной державой. Внутри страна представляла жалкій видъ. Часть государства отпала отъ цѣлаго: Захулміе-Герцеговина не входила болѣе въ составъ Босніи. Эта же послѣдняя, сдѣлавъ въ лицѣ своего короля и многихъ магнатовъ рѣшительный шагъ въ пользу католичества, не представляла однородной національной массы. Къ тому же и магнаты, стоя за свои вольности и права, не видѣли въ королѣ объединяющаго ихъ вождя, тѣмъ болѣе, что въ это время о какой либо королевской династіи, въ строгомъ значеніи этого слова, и рѣчи не было. Территоріальныя условія въ свою очередь не представляли никакихъ существенныхъ препятствій распространенію турецкой волны.

Въ Захулміи дѣло обстояло гораздо благопріятнѣе. Растлѣвающие элементы не пустили здѣсь столь глубокихъ корней, религіозныя распри, съ своей стороны, не были столь сильны, какъ въ Босніи, два выдающихся чловѣка Сандаль и Косача сковали страну, съ востока ихъ ограждала боевая Зета, которая не могла не вліять на Захулміе, горы сѣвера и запада представляли нѣкоторую преграду. Всѣ эти условія продлили жизнь свободной Герцеговины, по сравненію съ Босніею, на болѣе долгое время.

Стефану Томашу наслѣдовалъ, повидимому безъ особыхъ споровъ и несогласій, сынъ его Стефанъ Томашевичъ. Какъ видно было изъ выше сказаннаго, уже его отецъ сталъ въ близкія отношенія съ римскою куріею. Именно она играла во время его правленія видную роль въ Босніи. Стефанъ Томашевичъ, достигнувъ власти, немедленно обратился къ папѣ, съ просьбою о дарованіи ему короны. Такое ходатайство имѣло громадное значеніе. Благодаря ему Томашевичъ признавалъ себя членомъ католической семьи и тѣмъ самымъ какъ бы окончательно разрывалъ узы, соединявшія до того Боснію съ общесербскимъ міромъ. Принятіе короны изъ рукъ папы тѣмъ характернѣе, что первый боснійскій король Твѣртко I, превращая свою власть изъ банской въ королевскую, вѣнчался въ Милешевѣ, на мѣстѣ погребенія Св. Саввы. Въ 1461 г. состоялось коронованіе Стефана въ Яйце, въ присутствіи магнатовъ и уполномоченнаго папы. Послѣдній объявилъ покровителемъ боснійскаго государства Св. Григорія. Новый король именовалъ себя очень громкимъ титуломъ: «король Сербіи, Босніи, Приморья, Захулмія, Далмаціи, Хорватіи, Дольняго края, Западныхъ

странъ, Усоры, Соли и Подринья». Большинство этихъ титуловъ имѣло лишь теоретическое значеніе, такъ какъ въ это время боснійскій король располагалъ едва ли третьею долею всѣхъ переименованныхъ земель. Что касается въ частности Захулмія, то герцогъ его Косача не счелъ даже своимъ долгомъ явиться на коронацію, ограничившись посылкою въ Яйце своихъ сыновей.

Послѣ нѣкотораго разлада съ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ, улаженного при посредствѣ папы, Стефанъ Томашевичъ сталъ помышлять о борьбѣ съ турками. Считая себя въ качествѣ католика, какъ и его отецъ, представителемъ «единой, истинной церкви», Стефанъ готовился къ крестовому походу. Онъ отказался платить Магомету II дань. Это рѣшеніе было преждевременно, такъ какъ помощь, на которую рассчитывалъ король, далеко не была обезпечена. Западные державы, какъ извѣстно, не считали нужнымъ поддержать даже Византію въ ея борьбѣ съ турками; помощь ихъ ограничилась единичными случаями. Тѣмъ менѣе могла рассчитывать Боснія на существенную поддержку. Внутри страна была очень слаба. Король не пользовался авторитетомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ магнаты дорожили своими личными правами больше, чѣмъ благополучіемъ всего государства; народъ былъ подавленъ и его переманивали на свою сторону турки, дѣлая разнаго рода обѣщанія. Вся страна находилась въ столь плачевномъ состояніи, что о противодѣйствіи Магомету и рѣчи быть не могло. Стефану скоро пришлось горько раскаяться въ принятомъ имъ рѣшеніи относительно дани. Поэтому онъ поспѣшилъ заключить дружественное перемиріе съ турками. Но было уже слишкомъ поздно. Магометъ (1463) собралъ громадное войско (до 150.000) и быстро двинулся на Боснію. Какое въ то время было внутреннее состояніе послѣдней видно изъ того, что королю совсѣмъ не удалось собрать войска для защиты своей страны. Магометъ, можно сказать, безпрепятственно прорѣзалъ всю Боснію съ востока на западъ, завоевавъ центральную Боснію, Усору, Соли, Дольній край и Западные страны. Коренное Захулміе, однако, ему на этотъ разъ покорить не удалось; здѣсь турки натолкнулись на мужественное сопротивление и Магометъ былъ вынужденъ возвратиться, не докончивъ своего дѣла. Ближайшія послѣдствія боснійскаго похода были громадны: современники передаютъ о плѣненіи 100.000 человекъ обоюбого пола и о зачисленіи 30.000 юношей въ янычарскіе кадры. Страна была разграблена и разорена, она обѣднѣла и опустѣла. Съ казнью короля прекратила существованіе офиціальная власть;

королевы же—жена и мачиха Стефана—бѣжали, причемъ послѣдняя завѣщала страну римской куріи.

По уходѣ Магомета изъ Босніи, на нее предъявилъ свои претензіи венгерскій король. Онъ вторгся въ страну и завоевалъ Дольній край и Усору, провинціи, на владѣніе которыми Венгрія покупалась многократно раньше. Борьба между венграми и турками сосредоточивалась вокругъ г. Яйце, мужественная оборона котораго прославила весь его гарнизонъ. Завоеванныя Матвѣемъ Корвиномъ части Босніи образовали два банатства: Яйце (Дольній край) и Сребреникъ (Усора), банъ же Мачвы (воевода Семиградскій) получилъ титулъ боснійскаго короля. Приобрѣтенная венграми территория довольно долго оставалась въ ихъ рукахъ. Но послѣ разгрома турками Венгріи (1526), Усора, равно какъ и Дольній край, перешли къ османской имперіи (1528), составивъ, вмѣстѣ съ остальной Босніею и завоеванною въ 1483 г. Герцеговиною, общій турецкій вилаетъ.

Вся политическая исторія Босніи далеко не лишена своеобразныхъ чертъ. Страна эта составляла часть сербской земли, но, въ силу цѣлаго ряда условій, а главнымъ образомъ благодаря своему порубежному между Западомъ и Востокомъ положенію, отчуждается отъ общей исторической жизни сербскаго народа. Центромъ притяженія для Босніи служитъ не Византія, а Венгрія. Въ теченіе XII вѣка Боснія расширяется за счетъ тѣхъ земель (Усора и Соли), которыя ранѣе находились во власти Венгріи. Въ слѣдующіе два вѣка территориальный ростъ Босніи идетъ за счетъ земель, входившихъ до того въ составъ хорватскихъ владѣній (Дольній край и Западные страны). Благодаря этому, Боснія объединила сѣверо-западную часть сербскихъ земель, но вмѣстѣ съ тѣмъ перешла хорватскій рубежъ, стала ближе какъ къ Хорватіи, такъ и къ Венгріи и оттого вошла болѣе или менѣе въ кругъ ихъ культурнаго и политическаго вліянія. Двигаясь къ Савѣ, Боснія шла естественнымъ для себя путемъ вдоль теченія рѣкъ Босны, Вырбаса, Уны, Саны и Дрины. Вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе Босніи и къ Адриатическому морю естественно. Оно происходило по р. Неретвѣ и вызывалось, равно какъ и движеніе перваго рода, необходимостью установить прочныя границы. Подобное расширеніе приносило Босніи несомнѣнную культурную пользу, такъ какъ и со стороны Хорватско-Венгріи и со стороны Адриатики шли волны

просвѣщенія и культурнаго развитія. Начало отчужденія Босніи отъ общей семьи сербскаго народа рельефно сказывается въ XII вѣкѣ. Оно продолжается затѣмъ болѣе рѣшительно въ слѣдующемъ столѣтіи. Венгрія, получая отпоръ со стороны германскаго государства на западѣ, двигается къ югу и, соединившись съ Хорватіею, предъявляетъ свои права и на Боснію. Борьба двухъ началъ—венгерскаго и національно-боснійскаго—есть явленіе характерное для исторіи Босніи. Борьба эта идетъ съ переменнымъ счастьемъ, но, вмѣстѣ съ распространеніемъ католицизма и западной культуры, Боснія постепенно поддается теченію съ сѣвера и съ запада. Во второй половинѣ XIII вѣка, казалось, Венгрія навсегда подчинила себѣ Боснію, однако въ концѣ того же столѣтія начинается возрожденіе страны (Котроманъ). Оно продолжается въ слѣдующемъ вѣкѣ и оканчивается разцвѣтомъ Босніи, которая становится независимымъ королевствомъ. Въ эту эпоху связи съ Востокомъ еще не прерваны, въ странѣ жива традиція о великой Сербіи. Твыртко I вѣнчается короной сербскаго государства, мѣстомъ для вѣнчанія избрано Милешево, гдѣ хранится народная сербская святыня—мощи Св. Саввы. Тѣмъ временемъ Востокъ, въ единеніи съ восточной церковью, хотя и медленно, но неуклонно, угасаетъ. Сами цари византійскіе ищутъ примиренія съ западною церковью. Спасеніе отъ турецкаго ига ожидается съ Запада. Поэтому успѣхи его громадны. Съ особою силою они сказываются въ порубежной Босніи, гдѣ венгерско-хорватское направленіе пріобрѣтаетъ перевѣсъ. Католичество распространяется въ Босніи, послѣдніе короли становятся въ близкую связь съ римскими папами, а Стефанъ Томашевичъ получаетъ отъ римскаго первосвященника свою корону. XV вѣкъ разрѣшаетъ для Босніи не только вопросъ о ея подчиненіи турецкому игу, но и о нравственномъ игѣ Запада. Если бы османы не перешли черезъ Дрину, Боснія и въ этомъ случаѣ едва ли сохранила бы свою самостоятельность; она вѣроятно сдѣлалась бы достояніемъ венгерско-хорватскихъ королей. Раствленіе національной Босніи вызывало реакцію внутри страны. Недовольный патріотическій элементъ содѣйствуетъ возрастанію могущества Захулмія, которое въ XV вѣкѣ, фактически совершенно отдѣлившись отъ Босніи, образуетъ свое государство.

Какъ Захулміе, такъ и Боснія представляютъ государства феодальныя. Власть магнатовъ такъ велика, что ни одно важное дѣло не рѣшается безъ ихъ участія. Сила феодаловъ развивается въ зависимости отъ отсутствія опредѣленной въ странѣ династіи верховныхъ правите-

лей. Разность въ вѣроисповѣданіи, въ степени культурности, въ политическихъ взглядахъ, а равно своекорыстныя стремленія, въ высшей степени осложняютъ управленіе страной. Въ XV вѣкѣ своеволие магнатовъ приводитъ къ безначалію, поработеніе же народа—къ разрыву аристократическаго слоя съ массою простолюдиновъ. Такое положеніе было извѣстно даже туркамъ, которые при нападеніи на страну опирались на народъ, обѣщая ему льготы и свободу. Къ срединѣ XV вѣка Боснія такъ растерзана внутренними смутами и неустройствомъ, что подпадаетъ турецкой власти почти совершенно безъ боя. Венгрія, видѣвшая въ Босніи лишь лакомый для себя кусокъ, не считала нужнымъ поддержать ее противъ османлиевъ. Въ Венгріи въ это время какъ бы не сознавалась общая опасность, за что королевство и поплатилось своею независимостью, сдѣлавшись удѣломъ турецкой имперіи.

Послѣ присоединенія Босніи и Герцеговины къ Турціи, для этихъ странъ начинается совершенно новый періодъ исторической жизни. Въ теченіе этой эпохи про Босну-Герцеговину мало извѣстно; во всякомъ случаѣ она перестаетъ играть самостоятельную политическую роль. Та сила, которая покорила сербскую народность, была громадна. Она, какъ извѣстно, еще долго потрясала христіанскую Европу. Неудивительно поэтому, что сербскому народу, не успѣвшему образовать сплоченное и прочно устроенное государство, не удалось отразить азіатскихъ пришельцевъ. Тѣмъ болѣе понятно быстрое паденіе Босніи, дезорганизованной страны, гдѣ корысть правящаго класса, его своеволие, партійность—не могли не содѣйствовать поработенію страны. Богато одаренный, смѣлый и храбрый босно-герцеговинскій народъ, отличавшійся издавна беззавѣтнымъ мужествомъ, не былъ, въ сущности, покоренъ турками; онъ былъ ими поработенъ почти безъ боя. Въ Босніи не было борьбы противъ надвигавшейся турецкой мощи, а потому и не было завоеванія страны въ настоящемъ значеніи этого слова, но было паденіе страны, паденіе недостойное. Во время катастрофы Боснія не выдвинула героевъ, которыми могла бы гордиться страна и съ памятью о которыхъ связывается старина другихъ покорявшихся народовъ. Если сравнить Боснію съ сосѣднею Зетою, положившею начало покрытой неувядаемыми лаврами Черногоріи, и вспомнить ея вожда Черноевича, то станетъ яснымъ, какая глубокая пропасть раздѣляла духъ той

и другой страны. Причина этого различія лежитъ въ отношеніи мѣстныхъ высшихъ классовъ къ народу. Въ средніе вѣка Босна-Герцеговина неуклонно идетъ по пути разрыва своего правящаго класса съ народной массой и разрывъ этотъ наконецъ происходитъ окончательно и тогда именно, когда турки уже въ странѣ. Она гибнетъ матеріально, ея же магнаты, преуспѣвъ въ матеріальномъ отношеніи, погибаютъ нравственно. Народъ остается невольно молчаливымъ зрителемъ событій, элементы для самообороны въ немъ живы, но у него нѣтъ вождей, которыхъ могъ дать только высшій классъ. Народъ закабалется, но духъ его остается живъ. Этотъ духъ даетъ народу силу выдерживать мусульманское иго въ теченіе свыше 400 лѣтъ; этотъ духъ, поддерживаемый вѣрою, даетъ народу крѣпость противостоятъ невгодамъ.

Государственная власть въ Босніи не сдумѣла и не смогла отстоять страну отъ турецкаго ига. Спрашивается, однако, какъ народъ отнесся къ пришлому иновѣрному элементу, чѣмъ и какъ онъ реагировалъ противъ турецкой власти? Народъ не остался бездѣятельнымъ, ни непосредственно послѣ завоеванія страны, ни въ дальнѣйшіе долгіе годы тяжелаго гнета. Правда, часть народонаселенія приняла исламъ, но ренегаты изъ народа составили меньшинство. Большая же часть населенія, упорно сопротивляясь, не переставала выражать, по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ, рѣшительный протестъ противъ порабощенія. При этомъ народъ стоялъ болѣе на высотѣ своего національнаго призванія, чѣмъ представители высшаго класса, изъ числа которыхъ большинство перешло въ магометанство.

Непосредственно послѣ завоеванія Босніи начались выселенія изъ страны въ предѣлы сосѣднихъ Далмаціи, Хорватіи и Венгріи. Эти выселенія не прекращались въ теченіе всего турецкаго владычества надъ Босніею; временами они усиливались, или же ослаблялись. Нѣтъ возможности въ вопросѣ о переселеніи сербовъ отдѣлять босняковъ и герцеговинцевъ отъ сербовъ другихъ мѣстъ, потому что переселенцы, поднимаясь съ одного края, захватывали недовольныхъ, непримиренныхъ жителей изъ другихъ областей и двигались вмѣстѣ. Первое выселеніе сербовъ въ Венгрію извѣстно уже послѣ сраженія на Косовомъ полѣ (1389 г.), затѣмъ тамъ образовалось значительное поселеніе изъ сербскихъ выходцевъ въ 1420 г. Паденіе Босніи, въ свою очередь, вызвало выселеніе какъ представителей высшаго класса, такъ и простолюдиновъ. Новая волна переселенцевъ поднялась въ 1537 г.; далѣе изъ Босніи перешли въ Хорватію въ 1572 г. монахи нѣсколькихъ мона-

стырей вмѣстѣ съ своею паствою. Въ 1597 г. въ Венгрію перешло 1700 душъ, въ слѣдующіе годы движеніе продолжалось; оно достигло весьма крупныхъ размѣровъ въ 1600 г. подъ руководствомъ Вуковича и Беасиновича, поселившихся въ Хорватіи и Славоніи. XVII вѣкъ особенно богатъ выселеніями сербовъ, такъ какъ въ это время иго турецкихъ и своихъ мусульманъ становится особенно тягостнымъ. Въ 1686 г. въ Венгрію двинулось 20.000 католиковъ, вынужденныхъ къ переселенію отчасти и голодомъ. Въ 1690 г. происходитъ знаменитое переселеніе православныхъ сербовъ (37.000 семействъ) съ патріархомъ Арсеніемъ Черноовичемъ. Черезъ семь лѣтъ Евгенийъ Савойскій выводитъ въ Славонію до 40.000 жителей изъ Босніи. Въ концѣ XVII вѣка усиливается движеніе православныхъ въ Черногорію. Въ XVIII вѣкѣ выселенія продолжались съ немалой силой: 1737 г. въ Венгрію двинулась толпа въ 35.000—40.000, преимущественно изъ Старой Сербіи. Въ 1740 г. пытались эмигрировать до 100.000 человѣкъ, но эта партія была остановлена турками, порубившими массу людей. Въ томъ же вѣкѣ начинается переселеніе сербовъ изъ разныхъ мѣстъ къ намъ въ Россію. Уже во времена Петра Великаго на Украинѣ извѣстенъ сербскій гусарскій полкъ. Движеніе къ намъ единовѣрныхъ славянъ достигаетъ крупныхъ размѣровъ въ царствованіе Елизаветы Петровны: въ 1751 г. переселены были на югъ Россіи, подъ руководствомъ Хорвата, Шевича и Прерадовича, большое количество сербовъ, частью бѣжавшихъ отъ турецкаго ига, частью спасавшихся отъ вводившейся Австріею уніи и вообще отъ притѣсненія австрійскихъ властей. Это переселеніе повлекло за собою другія, несмотря на препятствія со стороны Австріи. Къ этому же времени (1754) относится и проектъ черногорскаго владыки Василія о переселеніи всѣхъ черногорцевъ въ Россію. Въ XIX вѣкѣ выселеніе сербовъ изъ турецкихъ предѣловъ равнымъ образомъ не прекратилось; слѣдуетъ отмѣтить партіи выходцевъ: въ 1852 г. (16.000 человѣкъ) и въ годы, предшествовавшіе послѣднему босногерцеговинскому возстанію (до 200.000), которые нашли себѣ убѣжище преимущественно въ Австро-Венгріи.

Выселенія эти имѣли, вообще, крайне пагубныя послѣдствія. Они раздробляли сербскую народность, уменьшали густоту христіанскаго люда въ турецкихъ областяхъ, подрывали его силу. Особенно неблагоприятнымъ для сербовъ было выселеніе 1690 года съ патріархомъ Арсеніемъ во главѣ. Отрицательныя послѣдствія этой эмиграціи неисчислимы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ переселенческія

движенія не лишены были и благопріятныхъ результатовъ. Такъ, наводненіе Черногоріи въ концѣ XVII в. выходцами изъ сосѣднихъ сербскихъ странъ подняло упавшій было духъ защитниковъ Черной Горы, привело къ истребленію въ ней всѣхъ мусульманъ (1702 г.) и возродило свободное сербское государство, на долю котораго выпала видѣйшая роль въ дѣлѣ освобожденія сербовъ. Массовыя переселенія сербовъ въ Венгрію имѣли въ свою очередь громадное значеніе: отсюда шель въ послѣдствіи свѣтъ при возрожденіи новаго сербскаго княжества, къ духовному развитію сербскаго народа. Однако, наряду съ симъ, оставленная сербами территория занималась магометанами, какъ на примѣръ Старая Сербія албанцами. Въ новомъ своемъ отечествѣ—въ Венгріи сербы подвергались давленію со стороны католиковъ, борьба съ которыми была едва ли не тяжелѣе борьбы съ мусульманами. Сосѣдняя Австро-Венгрія, благодаря эмиграціи сербовъ и въ частности босно-герцеговинцевъ, получала больше правъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣднихъ турецкихъ провинцій; наконецъ, массовое выселеніе служило одною изъ причинъ оккупациі Босніи. Переселившіеся въ Россію теряли скоро всякую связь съ своею родиною и не могли играть какой либо роли въ вопросахъ своихъ сородичей; эмигрировавшіе въ Австро-Венгрію, въ свою очередь, значительно утратили связь какъ съ босняками, такъ и съ сербами королевства и Черногоріи. Все это въ высшей степени ослабило сербскую народность, всецѣло взятую.

Въ переселенческомъ движеніи нельзя не видѣть крѣпости національнаго духа порабощеннаго племени. Родная вѣра и народная индивидуальность были дороже матеріальныхъ благъ, которыя сулилъ переходъ въ мусульманство. Въ теченіе 400 лѣтъ турецкаго владычества магометанство достигло, можно сказать, ничтожныхъ результатовъ, тогда какъ христіанство, несмотря на тяжелое его положеніе, сохранило свои силы, проявившіяся въ послѣдствіи во всей ихъ широтѣ. Послѣднему въ значительной мѣрѣ содѣйствовало то своеобразное сербское казачество, которое извѣстно въ теченіе всего турецкаго періода сербской и въ частности босно-герцеговинской исторіи. Тотъ, кто не выселялся, но, оставаясь въ странѣ, не желалъ сносить позорное порабощеніе, въ комъ національный и религіозный духъ сказывался съ особою силою, тотъ шель въ горы, лѣса, на море и содѣйствовалъ образованію значительныхъ шайекъ ускоковъ, гайдуковъ, морлаковъ.

Ускоки-гайдуки дѣйствовали по одиночкѣ или образовывали

въ меньшей или большей мѣрѣ организованныя группы—четы. Роль ихъ была громадна, въ ихъ лицѣ покоренный и подавленный народъ неустанно боролся противъ враговъ христіанства. Ускоки принимали дѣятельное участіе во всѣхъ возстаніяхъ, а равно въ турецкихъ войнахъ, которыя велись какъ съ австрійской, такъ и съ нашей стороны. Въ мирное время дѣятельность гайдуковъ не прекращалась и они грозно мстили всему турецкому за насиліе и за неправду. Ускоки-гайдуки и ихъ собратья на морѣ—морлаки—не были разбойниками: цѣль ихъ заключалась не въ обогащеніи чужимъ добромъ, а въ вооруженномъ сопротивленіи иновѣрному и иноземному игу, въ поддержаніи правды въ родной землѣ, въ расправѣ съ тѣми, которые были ненавистны народу. «Какъ московское царство своимъ крутымъ отношеніемъ къ народной и областной жизни вызывало бѣгство изъ государства и создало массу *улицкихъ людей*, отвергавшихъ государственную зависимость; какъ польское угнетеніе вызывало цѣлый систематическій разбой, въ видѣ гайдачества, такъ южно-славянское *гайдучество* было не простымъ разбоемъ, но, главное, политическимъ народнымъ протестомъ и войной противъ несправедливаго дурно устроеннаго государства» (Пыпинъ). Какъ на Руси вольные казаки собирались и селились тамъ, гдѣ они были въ безопасности отъ государственной власти—на Дону, на порогахъ Днѣпра, на Терекѣ, такъ и казачество сербское тянулось и тяготѣло къ Черной Горѣ, свобода и безопасность которой были обезпечены. Какъ наше казачество, будучи въ старину врагомъ государственности, руководствовалось въ своихъ дѣйствіяхъ борьбою за православный крестъ, противъ «невѣрныхъ»—татаръ и латинянъ—поляковъ, навязывавшихъ унию, такъ и ускоки-гайдуки сражались за вѣру отцовъ, истребляя все иновѣрное, мусульманское. Но, какъ и наше казачество временами добывало свои «випуны» у своихъ же, такъ и казаки-сербы не гнушались, подчасъ, ограбленіемъ и единовѣрныхъ. Въ Босніи славились своими ускоками лѣса и горы Романы, лежащей на востокъ отъ Сараева, по пути къ Стамбулу. Здѣсь залегали шайки, производившія свою расправу и наводившія ужасъ на мусульманское населеніе. Многіе изъ атамановъ (арамбаша) достигли громкой извѣстности, превратились въ національных героев и память о ихъ дѣяніяхъ по настоящее время живетъ въ народныхъ пѣсняхъ. Условія мѣстности, крайняя ея пересѣченность, наряду съ незначительными сравнительно пространствами, а равно сосѣднія государства, отвлекавшія переселен-

цевъ, не дали ускочеству возможности превратиться въ такого рода казачество, которое организовалось у насъ, съ многотысячнымъ населеніемъ. Поэтому ускочество, хотя и представляло силу, вѣчно тревожившую турецкую власть, не образовало той грозной стихіи, которая при иныхъ условіяхъ была бы въ состояніи сломить турецкое иго и даровать всему народу желанную свободу.

Л и т е р а т у р а.

1. Изъ источниковъ, касающихся исторіи Босніи и Герцеговины, слѣдуетъ на первомъ планѣ отмѣтить слѣдующіе.

Sax.—Mit. der k.—k. geograph. Gesell. in Wien. 1883. (О происхожденіи имени «Босна» и о боснійскомъ банатѣ).

Thallóczy.—Ueber die Bedeutung des Namens Bosna. (W. M. a B. u. H., 1893, I)
Гротъ.—Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ. Спб. 1880 г.

Ласкинъ.—Сочиненія Константина Багрянороднаго «о еемахъ» и «о народахъ». М., 1899 г.

Klaić.—Geschichte Bosniens. Leipzig. 1885.

Geiger и Lebert.—Studien über Bosnien u. die bosnischen Bahnen. Wien, 1873.

Missale Glagoliticum Hervoiae, Ducis Spalatensis. Recensuerunt. V. Iagić, L. Thallóczy, F. Wickhoff. Vindobonae, 1891.

Iovanović.—Kriege des Vojvoden Stjepan mit den Ragusanern (1451—1454). («Čupić Jahrbuch». B. IX).

Peez.—Die letzten Tage der Hercegovina. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Buvarac.—Katharina, die Tochter Tvrtko's I. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Buvarac.—Draga, Danica und Resa. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Pauler.—Wie und wann kam Bosnien an Ungarn? (W. M. a. Bos. u. H., 1894, II).

Buvarac.—Zwei bosnische Königinnen. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Thallóczy.—Bruchstücke aus der Geschichte der nordwestlichen Balkanländer. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Buvarac.—Die Regierung des Banus Tvrtko. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Vuletić—Vukasović.—Bündnisvertrag Herzog Hervojes u. d. Republik Ragusa gegen König Ostoja von Bosnien. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Petrinjenis.—Bosnien und das kroatische Staatsrecht. Agram. 1898.

Thallóczy.—Wie und wann wurde Hervoja Grosvojvode v. Bosnien? (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).

Bidermann.—Die Serben-Ansiedelung in Steiermark u. im Warasdiner Grenzgeneralate. (Mit. des histor. Vereines für Steiermark. Heft XXXI. 1883).

Károlyi.—«Vlachen»—Auswanderung aus der Gegend v. Bihac zu Ende des XVI Jahrhunderts. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Schwicker.—Politische Geschichte der Serben in Ungarn.

Венгерскіе сербы, ихъ исторія, привилегіи, церковь и проч. Прага 1873—74. («Слав. Сборникъ» т. II).

Пыпинъ.—Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ. «Вѣстн. Европы». 1877. Июнь.

2. Пособіями по історіи Боснії и Герцеговины можуть служити и слѣдующіе источники, относящіеся до історіи сосѣднихъ съ Босною-Герцеговиною государствъ, а равно всего Балканскаго полуострова.

Дриновъ.—Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. М. 1873 г.

Вогитичъ.—Мѣстныя названія славянскихъ предѣловъ Адриатики. Спб. 1873 г.

Будиловичъ.—Очерки этнографическіе и государственные изъ історіи югославянъ. («Гражданинъ», 1877, № № 1—17).

Новаковичъ.—Србске области X и XII вѣка. Белград., 1884.

Граничъ.—Die Lage auf der Balkanhalbinsel zu Beginn des XIII Jahrhunderts. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).

Мамировичъ.—Краткая історія и географія Сербіи, съ картою. Спб., 1839 г.

Майковъ.—Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицей, въ связи съ історіей народа. М. 1857 г.

Гильфердингъ.—Письма объ історіи сербовъ и болгаръ. М. I и II, 1855 и 1859 г.

Ранке.—Исторія Сербіи, по сербскимъ источникамъ. М. 1876 г.

Будиловичъ.—Очерки изъ сербской історіи. (Слав. сборн. 1877 г.).

Kállay.—Geschichte d. Serben. Budapest, Wien, Leipzig, 1878.

Качановскій.—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в. Киевъ, 1899 г.

Вацетичъ.—Старая Сербія. Ея прошлое и настоящее. М. 1876 г.

Вакитъ.—Черногорія подъ управленіемъ владыкъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г. Ч. 198).

Ровинскій.—Черты изъ боевой жизни Черногоріи. (Русс. Мысль) 1880, № 1 и 5.

Conquellle.—Histoire du Monténégro et de la Bosnie. Paris, 1895.

Поповичъ.—Черногорскій Владыка Петръ I. Киевъ, 1897 г.

Ровинскій.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ (географія, історія, этнографія, археологія, современное положеніе). Спб. т. I и II 1888 г. и 1897 г.

Рогановичъ.—Черногорскій теократизмъ. 1496—1851. Казань. 1899 г.

Schmidt.—Das Königreich Dalmatien. Stuttg., 1843.

Engel.—Geschichte v. Dalmatien.

Рейцъ.—Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка. (Сбор. историч. и стат. свѣд. о Россіи, т. I, 1845 г. Москва).

Смирновъ.—Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи. Казань, 1881—1884 гг.

Верезинъ.—Хорватія, Слзвонія, Далмація и Военная граница. Спб. 1879 г.

Верезинъ.—О древней внутренней организаціи хорватосербовъ и проч. («Звѣніе», 1876, № 9).

Его же.—Историко-этнографическіе очерки Далмаціи. («Пчела», 1876, № № 4, 6, 7, 8, 23, 27 и 49).

Смичиласъ.—Полная історія хорватовъ. 1879 и 80 гг.

Смирновъ.—Очерки історіи хорватск. государства до подчиненія угорской коронѣ (1102 г.). Казань, 1880 г.

Pestz.—Die Entstehung Kroatiens. Budapest, 1882.

Staré.—Die Kroaten im Königreiche Kroatien und Slavonien. Wien 1882, въ изданіи «Die Völker Oesterreich—Ungarns». X. B. 2 Hälfte.

Krauss.—Die vereinigten Königreiche Kroatien und Slavonien. (XIV B. Graeser's die Länder Oester.—Ung. in Wort und Bild. Wien, 1889).

Иречекъ.—Исторія Болгаръ. Варшава, 1877 г.

Герцбергъ.—Исторія Византіи. М. 1897 г.

Успенскій.—Исторія Византійской имперіи. (Въ сотрудничествѣ съ проф. В. Г. Васильевскимъ). Спб., 1900 г.

- Gebhardi.**—Geschichte v. Ungarn. Leipzig, 1878—1882.
Csaday.—Die Geschichte der Ungarn, deutsch übersetzt v. Darvai. Berlin, 1899.
Mukaci.—Die Anfänge der ungarisch-slavischen ethnischen Berührung. (Die Donauländer. Zeitschrift für Volkskunde v. A. Strauss. 1899. H. 5).
Šišić.—Die Schlacht bei Nicopolis. (25 Sep. 1396). (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).
Juchereau de Saint Denys.—Histoire de l'empire ottoman. 1844.
Бессе.—Турецкая имперія, ея исторія, статистика, географія и политическое состояние. М., 1860 г.
Hammer.—Geschichte des osmanischen Reiches.
Розенъ.—Исторія Турціи съ 1826 г. до 1856 г. Спб. 1872 г.
Huber.—Geschichte Oesterreichs. Gotha, 1888.
Mayer.—Geschichte Oesterreichs mit besonderer Rücksicht auf Kulturgeschichte. Wien, 1899—1901.
Beer.—Die Orientalische politik Oesterreichs seit 1774. Prag u. Leipzig, 1833.
Сеньобосъ.—Политическая исторія современной Европы. I и II. Спб. 1898 г.

3. Далѣ изъ источниковъ, касающихся новѣйшей исторіи Босны-Герцеговины, а равно возстанія, нашихъ послѣднихъ войнъ съ Турціей, взаимныхъ нашихъ отношеній съ Балканскими славянами и Турціею и восточнаго вопроса,—надлежитъ въ хронологическомъ порядкѣ отмѣтить здѣсь слѣдующіе труды.

- Pertasier.**—La Bosnie dans ses rapports avec l'empire Ottoman. (Paris, 1822).
Bar. Sirtema de Grovestins.—La Russie ramenée à l'ordre et l'Europe en 1857. Paris., 1858.
Vidaković.—Die freiwillige Theilnahme der Serben u. Kroaten an den vier letzten österreichisch-türkischen Kriegen. Wien, 1854.
Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса. («Вѣст. Евр.», 1867 г. № 2 и 3).
Всероссійская этнографическая выставка и славянский сѣздъ въ Маѣ 1867 г. М. 1867 г.
Ламанскій.—Чтенія о Славянской исторіи въ Им. Спб. университетѣ. Спб. 1867 г.
Angerstein.—Der Aufstand in der Hercegovina. Berlin, 1875.
Вогдановичъ.—Восточная война 1853—1856. Спб. 1876 г.
Макушевъ.—Восточный вопросъ въ XVI—XVII в. («Слав. Сбор.», 1866 г.).
Майковъ.—Начало восточнаго вопроса. Спб. 1877 г.
Фелькнеръ.—Славянская борьба 1875—1876 г. Историческій очеркъ возстанія балканскихъ славянъ, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатическихъ сношеній съ Іюля 1875 по Январь 1877 г. Спб., 1877 г.
Rüstow.—Der Krieg in der Türkei, 1877.
Его же.—Der orientalische Krieg. 1877.
Бухаровъ.—Россія и Турція. Отъ возникновенія политическихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата 18/23 марта 1871 г. Историч. очеркъ. Спб. 1878 г.
Ровинскій.—Россія и славяне Балканскаго полуострова. (Древняя и Новая Россія. 1878, № 2)
Майковъ.—Двѣ эпохи конгрессовъ. («Русс. Мысль», 1884, № 11).
Леонтьевъ.—Востокъ, Россія и Славянство. М., 1885 г.
Каптеревъ.—Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. М. 1885 г.
Успенскій.—Какъ возникъ и развивался въ Россіи Восточный вопросъ. Спб. 1887 г.
Elf Jahre Balkan.—Erinnerungen eines Preussischen Officiers. (1876—1887). Breslau, 1889.

*

Татищевъ.—Внѣшняя политика Императора Николая I.

Vamberg.—Geschichte der orientalischen Angelegenheiten im Zeitraum des Pariser u. d. Berliner Friedens. Berlin, 1892.

Гр. Камаровскій.—Восточный вопросъ, М. 1896 г.

Ежегодникъ Министерства Ин. Дѣлъ за 1862, 1863, 1868, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1877, 1878, 1879—1880, 1881, 1883, 1895 и 1896 гг.

Макъ-Коль.—Султанъ и державы. Спб., 1897 г.

Восточный вопросъ.—Политико-этнографическій очеркъ. Спб. 1898 г.

Марченко.—Россія и Турція въ XIX столѣтіи. (Обстановка четырехъ послѣднихъ войнъ). Спб. 1898 г.

Гаспринскій.—Русско-восточное соглашеніе. Бахчисарай. 1898 г.

Malkhazanov.—Le Panslavisme et la Question d'Orient. Paris, 1898.

IX.

Къ вопросу о средневѣковой культурѣ въ Босніи и Герцеговинѣ.

Средневѣковыя могилы—«богомилскіе камни». Къ вопросу о культурномъ развитіи босно-герцеговинцевъ. Культурныя вліянія въ средніе вѣка.

Политическая исторія Босны-Герцеговины не можетъ понынѣ считаться достаточно выясненной. Что же касается культурной исторіи страны, то она почти совершенно не изучена. Среди памятниковъ средневѣковой старины, могущихъ въ значительной степени содѣйствовать освѣщенію вопросовъ культурно-историческаго характера, безспорно первое мѣсто принадлежитъ многочисленнымъ могильникамъ, образующимъ нерѣдко цѣлыя «поля» и бросающимся, благодаря величинѣ надгробныхъ камней, въ глаза уже издали.

Могильники эти обратили на себя вниманіе уже первыхъ изслѣдователей Босны-Герцеговины. Съ тѣхъ поръ они не переставали служить предметомъ серьезнаго изученія для цѣлаго ряда лицъ. Могилы описывались; создались теоріи о ихъ происхожденіи, принадлежности и эпохѣ. Нынѣ можетъ считаться многое уже выясненнымъ, а характеръ могилъ, равно какъ ихъ значеніе, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, установленными. Могильники, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежатъ къ среднимъ вѣкамъ; они славянскіе, сербскіе. Эпоха ихъ въ точности не опредѣлена, но они возникли не позже XV-XVI вѣка, т. е. времени турецкаго завоеванія. Распространены они въ Боснѣ-Герцеговинѣ почти повсемѣстно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окраинъ, прилегающихъ къ Савѣ. Систематическому изслѣдованію могильники означеннаго типа подверглись только въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Это приводило изслѣдователей къ исключительному взгляду на могилы, давало поводъ называть ихъ національно-боснійскими и строить, на основаніи ихъ, теоріи, отчасти тенденціознаго характера.

Средневѣковые могильные памятники того разряда, о которомъ здѣсь говорится, сводятся, вообще, къ тремъ типамъ: либо простая плита, либо саркофагъ съ крышеобразнымъ верхомъ, либо

наконецъ усѣченная четырехсторонняя пирамида, поставленная базою вверхъ. Могилы встрѣчаются часто въ уединенныхъ мѣстахъ, теперь не обитаемыхъ, сгруппированы по 20, 30 вмѣстѣ, или же образуютъ обширныя могильныя поля съ числомъ памятниковъ, превышающимъ нѣсколько сотъ. Въ Боснѣ-Герцеговинѣ подобнаго рода могильниковъ такъ много, что ихъ, при разѣздахъ по странѣ, невозможно не замѣтить. Многіе могильные камни исчезли, послуживъ матеріаломъ для постройки домовъ, или разбиты, при проведеніи шоссе. Подобной участи подверглись, по заявленію одного изъ изслѣдователей ихъ (Хёрнеса), многіе тысячи и тѣмъ не менѣе общее число надгробныхъ камней опредѣляется нынѣ въ 150—200 тысячъ. Надгробные камни Босны-Герцеговины представляютъ въ деталяхъ не мало разнообразія, но вотъ, что имъ, вообще, одинаково присуще: величина и бѣдность скульптурными изображеніями, а равно надписями. Средняя величина камней: около сажени длины, $1\frac{1}{2}$ аршина ширины и 2 аршина высоты. Однако, почти нѣтъ ни одного могильника, гдѣ бы не было по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ памятниковъ, значительно превышающихъ этотъ размѣръ; даже камни свыше $1\frac{1}{2}$ сажени не представляютъ рѣдкости. Такая величина и связанный съ нею вѣсъ камней вызывали справедливое удивленіе всѣхъ наблюдателей, тѣмъ болѣе, что, какъ удалось установить, во многихъ случаяхъ камень для памятниковъ добывался не рѣдко на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, причемъ доставка камней на мѣсто могилы, при примитивныхъ путяхъ и при вѣсѣ камней (напр. въ 15.000 килограммовъ, т. е. 900 пудовъ) представляла громадное затрудненіе. Могильные памятники, какъ пирамидальной (перевернутая усѣченная пирамида), такъ и саркофажной формы, имѣютъ обыкновенно своимъ основаніемъ выступъ—массивную плиту, но высѣченную изъ того же куска камня, что и самый памятникъ, и представляющую поѣтому съ нимъ вмѣстѣ монолитъ.

Эти монолиты, будь они громадныхъ размѣровъ или болѣе скромны по своей величинѣ, въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не украшены. На нихъ нѣтъ скульптурныхъ изображеній, камни голы и импонируютъ лишь своей величиной, не представляя ничего художественнаго, кромѣ своей очень изящной формы. Тѣ же камни (ихъ считаютъ 1 на 30), которые несутъ скульптурныя изображенія, представляютъ сугубый интересъ. Скульптура въ громадномъ большинствѣ случаевъ не только не высокаго качества, но нерѣдко крайне грубой формы. Очень распространенный орна-

ментъ—это обрамляющая всѣ четыре боковыя стороны камня высѣченная аркада, характернаго романскаго типа. Затѣмъ встрѣчаются изображенія мечей (прямыхъ), съ перекладиной на рукояткѣ, щитовъ (не имѣющихъ геральдическаго значенія), мѣсяца, роветокъ, орнамента геометрическаго (зигзаги) и растительнаго (виноградная лоза), спиралей. Встрѣчаются всадники, сцены единоборства верхомъ, сцены охоты и наконецъ интересныя изображенія танца кола (нѣчто въ родѣ хоровода). Вообще, скульптура большого разнообразія не представляетъ. Въ Герцеговинѣ она попадаетъ чаще и лучшаго качества, чѣмъ въ Босніи. Что слѣдуетъ особо отмѣтить, такъ это рѣдко встрѣчающееся изображеніе креста, а равно надписей на памятникахъ—всего таковыхъ извѣстно лишь нѣсколько сотъ.

Послѣдне-означенныя особенности давали поводъ считать босно-герцеговинскія средневѣковыя могилы принадлежащими богомиламъ. Наиболѣе убѣжденные въ этомъ отношеніи авторы держатся мнѣнія, что средневѣковая Босна-Герцеговина была сплошь богомильскою страной. Если признать, какъ думаютъ нѣкоторые, что всѣ богомилы Босніи отрицали символъ креста, то надлежитъ отмѣтить, что этотъ символъ, хотя и довольно рѣдко, но все же встрѣчается на могильныхъ памятникахъ описываемаго типа. Впрочемъ, нѣкоторые (напр. Асботъ) считаютъ его въ Боснѣ-Герцеговинѣ не за эмблему христіанской вѣры, а за изображеніе какъ бы международнаго нерелигіознаго характера, не имѣющаго ничего общаго съ христіанствомъ. Это крайнее мнѣніе можно считать предубѣжденіемъ. Надо замѣтить, что въ вопросъ о средневѣковыхъ могилахъ Босны-Герцеговины введены факторы, не всегда научно обоснованные. Могиламъ описаннаго типа придавали чисто мѣстное значеніе, ихъ связывали исключительно съ боснійскою исторіею, излѣдовали ихъ односторонне. Такъ называемыя «богомилскія» могилы вовсе не встрѣчаются въ одной лишь Боснѣ-Герцеговинѣ: ихъ можно видѣть въ южной Далмаціи, въ Сербіи, въ Косовскомъ вилаетѣ и въ Черногоріи, какъ въ новой ея части, напр. въ Никшичскомъ округѣ ¹⁾, такъ и въ Цетинѣ ²⁾. Правда,

¹⁾ По сообщенію намъ П. А. Ровинскимъ указанію могильники «боснійскаго» типа встрѣчаются въ изобиліи въ сѣверо-восточной части Черногоріи: такъ, въ Езерѣ кладбище съ 300 могилахъ; затѣмъ интересное и богатое могильное поле извѣстно указанному лицу у Дробнякъ, на сѣверо-востокъ отъ Никшича.

²⁾ Въ Цетинѣ у входа въ ограду одной изъ церквей помѣщаются два камня (2 ар. длины, 1 ар. ширины и 1½ высоты); на одномъ изъ нихъ изображены: мечъ, знамя и всадникъ. Камни эти характернѣйшаго «богомилскаго» типа.

и въ этихъ мѣстностяхъ богомилство было распространено, но оно и здѣсь и въ Боснѣ-Герцеговинѣ не получило исключительнаго господства. Слѣдуетъ отмѣтить находеніе крестовъ на нѣкоторыхъ памятникахъ, встрѣчающуюся крестовидную форму памятниковъ, а также надписи, свидѣтельствующія о принадлежности погребенныхъ къ христіанской вѣрѣ. Нѣкоторые изслѣдователи могилъ впадаютъ въ крупную ошибку, желая всѣ могилы приурочить къ одному времени, фиксируя сооруженіе ихъ на XIV—XV вѣка. Одно уже изобиліе могильныхъ камней съ ясностью показываетъ, что они не могли относиться всѣ къ столь краткому періоду. Не надо забывать, что турки, хотя и не задавались цѣлью уничтоженія могильныхъ камней, но конечно пользовались ими для построекъ, какъ то дѣлалось и при оккупациі страны австрійцами. Порчѣ и истребленію со стороны турокъ быть можетъ подвергались какъ разъ тѣ могилы, которыя ясно обнаруживали символъ христіанства. Наконецъ, не слѣдуетъ думать, что коль скоро нѣтъ скульптурныхъ изображеній, то слѣдовательно и вообще никакихъ изображеній на камняхъ не было. Они могли быть исполнены въ краскахъ. Это предположеніе имѣетъ свои основанія въ открытыхъ въ послѣднее время (Мирковичемъ) слѣдахъ окраски нѣкоторыхъ могильныхъ камней. Вспомнимъ, что окраска памятниковъ развита и у насъ ¹⁾. Повидимому она стоитъ въ связи съ низкимъ уровнемъ развитія скульптурнаго искусства. Даже если предположить, что могилы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежали богомиламъ, то вѣдь и послѣдніе должны были имѣть стремленіе чѣмъ нибудь украсить памятники: рисунками или надписями. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній думать, что сооруженіе голыхъ, хотя и хорошо отесанныхъ, камней входило какъ правило въ богомилскій культъ.

Что средневѣковыя могилы принадлежатъ разнымъ эпохамъ, это подтверждается и степенью художественности найденныхъ на камняхъ изображеній. Нѣкоторыя изъ нихъ не только грубы, но и примитивны до такой степени, что они напоминаютъ художественныя изображенія временъ доисторическихъ, другія несутъ слѣды болѣе развитого вкуса и, наконецъ, нѣкоторыя приближаются къ разряду тѣхъ памятниковъ, которые мы могли бы и съ нашей точки зрѣнія назвать художественными. Послѣдняго рода памят-

¹⁾ Подобнаго рода могильные памятники (кстати сказать тоже саркофажной формы) совсѣмъ не рѣдкость въ центральной Россіи.

ники встрѣчаются, правда, преимущественно въ Герцеговинѣ, т. е. ближе къ Адриатическому морю, гдѣ вліяніе Далмаціи было сильнѣе, но находятъ ихъ и въ глубинѣ страны.

Своеобразные памятники описаннаго характера встрѣчаются на территоріи сербскаго народа, такъ какъ на сѣверѣ Босніи, у рубежа хорватовъ, ихъ не имѣется. «Богомильскіе камни», повидимому слѣдуетъ считать скорѣе національно-сербскими, безъ различія вѣроисповѣданія. И дѣйствительно, если на могилахъ рѣдки эмблемы христіанства, то нѣтъ на нихъ ничего, что бы съ опредѣленностью доказывало ихъ богомильское происхожденіе. Выше отмѣчены встрѣчающіяся сцены охоты, единоборства, танцевъ (коло), мечи и щиты—въ этомъ рѣшительно нѣтъ ничего ни богомильскаго, ни вообще сектантскаго. Это скорѣе указываетъ, на ряду съ рѣдкимъ изображеніемъ крестовъ, на то, что христіанская вѣра проникла и не осѣла въ народѣ, она не захватила его такъ, какъ мы то встрѣчаемъ въ средніе вѣка въ другихъ мѣстностяхъ: умершаго провожаютъ въ загробную жизнь мірскія воспоминанія—онъ полуязычникъ безъ опредѣленнаго церковнаго культа.

Интересно то, что народъ утратилъ болѣе или менѣе *точные* традиции о средневѣковыхъ могилахъ. Памятники этой старины называются: «мраморови» (мраморные) или «стечци» (стоячіе) или «машеть»¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ могильники называются: «гырчко», «кауурско», «мадярско» и «србско греблье», т. е. греческія, гяурскія (невѣрныхъ), мадярскія и сербскія могилы. Въ этихъ наименованіяхъ ясенъ намекъ на принадлежность могилъ людямъ, исповѣдовавшимъ христіанскую религію. Съ нѣкоторыми камнями связано народное суевѣріе: какъ православные и католики, такъ и мусульмане употребляютъ скобленную известковую пыль памятниковъ въ качествѣ лекарства, будто помогающаго отъ многихъ болѣзней и людямъ и животнымъ; особенно полезнымъ оказывается эта пыль для увеличенія молока у кормящихъ матерей. Такъ какъ это суевѣріе касается не всѣхъ вообще памятниковъ, а только нѣкоторыхъ, то, быть можетъ, въ немъ слѣдуетъ видѣть смутно сохранившіяся традиции о погребенныхъ «цѣлителяхъ» или вообще «святыхъ». Народъ, какъ сказано, утратилъ *точные* воспоминанія о происхожденіи средневѣковыхъ могилъ, сохранивъ

¹⁾ Слово турецкаго происхожденія, обозначающее могильный памятникъ, сооруженный надъ павшимъ за вѣру.

лишь память о ихъ принадлежности тому или другому христіанскому народу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очень распространены рассказы, съ различными вариантами, о происхожденіи того или другого могильнаго поля. Передаютъ обыкновенно о гибели свадебнаго поѣзда, будто бы направлявшагося въ ту или другую деревню или городъ и сдѣлавшагося жертвою снѣжной бури, или ограбленнаго разбойниками, или погибшаго при столкновеніи съ дружиною соперника жениха и т. п.

Средневѣковыя боснійскія могилы послужили не только для развитія «богомильской» теоріи, но и привели къ спору о древней культурѣ, которую застали турки въ Босніи при своемъ завоеваніи страны. Нѣкоторые (сербскіе авторы) говорятъ о высокой степени мѣстной культуры, которая была попорана и сметена «варварскими турками». Другіе (австрійскіе авторы) настаиваютъ на томъ, что Боснія была некультурная страна и что турки не только не подавили никакой культуры, но, напротивъ того, будучи въ то время болѣе развитымъ, чѣмъ босняки, народомъ, оварили Боснію благами своей цивилизаціи. Въ этихъ противоположныхъ взглядахъ есть много крайностей, но есть и доля истины. Австрійскіе авторы впадаютъ въ ошибку благодаря тому, что оцѣниваютъ боснійскую культуру съ точки зрѣнія господствовавшей въ западной Европѣ въ XV вѣкѣ образованности. Эта точка зрѣнія несправедлива. Разцвѣтъ просвѣщенія и степень его въ XV вѣкѣ въ Европѣ достаточно извѣстны. Но Европа не представляла въ этомъ отношеніи чего либо однороднаго. Италія, вотъ та страна, которая несла просвѣщеніе въ его высшемъ для того времени значеніи. XV вѣкъ знаменуетъ переходъ со стараго, съ среднихъ вѣковъ, на новое—на «возрожденіе». Большинство мѣстностей Европы въ то время не могло сравниться съ Италіею; онѣ переживали разныя стадіи, хотя и шли всѣ по пути къ просвѣщенію, подготовленному многовѣковой работой, и многовѣковой борьбой, знаменующей средніе вѣка. Босна-Герцеговина переживаетъ въ XIV—XV столѣтіяхъ разгаръ среднихъ вѣковъ. Славянское племя появляется на территоріи Босны-Герцеговины въ качествѣ пока грубой, физической, разрушающей силы, въ то время (VII в.), когда въ западной Европѣ уже формируется государственность. Славянство Босны-Герцеговины выступаетъ на сцену всеобщей европейской исторіи съ запозданіемъ и отъ этого съ перваго шага отстаеъ, по сравненіи съ европейскими своими сосѣдями, въ естественномъ развитіи. Это запозданіе знаменуетъ ея будущее. Къ тому же босній-

скіе сербы не внѣдряются въ центръ культуры, какъ итальянскіе германцы. Сербу-босняку и сербу-герцеговинцу достается въ удѣлъ глухая сравнительно римская провинція, просвѣщенная лишь въ городскихъ поселеніяхъ; отъ Византіи ихъ отдѣляетъ Болгарія, съ сѣвера скоро показываются венгры. Создаются факторы, не способствующіе быстрому развитію и безъ того запоздалаго на культурной аренѣ народа.

Австрійскіе авторы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, трактуя о степени культурности средневѣковой Босны, указываютъ какъ бы на неспособность народа къ культурному развитію, считая его грубымъ по существу, не прогрессирующимъ по недостатку нравственныхъ и умственныхъ силъ. Этотъ взглядъ, опредѣленно выражаемый въ отношеніи Босны-Герцеговины, какъ извѣстно распространяется нашими германскими сосѣдями и на все славянство. Взглядъ этотъ пристрастенъ и не основанъ на дѣйствительныхъ фактахъ культурной исторіи. Между тѣмъ трагическая исторія Босны-Герцеговины невольно приводитъ къ вопросу: выдержалъ ли бы другой народъ ту сумму тяжестей, которую выносили босняки и герцеговинцы и сохранилъ ли бы онъ при подобныхъ условіяхъ ту массу своеобразныхъ, національныхъ чертъ, свой духъ, какъ то сохранили босно-герцеговинцы? Сербскій народъ тѣснятъ болгары, его держитъ въ желѣзныхъ рукахъ могучая, искусная Византія, а съ сѣвера хорваты, затѣмъ венгры; сербскій народъ и въ частности Босна-Герцеговина находилась между двухъ теченій, одинаково сильныхъ, одинаково для нихъ неблагопріятныхъ, одинаково имъ враждебныхъ. Мучительная эпоха созданія своей національной государственности знаменуется для Босны-Герцеговины борьбою за сохраненіе своей племенной независимости. Вопросы религіи, естественная въ средніе вѣка внутренняя борьба—лишь осложняютъ положеніе вещей. А въ тотъ моментъ, когда государственность въ своей формации такъ или иначе близится къ концу, гибнетъ Византія, надвигается новая сила и славянскимъ народамъ Балкана суждено играть роль вала, защищающаго европейскую культуру отъ вторженія мусульманскаго элемента.

Босна-Герцеговина, огражденная и естественными границами и полукультурными сосѣдями отъ главнѣйшихъ очаговъ высокой въ средніе вѣка культуры, болѣе или менѣе доступна просвѣщенію со стороны Адриатическаго моря. Далмація, въ частности Дубровникъ (Рагуза)—вотъ источникъ, откуда Босна-Герце-

говина можетъ почерпать культурное вліяніе. Но и отъ Далмаціи Босна-Герцеговина отдѣлена естественною преградой. Динарскія альпы, не вызывающія нынѣ серьезныхъ затрудненій для проведенія желѣзныхъ дорогъ, представляли въ средніе вѣка трудно преодолимую естественную стѣну. Прорывъ Динарскихъ горъ р. Неретвою, образуя какъ бы открытыя ворота, много способствовалъ цивилизаціи горной страны. Поэтому понятно то громадное культурное значеніе нижняго теченія названной рѣки, которое оно имѣло издавна.

Сербы Босны-Герцеговины не застали занятую ими страну пустынной, некультурной; они нашли многочисленныя римскія колоніи. Колоніи эти погибли, но вліяніе ихъ не могло не сказаться на пришельцахъ, хотя бы въ умѣренной степени. Далмація, въ свою очередь, непрерывно вліяла на Босну-Герцеговину. Цивилизація приходила и изъ Византіи при посредствѣ родственныхъ племенъ и при посредствѣ той же Далмаціи. И венгерско-хорватскій сѣверъ несъ европейскую культуру. Эти разныя вліянія сказались и въ архитектурномъ искусствѣ Босны-Герцеговины, и въ скульптурныхъ изображеніяхъ древнихъ могилъ. Сама форма ихъ указываетъ на римское происхожденіе образца. Романское вліяніе видно въ часто встрѣчающемся аркадномъ изображеніи, Византія же узнается въ формѣ крестовъ. Тѣмъ не менѣе, чуждые элементы не вытѣснили народныхъ мотивовъ: колоссальность надгробныхъ сооружений національна, такъ же какъ и характерные орнаменты, сцены охоты, народнаго кола и т. п. Нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на рѣдкости надгробныхъ надписей, дѣлаютъ заключеніе, что страна была безграмотной. Мнѣніе это сложилось преждевременно и не виждется на фактахъ. Есть основанія, какъ сказано, предполагать, что могильные камни кромѣ скульптурныхъ изображеній были украшены произведеніями кисти въ краскахъ. Кромѣ того (не считая, конечно, Босну-Герцеговину въ концѣ среднихъ вѣковъ высокообразованною страной) трудно предположить, что страна воздвигающая замки, крѣпости, дворцы и церкви, свидѣтельствующіе о присутствіи хорошихъ мастеровъ, хотя бы и пришлыхъ, не имѣла бы достаточно грамотныхъ людей, могущихъ изготовлять несложныя надгробныя надписи. Само сооруженіе могильныхъ памятниковъ требовало тонкаго знанія, ибо правильность и гармонія линій поразительны. Какъ же могло это знаніе привиться народу безъ соотвѣтственной степени элементарной образованности—грамотности и письменности. Много-

численные рукописи средних вѣковъ, сохранившіяся по указанію многихъ изслѣдователей и понынѣ, въ свою очередь говорятъ за грамотность страны. Для уясненія степени образованности Босны-Герцеговины ко времени паденія ея, небезполезно обратиться къ сосѣдней странѣ, которая едва ли стояла вообще на значительно высшемъ уровнѣ. Рѣчь идетъ о Зетѣ. Здѣсь была открыта въ Ободѣ типографія уже въ 1494 году. Вспомнимъ, что первая типографія, въ Страсбургѣ, извѣстна съ 1460 и что въ Москвѣ типографія открыта лишь въ 1553 г. Типографія въ Ободѣ свидѣтельствуешь о потребности въ Зетѣ въ печатныхъ книгахъ, т. е. въ ихъ сравнительно большомъ количествѣ. Нѣтъ основанія думать, что Босна-Герцеговина въ этомъ отношеніи представляла особо отсталую страну; обвинять ее въ поголовной безграмотности несправедливо. Конечно, народная масса далека была отъ просвѣщенія, но въ этомъ отношеніи Босна-Герцеговина не дѣлала исключенія. Къ тому же средневѣковыя могилы вовсе не принадлежать простому народу, которому и не по средствамъ было сооружать гигантскіе памятники. Напротивъ того, надписи часто свидѣлствуютъ о принадлежности могилъ людямъ знатныхъ родовъ, и положительно невѣроятно, чтобы представители ихъ не могли найти грамотнаго живописца. Рѣдкость надписей на могильныхъ памятникахъ поэтому надо объяснить тѣмъ, что таковыя были нѣкогда въ краскахъ, въ теченіе вѣковъ исчезнувшихъ, либо, пожалуй, тѣмъ, что надписи не употреблялись согласно своеобразнымъ воззрѣніямъ народа, что, впрочемъ, мало вѣроятно.

Обратимся снова къ культурѣ страны. Говоря о сравнительно высокой степени ея въ концѣ среднихъ вѣковъ, мы не имѣемъ въ виду самостоятельнаго ея развитія. Нѣтъ такой страны, которая не воспринимала бы чуждыхъ вліяній. Вопросъ заключается въ томъ, были ли они доступны Босніи, воспринимались ли въ ней плоды высшей культуры, выказала ли Босна способность къ культурному развитію, или она оставалась ему чуждой? На эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить въ самомъ благопріятномъ для Босны-Герцеговины смыслѣ. Она не только воспринимала культурныя вліянія болѣе развитыхъ сосѣдей, но и искала культурное содѣйствіе у нихъ. Въ Босну-Герцеговину выписывались мастера для возведенія построекъ: дворцовъ, церквей, укрѣпленій и замковъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ остатки этихъ сооружений, обнаруживающіе, какъ то видно изъ находокъ (напр. въ Яйце), много художественнаго вкуса. Привлекались, на ряду съ этимъ, горные рабочіе

(преимущественно изъ Саксоніи) для разработки рудъ. Руды добывались въ странѣ уже при римлянахъ, но изслѣдованія (Иречекъ и Погачникъ) послѣдняго времени доказали, что горное дѣло въ средніе вѣка (XIII—XV) сдѣлало, по сравненію съ временами римскими, значительные шаги впередъ. Велась оживленная торговля. Босна-Герцеговина снабжала иностранные рынки преимущественно, конечно, сырьемъ. Ввозились же произведенія промышленности, предметы искусства и роскоши. Въ странѣ накапливались значительныя богатства. Одинъ изъ изслѣдователей (Дилекъ) Босны-Герцеговины, описывая сокровища семейства Храничей (образовавшихъ герцогство, т. е. Герцеговину), отмѣчаетъ изобиліе звонкой монеты, золотой посуды, *рукописей и книгъ*. Германскіе власти еще въ XVI в., замѣчаетъ изслѣдователь, употребляли посуду простого металла и столь богаты, какъ Храничи, не были. Боснія XV вѣка въ лицѣ своихъ магнатовъ начинаетъ принимать участіе въ общей жизни европейскихъ дворовъ. Они со своею свитою участвуютъ на блестящихъ турнирахъ въ Венгріи и обращаютъ на себя вниманіе богатствомъ, ловкостью и силою. Рыцарство въ Боснѣ-Герцеговинѣ развивается, хотя и съ запозданіемъ, на ряду съ феодализмомъ; аристократическія семьи заводятъ себѣ гербы на западно-европейскій образецъ. Изъ всего этого видно, что Босна-Герцеговина въ XV в. рѣшительно начинаетъ входить въ кругъ европейскихъ цивилизованныхъ странъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она сохраняетъ и свои типичныя стороны, сохраняетъ свою жизнь. Изъ этого можно заключить, что Босна-Герцеговина при нормальной дальнѣйшей жизни сдѣлала бы не только стать въ ряду культурныхъ государствъ, но и внести въ общую ихъ сокровищницу свою лепту.

Отрицатели культурнаго развитія Босны-Герцеговины въ средніе вѣка, забывая о существующихъ развалинахъ этого времени, съ удовольствіемъ отмѣчаютъ, что лучшія сооруженія страны, сохранившіяся и донынѣ (какъ мосты, крѣпости и конечно мечети), относятся къ турецкимъ временамъ и, слѣдовательно, внесены завоевателями. Но дѣйствительно прекрасныя сооруженія турецкихъ временъ оттого то и находятся въ Босніи, что тамъ почва для подобнаго рода построекъ была подготовлена; въ ней былъ уже развитъ вкусъ и потребность къ художественности. Сооруженія турецкихъ временъ совсѣмъ не слѣдуетъ всецѣло приписывать туркамъ. Въ вопросѣ этомъ есть недоразумѣніе. Инициаторы построекъ были тѣ же природные босняки, но принявшіе

мусульманство. Не надо забывать, что по завоеваніи страны власть надъ нею все же осталась въ рукахъ мѣстной аристократіи. Сокловиичи, напимѣрь, принявшіе мусульманство, славились страстью къ великолѣпнымъ постройкамъ; извѣстны и мѣстные архитекторы, работавшіе уже въ турецкія времена. Замѣчательно, что при сильномъ вліяніи богатаго Востока, отразившемся на многихъ сторонахъ жизни Босны-Герцеговины, національныя черты не исчезали; онѣ сохранились въ одеждѣ, орнаментикѣ, въ украшеніяхъ, особенно женскихъ, не говоря уже о мѣстныхъ обычаяхъ, обрядахъ, пѣсняхъ и, вообще, народномъ творествѣ. Взглядъ на культурную исторію Босны-Герцеговины позволяетъ съ положительностью утверждать, во первыхъ, что страна была и осталась самобытной, что она, выступивъ поздно на культурную арену, принялась дѣятельно за саморазвитіе и, во вторыхъ, что страна гостеприимно открывала двери культурнымъ вліяніямъ, воспринимая ихъ, но сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свою самобытность. Поэтому Босну-Герцеговину нельзя не считать страной культурноспособной. И съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что завоеваніе турокъ, установивъ нормальное развитіе страны, задавивъ ее мертвенностью мусульманскаго быта, погубило культуру, хотя и въ первыхъ, но широкихъ шагахъ ея развитія.

Л и т е р а т у р а.

О средневѣковыхъ могилахъ и иныхъ древностяхъ этой эпохи, о рукописныхъ памятникахъ, по вопросамъ о средневѣковой культурѣ въ Босніи и Герцеговинѣ, о постороннихъ культурныхъ вліяніяхъ на эти страны и т. п. слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія сочиненія и статьи.

Hörnes.—Mittelalterliche Grabdenkmäler in der Herzegovina. (Mitt. der k.—k. Central-Commission für Kunst u. hist. Denkmale. VIII. № F. S. 19 ff.

Sitzungsberichte der phil.—hist. Cl. der kais. Acad. d. Wiss. in Wien, 1881. (Статья Хёрнеса о каменныхъ креслахъ).

Mitt. der k.—k. Central-Commission für Erforschung u. Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. Wien. Neue Folge. B. IX. (О древнемъ камнѣ, найденномъ у Дольнаго Загошча).

Truhelka.—Die bosnischen Grabdenkmäler des Mittelalters. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Radimský.—Altbosnische Grabsteine in Siprag an der Vrbanje. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

- Jireček.**—Glasinac im Mittelalter. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
«Markovača» bei Dolnji Vakuf. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).
Starine bosanske ad Martina Nedića. (Arkiv za povjestnicu jugo-Slavensku. IV, Agram, 1857).
Vuletić-Vukasović.—Altbosnische und verwandte Denkmäler. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Zarzycki.—Das Städtchen Ustikolina. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Ippen.—Rascien. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Stratimirović.—Notizen aus der Gegend v. Višegrad. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Buvarac.—Zažablje in der Hercegovina. (Mit. einem Nachworte v. P. Bošujak.). (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Lilek.—Die Schatzkammer der Familie Hranici. (Kosača). (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Pogatschnig.—Alter Bergbau in Bosnien. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Jireček.—Die Handelsstrassen u. Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelaltars, Prag. 1879 (Abhand. Böhm. Gesell. d. Wiss.).
Blau.—Bosnisch—türkische Sprachdenkmäler. Abhandlungen für die Kunst des Morgenlandes. Leipzig. 1868. Bd. V.
Vuletić-Vukasović (сообщение о древ. боснійскихъ надписяхъ). (Vjestnik. hrvatsk. arkeol. društva. Agram.).
Truhelka.—Mittelalterliche Inschrift in Kotorac u. aus d. Hercegovina. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).
Truhelka.—Altbosnische Inschriften. (W. M. a. B. u. H., 1897, V).
Jagić.—Einige Worte über bosnische Inschriften auf Grabsteinen. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).
Hörmann.—Epigraphische Denkmäler aus dem Mittelalter. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).
Radić.—Bruchstück eines altslavischen handschriftlichen Evangeliiars mit Vorreden u. Weiheformeln in gothischer Schrift. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).
Truhelka.—Eine apokryphe Inschrift des Herzogs Stephan. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).
Truhelka.—Eine Inschrift des Banus Kulin. (W. M. a. B. u. H., 1900, VI).
Niederle.—Ueber den Ursprung der Slaven. Globus. B. LXXI, № 21. 1897. Возражаетъ на критику Rhamm'a, помѣщенную въ № 20-мъ Globus. (B. LXXI, 1897, по поводу труда Нидерле: «Ueber den Ursprung der Slaven. Prag. 1896».)
Hormusaki.—Zur Frage ueber den Ursprung der Slaven. Globus, B. LXXII, № 4, 1897. По поводу рецензiи Rhamm'a на книгу Нидерле о происхожденiи славянъ.
Rhamm.—Noch einmal der Ursprung der Slaven. Globus. B. LXXII, № 23, 1897.
Lay.—Ornamenti jugoslovenske narodne i omjetna obrtnosti.
Hörnes.—Alte Gräber in Bosnien u. d. Hercegovina. (Mitt. der Anthropol. Gesell. in Wien. B. XIII, 1883.) Возраженiя на эту статью по вопросу о культурѣ среднихъ вѣковъ въ Боснiи помѣщены въ М. d. A. G. in Wien, 1884. B. XIV: Radić.—Alte Gräber in Bosnien. Статья Hörnes'a вошла почти всецѣло въ его Dinarische Wanderungen.).
Hörnes.—Bosnische Kunst u. Cultur im Mittelalter. (Mitt. der Anthropolog. Gesell. in Wien. B. XIV, 1884; (возраженiя на статью: Radić.—Alte Gräber in Bosnien und Hercegovina).
Hörnes.—Bosnien und Hercegovina in Vergangenheit und Gegenwart. Globus, 1896. B. LXX, №№ 11, 12 и 13.
Александровъ.—Торжество 400-лѣтiя Ободской типографiи въ Черногорiи.
Vuletić-Vukasović.—Bilješke o kulturi južnijeh Slavena osobito Srblja. Dubrovnik, 1897—1899.
Смирновъ.—Очеркъ культурной исторiи южныхъ славянъ. Казань 1900 г.

Krauss und Beckmann.—Ueber den Einfluss des Orients auf die Südslaven. Ausland. 1887.

Kuhać.—Das türkische Element in der Volksmusik der Croaten, Serben u. Bulgaren. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).

Пыпинъ и Спасовичъ.—Исторія славянскихъ литературъ. Спб. 1879 г.

Соболевскій.—Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV и XV-мъ вѣкахъ. Спб. 1894 г.

Сперанскій.—Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды и вліяніе русской литературы на юго-славянскую. Варшава, 1896 г.

Смирновъ.—Отношеніе Венеціи къ городамъ Далмаціи. I и II, Казань, 1881 и 1884 г.г.

Флоринскій.—Южные славяне и Визанія въ XIV вѣкѣ. Спб. 1882 г.

Дриновъ.—Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ.

Леонтьевъ.—Византизмъ и славянство. М. 1876 г.

Х.

Аристократизмъ.

Феодальный строй, самоуправленіе и автономія Босны-Герцеговины. Утрата автономіи: Гуссейнъ-ага Градашчевичъ и Али-паша Разванбеговичъ.

Послѣ покоренія турками Босніи и Герцеговины, наступаетъ для этихъ странъ совершенно темный въ исторіи періодъ. О Босніи (вмѣстѣ съ Герцеговиною) ничего почти не слышно, ихъ будто совсѣмъ не существуетъ. Это понятно. Центръ борьбы мусульманскаго и христіанскаго элементовъ переносится за предѣлы Савы на сѣверъ. Но въ то время какъ тутъ имѣютъ мѣсто видныя политическія событія внѣшняго характера, въ Босніи происходятъ внутренніе процессы, о которыхъ можно лишь догадываться по позднѣйшимъ ихъ результатамъ. Той части боснійскаго народа, которая приняла исламъ, были гарантированы права на имущество, а «потуречившемуся» мѣстному высшему классу — политическое вліяніе въ странѣ. Не останавливаясь здѣсь на вопросѣ собственно о переходѣ христіанскаго населенія въ мусульманство, слѣдуетъ отмѣтить лишь, что переходъ этотъ вѣроятно произошелъ не сразу, къ тому же, конечно, не искренно и съ надеждою, быть можетъ, еще вернуться къ старой вѣрѣ. Переходъ этотъ имѣлъ выдающееся значеніе для всей послѣдующей внутренней исторіи Босніи. Начавшая развиваться въ средніе вѣка феодальная аристократія довершила, благодаря измѣнѣ вѣрѣ, свою формацію и достигла вполне своей дѣли: она была полнымъ, почти безконтрольнымъ хозяиномъ страны, она фактически, а не турецкая власть, рѣшала важнѣйшіе вопросы, не допуская ни малѣйшаго вмѣшательства турокъ въ вопросы внутренняго управленія. Наконецъ та же аристократія сдѣлалась полнымъ хозяиномъ земли, поработивъ низшій землеобрабатывающій классъ. Съ середины приблизительно XVI и по первую половину XIX вѣка Босна-Герцеговина, благодаря своей аристократіи,—со-

всѣмъ не представляетъ угнетенной турками христіанской страны, а фактически автономную провинцію, съ олигархическимъ правленіемъ. Христіане дѣйствительно терпятъ угнетеніе, но не отъ турокъ, а отъ своей омусульманившейся аристократіи, которая не только остается при своемъ сербскомъ языкѣ, но не знаетъ ни турецкаго языка, ни турецкой письменности, а главное не желаетъ ихъ знать, съ гордостью стоя за мѣстную старину. Эта черта—національная стойкость—до того характерна для Босны-Герцеговины въ теченіе всей ея жизни, что ее нельзя не отмѣтить. Стойкость эта, конечно, не исключала извѣстной эволюціи: страна измѣнялась, пріобрѣтала въ извѣстномъ смыслѣ новую фizioномію, но, усвоивъ себѣ разъ, хотя бы и съ трудомъ, что либо, страна на этомъ стояла, готовая жертвовать даже жизнью. Подобная стойкость, вообще свойственная сербскому народу и проявлявшаяся съ особою силою въ Боснѣ-Герцеговинѣ, выражалась постоянно: и въ вопросахъ религіозныхъ, и въ древнихъ обычаяхъ, обрядахъ, и въ политическихъ правахъ, пріобрѣтенныхъ высшимъ классомъ, и въ безпредѣльной преданности своей родинѣ и, наконецъ, въ принятомъ частью населенія мусульманствѣ. Эта твердость приводила народъ къ тому консерватизму, который составлялъ своего рода силу упругости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и погубилъ Босну-Герцеговину, не пожелавшую пойти навстрѣчу тѣмъ реформамъ турецкой имперіи, которыя требовались въ Стамбулѣ въ первой трети и первой половинѣ XIX вѣка. Босно-герцеговинская аристократія, стоя за свои права, не имѣла матеріальныхъ средствъ защитить ихъ передъ сильною Турціею.

Средневѣковой феодальный строй Босніи, развившійся не безъ вліянія Запада, послѣ завоеванія страны турками не погибъ, а продолжалъ свое существованіе. Конечно, Турція, традиціямъ которой противорѣчилъ аристократизмъ, не задумалась бы сломить въ Босніи феодальную систему, если бы она не нашла въ ней опоры для мусульманства. Десятки высокоаристократическихъ семей, державшихъ въ своихъ рукахъ управленіе, владѣвшихъ обширными помѣстьями, приняли съ внукомъ Стефана герцога, земли Св. Саввы, во главѣ—исламъ. За первѣйшими родами, фамиліи которыхъ сохранила исторія, послѣдовала меньшая братія—мелкопомѣстное дворянство. Турція по достоинству оцѣнила этотъ важный шагъ первыхъ людей въ странѣ и, предоставивъ имъ старую власть и связанныя съ нею права, опиралась на нихъ въ своихъ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Турція не ошиблась: въ лицѣ

мѣстнаго рыцарства, смѣлаго, какъ весь народъ, привычнаго къ бою, она нашла могучую опору противъ Венгріи, воевать съ которою боснійское дворянство было привычно.

Старое феодальное дворянство, принявъ исламъ, получило отъ турецкаго правительства признаніе его прежнихъ земельныхъ правъ. Крупные дворяне-помѣщики при новомъ строѣ сдѣлались бегами, мелкопомѣстная же шляхта, менѣе богатая и знатная, удовольствовалась званіемъ—господъ (ага). Славянскіе титулы исчезли, замѣненные турецкими званіями, но національныя имена и старый мѣстный аристократическій духъ остались живы.

Дарованная помѣщикамъ земля принадлежала имъ однако не безусловно. Она была обременена десятиною (т. е. десятью процентами урожая), которая шла на сформированіе коннаго войска. Обязанность поставлять послѣднее лежала на знатнѣйшихъ бегахъ, которые, являясь уполномоченными султана по части организаціи мѣстной конницы, назывались спахіями. Беги эти могли быть спахіями въ нѣсколькихъ имѣніяхъ, поставляя соразмѣрное имъ число конныхъ воиновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ собственныя имѣнія (одно или нѣсколько) могли составлять «спахилукъ» другихъ беговъ—спахіевъ. Происходило это оттого, что должность спахіевъ не была наслѣдственна. Съ теченіемъ времени однако тѣ рода, которые преимущественно пользовались правомъ выдѣлять изъ своей среды спахіевъ, сдѣлали званіе это фактически наслѣственнымъ.

Вся страна была раздѣлена на 48 капетанствъ (сначала на санджаки), во главѣ которыхъ стояли управители—капетаны, должность, занимавшаяся равнымъ образомъ наиболѣе вліятельными бегами и превратившаяся со временемъ, какъ и званіе спахіевъ, въ наслѣдственную. Такимъ образомъ, вся турецкая власть ограничивалась валиемъ (визиремъ) и янычарами. Послѣдніе первоначально были не изъ босняковъ, но затѣмъ и эта часть войска (пѣхота) формировалась изъ представителей боснійскихъ дворянскихъ родовъ. Янычаре (воспитанные въ мусульманствѣ христіанскіе мальчики), по коренному турецкому установленію, были безсемейные. Такого состава былъ первоначальный янычарскій корпусъ Босніи, но потомъ янычары стали какъ и въ Турціи жениться и, кромѣ того въ Босніи, опредѣлять въ корпусъ своихъ сыновей. Такимъ образомъ, и званіе янычара на боснійской почвѣ сдѣлалось наслѣственнымъ.

При такихъ условіяхъ можно себѣ представить, во что пре-

вратилась власть турецких валиевъ, жившихъ въ Травникѣ. Не удивительно, что эти высшіе представители султана не играли никакой роли въ странѣ, а прибывая въ Сараево, центръ мѣстной аристократіи, не имѣли даже права оставаться тамъ долѣе трехъ дней. Положеніе валиевъ въ столицѣ осложнялось тѣмъ, что Сараево былъ городомъ вольнымъ и имѣлъ свое, независимое отъ капетановъ, аристократическое управленіе. Какъ тяжело было при подобномъ положеніи вещей христіанскому населенію, равнымъ образомъ понятно. При этомъ надо замѣтить, что независимость боснійскаго высшаго класса съ теченіемъ времени возрастала, а турецкая власть въ концѣ концовъ превратилась въ фикцію. Турецкая провинція Босна-Герцеговина стала автономною «Ерпегъ-Босной». Визирей смѣняли по требованію высшаго класса, ихъ даже выгоняли изъ страны. Этимъ объясняется почему въ Босніи за время турецкаго управленія было свыше 240 визирей, т. е. въ среднемъ каждый визирь оставался въ своей должности менѣе двухъ лѣтъ (нѣкоторые назначались по два и по три раза). Естественно, что кратковременное пребываніе визирей у власти лишь ослабляло силу ихъ управленія. Однако, вольности Босны-Герцеговины превзошли въ концѣ концовъ степень терпѣнія даже турецкаго правительства, которое въ XIX вѣкѣ твердо задалось цѣлью сломать аристократическую вольницу своей провинціи.

Турція, прекративъ свою агрессивную дѣятельность въ Европѣ, вынуждена была озаботиться сохраненіемъ своей власти на Балканскомъ полуостровѣ по ту сторону Савы. Поэтому и положеніе Босны-Герцеговины въ имперіи совершенно мѣняется. Она больше не опора для султановъ, а провинція, населенная болѣе, чѣмъ на половину, христіанскимъ народомъ, провинція слѣдовательно не надежная. Претензіи Австріи на нее были ясны. Можно было думать, что Босна-Герцеговина, при такихъ условіяхъ, отложится отъ имперіи въ первую очередь. Сковать поэтому провинцію на общихъ началахъ съ остальнымъ государствомъ представлялось крайнею необходимостью, а для этого нужно было упразднить ея самоуправленіе, ввѣривъ управленіе надежнымъ имперскимъ чиновникамъ. Цѣль была достигнута лишь въ 1850 г. не безъ упорной борьбы, причемъ ловкость босно-герцеговинскихъ аристократовъ неоднократно парализовала намѣренія Стамбула. Слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствуя босняки-герцеговинцы мусульманскаго вѣроисповѣданія въ единодушіи съ христіанами, а главное относись первые болѣе искренно и терпимо къ своимъ христіанскимъ собратьямъ, имъ

бы, какъ то съ достаточной достовѣрностью можно предполагать, вѣроятно удалось достигнуть юридической автономіи страны. Къ чему бы такая автономія привела—остается вопросомъ. Но въ борьбѣ съ турецкою властью мѣстный высшій классъ, какъ и въ старину, въ эпоху предшествовавшую паденію страны, не думалъ о ея благѣ, не заботился о благѣ народа, какъ бы не сознавая общей съ нимъ народности, преслѣдовалъ свои эгоистическія узкосословныя цѣли.

Въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ автономіи Босны-Герцеговины стоитъ имя знаменитаго герцеговинца Али-паши Риванбеговича. Али-паша замѣчателенъ личнымъ своимъ характеромъ, а главное тѣмъ значеніемъ, которое онъ пріобрѣлъ въ странѣ. Чтобы по достоинству оцѣнить тѣ страницы недавней исторіи Герцеговины, на которыхъ написано кровавыми буквами имя Али-паши, слѣдуетъ, хотя бы вкратцѣ, остановиться на характерѣ внутренней исторіи Босны-Герцеговины въ первую половину XIX вѣка.

Выше было уже указано, что послѣ водворенія въ странѣ турецкаго владычества мѣстный феодальный строй не только не погибъ, но развился, приспособился къ началамъ турецкаго государственнаго устройства, и что фактическими правителями въ Боснѣ-Герцеговинѣ стали не турки, а мѣстные аристократы-феодалы.

Въ частности важнѣйшую роль играли янычары, жившіе исключительно въ Сараевѣ. Во главѣ ихъ стоялъ янычаръ-ага, пользовавшійся громадной силой какъ среди самихъ янычаровъ, такъ и во всей странѣ. Янычары, превратившіеся въ началѣ XIX вѣка во всей турецкой имперіи въ своего рода опричину, были неограниченными хозяевами Сараева. Они, по выраженію мѣстной лѣтописицы (Стаки Скендеревой), «мало боялись Бога, нисколько не боялись султана, а визиря знать не хотѣли». Послѣдній удовлетворялся назначеніемъ кого-либо изъ сараевскихъ беговъ судьбою для христіанъ.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ уже давно создавалось все зло, связанное съ янычарскимъ режимомъ. Янычарскій корпусъ изъ лучшей части султанскаго войска превратился въ необузданную орду облѣбнившихся, привилегированныхъ и хорошо вооруженныхъ солдатъ. Первый рѣшительный шагъ противъ нихъ сдѣлалъ султанъ Селимъ въ 1807 г., образовавъ обученную по европейскому образцу самостоятельную милицію (низамидшедидъ). Янычары смѣстили Селима и поставили на его мѣсто реакцион-

наго Мустафу IV. Но партія прогрессистовъ одержала верхъ, низвергла Мустафу, поставивъ на его мѣсто извѣстнаго своими реформенными проектами Махмуда II (1808 г.).

Уже въ концѣ XVIII вѣка Турціи былъ нанесенъ рядъ жестокихъ ударовъ. Имперія потеряла свою прочность и устойчивость. Въ началѣ XIX вѣка возстаютъ важнѣйшія ея части: въ 1806, 1810, 1816 г.г. идетъ борьба Сербіи за независимость, одновременно Турція выноситъ тяжелую борьбу съ нами; въ 1821 г. воастаетъ Греція; волнуется Египетъ. Преобразование всего строя было крайнею необходимостью, но первымъ дѣломъ надлежало реорганизовать армію. Янычары подняли бунтъ, что повело къ ихъ уничтоженію въ 1826 г. (казнено 15000 и изгнано 20000). Янычарскій корпусъ былъ отмѣненъ навсегда и повсемѣстно.

Турецкая власть утратила, однако, свое обаяніе въ провинціяхъ вообще и въ частности въ Босніи. Указъ объ уничтоженіи янычаръ, обнародованный въ Травникѣ визиремъ Хаджи Мустафой, вызвалъ возмущеніе и изгнаніе его изъ страны (1826 г.). Немедленно былъ назначенъ новый правитель, бывшій Бѣлградскій паша Абдурахманъ, вступившій въ Боснію въ качествѣ подавителя мятежа. Остановившись въ Зворникѣ и быстро укротивъ бунтъ въ городѣ, Абдурахманъ принялся за правителей страны; казни и ссылки скоро подчинили всю Боснію за исключеніемъ Сараева, Травника, Зеницы и Висока. Суть была въ столицѣ—Сараевѣ и на этотъ то городъ Абдурахманъ обратилъ свое главное вниманіе. Ему удалось черезъ посланнаго уполномоченнаго выманить изъ Сараева видныхъ людей для переговоровъ. Беги эти были убиты. Затѣмъ Абдурахманъ, опираясь на помощь спахіевъ противъ янычаръ, въѣхалъ въ Сараево и тутъ то началось систематическое истребленіе послѣднихъ. Имъ рубили головы, ихъ душили; съ головъ обдирали кожу и набивъ ее ватой отсылали въ Стамбулъ. «Спокойствіе» возстановилось. Но босняки съумѣли скоро выжить Абдурахмана. Когда часть его войска была выведена изъ города, то мѣстные мусульмане напали на него и заставили его написать собственноручное самообвиненіе, которое было послано въ Стамбулъ. Абдурахманъ едва живой выѣхалъ въ Травникъ и затѣмъ былъ отозванъ (1828 г.). Его преемникъ Морали прибылъ въ низамской, т. е. сшитый по европейскому образцу, одеждѣ. Это, на ряду съ объявленіемъ реформъ ¹⁾, послужило поводомъ новыхъ

¹⁾ Реформы предусматривали нѣкоторое улучшеніе въ положеніи христіанъ.

волнений. Отъ визиря требовали, чтобы онъ надѣлъ національно-турецкое платье. Чтобы спасти жизнь онъ долженъ былъ бѣжать. Въ Босніи воцарилась анархія, но главныя событія были еще впереди.

Низамская одежда знаменовала реформу не только арміи, но всего строя. Въ этомъ реформаторскомъ движеніи турецкаго правительства мусульманскіе босняки выказали себя крайними консерваторами. Въ новшествахъ они видѣли измѣну вѣрѣ, преданностью къ которой босняки славились. На ремни новой одежды, скрепщавшіеся на груди, указывали какъ на символъ креста; желаніе облегчить участь христіанской раи—было въ глазахъ боснійскихъ беговъ неслыханнымъ покушеніемъ на мусульманскую религію, на привилегіи правовѣрныхъ, поруганіемъ завѣтовъ пророка. Движеніе получаетъ религіозный характеръ.

Священное знамя поднялъ капитанъ (наслѣдственный) Гуссейнъ-Берберли-ага Градашчевичъ (изъ Градишки), «боснійскій змій», какъ его прозвалъ народъ. Вокругъ него собралась масса приверженцевъ; воодушевленіе было громадно и въѣздъ Гуссейна въ Сараево равнялся триумфу.

Вотъ въ это то время, когда потрясались основы турецкаго правительства, и выступаетъ тотъ Али-паша Ризванбеговичъ, о которомъ было сказано выше. Когда визирь Морали провозгласилъ реформы, то представители Босніи отказались принять ихъ, вслѣдствіе чего произошелъ расколъ между этой частью провинціи и Герцеговиною, главнѣйшіе представители которой стали на сторону султана. Эти Герцеговинцы были: Гассанъ бегъ Ресульбеговичъ Требинскій, Измаиль-ага Ченгичъ Гадскій, Башъ-ага Реджепашичъ Невесинскій и *Али-ага Ризванбеговичъ Столацкій*. Босняки составили религіозно-мусульманскую партію, а герцеговинцы оперлись на христіанское, въ частности на православное населеніе.

Али-ага былъ сыномъ Зулфикара Ризванбеговича, капитана Столацкаго, женатаго на двухъ сестрахъ. Отъ перваго брака у него родились Мустай-бегъ и *Хаджи-бегъ* (первоначально Мехмедъ-бегъ), а отъ втораго Дервишъ-бегъ, *Омеръ-бегъ*, *Али-ага* и Халиль-ага. Достигнувъ въ 1802 г. преклоннаго возраста, Зулфикаръ отказался отъ званія капитана, раздѣливъ владѣнія на два удѣла большій, собственно Столацкій, получилъ старшій сынъ Мустай, меньшій—Хутово (на юго-западъ отъ Столаца) достался Хаджи-бегу; сыновья же отъ втораго брака остались безъ удѣла. Это посѣяло раздоръ между братьями. Изъ нихъ младшіе Омеръ. Али и Ха-

лили (Дервишъ былъ убитъ раньше молніей) завоевали себѣ расположение народа, который предложилъ Омеру Столацкое капетанство. Собравъ войско, младшіе братья осадили Столацъ и Хутово. Хутовскому Хаджи-бегу скоро удалось освободиться при помощи французовъ, занимавшихъ въ то время Далмацію. Онъ пошелъ на помощь своему брату Мустаю къ Столацу. Но, не имѣя успѣха, оба брата бѣжали въ Требинье (Мустай вскорѣ умеръ). Впослѣдствіи Омеръ и Хаджи отличились во время борьбы съ сербскимъ возстаніемъ, за что первый получилъ титулъ Мостарскаго паши, второй же, ничего не получивъ, удалился въ Хутово, а освободившееся капетанство Столацкое досталось Али-агѣ. Омеръ, не поладивъ съ мостарцами, бѣжалъ въ Бѣлградъ и былъ тамъ убитъ.

Когда въ 1830 г., вслѣдствіе возстанія Гуссейна, боснійскій визирь Морали долженъ былъ спастись бѣгствомъ, то онъ укрывся въ Столацѣ у Али-аги, не примкнувшаго, какъ сказано, къ мусульманскому движенію.

Выдержавъ нѣкоторое время осаду, визирю удалось пробиться въ Турцію, а Али-ага остался въ Столацѣ. Между тѣмъ, Гуссейнъ собралъ около себя до 40.000 войска. На Косовомъ полѣ онъ выигралъ сраженіе противъ турокъ и затѣмъ соединился съ 20.000 войскомъ албанцевъ, которые тоже возстали, подъ руководствомъ Мустафа-паши. Это громадное войско двинулось побѣдоносно къ Константинополю, которому грозила серьезная опасность. Но скоро босняки и албанцы раздѣлились. Противъ повстанцевъ пошелъ великій визирь Репидъ-паша. Онъ сумѣлъ успокоить босняковъ, обѣщая сохраненіе древнихъ правъ и отмену новыхъ постановленій въ отношеніи христіанъ, албанцы же были на голову разбиты; визирь вторгся въ ихъ страну и здѣсь жестоко подавилъ мятежъ.

Послѣ своихъ успѣховъ противъ турокъ, Гуссейнъ пошелъ на Столацъ и къ нему присоединился изъ Хутова Хаджи-бегъ, братъ Али-аги. Послѣдній предоставилъ мусульманамъ городъ, а самъ заперся въ неприступномъ замкѣ. Осада длилась четыре мѣсяца. Наконецъ Гуссейнъ отозвалъ часть своего войска. Али-ага, произведенный султаномъ въ паши, старался привлечь на свою сторону православныхъ Столаца: «раи! за честной крестъ, за Св. Іоанна», говорили сторонники Али-паши, «царь проститъ вамъ подати и вы будете одинаковы съ турками». И христіанская рая показала себя: вылазка и нападеніе на мусульманъ были столь

стремительны, что тѣ обратились въ бѣгство, Хаджи-бегъ былъ убитъ ¹⁾, побѣда Али-паши была полная.

Борьба продолжалась затѣмъ уже между Гуссейномъ и Али-пашею, причемъ первый являлся представителемъ реакціонной мусульманской партіи, измѣнившей султану, а Али-паша, поддерживаемый христіанами и особенно православными, оставался вѣрнымъ султану и его предначертаніямъ. На выручку правительственной партіи появился наконецъ вновь назначенный боснійскимъ визиремъ Махмутъ-паша съ 30.000 войскомъ. Мусульманскіе повстанцы пошли ему на встрѣчу, но, потерявъ рядъ сраженій, были обращены въ бѣгство, Гуссейнъ же спасся въ Австрію. Махмудъ безпрепятственно въѣхалъ въ Сараево, послѣ чего стоявшее у Столаца мусульманское войско разошлось. Али-паша отправился въ Сараево къ новому визирю, который передалъ ему приказъ султана явиться въ Константинополь. Здѣсь онъ былъ принятъ крайне милостиво и одаренъ. Затѣмъ по приказанію султана онъ съ прибывшимъ съ нимъ изъ Герцеговины отрядомъ принималъ участіе въ борьбѣ противъ Мехмедъ-Алія Египетскаго. Али-пашѣ удалось отличиться и ему было предложено визирство гдѣ онъ пожелаетъ, но онъ ходатайствовалъ объ отдѣленіи Герцеговины отъ Босніи и о назначеніи его наслѣдственнымъ визиремъ въ первой области. Просьба его была уважена. Въ 1833 году онъ торжественно въѣхалъ въ Мостаръ, гдѣ и основалъ свою столицу.

Христіане, благодаря которымъ Али-пашѣ удалось такъ возвеличиться, искренно привѣтствовали «непобѣдимаго» визиря, но онъ обошелся съ ними не такъ ласково, какъ того можно было ожидать. На первомъ же приѣмѣ онъ поспѣшилъ разъяснить свое значеніе для Герцеговины: «никому не надо ходить въ Стамбуль къ царю; вотъ вамъ Стамбуль—Мостаръ, а вотъ вамъ и царь въ Мостарѣ». Христіанамъ онъ категорически заявилъ, что требуетъ спокойствія и «разбоевъ» не потерпитъ. Этимъ было все сказано. Чуть не съ первыхъ дней началось не только притѣсненіе, но прямое преслѣдованіе христіанъ. За малѣйшіе проступки ихъ казнили, обвиняя въ разбоѣ; преступленія магометанъ взваливались на христіанъ. Преслѣдовалось даже богатое платье на христіанскихъ купцахъ и ремесленникахъ: ихъ ловили по воскресеньямъ послѣ обѣдни и заставляли въ праздничной одеждѣ таскать камни

¹⁾ Народная молва приписываетъ его смерть проискамъ Али-аги, которого обвиняютъ въ убійствѣ и Омеръ-бега.

для постройки дворца Али-пашѣ. Мусульмане ликовали и, вспоминая какъ нѣкогда приближенные Али-паши побуждали христіанъ «постоять за честной крестъ», кричали тѣмъ, которые несли бревна: «это то ли дерево отъ честного креста Али-паши?» Христіанъ казнили по простому наговору или подозрѣнію, безъ допроса и суда. Ихъ сажали на колъ между ихъ собственными домами, вѣшали, рубили имъ головы, разстрѣливали; убитыхъ не позволяли хоронить ранѣе 2—3 дней, да и то за особую плату; часто собаки поѣдали валявшіеся трупы. Заборъ дворца Али-паши имѣлъ 150 зубцовъ, которые украшались христіанскими головами, свѣже, принесенныя смѣняли высохшія, которыя просто обрасывались, служа иногда потѣхою для дѣтей. Всѣхъ жертвъ кровожадности Али-паши за 18-ти лѣтнее его управленіе современники (архимандритъ Памучина и іеромонахъ Чокорило) насчитываютъ свыше 1.000 человекъ ¹⁾.

Ненависть Али-паши къ христіанамъ довольно понятна. «Кругомъ осѣло гнурство», такъ говорилъ Али-паша, и онъ былъ правъ. Съ двухъ сторонъ облежали Босну-Герцеговину «гяуры-нѣмцы», съ третьей стороны былъ «свинопасъ изъ Сербіи Милошъ» (Милошъ Обреновичъ), съ четвертой же «попазъ Карадагъ», т. е. митрополитъ Черногорскій Петръ II. Али-паша понималъ, что времена измѣнились, что христіане окрѣпли, что въ неотдаленномъ будущемъ можно было ждать худшаго. Успѣхи православнаго и католическаго населенія, не смотря на всѣ утѣшенія христіанъ, были явны, къ тому же они получали поддержку извнѣ—это было ясно. Сверхъ того Али-паша въ своей борьбѣ противъ Гуссейна какъ бы разрывалъ съ мусульманствомъ, онъ передъ нимъ зарекомендовалъ себя дурно, теперь онъ у власти и надо, чтобы сберечь ее, сохранить миръ съ единовѣрцами.

Такое положеніе не давало возможности Али-пашѣ приступить къ проведенію тѣхъ реформъ, за которыя онъ ранѣе, видимо, ратовалъ самъ. Въ Стамбулѣ посылались крупныя суммы, чтобы умиротворить власти и смягчить ихъ настойчивыя требованія. Боснія, въ свою очередь, не дѣлала ни шагу по пути реформъ. Тамъ умѣли по старому способу справляться съ визирями: ихъ либо задабривали, либо вытѣсняли изъ страны. Такъ тянулся годъ за годомъ. Наступилъ 1850 г. и въ Босніѣ появился во главѣ регулярнаго войска сераскиръ Омеръ-паша, съ приказомъ подчинить Боснію и Гер-

¹⁾ За то же время мусульманъ въ Мостарѣ казнено было только 4 человекъ.

цеговину реформамъ. Али-паша выслалъ къ нему на встрѣчу, отговариваясь самъ болѣзнію, своего сына (говорять съ крупною суммою), но Омеръ-паша не удовольворился этимъ и потребовалъ Али-пашу лично въ Сараево. Герцеговинскій визирь повиновался и былъ принятъ съ почестями. Затѣмъ Омеръ-паша направился далѣе на западъ, для усмиренія недовольныхъ, и Али-паша вернулся въ Мостаръ. Тутъ онъ начинаетъ играть двойную игру. Онъ подстрекаетъ мусульманъ къ вооруженному сопротивленію, самъ же, какъ бы снимая съ себя отвѣтственность, удаляется въ Столацъ. Возставшіе мусульмане потерпѣли, однако, рядъ пораженій, турецкое войско взяло Мостаръ, и Али-паша, интрига котораго была выдана, оказался въ плѣну (1851 г.). При выходѣ Омеръ-паши изъ Мостара Али-пашу повели сначала пѣшкомъ, затѣмъ посадили на шелудиваго лошака. Визирь не стерпѣлъ этой обиды и открыто потребовалъ расправы въ Стамбулѣ, назвавъ Омеръ-пашу «влахомъ», т. е. христіаниномъ, бросая ему этимъ, такъ какъ онъ былъ ранѣе христіаниномъ, упрекъ за его ренегатство. Но Али-пашу уже ничто не могло спасти. Омеръ направился въ Крайну (сѣверо-западная часть Босніи) для усмиренія мятежа. Здѣсь Али-паша «нечаянно» былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья.

Омеръ-паша сломалъ вольности Босны-Герцеговины, старый аристократическій строй былъ уничтоженъ, реформы введены. Христіане получили право представительства въ судѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были обезоружены. Старыхъ наследственныхъ правителей смѣнили турецкіе чиновники. Подати возрасли, увеличились разнаго рода поборы. Послѣ Омеръ-паши вновь соединенныя въ одно визирство Боснія и Герцеговина вступаютъ въ новую эру, которая знаменуется усиленнымъ притѣсненіемъ христіанъ. Ихъ по старому жмутъ свои беги и аги, кромѣ того изъ нихъ высасываютъ соки турецкіе чиновники. Босна-Герцеговина теряетъ автономію и превращается въ турецкую провинцію въ полномъ смыслѣ слова. Послѣдствія извѣстны: возстаніе, а затѣмъ оккупация Австро-Венгеріею.

Л и т е р а т у р а.

По предметамъ, затронутымъ въ этой главѣ, надлежитъ отмѣтить особо слѣдующіе источники.

Описаніе Турецкой имперіи, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII вѣкѣ (Прав. Палест. Сборн., вып. 30 Спб. 1890).

Стажа Скендерева.—Лѣтопись Босніи 1825—1856 г., съ предисловіемъ А. Гильердинга. (Собраніе сочиненій А. Гильердинга, т. III Спб., 1873 г.).

Гермоначъ Прокопій Чокорило.—Лѣтопись Герцеговины 1831—1857 г. (Собраніе сочиненій Гильердинга, т. III, Спб., 1873 г.).

Архимандритъ Іоанникій Памучина.—Жизнь Али-Паши Ризванбеговича Стольчакина, визиря Герцеговинскаго. (Въ собраніи сочиненій А. Гильердинга, т. III, Спб., 1873 г.).

Hörmann.—Die Kula des Hadži-Beg in Hutovo. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Реек.—Die ottomanischen Statthalter in Bosnien (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Ruvargac.—Die Privilegien des Hauses Ohmučević-Grgurić. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Defterdarović.—Alte Briefschaften der Familie Resulbegović. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).

Basagić.—Der älteste Ferman der Čengić-Begs. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).

Реек.—Achmed Pascha Hercegović. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Jireček.—Die Edelleute von Hum. (W. M. a. B. u. H., 1895, III).

Реек.—Ein berühmter Sprössling Bosniens. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

XI.

Землевладѣніе и благосостояніе страны.

Виды землевладѣнія. Аграрный вопросъ. Естественныя богатства Босны-Герцеговины. Сельское хозяйство. Промышленность. Бюджетъ.

Въ тѣсной связи съ феодально-аристократическимъ строемъ Босны - Герцеговины стоитъ характеръ землевладѣнія и землепользованія. Какъ извѣстно, повсюду, гдѣ подъ властью Турціи находились мусульмане и христіане, между ними, какъ гражданами, существовало громадное различіе. Оно вытекало изъ убѣжденія, что мусульманинъ—господинъ, а христіанинъ—полурабъ. Поэтому первый былъ воиномъ и землевладѣльцемъ, второй же работникомъ и безземельной податной душой. Такое различіе въ правѣ на землю, пустившее глубокіе корни въ жизни босно-герцеговинцевъ, создало уже давно важнѣйшій и труднѣйшій для разрѣшенія вопросъ—о землевладѣніи, «о кметахъ». Начало его относится обыкновенно ко времени водворенія въ странѣ турокъ. Предполагается именно, что Магометъ II, присоединивъ покоренную территорию къ своей имперіи, раздѣлилъ землю на три разряда: на землю государственную, доходы съ которой поступаютъ въ казну, на землю церковныхъ и благотворительныхъ учреждений (вакуфъ) и на владѣльческую землю, данную въ пользованіе мусульманамъ, т. е. тѣмъ, которые не только согласились добровольно признать новую власть, но и вполне покорились ей, принявъ вѣру побѣдителей. Между тѣмъ, подобное раздѣленіе земли, повидимому, слѣдуетъ отнести къ гораздо болѣе раннимъ временамъ, чѣмъ время паденія Босніи. Существующій характеръ землевладѣнія несетъ всѣ признаки порядка, установившагося издавна въ нѣкоторыхъ частяхъ сербской территоріи, а быть можетъ и вообще у сербскаго народа. Такъ, въ сосѣдней Зетѣ въ XV вѣкѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ не существовало и земля раздѣлялась на цареву,

церковную и властельскую, народъ же, обработывавшій землю, состоялъ изъ кметовъ, т. е. арендаторовъ (Ровинскій). Подобное положеніе, наблюдавшееся въ Боснѣ-Герцеговинѣ въ турецкое время, существуетъ въ основныхъ чертахъ и понынѣ. При этомъ надо отмѣтить, что кметъ-христіанинъ, арендаторъ земли у владѣльца мусульманина, не былъ крѣпостнымъ его. Положеніе подчасъ фактически было болѣе тяжелымъ и невыносимымъ, чѣмъ положеніе крѣпостного въ другихъ странахъ, тѣмъ не менѣе юридически онъ былъ свободенъ, такъ какъ онъ имѣлъ право мѣнять своего хозяина, свободно оставлять свой участокъ и браться за обработку земли у другого помѣщика, конечно съ его согласія. Но фактически реализовать это право было трудно, такъ какъ кметъ часто былъ въ долгу у своего хозяина, найти свободный участокъ было нелегко, да и помѣщикъ могъ, благодаря своей силѣ и вліянію, не допустить фактически безправнаго кмета переселяться на другіе участки. Теоретически же означенное право все-таки существовало. Правда, возраставшая съ теченіемъ времени сила помѣщиковъ-мусульманъ, ихъ полноправіе и безнаказанность приводили къ попыткамъ закабаленія кметовъ, (въ этомъ отношеніи можно въ прошломъ Босны-Герцеговины наблюдать процессъ, имѣвшій мѣсто нѣкогда у насъ), но провести закрѣпощеніе кметовъ мусульманамъ не удалось, главнымъ образомъ оттого, что указанныя попытки—требованіе барщины—сдѣлались обычными лишь въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, т. е. тогда, когда во внутреннія дѣла Турціи авторитетно вмѣшивались европейскія державы, и Турція вынуждалась, такъ или иначе, принимать мѣры къ облегченію положенія христіанъ.

Раздѣленіе земли на государственную, вакуфную и частновладѣльческую обозначаетъ владѣніе лишь въ самыхъ общихъ, такъ сказать, теоретическихъ чертахъ. Въ дѣйствительности оно въ Боснѣ-Герцеговинѣ крайне сложно. Въ основу его легли древніе мѣстные «законы», которые мѣнялись соотвѣтственно вновь устанавливавшимся обычаямъ, при этомъ не безъ вліянія со стороны сосѣдей. Разбираясь въ типахъ босно-герцеговинскаго землевладѣнія, можно найти равнородныя его основанія, происхожденіе которыхъ отыскать очень трудно. На мѣстную средневѣковую, нестройную систему землевладѣнія наслоилось мусульманское право, осложнившееся, въ свою очередь, мѣстнымъ обычаемъ.

Турецкій законъ 1758 года старался положить основаніе регулированію землевладѣнія. Согласно этому законоположенію, можно,

примѣняя наши понятія, различить: землю *чисто частнаго владѣнія*, не отягченную податями—*мулькъ*, усадьбы при домахъ, составляющіе поселеніе; далѣе землю *собственно государственную*, къ которой принадлежит все необработанное пространство и весь лѣсъ (съ 1850 г.) и, наконецъ, *чисто вакуфную землю*, т. е. землю, предназначенную на содержаніе мечетей, богоугодныхъ заведеній, школъ, бань и колодцевъ. Затѣмъ существуетъ, такъ сказать, *посредственная государственная* земля, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть ограниченная частная собственность:—*эразириѣ или миріѣ*; либо ею владѣютъ частныя лица, либо земля эта считается вакуфной. Подобнаго рода земли обложены десятиною (десятою частью дохода) въ пользу казны. Этотъ видъ землевладѣнія своеобразенъ. Съ одной стороны, владѣлецъ подобной земли ея собственникъ, такъ какъ онъ можетъ ее продать, но онъ не въ правѣ оставлять эту землю безъ обработки. Вакуфная земля второго типа въ теченіе времени привела къ своего рода сервитутамъ, такъ какъ въ пользу церковныхъ, благотворительныхъ и другихъ богоугодныхъ заведеній предоставлялась иногда не вся земля, а извѣстная доля ея или же, что еще сложнѣе, извѣстная доля или извѣстный видъ ея дохода. Вопросъ о вакуфныхъ земляхъ еще болѣе осложняется тѣмъ, что онѣ могутъ быть обрабатываемы при сохраненіи хозяйства въ рукахъ даннаго учрежденія, или же быть отдаваемы въ аренду; подобные вакуфы могутъ быть перепроданы, но съ переложеніемъ извѣстныхъ въ пользу учреждений обязательствъ. Наконецъ, частное владѣніе можетъ быть *частью* ограниченной, т. е. обложенной десятиною (напр. собственно земля), частью свободной собственностью (фруктовые деревья). Сверхъ указанныхъ видовъ землевладѣнія, допущено, по закону 1758 г., христіанское владѣніе землею, т. е. владѣніе землями, ранѣе бывшими въ собственности христіанъ, при условіи (сверхъ другихъ повинностей) платежа за освобожденіе отъ воинской повинности. Указанные типы землевладѣнія не всегда существуютъ въ ихъ чистомъ видѣ. Напротивъ того, многочисленныя комбинаціи создали, въ концѣ концовъ, какъ бы новые весьма сложные типы землевладѣнія. Означенный законъ важенъ между прочимъ тѣмъ, что онъ признаетъ землевладѣніе христіанскихъ церковныхъ учреждений. Приобрѣтать новые земельные участки они не имѣли права, но за ними по закону сохранялось ранѣе приобретенное. До 1839 г. существовалъ еще одинъ видъ землевладѣнія—*спатмукъ*. Онъ до извѣстной степени соотвѣтствовалъ нашему

древнему *помѣстью*. Спахилукъ давался въ пожизненное владѣніе спахія́мъ, которые несли за это военную службу. Право спахія заключалось въ правѣ пользованія казенною десятиною, т. е. десятою частью урожая, и не распространялось на арендную плату кметовъ (третину); послѣднюю взималъ въ свою пользу тотъ, который владѣлъ даннымъ имѣніемъ на правѣ *эразиміріе* (миріе). Такимъ лицомъ могъ быть, конечно, и самъ спахій. Какъ у насъ существовало стремленіе превратить находившееся въ пожизненномъ владѣніи помѣстье въ наслѣдственную *вотчину*, такъ и въ Боснѣ-Герцеговинѣ спахія старались сдѣлать свое право наслѣдственнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если спахилукъ совпадалъ съ эразиміріе, имѣніе превращалось бы въ *мулкъ*. Этому стремленію турецкое правительство положило рѣшительный предѣлъ въ 1839 г. Нынѣ спахилуковъ, какъ таковыхъ, не существуетъ, но есть имѣнія, въ которыхъ право пользованія казенною десятиною предоставлено богоугоднымъ учрежденіямъ. Такія имѣнія представляютъ своеобразный типъ *вакуфа*.

Въ разсказахъ и преданіяхъ стариковъ сохранилась память о постепенномъ отягченіи положенія христіанъ-кметовъ. Конечно, не все въ этихъ разсказахъ можетъ быть принято безусловно на вѣру, но тѣмъ не менѣе основанія процесса усиленія владѣльческой власти и ослабленія правъ арендаторовъ представляются послѣдовательными и логичными. Соотвѣтственно этимъ разсказамъ, процессъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, шелъ слѣдующимъ образомъ. Лишились своей земли тѣ изъ помѣщиковъ, которые не пожелали перейти въ мусульманство, но народу земля была оставлена, не взирая на его вѣроисповѣданіе (предполагается, повидимому, что населеніе нѣкогда владѣло землею). Когда Боснія, въ теченіе вѣковъ, наводнялась турками во время ихъ войнъ съ Венгріею и Австріею, то христіанское населеніе бѣжало и его землею завладѣли мусульмане. Въ XVIII вѣкѣ бѣглецы и ихъ потомки начали возвращаться изъ Австріи и Сербіи и селиться на мусульманскихъ земляхъ въ Посавинѣ (въ Посавьѣ), Подриньѣ и Крайнѣ (сѣверо-западный уголъ Босніи) и раздѣлывать участки. Этимъ путемъ они становились арендаторами на льготныхъ условіяхъ: они платили ховяину девятую часть урожая и небольшую долю продуктовъ скотоводства за пользованіе сѣнокосами и пастбищами. Въ коренной Босніи мусульмане раздѣлывали землю сами (очевидно при помощи батраковъ); это обстоятельство, а равно большой спросъ на земельные участки со стороны хри-

стіанъ, побудилъ землевладѣльцевъ сдавать участки на болѣе тяжелыхъ условіяхъ: за седьмую, пятую и третью часть урожая, кромѣ извѣстной доли продуктовъ скотоводства, но вмѣстѣ съ тѣмъ хозяинъ предоставлялъ арендатору сельско-хозяйственный инвентарь. На ряду съ этимъ, мусульманскіе землевладѣльцы стали возлагать съ XVIII столѣтія барщину на своихъ кметовъ, постепенно ее увеличивая. Когда барщина и съ нею арендная плата сдѣлались совершенно непосильными, христіанское населеніе (въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія) жаловалось султану, вслѣдствіе чего послѣдовала отмѣна барщины. Теряя отъ новаго порядка (впрочемъ въ Босніи въ дѣйствительности непримѣннаго) значительную часть своихъ доходовъ, боснійскіе беги, отмѣнивъ барщину, самовольно увеличили арендную плату повсемѣстно до трети урожая.

Въ этомъ поступкѣ землевладѣльцевъ ничего не было *противозаконнаго*, такъ какъ отношенія ихъ къ кметамъ не были ничѣмъ нормированы и зиждились на добровольномъ соглашеніи. Кметъ продолжалъ оставаться свободнымъ, не прикрѣпленнымъ къ землѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и землевладѣлецъ сохранялъ право прогнать своего кмета, даже если онъ былъ «наслѣдственнымъ», т. е. владѣлъ участкомъ, получая его изъ рода въ родъ, такъ какъ узаконенной наслѣдственности совсѣмъ не существовало.

Конечно, исторія развитія землевладѣнія и землепользованія была въ дѣйствительности гораздо сложнѣе, чѣмъ о томъ говорить преданіе, но, какъ бы то ни было, можно съ достаточною вѣроятностію предположить, что положеніе христіанъ-кметовъ съ теченіемъ времени ухудшалось, хотя бы потому, что аппетиты землевладѣльцевъ-мусульманъ возрастали.

Въ древнія турецкія времена христіане не имѣли права владѣть землею. Когда установилось такое положеніе въ Босніи и слѣдуетъ ли, какъ передаетъ преданіе, отнести его ко времени Магомета II, сказать очень трудно, такъ же какъ и то, когда собственно образовался классъ кметовъ-мусульманъ. Закономъ 1758 г. сохранялись за христіанами ранѣе ими пріобрѣтенныя земли, но не допускалось расширенія христіанской земельной собственности. При введеніи въ 1848 г. общей поземельной подати, которою были обязаны не только христіане, но и мусульмане, экономическое состояніе землевладѣльцевъ пошатнулось, земля стала уходить изъ ихъ рукъ въ руки христіанъ, капиталистовъ-купцовъ. Это могло случиться, конечно, лишь во время

паденія турецкаго могущества и вмѣстѣ съ тѣмъ эмансипаціи извѣстной части христіанскаго населенія. Поземельная подать была отмѣнена въ 1852 г. и одновременно были приняты строгія мѣры къ недопущенію христіанъ къ землевладѣнію. Но паденіе турецкаго режима было уже предрѣшено, старые мусульманскіе идеалы, вмѣстѣ съ ослабленіемъ силы и власти турокъ, пошатнулись, и исподволь стало, хотя медленно и слабо, развиваться христіанское и преимущественно православное землевладѣніе. Въ старину даже въ тѣхъ случаяхъ, когда христіане разрабатывали пустоши, «ничью землю», ихъ и тогда превращали въ кметовъ; сосѣдніе землевладѣльцы предъявляли свои права на раздѣланные участки, или же они объявлялись вакуфными землями. Недостатокъ въ писанномъ и кодифицированномъ законѣ крайне отягощалъ положеніе христіанъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ позднѣйшее время дозволилъ христіанамъ, правда путемъ большого труда и крупныхъ тратъ на подкупы, достигать того, что, въ сущности, закономъ и священнымъ обычаемъ было строгаѣе запрещено.

Кметство могло бы быть терпимымъ лишь при условіи равенства всѣхъ вѣроисповѣданій и строгой поднадзорной нормировки взаимныхъ отношеній землевладѣльцевъ и арендаторовъ. Ни того, ни другого, конечно, въ турецкія времена не было и отъ такого положенія вещей происходили всѣ бѣды, которыми преисполнена судьба многострадальной боснійской «рай». Было бы излишне описывать все то, что выносило христіанское населеніе, особенно земледѣльческаго класса въ турецкія времена. Болѣе или менѣе это всѣмъ извѣстно изъ событій, происходившихъ еще такъ недавно въ другихъ частяхъ Турецкой имперіи. Фактическое малоземелье, т. е. недостаточность земли, отданной подъ культуру въ сравненіи съ количествомъ предлагавшихся рабочихъ рукъ, породило классъ сельскихъ батраковъ. Мусульмане-землевладѣльцы, представлявшіе служилое дворянство (за службу свою они и пользовались правомъ владѣнія землею), не были въ состояніи создать настоящій земельный классъ, который бы не только пользовался тѣмъ, что имѣлъ, но и развивалъ бы свое хозяйство какъ территориально, такъ и примѣненіемъ болѣе высокой культуры. Повтому классъ бродящихъ батраковъ постепенно увеличивался, въ столь богатой землею Босніи получился безземельный классъ сельскихъ пролетаріевъ. Къ сожалѣнію, тѣ христіане, которымъ удалось сдѣлаться землевладѣльцами, не шли на помощь такимъ бѣднымъ иновѣрцамъ, а напротивъ того (по свидѣтельству

Гильфердинга) въ своемъ безжалостномъ отношеніи къ кметамъ нерѣдко превосходили своихъ мусульманскихъ собратьевъ.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе земледѣльческаго класса въ Босніи въ турецкія времена. Что касается землевладѣльца, который все же почти безъ исключеній продолжалъ оставаться мусульманиномъ, то его экономическое положеніе отнюдь не было блестящимъ. Ему не доставало устойчивости. Всякое болѣе или менѣе коренное измѣненіе въ господствовавшемъ режимѣ должно было въ основаніи поколебать его экономическое положеніе. Благо-состояніе кметовъ, въ числѣ которыхъ въ концѣ концовъ оказалось много и мусульманъ, въ значительной степени зиждилось на благополучіи землевладѣльцевъ-арендодателей, такъ какъ обѣдненіе послѣднихъ могло лишь ухудшить условія аренды, тяжесть которой уже достигла крайнихъ предѣловъ.

На долю оккупационнаго правительства выпала труднѣйшая задача урегулировать аграрный вопросъ, по возможности въ пользу кметовъ, но не подрывая и землевладѣльцевъ-мусульманъ. Трудность задачи увеличивалась сложностью системы землевладѣнія. Такъ какъ неразработанность писаннаго законодательства въ высшей степени осложнила виды землепользованія, то австро-венгерскому оккупационному правительству предстояло строго опредѣлить права помѣщиковъ на землю и характеръ этихъ правъ, урегулировать ихъ отношеніе къ кметамъ и кромѣ того установить права образовавшагося съ теченіемъ времени довольно многочисленнаго класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, т. е. тѣхъ крестьянъ (преимущественно мусульманъ), которые изъ арендаторовъ (кметовъ) превратились въ собственниковъ своихъ участковъ, не рѣдко, быть можетъ, жертвуя за это своею вѣрою. Если бы Австро-Венгрія была полнымъ хозяиномъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ, то она, вѣроятно, взялась бы энергичнѣе за урегулированіе аграрнаго вопроса. Она могла бы—очевидно и сдѣлала бы это—обезземелить мусульманскій владѣльческій классъ, могла бы выкупить (этого впрочемъ власти не сдѣлали бы) занимаемую кметами землю, надѣлать ею этихъ арендаторовъ, съ правомъ выкупа или на основаніяхъ вѣчной наслѣдственной аренды, или изыскать иные способы для обезпеченія земледѣльческаго класса. Но въ виду того, что Австро-Венгрія юридически лишь временный управляющій, такъ сказать, исправляющій должность хозяина Босны-Герцеговины, то у нея руки въ значительной степени связаны. Поэтому она считала себя вынужденной признать законъ 1758 г. и вести аграрное

дѣло въ духѣ этого несправедливаго, несовершеннаго и даже неполнаго законоположенія. Быть можетъ, въ этомъ есть своя доля добра, такъ какъ съ болѣею вѣроятностью можно предположить, что, будь у Австро-Венгріи руки свободны, она быстро бы замѣнила мусульманскихъ владѣльцевъ землевладѣльцами изъ имперіи и каково бы было тогда отношеніе между владѣльцами и земледѣльцами и къ чему бы привели новыя отношенія—предугадать нетрудно. Австро-Венгріи неизвѣстенъ земельный вопросъ въ томъ видѣ, какъ мы привыкли его видѣть у себя: со всею насущностью и сложностью этого вопроса. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія западно-европейской, вопросъ о кметствѣ ничего не имѣетъ въ себѣ принципиально дурнаго. Подобная система, столь чуждая коренной Россіи, существуетъ и по сіе время въ нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ еще въ очень недавнее время система эта приводила къ крайне неблагопріятнымъ для крестьянъ результатамъ. Урегулированіе отношенія послѣднихъ съ арендодателемъ въ означенныхъ губерніяхъ потребовало ряда законоположеній и административныхъ распоряженій, а для наблюденія за новымъ порядкомъ пришлось учредить новыя спеціальныя органы въ лицѣ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Система осталась та же самая и понынѣ, но наиболѣе неблагопріятныя слѣдствія ея парализовались наблюденіями административной власти. Это повело къ продажѣ крестьянскихъ участковъ при помощи кредитныхъ учреждений. Подобнаго метода, на худой конецъ, надлежало придерживаться и Австро-Венгріи. Этимъ въ предѣлахъ возможности были бы соблюдены интересы какъ землевладѣльцевъ, такъ и земледѣльцевъ. Препятствіе, являющееся въ податной системѣ, существующей въ Босніи-Герцеговинѣ, слѣдовало бы устранить, преобразивъ всю систему податей, устарѣлую и нецѣлесообразную. Взявшись за эти два важнѣйшіе въ странѣ вопроса со всею энергіею, оккупационное правительство сдѣлало бы дѣйствительно серьезное дѣло, правда дѣло не шумное, не бросающееся въ глаза, но дѣло государственное, во всемъ значеніи этого слова.

Отказавшись отъ коренныхъ реформъ и признавъ принципы наличнаго землевладѣльческаго строя возможными, Австро-Венгрія обратила вниманіе лишь на существовавшій ранѣе произволъ. Для уничтоженія его, равно какъ неопредѣленности фактическихъ правъ кметовъ, оккупационное правительство направило свои силы на регулированіе отношеній арендодателя и арендатора на законныхъ основаніяхъ. Надо было, дабы имѣть надлежащій матеріалъ

въ рукахъ, составить точный кадастръ. За эту работу правительство взялось въ 1880 г. и окончило ее черезъ семь лѣтъ. Только послѣ этого труда можно было взяться за урегулированіе землевладѣнія и землепользованія, въ которое нынѣ и внесены значительный порядокъ, хотя коренныхъ измѣненій въ самой системѣ произведено не было и, сколько извѣстно, произвести не предполагается. Надо еще отмѣтить, что количество мелкихъ земельныхъ собственниковъ, за время оккупациі провинціи, довольно значительно увеличилось ¹⁾. Впрочемъ, число ихъ непрерывно расло уже въ турецкіе годы. Что же касается новѣйшаго времени, то мѣстное правительство упрекается въ пристрастіи къ католикамъ въ ущербъ православнымъ и мусульманамъ и особенно въ ущербъ первымъ ²⁾.

Урегулированіе отношеній арендаторовъ и землевладѣльцевъ произведено оккупационнымъ правительствомъ на основаніи изданнаго Турціей въ 1859 г., но не приведеннаго имъ въ исполненіе, законоположенія. Этимъ узаконеніемъ, лежащимъ въ основѣ современныхъ кметовыхъ отношеній, установлено въ общихъ чертахъ слѣдующее. Кметъ обязанъ отчислять отъ урожая обрабатываемаго имъ участка первымъ дѣломъ десятую часть (десятину) въ качествѣ государственнаго земельного налога, изъ остальной части онъ обязанъ отдавать одну треть (третину) арендодателю, двѣ же части онъ оставляетъ себѣ. Такимъ образомъ, кметъ пользуется теоретически 60 % своего урожая. Постройка и починка строеній лежатъ на обязанности землевладѣльца. Барщина, во всѣхъ ея видахъ, не допускается. Право удаленія кмета съ его участка предоставляется въ случаѣ запущенія послѣдняго или не уплаты причитающихся съ кмета десятины и третины; въ противномъ случаѣ кметъ удаленъ съ участка быть не можетъ, равно какъ и его семья, въ случаѣ его смерти. Участокъ считается вообще (по древнему обычаю) въ арендѣ собственно не кмета, а той «задруги», главою которой онъ состоитъ. Съ своей стороны, кметъ въ правѣ оставить свой участокъ, но при условіи увѣдомленія о

¹⁾ По переписи 1895 г. въ странѣ значилось: а) землевладѣльцевъ (помѣщиковъ) съ семьями—33.475; б) душъ, сидящихъ на собственныхъ крестьянскихъ участкахъ—534.530; в) кметскихъ душъ—599.853; г) душъ полукметовъ, полусобственниковъ—176.509.

²⁾ Развитію католическаго (крестьянскаго) землевладѣнія содѣйствуетъ римская пропаганда, облегчающая черезъ Сараевскаго архіепископа для крестьянъ-католиковъ условія кредита при покупкѣ земельныхъ участковъ.

семъ хозяина послѣ окончанія молотьбы. Землевладѣлецъ не въ правѣ, при посѣщеніи участка кмета, требовать отъ него помѣщенія для житія и содержанія.

Составленный на этихъ главныхъ основаніяхъ писанный законъ 1859 г., какъ видно, значительно облегчаетъ положеніе кмета, а главное такъ или иначе опредѣленно регулируетъ его отношеніе къ землевладѣльцу. Но арендательская система повсюду и всегда создаетъ и будетъ создавать для кмета то положеніе, которое фактически обуславливаетъ его крайнюю зависимость отъ землевладѣльца, права котораго въ дѣйствительности всегда будутъ большія, чѣмъ предоставленныя ему закономъ, права же кмета остаются шаткими, даже при самомъ добромъ желаніи властей. Кметовая система уже давно осуждена и теоріею и практикою, но, существуя еще въ недавнее время повсемѣстно въ Западной Европѣ, существуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, въ томъ числѣ и въ Австріи, и понынѣ, она не могла представляться австро-венгерскому правительству чѣмъ либо нетерпимымъ для Босніи. Поэтому въ австрійской, благопріятной для оккупационнаго правительства, печати неоднократно отмѣчалось, что положеніе босно-герцеговинскихъ кметовъ (юридически) лучше, чѣмъ положеніе австрійскихъ арендаторовъ, что боснійскій кметъ достаточно обезпеченъ доходами для безбѣднаго существованія. Не вдаваясь въ сравненіе положенія босняка, какъ земледѣльца, съ положеніемъ земледѣльцевъ другихъ странъ, нельзя не отмѣтить совершенно невозможную систему взысканія государственной подати и арендной платы, о которой было сказано выше. Въ основѣ ея лежитъ принципъ подоходнаго обложенія, принципъ, конечно, справедливый, но способъ опредѣленія самого дохода вполнѣ шатокъ. Кметъ, естественно, стремится къ умаленію своего урожая, другая сторона—землевладѣлецъ и органы правительства стремятся къ противоположному, а такъ какъ кметъ слабѣе и того и другого, то понятно, что въ ущербъ оказывается именно онъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить то, что десятина и третина за послѣднее время взыскиваются не такъ какъ въ старину натурою, а деньгами, что для кмета, по понятнымъ причинамъ, до крайности тяжело. Невозможно учесть, какой собственно процентъ дохода имѣетъ отъ своего участка босно-герцеговинскій кметъ, потому что для этого необходимо было бы детальное изслѣдованіе экономическаго положенія населенія, но ясно, что, получая даже 60% своего урожая, кметъ собственно пользуется весьма немногимъ, такъ какъ изъ

полученной суммы продуктовъ надо вычесть сумму, ушедшую на посѣвъ, не говоря уже объ учетѣ примѣненнаго тяжелаго земледѣльческаго труда, а равно о податяхъ разнаго рода.

Вся изложенная система могла представляться логичной въ старину, но никомъ образомъ не теперь. Дѣло въ томъ, что въ турецкія времена землевладѣлецъ совсѣмъ не былъ свободенъ отъ повинностей, онъ получалъ свою землю и владѣлъ ею съ обязательствомъ нести военную службу, которая въ старину, при частыхъ войнахъ, была далеко не легка. Въ вознагражденіе за эту тягость мусульманинъ пользовался землею, получая свою третину отъ христіанина-кмета, освобожденнаго отъ воинской повинности. Чѣмъ же, спрашивается, теперь оправдывается сохраненіе старой и устарѣлой системы? Воинскую повинность несутъ одинаково представители всѣхъ вѣроисповѣданій въ странѣ на общихъ въ Австро-Венгріи (и тяжелыхъ надо отмѣтить) основаніяхъ. Измѣнившіяся условія оправдывали бы и измѣненіе всего аграрнаго строя въ корнѣ. Между тѣмъ, христіанское населеніе, составляющее большую часть кметовъ, продолжаетъ находиться, такъ или иначе, въ рукахъ мусульманскихъ землевладѣльцевъ. Послѣдніе не должны быть смѣшиваемы съ исторически сложившимся дворянскимъ сословіемъ въ другихъ странахъ, сословіемъ, которое, равнымъ образомъ, пользовалось землею за службу, но впоследствии, переставъ нести возложенную на него тягость, выдвинулось въ *передовой* классъ. Въ Босніи-Герцеговинѣ же, оторванной отъ турецкой монархіи, поставленной внѣ дѣйствія ея законодательства, нынѣ на мусульманъ-землевладѣльцевъ никакихъ обязанностей, связанныхъ съ интересами страны, не возложено и вмѣстѣ съ тѣмъ они являются не только не передовымъ классомъ, но и отстающимъ въ образованности и культурности отъ классовъ христіанскаго исповѣданія.

Вполнѣ понятно, что браться за переустройство аграрнаго строя для всякаго правительства въ высшей степени трудно, особенно тамъ, гдѣ съ стародавнихъ временъ наслонилась масса особенностей, обычаевъ, до которыхъ прикасаться можно лишь съ большою осторожностью. Но если принять во вниманіе сколько и труда и мѣстныхъ средствъ израсходовано оккупационнымъ правительствомъ въ Босніи-Герцеговинѣ на учрежденіе того, что народонаселенію, по его культурному состоянію, вовсе ненужно—можно смѣло бросить этому правительству упрекъ, что оно не взялось за самую существенную сторону жизни народа, преслѣдуя

совершенно инья цѣли, не стоящая ни въ какой связи съ благомъ собственно Босны-Герцеговины.

Въ тѣсномъ единеніи съ вопросомъ о землевладѣніи и землепользованіи стоитъ вопросъ и о земледѣліи. Излишне распространяться о низкомъ уровнѣ его въ турецкое время. Это само собою понятно. Понятно также сколь трудно въ непродолжительное время измѣнить способъ использования земли и поднять степень ея культуры. Вѣковыя привычки искореняются не легко, рекомендованные новые методы прививаются съ трудомъ. Поэтому нельзя присоединиться къ голосу тѣхъ, которые осуждаютъ и въ этомъ отношеніи оккупационное правительство. Но какъ во многомъ другомъ, такъ и въ вопросѣ о поднятіи земледѣльческой культуры страны въ дѣятельности оккупационнаго правительства есть, къ сожалѣнію, много дутаго и показного. Эта фальшь стоитъ въ тѣснѣйшей и непремѣнной связи съ тѣмъ фальшивымъ положеніемъ, въ которомъ находится мѣстное правительство, вынужденное работать передъ глазами Европы, чтобы, такъ сказать, выслужить для Австро-Венгріи право на вѣчное владѣніе оккупационной провинціею.

Въ дѣятельности мѣстныхъ властей надо съ похвалою указать на организованное сельскохозяйственное обученіе, которое не можетъ, рано или поздно, не принести своихъ плодовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить учрежденій чисто показного характера: образцовыхъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, опытныхъ станцій и т. п. Размѣръ вложенныхъ въ нихъ капиталовъ, а равно примененный въ этихъ учрежденіяхъ высокій культурный методъ, не достигаютъ цѣли, такъ какъ образцовыя хозяйства годны только для значительныхъ и хорошо специально подготовленныхъ помѣщиковъ. Означенныя учрежденія даютъ, правда, возможность экспонировать на выставкахъ прекрасные экземпляры плодовъ, въ дѣйствительности въ Боснѣ-Герцеговинѣ совсѣмъ не произрастающихъ, но результатовъ для крестьянскаго хозяйства они, конечно, никакихъ имѣть не могутъ. Впрочемъ, слѣдуетъ указать на совершенно новый, только что вводимый въ практику методъ: учрежденія небольшихъ крестьянскихъ образцовыхъ хозяйствъ. Результаты его пока еще не могутъ быть оцѣниваемы.

По официальнымъ отчетамъ, можно отмѣтить, что правительствомъ въ отношеніи сельскаго хозяйства и вообще благосостоянія сельскаго населенія сдѣлано слѣдующее: устроены пути сообщенія, организовано ветеринарное дѣло, урегулировано поль-

зованіе лѣсомъ, учрежденъ сельскохозяйственный фондъ для ссудъ (за 4—6%), устроены: сельскохозяйственные (4), фруктово-винодѣльные (3) станціи, образцовыя хозяйства (16), конюшни для улучшенія породы лошадей, скачки, открыты (кромя школь) воскресные курсы. Сверхъ того привлечены въ страну колонисты, частью изъ Германіи, частью изъ Австро-Венгріи въ количествѣ 928 семействъ и 5,267 душъ. Последняя мѣра имѣетъ болѣе политическое, очевидно, чѣмъ экономическое значеніе.

На сельское хозяйство, вообще, мѣстнымъ правительствомъ расходуется ежегодно довольно значительная сумма. По бюджету на 1901 г. на сельскохозяйственныя надобности (включая сюда коневодство, скотоводство, субсидіи и т. д.) опредѣлено 977.538 кр., въ томъ числѣ 10.000 р. на колонизаціонныя цѣли. Доходы съ казенныхъ предпріятій сельскохозяйственнаго характера ожидаются сравнительно незначительныя—270.000 кронъ. Такимъ образомъ казна разсчитываетъ на убытки въ 707.538 кронъ или въ 283.015 рублей. Половина дохода ожидается отъ скотоводства, остальные же статьи значатся по указанному бюджету съ малыми доходными поступленіями или совсѣмъ бездоходными.

Босна-Герцеговина имѣетъ всѣ факторы, чтобы населеніе ея было богато. Край изобильно одаренъ природою ¹⁾. При сравнительно суровомъ климатѣ, Боснія какъ бы вознаграждается обиліемъ плодородной почвы, тогда какъ въ Герцеговинѣ, состоящей въ значительной части изъ неплодородныхъ скалъ, благодаря жаркому климату, произрастаютъ богато вознаграждающія сельскаго хозяина растенія. Обѣ части страны изобилуютъ фруктами, соотвѣтствующими мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Но главное богатство состоитъ въ лѣсѣ ²⁾; въ этомъ отношеніи Боснію можно прямо назвать царствомъ лѣсовъ, ими покрыто большинство горъ. Въ Посавѣ (Посавинѣ) растетъ преимущественно дубъ, въ центрѣ страны—букъ, а на болѣе высокихъ горахъ хвойный лѣсъ.

Босну-Герцеговину можно раздѣлить на три главныхъ раіона, сѣверный, идущій довольно широкой полосой болѣе или менѣе параллельно Савѣ, гористый (холмистый, 24% всей площади); два остальныхъ раіона тянутся клинообразно съ сѣверо-запада къ юго-

¹⁾ Изъ общаго пространства (4,592,430 дес.) неудобная земля составляетъ лишь 88,640 дес. Остальное пространство распределяется такъ: 2,392,380 дес. лѣса, 992,880 д. пашни, 757,800 д. выгоновъ, 311,940 д. луговъ, 43,470 д. садовъ и 5,220 д. виноградниковъ.

²⁾ Лѣсъ составляетъ болѣе половины всего пространства страны: 52,99%.

востоку, изъ нихъ болѣе сѣверный представляетъ горную, покрытую густымъ лѣсомъ, мѣстность (42%), южный же состоитъ изъ карста (29%). Кромѣ того вдоль Савы встрѣчаются мѣстами низменности, составляющія 5% всей площади страны ¹⁾.

Въ сѣверной половинѣ Босны-Герцеговины сѣтся преимущественно кукуруза наряду съ ячменемъ, пшеницею и овсомъ, въ южной же половинѣ—преимущественно ячмень наряду съ кукурузою, пшеницею и рожью. Главную жатву во всей странѣ даетъ кукуруза, затѣмъ слѣдуютъ: ячмень, пшеница, овесъ.

Изъ скотоводства на первомъ мѣстѣ стоятъ овцеводство, затѣмъ важную роль играютъ: рогатый скотъ, козы, свиньи, лошади. Послѣдними преимущественно богата Гламочская и Ливанская равнины, а равно Рогатицкое (на востокъ отъ Сараева) окружье. Рогатый скотъ всего болѣе встрѣчается на востокѣ страны, менѣе же всего на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ ея. Овцеводство развито преимущественно въ районѣ карста, менѣе всего въ гористомъ (холмистомъ) сѣверномъ районѣ, за то здѣсь наиболѣе распространено свиневодство, тогда какъ жители другихъ мѣстностей имъ занимаются мало. Козы встрѣчаются главнымъ образомъ въ Герцеговинѣ; здѣсь же наиболѣе часто встрѣчается пчеловодство, развитое вообще въ странѣ (кромѣ Гламочской равнины) слабо.

Въ отношеніи сельскаго населенія (88,34 % общаго числа жителей), т. е. того, которое живетъ обработкою земли, слѣдуетъ замѣтить, что изъ общаго его количества: 1.385.291 д. (по даннымъ 1895 г.), 221.581 д. составляетъ число домохозяевъ. Изъ нихъ 2,6 % помѣщиковъ, 7,8 % батраковъ, 10,2 % полукметовъ (т. е. частью свободные хлѣбопашцы, частью кметы), 39,2 % свободныхъ хлѣбопашцевъ и 40,2 % кметовъ. Разумѣется благосостояніе этихъ домохозяевъ въ высшей степени разнообразно. Очевидно, что помѣщикъ не можетъ быть сопоставляемъ ни съ кметомъ, ни тѣмъ менѣе съ батракомъ. Свободный хлѣбопашецъ равнымъ образомъ отличается по своему благосостоянію * и отъ кмета и отъ батрака. Но если весь земледѣльческій людъ (1.385.291 душ.) считать какъ бы на одной ступени, то на основаніи имѣющихся официальныхъ данныхъ о количествѣ скота воз-

¹⁾ Болѣе густо населенною частью Босны-Герцеговины является сѣверная, примыкающая къ Савѣ; общая же густота равняется 31 чел. на кв. килом. Приростъ населенія съ 1879 по 1895 г. выразился въ 35,39% или по 2,31% въ средній годъ.

можно опредѣлить, что на одного человѣка приходится: лошадей—по 0,2, рогатаго скота—по 1,0, овецъ—по 2,3, козъ—по 1,1, свиней—по 0,5 и ульевъ—по 0,1. Представляя себѣ идеальную среднюю сельскохозяйственную семью (равнаго благосостоянія) въ $6\frac{1}{4}$ человѣкъ, возможно сказать, что на каждую такую семью приходится: по 1,3 лошади, по 6,3 коровы, по 14,5 овецъ, по 6,9 козъ, по 3,1 свиньи и по 0,6 улья.

Важное значеніе для будущаго благосостоянія страны имѣютъ минеральныя богатства. Они извѣстны преимущественно въ центральной, т. е. старой Босніи. Здѣсь находится желѣзо, мѣдь, свинецъ, сѣра, золото, серебро, ртуть, а равно соль и каменный уголь. Кромѣ того надо упомянуть здѣсь же о минеральныхъ и горныхъ ключахъ. Разработка металловъ производилась въ Босніи, какъ указано, еще въ римскія времена; мѣста добыванія въ древности рудъ отчасти нынѣ установлены. Горное дѣло въ средніе вѣка развилось и болѣе или менѣе окрѣпло, но въ турецкую эпоху страна въ этомъ отношеніи сдѣлала шагъ назадъ. Съ водвореніемъ австро-венгерской власти, на минеральныя богатства страны обращено особое вниманіе. Мѣстами они добываются и разрабатываются уже весьма интенсивно. Эта часть хозяйства находится въ рукахъ мѣстнаго правительства, которое, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, даже участвуетъ въ акціонерныхъ компаніяхъ, которымъ сдается разработка богатствъ. Вообще Босна-Герцеговина послѣ оккупации сдѣлала по пути добывающей промышленности громаднѣйшій шагъ впередъ. Промышленность эта, конечно, находится всецѣло въ рукахъ европейскихъ предпринимателей и отнюдь не въ рукахъ мѣстнаго элемента. Обработывающая промышленность стоитъ на низкой степени развитія и, повидимому, никогда не была значительна въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Въ средніе вѣка страна вывозила сырые продукты, въ турецкія времена положеніе это измѣнилось мало, оно сохранилось и понынѣ. Восточная промышленность наводнила страну, послѣ ея завоеванія Турціею, развила въ ней привычку къ восточнымъ товарамъ и измѣнила вкусы мѣстныхъ жителей. Въ теченіе XIX столѣтія ввозъ въ Босну-Герцеговину продуктовъ промышленности идетъ изъ Австро-Венгрии и постепенно возрастаетъ. Съ 60-хъ годовъ ввозятся изъ Вѣны суконные товары, фески, товары шелковые, золотые шнуры, бумажныя и шерстяныя ткани и т. д. Ввозъ этотъ послѣ оккупации могъ, конечно, только увеличиться. Въ связи съ этимъ стоитъ и паденіе мѣстныхъ производствъ кустарной промышленности.

На это надлежало бы обратить серьезное вниманіе, такъ какъ Босна-Герцеговина поступаетъ постепенно въ экономическое рабство Австро-Венгерской имперіи. Мѣстное производство имѣетъ еще примѣненіе въ изготовленіи національной одежды, но она едва ли долговѣчна. Съ принятіемъ общеевропейскаго платья, съ дешевымъ европейскимъ матеріаломъ, мѣстное производство въ этомъ отношеніи совсѣмъ прекратится.

Издавна славятся въ Боснѣ-Герцеговинѣ издѣлія съ художественною гравировкою серебромъ или золотомъ по дереву и металлу и различные предметы обихода изъ инкрустированной мѣди, а равно не безъизвѣстны своими хорошими качествами ковры. Мѣстныя власти, устроивъ правительственныя фабрики этихъ издѣлій, съ гордостью указываютъ на свои заботы о мѣстной промышленности. Между тѣмъ, производства эти, сбываемыя на разныхъ выставкахъ, въ особенности въ Вѣнѣ, за весьма дорогую цѣну, не могутъ считаться типичными для страны. Въ этомъ отношеніи полезнѣе было бы устройство ремесленныхъ школъ, которыя выпускали бы раціонально образованныхъ мастеровъ, могущихъ дѣйствительно поднять промышленную производительность населенія. Означенныя фабрики, въ свою очередь, играютъ роль показной стороны дѣятельности властей. Фабрики эти не имѣютъ никакого отношенія къ коренному населенію, кромѣ развѣ того, что на нихъ занято нѣсколько десятковъ мѣстныхъ рабочихъ-мастеровъ. Фабрики не являются разсадниками усовершенствованныхъ приемовъ работы, не распространяютъ и примѣненіе мѣстнаго вкуса къ современнымъ требованіямъ. Къ тому же на фабрикѣ ковровъ вовсе не разрабатываются національные мотивы, а имитируются преимущественно персидскіе образцы. Надо при этомъ замѣтить, что означенныя фабрики приносятъ чувствительный убытокъ. Такъ, по бюджету на 1901 г., доходъ ихъ (главнымъ образомъ съ ковровъ) опредѣленъ въ 190.000 кр., а расходъ въ 204.000 кр.

Впрочемъ, слѣдуетъ указать, что едва ли такой странѣ какъ Босна-Герцеговина, при какихъ бы то ни было условіяхъ ея существованія, удалось бы устоять отъ наводненія австрійскими товарами. Въ этомъ отношеніи Босна-Герцеговина повторяетъ старую исторію о томъ, что малокультурная страна попадаетъ въ зависимость культурнаго государства. Но на обязанности мѣстнаго правительства лежитъ подготовить населеніе возможно скорѣе выдѣлить изъ своей среды людей, которые способны достойно встрѣтить торгово-промышленный натискъ и, создавая свое, ястать въ

борьбу съ пришлымъ элементомъ. Австро-венгерское правительство въ этомъ отношеніи поступаетъ какъ разъ наоборотъ: во вредъ интересамъ жителей оккупационной провинціи и на пользу имперіи.

Поэтому жалобы мѣстнаго населенія на экономическій подрывъ представляются небезосновательными. Указывается, что Австро-Венгрія, эксплуатируя оккупационную провинцію какъ свою *колонію*, ведетъ коренное народонаселеніе къ быстрому обнищанію. Приобрѣвъ Босну-Герцеговину, Австро-Венгрія нашла въ странѣ не только надежное мѣсто для сбыта своихъ товаровъ, но и для помѣщенія свободныхъ капиталовъ. Обогащающійся пришлый элементъ нисколько не содѣйствуетъ благосостоянію Босны-Герцеговины, а правительство, совершенно безконтрольно расходуя мѣстныя средства на оборудованіе страны на европейскій ладъ, разворагетъ народъ. Сельскій людъ, составляющій свыше 88% всего населенія, не только бѣденъ, но изъ года въ годъ все больше приближается къ полному обнищанію. Между тѣмъ, бюджетъ страны ежегодно возрастаетъ. Значительная доля его расходуется либо на затѣи, совершенно ненужныя для страны, либо на денационализацию населенія и, въ частности,—окатоличеніе православныхъ.

Бюджетъ Босны-Герцеговины дѣйствительно ежегодно увеличивается весьма значительно и жалобы на возрастаніе податей въ странѣ повсемѣстны. Во времена, непосредственно предшествовавшія оккупации, бюджетъ страны со включеніемъ тѣхъ частей, которыя отошли къ Черногоріи и остались за Турціей, составлялъ [въ круглыхъ цыфрахъ, выраженныхъ въ тысячахъ кронъ ¹⁾]: въ 1854 г.—7.000; въ 1865 г.—9.600 (по даннымъ Тёммеля); въ 1877 г. 6.500 (по даннымъ Фримана). Конечно, величина получаемого дохода съ какой нибудь страны зависитъ не только отъ благосостоянія ея, но и отъ умѣлаго веденія финансоваго хозяйства. Поэтому приведенныя суммы могутъ служить лишь относительнымъ выразителемъ податной способности населенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться на необыкновенно быстрый ростъ бюджета Босны-Герцеговины въ годы австро-венгерскаго управленія. Такъ, въ 1882 г. бюджетъ страны составлялъ (въ круглыхъ цыфрахъ, выраженныхъ въ тысячахъ кронъ)—11.200; въ 1885 г.—15.900; въ 1888 г.—18.300; въ 1891 г.—20.400; въ

¹⁾ Брона равняется 40 коп., двѣ кроны составляютъ гульденъ.

1894 г.—25.140; въ 1897 г.—36.000, а на 1901 г. бюджетъ опредѣленъ въ 42.600 кр. Изъ этихъ цифръ видно, что расходы страны за 19 лѣтъ увеличились почти въ четыре раза (съ 11.200.000 до 42.600.000 кр.) или на 31.400.000 кронъ, т. е. на 1.650.000 кр. въ годъ. Такой ростъ нельзя не считать необычайнымъ, въ особенности если принять во вниманіе низкій культурный уровень страны.

Поэтому болѣе подробное разсмотрѣніе бюджета Босны-Герцеговины представляетъ несомнѣнный интересъ. Мы располагаемъ официальными данными бюджета, составленнаго на 1901 годъ. По смѣтѣ на этотъ годъ всего опредѣлено расходовъ въ 42.591.451 крону или въ 17.045.580 р. 40 к. Сумма эта распределяется слѣдующимъ образомъ по статьямъ расходовъ:

1) Собственно на управленіе	21.383.654	кронъ ¹⁾
2) По организациіи войска	4.872.860	» ²⁾
3) — желѣзнодорожному дѣлу	4.819.000	»
4) На содержаніе жандармеріи	3.494.938	»
5) — народное образованіе	2.344.435	»
6) — уплату займовъ	2.325.744	»
7) По содержанію путей сообщенія	1.022.000	»
8) Медико-санитарная и ветеринарная части	883.400	»
9) На сельское ховяйство	737.320	»
10) — удовлетвореніе религіозныхъ потребностей	434.600	»
11) На постройку дорогъ	240.000	»
12) — содержаніе водопоевъ и цистернъ	18.000	»
13) — метеорологическія наблюденія	15.500	»
Всего		42.591.451 кронъ

¹⁾ Почти исключительно на содержаніе чиновниковъ и канцелярскія потребности, а именно: по центральному управленію въ Сараевѣ—1.137.680 кр.; на содержаніе мѣстной администраціи—4.729.413 кр.; по финансовому управленію страны вообще—13.006.395 кр.; на содержаніе судебныхъ установленій, лицъ судебного и тюремнаго вѣдомствъ—1.748.053 кр.; на содержаніе администраціи, заведующей постройками—235.913 кр. и на дополнительное содержаніе должностныхъ лицъ управленія—506.200 кронъ.

²⁾ Остальные расходы по содержанію войска относятся не на босно-герцеговинскій, а на австро-венгерскій бюджетъ. На 1901 г. эти расходы опредѣлены въ 7.382.000 кр., изъ которыхъ 80.000 кр. покрываются собственнымъ доходомъ войскъ.

Эти расходы покрываются по росписи на 1901 г. съ избыткомъ (въ 198.430 кр.) мѣстными доходами, опредѣленными въ суммѣ 42 789.881 кр.

Доходы эти слагаются изъ слѣдующихъ статей:

1) Доходъ съ табака	10.363.000	кронъ ¹⁾
2) Сельскохозяйственное обложеніе (десятина)	8.573.000	»
3) Доходъ желѣзныхъ дорогъ	5.446.000	»
4) Доходъ съ горнаго дѣла.	3.320.860	»
5) Доходъ съ вина, пива и т. п.	3.150.000	»
6) Соляной доходъ	2.592.000	»
7) Доходъ съ казеннаго лѣса	1.936.600	»
8) Налогъ съ недвижимаго имущества	1.819.000	»
9) Гербовая пошлина	1.756.000	»
10) Таможенная пошлина	1.428.571	»
11) Доходъ съ мелкаго скота	990.000	»
12) Доходъ съ мѣстной типографіи	315.600	»
13) Разные доходы по внутреннему управленію	262.050	»
14) Доходъ съ сельскохозяйственныхъ станцій	215.000	»
15) Разные доходы по финансовому управленію	207.600	»
16) Доходъ съ казенныхъ фабрикъ художественныхъ издѣлій	190.000	»
17) Доходъ по судебному вѣдомству	118.600	»
18) Доходъ съ фруктовыхъ и виноградныхъ станцій	55.000	»
19) Съ арендъ казеннаго имущества	51.000	»
Всего	42.789.881	кронъ

Эти доходныя поступления возможно классифицировать слѣдующимъ образомъ: доходъ съ казенныхъ имуществъ и предпріятій (11.530.060 кр.)—27%, прямые налоги (11.382.000 кр.)—27%, правительственныя регаліи (10.363.000 кр.)—24%, косвенные налоги и пошлины (8.926.571 кр.)—21% и разнаго рода мелкія поступления (588.250 кр.)—1%.

¹⁾ Въ Боснякъ-Герцеговинѣ введена табачная монополія.

Казенныя имущества приносятъ въ дѣйствительности совѣмъ небольшой доходъ, потому что требуютъ громаднхъ издержекъ. Такъ, горное дѣло, требующее отъ мѣстной казны около 2,8 мил. кр., не даетъ ей и 500.000 кронъ дохода, желѣзныя дороги приносятъ лишь 627.000 кр. чистаго дохода, правительственная типографія—7.000 кр., а сельскохозяйственныя, фруктовыя и виноградныя станціи, а равно фабрики ковровъ и художественныхъ издѣлій, требующія весьма значительныхъ издержекъ (460.000 кр.), приносятъ мѣстной казнѣ (несмотря на значительный доходъ) чувствительный убытокъ—80.000 кр. Всѣ же казенныя имущества приносятъ, за вычетомъ расходовъ, лишь 3 мил. кр. и составляютъ въ дѣйствительности незначительный процентъ всѣхъ доходныхъ поступленій. Такимъ образомъ, среди послѣднихъ, первое мѣсто занимаютъ прямыя (11,4 мил. кр.) и косвенныя (8,9 мил. кр.) налоги, которые выдерживаютъ главную тяжесть бюджета. Что касается правительственной регалии (табачной монополіи), которая даетъ свыше 10 мил. кр., то она требуетъ весьма тяжелыхъ расходовъ (5.254.240 кр.) и доходъ ея въ дѣйствительности сводится на сумму меньшую, чѣмъ 5 мил. кронъ.

Собственно обложеніе населенія въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, а равно чистой прибыли отъ табачной монополіи, возможно опредѣлить приблизительно въ 26 мил. кр., что составляетъ (считая все населеніе страны къ 1901 г. приблизительно въ 1.725.000 д.) по 14,8 кр. или по 5 р. 92 к. на каждую душу. Такое обложеніе, хотя и не чрезмѣрно, не можетъ считаться, въ виду низкаго уровня страны, малымъ. Характерные выводы получаются въ отношеніи обложенія сельскохозяйственнаго люда, въ частности кметовъ и полукметовъ, составляющихъ 50% всего населенія, занятаго обработкою земли. Означенные 2 разряда крестьянъ уплачиваютъ, сверхъ десятины, третину. Послѣднюю возможно для 1901 года опредѣлить приблизительно въ 26 мил. кр. Причисляя къ этой цифрѣ соразмѣрную долю десятины и начисляя къ цифрѣ населенія (по переписи) 1895 года по 2% ежегоднаго прироста, возможно утверждать, что въ 1901 году 853.000 душъ кметовъ и полукметовъ имѣютъ заплатить десятины и третины всего 30.777.000 кр., или приблизительно по 14 руб. 44 коп. на каждую душу, что составляетъ по 86 руб. 64 коп. на среднюю семью. Если къ приведеннымъ повинностямъ причислить соразмѣрную долю косвенныхъ налоговъ, предполагая, что крестьяне означенныхъ категорій иныхъ податей не платятъ, то сумма ихъ обло-

женія возрастеть до 35 слишкомъ миллионѣвъ кронъ, или по 16 руб. 40 коп. на каждую душу, т. е. по 98 руб. 40 коп. на среднюю семью. Такое обложеніе, конечно, весьма значительно, тѣмъ болѣе, что крестьяне несутъ натуральныя повинности, а равно принимаютъ участіе въ платежахъ по табачной монополіи и по прямымъ налогамъ (сверхъ десятины), суммы которыхъ опредѣлить затруднительно.

Л и т е р а т у р а.

Въ дополненіе къ этой главѣ уместно привести слѣдующіе литературные источники.

Rousseau.—Géographie générale de la Bosnie et de l'Herzégovine. (Bull. d. l. soc. de géogr. Paris, 1868).

Mojsisovics, Tietze und Bittner.—Grundlinien der Geologie v. Bosnien-Hercegovina. Wien, 1880.

Ballif.—Ergebnisse der meteorologischen Beobachtungen über Temperatur, Niederschlag und Bevölkerung in Bos. u. d. Here. 1889 r. (W. M. a. B. H. 1893, I).

Hoffer.—Gold u. andere Metall im Bezirke Travnik. (W. M. a. B. u. H., 1899, VI).

Blau.—Geschichte und gegenwärtiger Stand des Bergbaues in Bosnien nebst einer Mineraliensammlung.

Potier.—Produktionsverhältnisse in Bosnien u. d. Herzegovina. Wien, 1879.

Майковъ.—О земельной собственности въ древ. Сербіи. (Чт. въ Общ. Ист. и Древ. Росс., 1860, кн. 1).

Blau.—Ueber den Ackerbau in Bosnien. (Annal. der Landwirtschaft, 1869. H. 2 u. 3.).

Die Landwirthschaft in Bosnien u. d. Hercegovina. (Herausgegeben v. d. Landesregierung). Sarajevo, 1899.

Von der bosnischen Grenze.—Die Agrarfrage in Bosnien. (Augsb. Zeitung, 29 Februar. 1 u. 2 März, 1876.

Horwitz.—Die Bezirks—Unterstützungsfonds in Bosnien und der Herzegovina.

Ballif.—Wasserbauten in Bosnien u. d. Hercegovina. I. u. II. Wien, 1896 u. 1899.

Das Veterinärwesen in Bos. u. d. Hercegovina seit 1879. (Herausg. v. d. Landesregierung). Sarajevo, 1899.

Blau.—Handelsverhältnisse Bosniens im Jahre 1866. (Preuss. Handelsarchiv, 1867, II).

Blau.—Ueber den Handelsverkehr der Possawina. (Preuss. Handelsarchiv, 1869 II).

Blau.—Handel Bosniens im J. 1869. (Preuss. Handelsarchiv, 1870, I u. II).

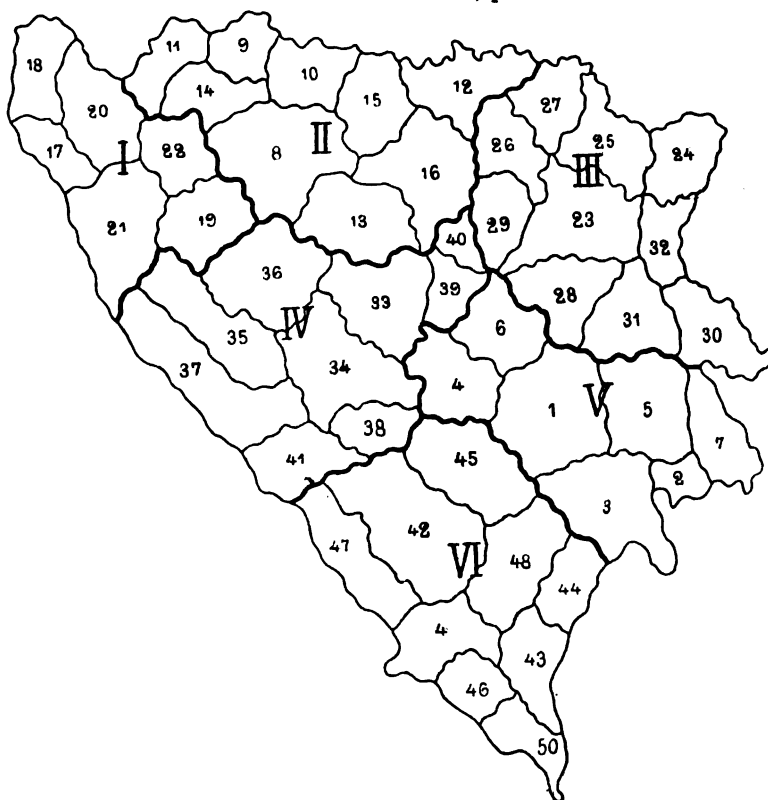
Budget der Verwaltung von Bosnien u. d. Hercegovina für das Jahr 1901. Wien, 1900.

Beilagen zum Vorausschlage über die gemeinsamen Ausgaben u. Einnahmen der österreichisch—ungarischen Monarchie für das Jahr 1901. Wien, 1900.

Stenographische Protokolle. Delegation des Reichsrathes. Wien.

Чертежъ окружій и котаровъ Босны-Герцеговины.
Къ главѣ: «Религи и Церкви».

А. Окружя (=уѣзды): I—Бихачъ; II—Банялука; III—Доль. Тузла; IV—Травникъ; V—Сараево; VI—Мостаръ.

Б. Котары (=станы) въ порядкѣ нумераціи:

1. Сараево.	11. Нови.	21. Петровацъ.	31. Власеница.	41. Жупаницъ (Дувно).
2. Чайница.	12. Дервентъ.	22. Сански Мостъ.	32. Зворникъ.	42. Мостаръ.
3. Фоча.	13. Варошъ.	23. Доль. Тузла.	33. Травникъ.	43. Билеча.
4. Фойница.	14. Приedorъ.	24. Бьеллина.	34. Бугойно.	44. Гацко.
5. Рогатица.	15. Пыряворъ.	25. Бырчка.	35. Гламочъ.	45. Коницъ.
6. Високо.	16. Тешанъ.	26. Грачаница.	36. Яйце.	46. Любимье.
7. Вышеградъ.	17. Бихачъ.	27. Градацацъ.	37. Ливно.	47. Любушки.
8. Банялука.	18. Чажинъ.	28. Кладанъ.	38. Прозоръ.	48. Невесинье.
9. Дубица.	19. Ключъ.	29. Маглай.	39. Зеница.	49. Столацъ.
10. Градишка.	20. Крупа.	30. Сребреница.	40. Жепче.	50. Требимье.

В. Котары (=станы) въ алфавитномъ порядкѣ:

Банялука — 8	Гацко — 44	Жупаницъ — 41	Маглай — 29	Сараево — 1
Билеча — 43	Гламочъ — 35	Зворникъ — 32	Мостаръ — 42	Сребреница — 30
Бихачъ — 17	Градацацъ — 27	Зеница — 39	Невесинье — 48	Столацъ — 49
Бугойно — 34	Градишка — 10	Кладанъ — 28	Нови — 11	Тешанъ — 16
Бырчка — 25	Грачаница — 26	Ключъ — 19	Петровацъ — 21	Травникъ — 33
Бьеллина — 24	Дервентъ — 12	Коницъ — 45	Приedorъ — 14	Требимье — 50
Варошъ — 13	Доль. Тузла — 23	Крупа — 20	Прозоръ — 38	Фойница — 4
Високо — 6	Дубица — 9	Ливно — 37	Пыряворъ — 15	Фоча — 3
Власеница — 31	Дувно — 41	Любимье — 46	Рогатица — 5	Чажинъ — 18
Вышеградъ — 7	Жепче — 40	Любушки — 47	Сански Мостъ — 22	Чайница — 2
			Яйце — 36	

XII.

Религіи и Церкви.

Распространеніе христіанства и богомилства. Борьба католической церкви съ богомилствомъ. Распространеніе православія. Исчезновеніе богомилства; распространеніе мусульманства. Мусульмане Босны-Герцеговины: ихъ особенности; притѣсненіе христіанъ; распредѣленіе мусульманъ въ странѣ; статистическія данныя. Католическая церковь: ея угасаніе въ турецкія времена; возрожденіе въ серединѣ XIX в.; распредѣленіе католиковъ въ странѣ; католическая иммиграція. Православная церковь: современное распредѣленіе православнаго населенія въ странѣ; православная церковь въ турецкія времена; положеніе православнаго населенія послѣ оккупациі.

На территоріи современной Босны-Герцеговины христіанство распространилось еще въ римскую эпоху ¹⁾. Объ этомъ свидѣлствуютъ сдѣланныя за послѣднее время находки древне-христіанскихъ церквей, относящихся къ римскому періоду жизни названной страны ²⁾. Что касается водворившихся на Балканскомъ полуостровѣ сербовъ, то христіанство проповѣдовалось среди нихъ при императорѣ Иракліи (610—641). Хотя въ это время мѣстности, заселенныя сербами, и принадлежали къ Византійской имперіи, но въ церковномъ отношеніи онѣ стояли въ зависимости отъ Рима. Поэтому и первые священники были западнаго происхожденія. Однако въ VII в. христіанство не имѣло среди сербовъ

¹⁾ Какъ оно распространилось недостаточно выяснено. Къ началу IV в. (при гоненіи Діоклетіана) въ Салонѣ, Сирміи, Дельминіумѣ и другихъ мѣстностяхъ Иллиріи извѣстно было до 500 мучениковъ (Смирновъ).

²⁾ Изъ этихъ находокъ наиболѣе важнымъ представляется отмѣтить: фундаментъ церкви у Шипраги, на юго-востокъ отъ Баялуки (на р. Вербанѣ, притокѣ Вербаса), камень съ крестомъ у Фатницы (на дорогѣ отъ Столаца къ Билечѣ), основанія церкви у Зеницы (на востокъ отъ Травника), фундаментъ базилики у Варошлука (въ долипѣ Лашвы) и др. Кромѣ того надо замѣтить, что съ остатками римскихъ древностей въ народѣ связано названіе мѣстностей: Цырквинна, Цырквиште, наименованія, оправдававшіяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ находженіемъ древнихъ христіанскихъ церквей.

успѣха, такъ что до IX в. бѣольшая часть, какъ можно думать, пребывала въ язычествѣ. Особенно упорствовали нарентанцы (неретчане), то воинственное племя, которое жило между рѣками Неретвою и Цетиною. За свою твердость въ языческой вѣрѣ они были прозваны «паганами». Болѣе прочно вѣдряется христіанство во всей сербской землѣ, равно какъ и въ Босніи, при Василии I Македонянинѣ (867—886). Въ его царствованіе крестятся и тѣ, которые ранѣе не приняли христіанства, въ ихъ числѣ и неретчане. Съ этого времени сербы считаются христіанами. Слѣдовательно ихъ религіозное просвѣщеніе приходится къ концу дѣятельности Кирилла (827—869) и Меѳодія (—885). Хотя эти славянскіе апостолы и не посѣтили лично сербскую землю, тѣмъ не менѣе представляется естественнымъ поставить успѣхъ распространенія христіанской вѣры и у сербовъ въ связь съ славянскимъ богослуженіемъ. Впрочемъ, и въ это время христіанство не пустило среди сербовъ глубокихъ корней. Причиною того было, вѣроятно, главнымъ образомъ неопредѣленность положенія въ церковномъ отношеніи сербской части Балканскаго полуострова. Политически эта часть, какъ сказано, входила въ составъ Византійской имперіи, въ церковномъ же своемъ устройствѣ она все еще зависѣла отъ Запада. Въ силу этого, сербы лишены постояннаго церковнаго покровительства и систематическаго просвѣщенія. И Римъ и Византія считаютъ въ это время въ церковномъ отношеніи сербскую землю своею, почему напр. князь Подгорійскій Владиміръ признается святымъ какъ католическою, такъ и православною церквами. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни Востокъ, ни Западъ не трудились надъ просвѣщеніемъ новой паствы, которая, стоя на рубежѣ, оставалась въ теченіе долгаго еще времени безъ опредѣленнаго церковнаго руководства. Было и еще одно условіе, препятствовавшее укорененію среди сербовъ христіанства,—отсутствіе государственности. Сербскій народъ, не объединенный въ то время единою властью, которая могла бы принять на себя защиту новой вѣры и поддержку ея проповѣди, не стоялъ въ полной зависимости отъ какого либо сосѣдняго христіанскаго государства. Поэтому христіанство распространяется въ народѣ медленно, вяло; борьба съ языческимъ началомъ, повидимому, совсѣмъ не существуетъ до конца XII в. Въ зависимости отъ этихъ условій, имѣвшихъ мѣсто во всей сербской землѣ и, быть можетъ, особенно въ Босніи, какъ наиболѣе удаленной отъ церковныхъ центровъ того времени, христіанство

уживается съ языческими понятіями. Народные боги не превращаются въ злыхъ, проклятыхъ демоновъ, но либо замѣщаются христіанскими святыми, либо мирно уживаются на ряду съ ними. Такъ «громовникъ Илья» и «громовна Марія» заняли въ народной фантазіи высоты горъ; святая Петка—богиня свѣта, Даница—утренняя звѣзда—продолжаютъ, въ народномъ воображеніи, свое существованіе; рожденные отъ росы вилы не перестаютъ принимать дѣятельное участіе въ жизни людей; источники, огонь, земля, воздухъ, солнце, мѣсяцъ и звѣзды обоготворяются понынѣ; нѣкоторыя животныя и деревья пользуются поклоненіемъ народа.

Въ X в. происходитъ начало религіознаго разрыва между хорватскою и сербскою народностями. Папы осуждаютъ въ своихъ посланіяхъ славянскую литургію, «другое ученіе, котораго мы не обрѣтаемъ въ св. книгахъ», Сплѣтскій же соборъ (925 г.) опредѣляетъ запрещеніе поставлять въ священники кого либо, отправляющаго службу на славянскомъ языкѣ. Съ этого времени утверждается въ Хорватіи богослуженіе латинское и вмѣстѣ съ нимъ католическая церковь, въ Сербіи же начинается крѣпнуть славянская литургія, а съ нею православіе. Боснія, находясь между кореннымъ сербскимъ и хорватскимъ міромъ, поддается религіозно-культурному теченію какъ того, такъ и другого.

Слабость церковнаго управленія въ сербскихъ земляхъ не только сохранила языческія вѣрованія, но подготовила почву и для лжеученія. Въ Сербіи вѣдряется богомилство, которое пускаетъ глубокіе корни. Въ частности въ Босніи, находившейся въ наименѣе съ христіанской точки зрѣнія благопріятныхъ условіяхъ, богомилская вѣра распространяется съ такою силою и держится въ странѣ такъ упорно, какъ нигдѣ.

Богомилство, распространившись по всей сербской землѣ, подавлялось какъ со стороны восточной, такъ и со стороны западной церкви. Но борьба эта началась не ранѣе конца XII в. Къ этому времени области православной и католической церковей опредѣлились среди славянскаго населенія довольно точно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ означеннаго вѣка, въ Сербіи кладется начало государственности. Стефанъ Неманя (1170—1195 г.) всею силою обрушивается на богомиловъ. Въ то же время и католическая Венгрія начинаетъ систематическую борьбу противъ богомиловъ въ Босніи. Условія, въ которыхъ находилось отношеніе сербовъ къ восточной церкви и отношеніе ихъ къ церкви западной, были совершенно иныя. На Востокъ, въ Сербіи (съ Зетою) самъ осно-

ватель державы (Неманя), равно какъ и его преемники, являются ревностными приверженцами восточной церкви. Вся семья Неманя глубоко восприняла православіе, его сынъ, Св. Савва, становится во главѣ проповѣди, являясь настоящимъ апостоломъ сербской народности. Поэтому въ концѣ XII и началѣ XIII в. православіе быстро распространяется, по крайней мѣрѣ въ центральной Сербіи и Зетѣ, и именно на это время приходится постройка массы церквей и монастырей. Успѣхъ дѣятельности послѣднихъ не подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ именно этотъ успѣхъ православной церкви въ Сербіи привелъ къ сосредоточенію богомилства въ Захулміи, составлявшемъ въ то время окраину Сербіи, и въ Босніи, въ составъ сербскаго государства вовсе не входившей. Въ связи съ такимъ географическимъ и политическимъ положеніемъ Босніи и Захулміи, борьба православія съ богомилствомъ въ этихъ странахъ неизвѣстна. Въ частности въ Босніи подавленіемъ ереси занялось католичество, вслѣдствіе чего богомилы въ концѣ концовъ сосредоточились въ Захулміи, сдѣлавшемся въ XV в. фактически самостоятельной государственной единицей.

Богомилство, какъ извѣстно, дуалистическое ученіе восточнаго происхожденія, получившее развитіе и своеобразные оттѣнки въ Болгаріи, изъ которой оно перешло въ сербскія земли. По словамъ пресвитера Космы (X вѣка) болгарскіе богомилы признавали Христа младшимъ сыномъ Бога, старшему же Сатанаилу приписывали созданіе всего живого. Далѣе они отрицали Св. Троицу, крещеніе, ветхій заветъ, самовольно толковали евангеліе, не читали Богоматери и святыхъ христіанской церкви, отвергали изображеніе креста и иконы, не принимали причастія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ богомилы были, по словамъ того же обличителя ихъ, кротки и смиренны, молчаливы и немногословны; при богослуженіи, совершавшемся по нѣсколько разъ въ день, говорили «отче нашъ, иже еси на небесѣхъ», порицали богатство, употребленіе вина и почитали богопротивнымъ весь гражданскій порядокъ. Въ такомъ видѣ богомилство не могло сохраниться долго и ужиться съ характеромъ сербовъ, «съ ихъ практическимъ свѣтлымъ умомъ, съ свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, природною склонностью къ прекрасному и нѣкоторою роскошью внѣшней обстановки, безъ всякаго рода крайностей и экстравагантности» (Ровинскій). И дѣйствительно то богомилство, которое становится извѣстнымъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка въ Босніи, не несетъ слѣдовъ мистицизма, социализма и анархизма. Принадлеж-

ность къ ученію богомиловъ правителей страны, а равно видѣйшихъ и богатѣйшихъ магнатовъ, съ достаточною наглядностью показываетъ, что богомилство въ Босніи и Захулміи лишено было аскетическаго духа. Характерно далѣе для Босніи и то, что въ означенное время приверженцы богомилства не сознавали различія ихъ церкви съ христіанскою. Здѣсь очевидно происходило то же, что въ свое время и у насъ на Руси, когда поборники православія, нападая на «ложныя» книги, сами не умѣли распознавать истину отъ лжи и съ своей стороны проповѣдывали лжеученіе. Это явленіе, имѣвшее въ свое время мѣсто у насъ, зависѣло отъ отдаленности Руси отъ византійскаго первоисточника церковнаго просвѣщенія и отъ отсутствія самобытнаго образованія. Босна-Герцеговина, какъ сказано, не вошла при распространеніи христіанства опредѣленно въ сферу вліянія той или другой церкви, поэтому и религіозное просвѣщеніе въ теченіе долгаго времени оставалось незавершеннымъ. Въ 1203 году посланный изъ Рима папскій легатъ Іоаннъ Касмарійскій получилъ отъ представителей богомильскихъ общинъ (настоятелей монастырей) письменное отреченіе отъ ереси и обѣщаніе не принимать *сознательно* манахеевъ (богомиловъ). Документъ этотъ не вполне характеризуетъ боснійскихъ богомиловъ того времени, такъ какъ онъ относится преимущественно до монастырской жизни, тѣмъ не менѣе изъ него можно усмотрѣть, что послѣдователи богомилства не имѣли въ своихъ церквахъ алтарей и крестовъ, что они не читали ветхаго завѣта, что кладбища помѣщались поодаль отъ церквей, что исповѣдь отрицалась, равно какъ и причастіе, что праздники святыхъ не соблюдались, что наконецъ богомилы себя называли «христіанами». Римскій легатъ, о проповѣди котораго впрочемъ ничего не извѣстно, требовалъ, чтобы въ монастыряхъ женщины были отдѣлены отъ мужчинъ, чтобы замужнія и женатыя (если они не отрекутся отъ брачнаго сожитія) не принимались въ монастыри, чтобы причащеніе Св. Тѣла происходило не рѣже семи разъ въ годъ, чтобы богомильскіе монахи не носили цвѣтнаго платья, а одѣвались бы въ закрытую одежду до щиколокъ, чтобы они называли себя (вмѣсто «христіанъ») братьями и чтобы глава ихъ назначался папою.

Поводомъ къ посылкѣ въ Боснію римскаго легата было чрезвычайное распространеніе въ странѣ богомильскаго ученія и въ частности переходъ бана Кулина съ 10.000 босняковъ въ богомилство (1190—1199). До того Кулинъ считался въ лонѣ като-

лической церкви, но существовали ли на то действительныя основанія—остается вопросомъ. Богомилская ересь проникла вѣроятно въ Боснію, какъ и во всю сербскую землю, очень давно; въ концѣ XII вѣка ея распространеніе усилилось въ зависимости отъ преслѣдованія ея въ Сербіи (съ Зетою). При этомъ та роль, которую начинаетъ играть Боснія со времени бана Кулина, привлекала на нее сугубое вниманіе Запада. Съ начала XIII вѣка начинается борьба католической церкви съ боснійскимъ богомилствомъ, продолжающаяся до середины XV вѣка.

Во время посѣщенія Босніи Іоанномъ Касмарійскимъ, церковное устройство страны находилось въ жалкомъ состояніи. Боснійская католическая церковь образовывала епископію. Епископъ умеръ еще до прибытія легата и должность его оставалась неза-мѣщенной; храмовъ, повидному, совсѣмъ не существовало, за исключеніемъ собора въ Вырбоснѣ во имя Св. Петра.

Поэтому легатъ проектировалъ учредить въ Босніи три или четыре епископіи и поставлять во епископы латинянъ, а не славянъ, менѣе, по его убѣжденію, для интересовъ церкви надежныхъ. Лишь со времени легата Іоанна, Боснія начинаетъ вводиться въ общій оборотъ церковной жизни Запада. Однако, несмотря на рѣшительный шагъ, сдѣланный Римомъ, въ странѣ не укореняется католическая вѣра. Хотя Боснія, къ которой въ это время не принадлежало еще Захуміе, и находилась скорѣе въ сферѣ вліянія Запада, тѣмъ не менѣе въ приверженцахъ восточной церкви недостатка не было. Но послѣдніе, въ сравненіи съ богомилами, могли считаться для Рима довольно благонадежными и оттого главное вниманіе было обращено на «еретиковъ», а не на «схизматиковъ».

Указанное посѣщеніе Босніи римскимъ легатомъ не привело ни къ какимъ опредѣленнымъ, въ смыслѣ интересовъ католической церкви, результатамъ. Послѣ смерти Кулина, при его преемникѣ Стефанѣ, богомилство стало распространяться съ неменьшей силою. Затѣмъ оно перешло въ Хорватію. Поэтому папа Гонорій III сталъ проповѣдывать крестовый походъ, который, однако, несмотря на намѣренія венгерскаго короля Андрея II, не осуществился. Успѣхъ богомилства продолжался. Банъ Стефанъ (католикъ) былъ изгнанъ и на его мѣсто поставили богомила Матвѣя Нинослава. Послѣ неудавшагося крестоваго похода, папа Гри-

горій IX послалъ въ 1233 г. въ Боснію, въ качествѣ легата, Якова, епископа въ Пренестѣ. За протекшія послѣ перваго легата 30 лѣтъ дѣла католической церкви не улучшились. Епископъ Яковъ нашелъ не только, что большая часть населенія Босніи признавала богомилство, но что и самъ мѣстный епископъ находился въ лонѣ этого ученія. При объясненіи съ легатомъ, епископъ заявилъ, что онъ считалъ богомиловъ за правовѣрныхъ христіанъ и что онъ присоединился къ нимъ изъ простоты душевной (*ex simplicitate*). Нѣтъ основаній подозрѣвать епископа въ сознательной лживости. Напротивъ того, предположеніе чистосердечности его отвѣта представляется болѣе вѣроятнымъ, потому именно, что за означенныя тридцать лѣтъ въ Босніи опять таки ничего не было сдѣлано для систематическаго просвѣщенія народа. Боснія въ это время составляла независимое (по крайней мѣрѣ фактически) государство, вмѣшательство во внутреннія дѣла котораго безъ поддержки главы представляло значительныя затрудненія. Такъ какъ приверженцы богомилства не оказывали, какъ и при первомъ посольствѣ римскаго легата, никакого сопротивленія католической церкви, то не представлялось необходимости прибѣгать въ интересахъ западной церкви къ оружію. Она въ это время уже до извѣстной степени вѣдрилась въ Боснію: ее признали банъ Нинославъ и многіе изъ его магнатовъ. Прежній епископъ былъ смѣщенъ, на его же мѣсто назначенъ доминиканецъ Іоаннъ, который принялъ на себя, вмѣстѣ съ своими собратьями по ордену, проповѣдь римской церкви. Можно было думать, что успѣхъ ея былъ бы впредь исполнѣнъ обезпеченъ, если бы къ церковнымъ дѣламъ не примѣшались чисто политическія. Венгрія вмѣстѣ съ Хорватіею не могли примириться съ возраставшимъ политическимъ могуществомъ Босніи, на территорію которой они претендовали. Поэтому въ 1234 г. начинается крестовый походъ противъ Нинослава, уклонившагося отъ католической церкви. Походъ продолжался пять лѣтъ и окончился завоеваніемъ Босніи. Въ связи съ такимъ поворотомъ дѣла, чисто религіозный вопросъ получаетъ культурно-политическій характеръ. Все, что стояло за свою національность, за самобытность и независимость,—причисляло себя къ богомилству и православію, все же, что олицетворяло собою иноземную западную культуру, венгерско-хорватское вліяніе, утрату самостоятельности—признавало себя католическимъ. Боснія попадаетъ въ ужасное положеніе: три начала—восточно-сербское, западно-хорватско-венгерское и національно-боснійско-богомилское разрываютъ страну на части. Но такъ какъ съ Востока,

въ теченіе всего активнаго періода исторіи Босніи, серьезной опасности ей не угрожало, то восточное начало не являлось враждебнымъ для страны. Западъ же, съ чуждою для мѣстнаго населенія культурою, угрожая національной самобытности, представлялся кровнымъ врагомъ всего боснійскаго. Поэтому шедшая на проломъ съ Запада церковь была ненавистна народу, вызывала оппозиціонное патріотическое богомилство, которое шло на борьбу не столько изъ религіозныхъ убѣжденій, сколько ради народныхъ обычаевъ, обрядовъ, воззрѣній.

Послѣ разоренія Босніи политическіе виды Венгріи, поставленные ею подъ сѣнь креста, не могли подлежать никакому сомнѣнію. Понявъ ихъ и папа Иннокентій IV. Дальновидность этого папы принесла добрые результаты для Босніи. Въ 1248 г. въ ней была допущена глаголица и славянское богослуженіе (по католическому обряду). Такимъ образомъ, Иннокентій старался рѣзко отграничить вопросъ церковный отъ вопроса политическаго. Послѣ этого распространеніе католической церкви идетъ нормальнымъ порядкомъ, хотя и съ весьма незначительнымъ успѣхомъ. Не успѣхъ стоялъ въ зависимости отъ того, что проповѣдники были чужеземцами. Выше было отмѣчено, что славянскіе епископы не внушали довѣрія римской куріи. Очевидно для вящаго успѣхавъ 1233 году боснійскимъ епископомъ былъ назначенъ вестфальскій нѣмецъ Іоаннъ. При подобныхъ условіяхъ разрѣшеніе славянскаго богослуженія превращалось въ фикцію. Вполнѣ уяснить себѣ всѣ обстоятельства дѣла могъ только свой человѣкъ. Таковъ былъ Стефанъ Драгутинъ, сдѣлавшійся, послѣ потери сербскаго королевскаго престола, боснійскимъ герцогомъ (1282—1314). Принявъ (вмѣсто православія) католичество и ревностно содѣйствуя его распространенію, Стефанъ просилъ папу послать въ Боснію миссіонеровъ, знакомыхъ съ мѣстнымъ языкомъ. Папа Николай IV, повидимому по достоинству оцѣнивъ предложенную мѣру, распорядился въ 1291 г. посылкою въ Боснію францисканскихъ монаховъ изъ Славоніи.

Мѣра эта была однако принята слишкомъ поздно, такъ какъ католичество успѣло уже получить въ Босніи значеніе символа венгерскаго владычества. Поэтому понятно, что при національномъ возрожденіи страны верховный ея вождь Стефанъ Котроманичъ не могъ не поддерживать богомиловъ, самъ къ нимъ вовсе, повидимому, не принадлежа (онъ былъ вѣроятно православнымъ). Церковный вопросъ осложнился въ это время спорами доминиканцевъ съ францисканцами изъ за господства надъ боснійскою церковью. Къ тому

же возникъ споръ подлежитъ ли епископъ боснійской церкви избранію, или же единовластному назначенію папы. Подобный безпорядокъ въ самой церкви не могъ не деморализировать ея паствы и не содѣйствовать отпаденію отъ католичества. Въ виду явнаго безсилія римской церкви, папа Бенедиктъ XII обратился къ хорватскимъ магнатамъ, предложивъ имъ вооружиться противъ богомиловъ. Для возгорѣвшейся вслѣдъ затѣмъ босно-хорватской войны были и другіе, кромѣ религіозныхъ, поводы, поводы чисто-политическаго характера, связанные съ расширеніемъ владѣній и возрастаніемъ могущества Стефана Котроманича. Война окончилась черезъ три года (въ 1340 г.) неожиданнымъ переходомъ Котроманича въ католичество. Этотъ поступокъ правителя Босніи имѣлъ въ то время весьма важное политическое значеніе для страны. Дѣло въ томъ, что не задолго до того (въ 1335 г.) Котроманичъ завладѣлъ Захулміемъ, отторгнувъ такимъ образомъ значительную часть земли сербской державы. Современникъ Котроманича Стефанъ Душанъ готовился отомстить своему сосѣду и предпринятый имъ походъ, какъ показало будущее, грозилъ большой опасностью для Босніи. Этой грозой, готовившейся со стороны Душана, по видимому, и объясняется переходъ Котроманича въ католичество, такъ какъ онъ принялъ эту вѣру не безъ условій: ему была обѣщана со стороны папы помощь и содѣйствіе Венгріи. Вмѣстѣ съ Котроманичемъ католичество приняли и многіе магнаты. Началась постройка и реставрація многихъ церквей; кромѣ существовавшаго уже ранѣе епископства (боснійскаго) были учреждены еще два—макарское и дельминійское. Такимъ образомъ, къ срединѣ XIV в. католическая церковь получила въ Босніи довольно прочную организацію. Тѣмъ не менѣе, богомильство и вообще враждебный католичеству элементъ не былъ уничтоженъ въ странѣ. Онъ скорѣе усилился, такъ какъ, съ присоединеніемъ къ Босніи Захулмія, увеличилось число какъ православныхъ, такъ и богомиловъ.

Залогъ преуспѣянія римской церкви заключался однако менѣе въ организаціи новыхъ епископствъ, чѣмъ въ томъ, что правитель страны Котроманичъ, а равно его преемники, взяли эту церковь подъ свое покровительство. Въ странѣ готовится почва для внутренней борьбы, которая при ея развитіи происходитъ между двумя партіями: западно-католической, склонной къ Венгріи и ею поддерживаемой, и національно-богомильской, враждебной всему иноземному и слѣдовательно католичеству. Такимъ образомъ, католикъ Твиртко II изгоняется изъ страны богомилами и водво-

ряется при помощи Венгрии снова въ своемъ государствѣ; такъ, католикъ Дабиша завѣщаль боснійское королевство Сигизмунду, богомилъ же Хырвоя защитилъ Боснію отъ венгровъ и содѣйствовалъ восшествію на престолъ богомила Остои; такъ, богомилы Сандакъ Храничъ и его племянникъ Стефанъ Косача не переставали стоять на стражѣ народныхъ интересовъ и, когда Боснія неуклонно шла къ окатоличенію, отторгли свое Захуміе, образовавъ изъ него самостоятельное государство. Въ этой борьбѣ побѣда, по крайней мѣрѣ на территории собственно Босніи, осталась за католической церковью и католическіе кандидаты на престолъ одерживали верхъ. Въ XV в. римская вѣра настолько укрѣпилась въ странѣ, что недостатка ни въ ея церквахъ, ни въ монастыряхъ не было. Тѣмъ не менѣе, богомилство не уступало католичеству и духовный глава богомиловъ—дѣдъ—игралъ видную роль въ многочисленныхъ собраніяхъ національныхъ магнатовъ. Въ XV в. происходитъ рѣшительная борьба между этими двумя религіями, причемъ перевѣсъ остается сначала на сторонѣ богомиловъ, которымъ удастся поставить своихъ королей Остою и сына его Стефана Томаша Остоича. Но затѣмъ къ серединѣ столѣтія происходитъ рѣзкая переимѣна. Послѣ вторичнаго избранія Стефана Томаша на королевскій престолъ, онъ переходитъ въ католичество и его примѣру слѣдуютъ многіе магнаты. Этотъ переходъ, очистившій поле для католической пропаганды, не повлекъ однако, несмотря на настоянія мѣстныхъ францисканцевъ, къ систематическому преслѣдованію богомиловъ. Таковое было въ то время положительно невысказуемо. Королевская власть была слишкомъ слаба, къ тому же Захуміе, едва примирившееся съ Босніею, не признавало католичества. На порогъ страны стояли турки. При преемникѣ Томаша, Стефанѣ Томашевичѣ, католикъ по рожденію, римская церковь начинаетъ принимать уже характеръ церкви государственной. На торжественной коронаціи короля присутствуетъ папскій легатъ, покровителемъ страны провозглашается Св. Григорій и король собирается стать во главѣ крестоваго похода противъ турокъ.

Конечно, съ офиціальнымъ водвореніемъ католичества, богомилство не исчезло. Частью оно стало лишь на задній планъ, частью приверженцы его собрались въ Захуміи, въ которомъ католичество не одержало побѣды. Въ этой странѣ, сдѣлавшейся независимой отъ Босніи, правили Сандакъ Храничъ и Стефанъ Косача—оба ревностные богомилы. Наконецъ тѣ изъ богомилъ-

скихъ магнатовъ, которые дорожили своими правами, приняли католичество, что не представляло для нихъ особеннаго затрудненія, такъ какъ въ XIV и XV в. ученіе ихъ утратило церковный характеръ и вызывало, повидимому, въ большей или меньшей степени, индиферентизмъ къ вѣрѣ. Отстаивать богомилство какъ выразителя національнаго строя очевидно имѣло смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда имѣлись виды на успѣхъ. Въ противномъ случаѣ оставалось либо покинуть страну, либо примириться съ началомъ, взявшимъ верхъ. Поэтому переходъ изъ богомилства въ католичество и обратно не представлялъ рѣдкости. Это такъ понятно въ такой странѣ, какой являлась Боснія. Въ ней не было религіознаго, элементарно-систематическаго просвѣщенія. Организованная церковь въ лицѣ католичества внѣдряется поздно, идетъ не мирнымъ путемъ, а вкореняется мечемъ, за ея права стоитъ сосѣдняя Венгрія. Пока церковь эта не составляла еще силы въ Босніи, противъ нея возможно было бороться, сначала ведя эту борьбу противъ Венгріи, потомъ противъ своихъ правителей. Но когда церковь, силою вещей, благодаря тѣсному культурному соприкосновенію Босніи съ Западомъ, взяла верхъ и на ея сторону стала государственная власть, не лишенная такъ или иначе извѣстной силы, то магнатамъ оставалось лишь признать совершившійся фактъ. Въ противномъ случаѣ они теряли свою власть и имущество и, конечно, не всякій могъ быть по желанію вознагражденъ въ Захуміи, единственномъ (если не считать турокъ) убѣжищѣ для недовольныхъ богомиловъ. Въ своемъ отношеніи къ богомилству очень характеренъ Хырвоя Сплѣтскій. Онъ былъ усерднымъ поборникомъ этой секты до тѣхъ поръ, пока онъ, въ качествѣ вождя національной партіи, могъ извлекать для себя выгоды. Когда же онъ былъ вынужденъ примириться съ венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ, то вѣра его начинаетъ колебаться, онъ склоняется къ католичеству, которое онъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые источники, дѣйствительно принимаетъ, за что Сигизмундъ утверждаетъ его въ герцогскомъ титулѣ. Ранѣе этого, при прибытіи Ладислава Неаполитанскаго, сторону котораго держалъ Хырвоя, онъ равнымъ образомъ не прочь былъ принять католичество, если, какъ утверждалъ его современникъ и другъ, епископъ Сплѣтскій, ему будетъ даровано маркграфство Боснійское. Конечно, Хырвоя былъ не единственнымъ магнатомъ, въ которомъ обнаруживалась такая шаткость вѣры. Какъ указано, многіе магнаты переходили изъ богомилства въ католичество и

обратно. Примѣръ къ тому подавали сами правители страны. Такъ, банъ Кулинъ дважды мѣнялъ свою вѣру, Нинославъ перешелъ въ католичество изъ богомилства, Стефанъ Драгутинъ—изъ православія въ католичество, тоже самое слѣдуетъ сказать, повидимому, про Стефана Котроманича; Стефанъ Томашъ, равнымъ образомъ, былъ до принятія католичества богомиломъ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести для Босніи довольно много. Особыя условія, которыя создавались въ странѣ, не позволяютъ удивляться подобному явленію.

Поэтому трудно съ точностью опредѣлить какъ существо богомилскаго ученія въ Босніи въ концѣ среднихъ вѣковъ (XIV-XV), такъ и зависимость степени его стойкости отъ религіозныхъ убѣжденій. Что касается простого народа, то онъ обрѣтался въ значительно большей темнотѣ, чѣмъ его магнаты. Народъ держался, конечно, своихъ стародавнихъ обычаевъ и вѣроятно легко примыкалъ къ богомилству, но вообще составлялъ лишь матеріалъ, способный воспринять съ глубокимъ убѣжденіемъ любое ученіе, лишь бы оно проповѣдывалось учителями безъ насилия и рачіонально. Католическая церковь не выказала себя въ Босніи для этой роли способной, что видно изъ общаго обзора исторіи ея дѣятельности. Имѣя мало приверженцевъ среди магнатовъ, не умѣя привлечь ихъ своею проповѣдью и лишь медленно укореняясь въ странѣ при содѣйствіи частью внѣшней силы, частью мѣстной государственной власти, римская церковь не могла имѣть успѣха и среди простого народа. Вооруженная мечемъ, церковь эта возбуждала ненависть тамъ, гдѣ ее при другомъ методѣ дѣйствій могъ ожидать лишь полный успѣхъ. Нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить тотъ процентъ, который составляли католики въ Босніи къ концу среднихъ вѣковъ. Существуетъ лишь извѣстіе, что они непосредственно передъ паденіемъ страны составляли по сравненію съ православными и богомилами меньшинство (Рачки). Отмѣчено уже, что католичество, вводившееся столь насильственно и столь неуспѣшно въ Боснію, несло съ собою денаціонализацию страны, тогда какъ богомилство олицетворяло національный духъ. Въ этомъ отношеніи оно приближалось *по мѣстнымъ условіямъ* къ православію, которое являлось выразителемъ національнаго сербства и подвергалось вмѣстѣ съ богомилствомъ преслѣдованію со стороны католическихъ властей.

Католическимъ центромъ для Босніи была Венгрія, православнымъ же центромъ—Сербія. Но тѣмъ временемъ какъ Венгрія, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей и при поддержкѣ папъ, оказывала активное и прямое воздѣйствіе въ дѣлѣ водворенія римской церкви въ Босніи, Сербія не принимала дѣятельнаго участія въ политикѣ Босніи и не навязывала ей силою свою православную вѣру. За эту вѣру была сама народность, ея характеръ и тѣ особенности, которыя были связаны на почвѣ сербской земли съ восточной церковью. Поэтому православіе распространилось въ Босніи-Герцеговинѣ шире, чѣмъ католичество.

Какъ отмѣчено уже выше, до конца XII вѣка въ Сербіи не было строгаго разграниченія между восточною и западною церквами. Самъ Стефанъ Неманя считался до 30 лѣтняго возраста въ лонѣ католической церкви, сынъ его Стефанъ Первовѣнчанный получилъ свою корону отъ папы. Но съ конца означеннаго столѣтія и особенно въ теченіе послѣдующаго (XIII), православная церковь получаетъ въ Сербіи исключительное преобладаніе и такъ тѣсно сковывается съ народною жизнью, съ національною идеею, какъ (за исключеніемъ Московскаго государства) нигдѣ. Укорененію православной церкви въ значительной степени содѣйствовали образованіе Неманею изъ сербскихъ земель организованнаго государственнаго цѣлаго, а равно неутомимая, самоотверженная дѣятельность его младшаго сына Растки, въ монашескомъ чинѣ Св. Саввы. Два начала: народно-государственное, положенное отцомъ (Неманею), и церковно-православное, установленное сыномъ (Св. Саввою) такъ тѣсно сплетаются въ теченіе всей исторической жизни сербскаго народа, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга не представляется никакой возможности. «Религіозность сербскихъ королей можетъ показаться—говоритъ Каллай—поверхностному наблюдателю ханжествомъ, но это не то, церковь была всегда вѣрною опорою истинно-національныхъ властителей; это была тѣсная связь между церковью и государствомъ, между ею и всѣмъ политическимъ существованіемъ націи; развитіе сербской церкви является уже по своей своеобразности однимъ изъ интереснѣйшихъ историческихъ явленій».

Въ 1221 году произошло фактическое отдѣленіе сербской церкви отъ византійской. Въ означенномъ году Константинопольскій патріархъ посвятилъ Св. Савву въ сербскіе архіепископы и предоставилъ новому архіепископству самостоятельность, съ тѣмъ, чтобы сербскій первосвященникъ рукополагалъ избираемыхъ синодомъ

въ епископы, патріархъ же ихъ утверждалъ. Съ этого времени православная церковь въ Сербіи все болѣе и болѣе крѣпнеть; храмы и монастыри умножаются. Богомилство совершенно теряется въ странѣ, находя себѣ пріютъ въ Босніи и далѣе къ западу—въ Далмаціи и Хорватіи. Однако и въ Босніи уже въ это время имѣется значительное число людей, признающихъ и согласныхъ признать себя въ лонѣ православной церкви. Поэтому Св. Саввою изъ устроенныхъ имъ епископствъ одно было учреждено въ Босніи, съ каедрою въ монастырѣ Св. Николая. Кромѣ того нѣсколько епископствъ находилось въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Босніею, въ томъ числѣ одно въ Захулміи (принадлежавшемъ тогда еще Сербіи), съ каедрою при монастырѣ Пресв. Богородицы.

Съ этихъ поръ православіе не перестаетъ развиваться въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Правда, о немъ слышно очень мало, случайно, но это становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что православная церковь не вела, да и не могла вести войну съ богомилствомъ въ той странѣ, въ которой сосѣдняя Сербія не играла политической роли, въ которой восточная церковь, въ свою очередь, преслѣдовалась со стороны церкви католической. Исторія развитія послѣдней извѣстна именно благодаря той борьбѣ, которую она вела въ странѣ. Исторія ея распространенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ боевая исторія Запада. Православная церковь распространялась силою вещей, мирно, исподволь. Мощь ея заключалась въ прочности церковно-народной организаціи въ Сербіи.

Надо замѣтить, что если внутренняя исторія Босніи мало по се время извѣстна, то исторія православной въ ней церкви покрыта почти полнымъ мракомъ. Венгерскіе источники, сообщаящіе много интереснаго въ отношеніи политической исторіи страны, не раскрываютъ внутренней ея исторіи, православная же церковь обходится ими почти полнымъ молчаніемъ. Что касается собственно боснійскихъ источниковъ, то они совершенно неизвѣстны. Были ли, подобно сербскимъ, лѣтописи чисто боснійскія, были ли боснійскія «житія»—остается вопросомъ. Во всякомъ случаѣ—говоритъ Качановскій—историческая наука ихъ не знаетъ. Сербскіе источники мало, по извѣстнымъ уже выше причинамъ, интересовались Босніею. Поэтому понятно, что свѣдѣній объ исторіи православія въ этой странѣ почти что совсѣмъ не имѣется. Это побуждало нѣкоторыхъ австро-венгерскихъ авторовъ (напр. Асбота) высказывать убѣжденіе, что, до прихода турокъ въ страну, въ ней со-

всѣмъ не было православнаго населенія. Босняки-герцеговинцы будто бы были либо богомилами, либо католиками. При нашествіи турокъ первые приняли магометанство, вторые бѣжали. Затѣмъ католичество будто бы распространилось частью проповѣдью, отчасти же благодаря возвращенію бѣглецовъ, а православіе появилось въ странѣ въ силу иммиграціи изъ Сербіи. Эти предположенія совершенно произвольнаго характера. Сколь ни скудны свѣдѣнія о православной церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ, тѣмъ не менѣе, древность ея въ этой странѣ не подлежитъ сомнѣнію.

Натискъ римской церкви былъ направленъ въ Босніи не противъ однихъ богомиловъ, но и противъ православныхъ. «Еретики» нерѣдко смѣшивались здѣсь съ «схизматиками». На это, по видимому, дѣйствительно были извѣстныя основанія, заключавшіяся въ отсутствіи той кровной вражды между ними, которая многократно выступала между богомилами и католиками. Изъ правителей Босніи православными были: Стефанъ Драгутинъ (впослѣдствіи католикъ), далѣе, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Стефанъ Котроманичъ (либо богомилъ, а съ 1340 г. католикъ), ватѣмъ Твиртко I (по мнѣнію Рачки, оспариваемому впрочемъ Руварацомъ), вѣнчавшійся королевской короною въ Милешевѣ. Братъ послѣдняго Вукъ, принявшій католичество, указывалъ въ 1368 г. папѣ Урбану V, что большая часть правителей Босніи принадлежала къ «схизмѣ» или «ереси», т. е. къ православію или богомилству.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что православіе гнѣвдилось въ Босніи уже издавна и на ряду съ богомилствомъ и католичествомъ. Это понятно. Съ тѣхъ поръ какъ Св. Савва повѣнчалъ въ 1222 г. своего брата Стефана по православному обряду, несмотря на то, что онъ до того (1219 или 1220 г.) уже получилъ корону отъ папы Гонорія III—съ тѣхъ поръ въ сербской землѣ не только православіе рѣзко отдѣлилось отъ католичества, но окрѣпло, поднялось, націонализировалось, а слѣдовательно стало проникать въ однородную Босну-Герцеговину. Дѣйствительно, цѣлый рядъ православныхъ монастырей, отчасти разрушившихся, извѣстны на почвѣ Босны-Герцеговины съ весьма древнихъ временъ. Такъ, Твырдошъ, у Требиньи, извѣстенъ съ 1270 г., монастырь Завалу (на Поповомъ полѣ) относятъ къ 1271 г., монастырь Озренъ, въ центральной Босніи (между Добоемъ и Дольней Тувлѣй) относятъ къ XIII—XIV в., Житомишличъ (у Мостара)—къ 1389 г., Милешево—къ 1234—40 г. Правда, за исключеніемъ Озрена всѣ названные монастыри при-

надлежать къ тѣмъ частямъ Босніи, которыя, какъ и Захуміе, вошли лишь впослѣдствіи въ составъ боснійскаго государства, но въ данномъ случаѣ оговорка эта не можетъ имѣть значенія, такъ какъ Захуміе уже въ первой трети XIV вѣка было присоединено къ Босніи и сверхъ того считалось болѣе упорнымъ въ отношеніи къ богомильству, чѣмъ послѣдняя. Захуміе-Герцеговина была особенно богата монастырями. Іеромонахъ Дучичъ (въ 50-хъ годахъ XIX в.) говоритъ о 15 разрушенныхъ турками православныхъ обителяхъ, въ ея же предѣлахъ уже издавна находился такой знаменитый очагъ православной вѣры, какъ Пивскій монастырь (нынѣ въ предѣлахъ Черногоріи), а равно другія обители, напр. Добричево, Косіерво, Малинско и Доволь.

Расширеніе предѣловъ Босніи за счетъ Захуміи и Требинскаго края, а равно другихъ чисто сербскихъ земель, имѣло громадное значеніе для укрѣпленія православія въ странѣ. Въ 1346 г. Сербія получила своего, независимаго отъ Константинополя, патріарха. Этотъ блюститель православной сербской церкви конечно не имѣлъ той власти какъ римскій папа, также какъ и короли сербскіе не равнялись въ отношеніи Босніи съ королями венгерскими. Крестовые походы сербская церковь не проповѣдывала. Тѣмъ не менѣе существованіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Босніею столь авторитетнаго лица, какъ *народный* патріархъ, не могло не ободрять младшихъ чиновъ церковной іерархіи и не подкрѣплять православное населеніе въ Боснѣ-Герцеговинѣ.

Католическая церковь, несмотря на всѣ силы, которыми она располагала, не имѣла успѣха въ Босніи не потому, что богомилы представляли непреодолимую мощь (многочисленные переходы богомильскихъ магнатовъ указываютъ какъ бы на противоположное), а потому, что церковь эта несла съ собою чужеземщину, ненавистную сербскому народу болѣе, чѣмъ какому либо иному племени. Богомильство крѣпло въ національномъ духѣ босняковъ, держалось именно имъ. Оно легче уступало національному православію, именно національному, а не византійскому. При кончинѣ Захумскаго герцога Стефана Косачи присутствовалъ, на ряду съ главою богомиловъ, съ «дѣдомъ», и глава православной церкви—Милешевскій митрополитъ. Такое трогательное слияніе представителей восточной и еретической церкви у праха того, который стоялъ за народныя особенности своей Герцеговины, за ея независимость—очень характерно. Оно немыслимо для представителей воинствующаго католицизма.

Національний духъ сербской церкви выражался въ ея приспособленіи къ народнымъ обычаямъ. Католичество навязывало свою вѣру со всѣми ея регламентаціями, со всею той обрядностью, которая была чужда сербамъ Босніи и Герцеговины. Православная церковь щадила обычай страны, освящала его, не заглушала духъ вѣры обрядовою ея стороною. Поэтому понынѣ среди православнаго населенія Босны-Герцеговины сохранилось празднованіе крестнаго имени (слава), величайшаго, на ряду съ Рождествомъ и Пасхою, торжества сербовъ. Церковное узаконеніе этого родового праздника имѣетъ громадное значеніе. Оно освѣтило церковью древній и дорогой для сербовъ обычай культа предковъ. Искоренія его (католики не празднуютъ крестнаго имени), католическая церковь требовала слишкомъ многого; такому требованію противились въ одинаковой степени какъ православные, такъ и богомилы.

Кромѣ празднованія крестнаго имени въ православномъ населеніи Босны-Герцеговины сохранилось много архаическихъ обычаевъ, обрядовъ, суевѣрій. Это давало поводъ многимъ австро-венгерскимъ авторамъ ставить католическое населеніе въ культурномъ отношеніи выше православнаго. Взглядъ этотъ крайній. Суевѣрія сохраняются въ высоко-культурныхъ классахъ общества, равно какъ и старинные обряды и обычаи. На почвѣ же Босны-Герцеговины эти обычаи знаменуютъ тѣсное сліяніе православной церкви съ духомъ народа, сліяніе, придающее громадную нравственную силу православной части населенія, составляющаго типичный контрастъ въ отношеніи безпочвеннаго католика, не знающаго своей національности и слѣдовательно не способнаго къ тому душевному подъему, который необходимъ для саморазвитія и національнаго прогресса всякаго племени.

Есть обычай въ Боснѣ-Герцеговинѣ, ставившій первоначальныхъ изслѣдователей страны въ тупикъ. Это татуировка, встрѣчающаяся въ католической части мѣстнаго населенія. Довольно сложныя фигуры, татуируемыя обыкновенно на рукѣ, связаны, какъ показали новѣйшія изслѣдованія (Глюка и Трухелки), съ символомъ креста ¹⁾. Католическое духовенство воспользовалось этимъ древнимъ обычаемъ иллирійскаго происхожденія и приурочило его

¹⁾ Подобная татуировка почти не встрѣчается среди населенія другихъ вѣроисповѣданій. Татуируемыя фигуры называются крижъ, крижеви (крестъ, кресты). Татуировка производится обыкновенно у церкви въ день Св. Іосифа, 19 Марта.

къ христіанству, дабы отмѣчать чадъ своей церкви «овець» отъ «ковлищъ». Сами францисканскіе монахи, случается, украшаютъ себя изображеніями крестнаго знамени на рукѣ или на пальцѣ. Подобныя клейма весьма наглядно обрисовываютъ тотъ духъ, который при распространеніи католичества римскою церковью и его разлічіе отъ духа церкви православной.

Въ литературѣ о Боснѣ-Герцеговинѣ установилось мнѣніе, что при завоеваніи страны турками богомилы приняли мусульманство, что въ современной магометанской части населенія страны слѣдуетъ видѣть потомковъ богомиловъ. Предполагаютъ, что послѣдніе, тѣснимые со всѣхъ сторонъ католиками, въ отчаяніи какъ бы бросились въ объятія турокъ, вѣру которыхъ они приняли. Нѣкоторые авторы усматриваютъ естественность подобнаго перехода въ общности мировоззрѣнія богомиловъ и мусульманъ. Эти предположенія остаются однако по сіе время недостаточно обоснованными.

Надо замѣтить, что богомилы, тѣснимые въ XV в. католическимъ правительствомъ Босніи, нашли убѣжище въ Герцеговинѣ, гдѣ какъ Сандаля Храничъ, такъ и его преемникъ Стефанъ Косача, были ревностными богомилами. Между тѣмъ Герцеговина осталась православною по преимуществу. Кромѣ того при Томашѣ Остоичѣ и Стефанѣ Томашевичѣ очень многіе магнаты приняли католическую вѣру. Отъ этого богомилство, вообще отживавшее свой вѣкъ, значительно ослабло. Нѣтъ основаній предполагать, что перемѣна вѣры совершалась всегда неискренно. Томашъ Остоичъ, принявъ католичество, былъ убѣжденнымъ приверженцемъ римской церкви; жена его Екатерина равнымъ образомъ была доброй католичкой, хотя ея отецъ Стефанъ Косача оставался до смерти богомиломъ. Бѣжавъ послѣ паденія Босніи въ Римъ, Екатерина была не одна; ее окружали семейства магнатовъ, въ томъ числѣ Клешичъ и жена Семковича, принявшіе вмѣсто богомилства католичество при Томашѣ Остоичѣ и т. д.

Сохранилось извѣстіе, передаваемое Фарлатой (XVIII в.), что незадолго до паденія Босніи, въ 1446 г., происходилъ въ Коницѣ, на границѣ Босніи и Герцеговины земскій соборъ, направленный между прочимъ противъ богомиловъ. Слѣдствіемъ этого собора былъ уходъ 40.000 богомиловъ изъ Босніи въ Герцеговину. Извѣстіе это не выдержало исторической критики. Тѣмъ не менѣе,

оно не безынтересно какъ сохранившееся, повидимому, преданіе объ очищеніи Босніи въ срединѣ XV в. отъ богомильской ереси, нашедшей себѣ послѣдній пріютъ въ странѣ Косачи. Выше уже указано, что въ означенное время богомильство въ Босніи можно считать побѣжденнымъ. Побѣда эта заключалась, однако, главнымъ образомъ въ признаніи католической вѣры. главою Боснійскаго государства. Бѣжавшіе въ Захулміе богомилы едва ли, какъ думаютъ, содѣйствовали паденію Босніи, такъ какъ именно Захулміе мужественно оборонялось. Во главѣ этой обороны стояли самъ Косача и его сынъ Владиславъ.

Поводами къ переходу въ исламъ служили, повидимому, свѣтскія, политическія выгоды. Извѣстно, что при завоеваніи турокъ лишь мусульмане сохраняли свои права. При перемѣнѣ вѣры въ Босніи и Герцеговинѣ шелъ вѣроятно тотъ же процессъ, что въ свое время у насъ въ Западной, Литовской Руси. Какъ здѣсь за князьями: Слуцкими, Зборажскими, Вишневецкими, Чарторыйскими, Пронскими, Масальскими и многими другими, перемѣнившими, въ видахъ сохраненія правъ и выгодъ, православіе на католичество, послѣдовали Ходкевичи, Сапѣги, Тышкевичи, Сѣмашки, Гулевичи и другія менѣе знатныя фамиліи, такъ и въ Боснѣ-Герцеговинѣ, вслѣдъ за Соколовичами, Твыртковичами, Златаровичами, Райковичами, Кулиновичами, Ченгичами, Бабирами, Филипповичами и многими другими, послѣдовалъ въ лоно ислама безконечный рядъ меньшей дворянской братіи. Переходъ высшаго класса въ исламъ происходилъ не въ одной только Боснѣ-Герцеговинѣ, но на всемъ пространствѣ завоеваннаго Балканскаго полуострова. Въ Боснѣ-Герцеговинѣ этотъ переходъ болѣе замѣтенъ, такъ какъ мѣстная аристократія съ развитымъ феодальнымъ строемъ не смѣшивается послѣ принятія магометанства съ турецкою массою, но остается при своихъ владѣніяхъ на мѣстахъ и продолжаетъ играть въ странѣ первенствующую роль. Исламъ принимали всѣ тѣ, которымъ мирскіе расчеты казались болѣе важными, чѣмъ «спасеніе души» и оттого въ ихъ числѣ встрѣчаются всѣ вѣроисповѣданія, равно какъ есть представители всѣхъ церквей съ негодованіемъ отвергающіе льготы, сулимые мусульманствомъ. Такъ, богомилъ Косача не сдается, равно какъ и его сыновья Владиславъ и Влатко, Магомету II, третій же сынъ Стефанъ принимаетъ исламъ. Православный Иванъ-бегъ Черноевичъ геройски защищалъ Черногорію въ теченіе всей своей жизни; одинъ изъ его сыновей, Георгій, отчаявшись

въ успѣхъ дальнѣйшей борьбы, ушелъ въ Италію, братъ же его Стефанъ (Станиша) принялъ магометанство. Католикъ Стефанъ Томашевичъ былъ ревностнымъ католикомъ, племянники же его, Сигизмундъ и Екатерина, тоже католики—перешли въ исламъ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести въ большомъ количествѣ. Они свидѣлствуютъ, что переходъ въ магометанство не слѣдуетъ ставить въ исключительную связь съ богомилствомъ. Сама народная пѣснь, по которой народный герой Марко Королевичъ принимаетъ исламъ, не ставитъ его поступокъ въ связь съ его первоначальнымъ вѣроисповѣданіемъ.

Можно думать, что въ первую очередь перешли въ мусульманство магнаты, которымъ въ противномъ случаѣ предстояло потерять всего больше, а за ними послѣдовала шляхта, которая также имѣла отъ этого перехода крупныя выгоды. Мысль эта подтверждается древними аристократическими традиціями современныхъ мусульманъ беговъ. За аристократіею послѣдовали вѣроятно холопы, судьба которыхъ была тѣсно связана съ благополучіемъ господъ. Но какъ въ Литовской Руси не всѣ поддавались давленію католичества и уніи и спасались, не желая поступиться совѣстью, въ Московское государство, такъ и изъ Босны-Герцеговины бѣжали многіе въ Далмацію, Италію, Хорватію и Венгрію, оставляя нерѣдко ближайшихъ сородичей, склонявшихся къ исламу въ отечествѣ. Какъ православная Литовская Русь можетъ гордиться Константиномъ Острожскимъ, твердо оборонявшимъ свою вѣру, такъ и Босна-Герцеговина имѣетъ своего героя вѣры—православнаго Милорадовича, семья котораго до послѣдней крайности держалась въ странѣ, переселившись въ единовѣрную Россію лишь въ XVIII в.

Конечно, въ такой странѣ какъ Босна-Герцеговина, гдѣ бокъ о бокъ существовали три вѣры, гдѣ нерѣдки были переходы изъ одной въ другую, гдѣ религіозныя воззрѣнія сталкивались, не всегда враждебно, другъ на друга вліяя,—тамъ не могло не образоваться, въ концѣ концовъ, шаткости религіозныхъ убѣжденій. Такая шаткость не могла не содѣйствовать съ своей стороны переходу многихъ въ магометанство. Въ какомъ количествѣ въ магометанское населеніе вошли православные, богомилы и католики сказать даже съ приблизительною точностью не представляется возможнымъ. Надо имѣть въ виду и то, что процессъ распространенія мусульманства шелъ медленными шагами и что религія эта, несмотря на поддержку государственной власти, достигла сравнительно весьма незначительныхъ результатовъ.

Нашъ извѣстный авторъ Гильфердингъ держится убѣжденія, что наиболѣе подходящимъ для распространенія ислама контингентомъ являлись во всѣ времена католики. Они отчуждались отъ идеи сербской народности и не имѣли слѣдовательно тѣхъ глубокихъ основаній стоять за свою религію какъ православные. Къ тому же, по мнѣнію названнаго лица, католики бывшіе богомилы, принужденные къ римской вѣрѣ силою, не могли твердо держаться своей церкви, благодаря извѣстному индеферентизму къ вѣрѣ вообще. Съ этими соображеніями, хотя теоретическаго характера, трудно не согласиться.

Какъ уже упомянуто, громадное большинство авторовъ указываетъ по вопросу о распространеніи магометанства на богомиловъ. Мысль о переходѣ именно ихъ въ исламъ какъ будто правдоподобна потому, что послѣ завоєванія Босны-Герцеговины о нихъ почти болѣе ничего не слышно. Отсутствие свѣдѣній о богомилахъ при турецкомъ водвореніи естественно однако и по другимъ причинамъ. Мусульманская сила обрушилась съ такою энергіею на все, что отвергало исламъ, что о какой либо борьбѣ христіанства съ богомилствомъ и рѣчи быть не могло. Христіанству гровилъ несравненно болѣе могущественный врагъ; онъ покрылъ собою весь Балканскій полуостровъ, онъ двинулся затѣмъ далѣе на сѣверъ, на Венгрію, достигъ неожиданнаго и колоссальнаго могущества. Мусульманское море затопило собою все и въ волнахъ этого моря вопросъ католико-богомилскій утопалъ по своей ничтожности.

Впрочемъ, богомилство не теряется съ приходомъ турокъ совершенно. Такъ, хроника XVI в. повѣствуетъ, что поселившіеся въ округѣ Темешвара сербы исповѣдуютъ частью православіе, частью богомилство (Стефановичъ-Вилевскій); о богомилахъ въ Босніи сообщаетъ и путешественникъ XVI в. Монтальбано. Свѣдѣнія, хотя и скудныя и отрывочныя, о ихъ существованіи въ Босніи еще въ XIX в. сообщаютъ разные авторы: они указываютъ на окрестности Коница, Ябланицы, Дрежницъ—какъ на мѣста пребыванія богомиловъ еще въ очень недавнее время. Надо имѣть въ виду, что съ водвореніемъ мусульманства въ странѣ нисколько не исключалась возможность дальнѣйшаго перехода богомиловъ въ христіанскую вѣру. Какъ католическая, такъ и православная церковь продолжаютъ свое существованіе и ассимиляція съ ними богомиловъ, отжившихъ свой вѣкъ, была вѣроятна. Въ данномъ дѣлѣ преимущество было, конечно, на сторонѣ православной церкви, вполне національной и болѣе терпимой, снисхо-

дательной и мягкой, чѣмъ католическая. Нельзя не отмѣтить, что между боснійско-герцеговинскимъ православіемъ и православіемъ русскимъ существуетъ значительное различіе въ томъ отношеніи, что боснякъ и герцеговинецъ, какъ и сербъ вообще, не придають столь вѣскаго значенія обрядовой сторонѣ религіи, какъ напримѣръ великороссъ. Таковое различіе по существу вѣры не имѣетъ никакого значенія, но въ отношеніи богомиловъ оно могло быть весьма важнымъ. Сербь кромѣ христіанскихъ-греческихъ именъ допускають при крещеніи свои народныя имена, не связанныя съ воспоминаніями о соотвѣтствующихъ святыхъ. Посѣщеніе церкви, молебны, крестные ходы и вообще вся та обрядовая сторона, которая столь любя нашему народу, не развита у сербовъ. Тѣльный крестъ не является въ Босніи и Герцеговинѣ обязательнымъ, иконопочитаніе равнымъ образомъ не развито въ той степени какъ у насъ. Украшеніе православныхъ могилъ крестами не считается необходимымъ, тогда какъ у католиковъ кресты ставятся всегда; за то сажаются фруктовыя деревья или ставятся шесть съ воткну-тыми яблоками и привязанными цвѣтными платками. Вообще сербу свойственна глубокая вѣра, но она понимается имъ болѣе отвлеченно и тѣсно ставится въ связь съ народнымъ обычаемъ. Эта особенность сербскаго православія могла, на ряду съ отсутствіемъ насилія, содѣйствовать сліянію значительнаго числа богомиловъ съ православнымъ населеніемъ. Это какъ бы подтверждается тѣмъ, что, несмотря на весьма значительныя выселенія, въ Босніѣ-Герцеговинѣ православіе, по числу приверженцевъ, занимаетъ первое мѣсто, тогда какъ католики вмѣстѣ съ магометанами еще въ недавнее время (до отчужденія части Герцеговины къ Черногоріи) составляли менѣе половины всего населенія.

Какъ бы то ни было, если исключить совершенно темный періодъ исторіи Босны-Герцеговины съ середины XV до XVII приблизительно вѣка, мусульманство является какъ бы на смѣну богомильству и населеніе страны продолжаетъ быть раздробленнымъ на три части. Мусульманство играетъ первую роль и отъ него зависитъ судьба какъ православія, такъ и католичества, для которыхъ наступаетъ совершенно новый періодъ.

Мусульманство, перенесенное на сербскую почву Босны-Герцеговины, приобрѣло своеобразныя оттѣнки, рѣзко отличающіе босняка—«турчина» отъ османлія. Боснякъ-герцеговинецъ мусульманской вѣ-

ры сохранилъ свой сербскій языкъ; не пересталъ пользоваться въ письменности кириллицею; къ многоженству онъ относится съ отвращеніемъ и случаи устройства гаремовъ въ турецкомъ смыслѣ принадлежали всегда къ величайшей рѣдкости. Боснякъ магометанинъ не оставилъ національной сливовицы, не стѣсняясь употребленіемъ ея нарушить одно изъ основныхъ положеній ученія ислама. Женщины до ихъ замужества пользуются свободою и дѣвушки не закрываютъ своего лица; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже женщины-мусульманки не носятъ покрывала. Боснійско-герцеговинскій турчинъ не бросилъ и народной пѣсни, національные герои воспѣваются и имъ, получая, впрочемъ, нѣкоторый не противорѣчущій мусульманскому достоинству оттънокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, народное творчество—пѣсня, столь свойственная вообще сербскому народу, продолжала самобытно развиваться среди босняковъ-герцеговинцевъ магометанскаго закона: героическій эпосъ отошелъ на второй планъ, уступивъ первое мѣсто лирической любовной пѣснѣ. Въ этомъ отношеніи въ аристократической части магометанскаго населенія слѣдуетъ отмѣтить тѣ рыцарскія чувства, которыя восприняты ихъ предками до покоренія страны. Мусульманскому сватовству въ Босніи предшествуетъ такъ называемый *ашиклукъ*, то тонкое и поэтическое ухаживаніе, которое столь чуждо магометанскому Востоку.

Законъ ислама, проникнувъ въ Босну-Герцеговину безпрепятственно и принятый частью народонаселенія добровольно, пускалъ свои корни, однако, медленно. Сербская натура туго поддавалась чуждому ей ученію. Магометанство усиливается постепенно, фанатизируетъ, правда, народъ, но не отрываетъ его отъ его старыхъ обычаевъ, взглядовъ, воззрѣній. Рядъ этихъ древнихъ обычаевъ и обрядовъ, частью распространенныхъ еще нынѣ повсемѣстно, частью сохранившихся лишь въ нѣкоторыхъ округахъ, частью встрѣчавшихся еще въ болѣе или менѣе неотдаленномъ прошломъ, съ наглядностью доказываютъ общность происхожденія христіанскаго и мусульманскаго населенія Босны-Герцеговины. Эти обычаи и обряды, въ свою очередь, показываютъ, что въ основу современнаго магометанскаго населенія легли элементы, исповѣдовавшіе разныя вѣры: православіе, католичество и богумильство.

Православный родовой праздникъ славы не сохранился среди магометанъ, но воспоминаніе о немъ живо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и держится понынѣ въ видѣ нѣкоторыхъ переживаній.

Еще сравнительно недавно (въ XVIII вѣкѣ) магометане иногда женились на христіанкахъ, не требуя отъ нихъ перемѣны вѣры. Дѣленіе года на арабскіе мѣсяцы мало извѣстно босняку-мусульманину, тогда какъ кромѣ рамазана и байрама онъ, какъ и герцеговинецъ, часто говоритъ: о Воскресеньѣ, Духовномъ днѣ, Рождествѣ, Успеніи, Рождествѣ Богородицы, Николиномъ днѣ и т. п. Засимъ, у магометанина Босны-Герцеговины сохранилось древнее кумовство, обычай, встрѣчающійся почти исключительно у православныхъ (у католиковъ рѣдко). Кумовство при свадьбахъ у мусульманъ исчезло, но частью приурочивается къ мусульманскому обряду обрѣзанія, частью же практикуется, какъ и у православнаго населенія, при обрядѣ стриженія волосъ. При этомъ кумомъ ребенка можетъ быть какъ магометанинъ, такъ равно и христіанинъ. Въ окрестностяхъ Яйце вмѣстѣ съ католиками магометане празднуютъ съ начала весны до жатвы четвергъ, въ который запрещено работать; обычай этотъ называется уветь (условіе). Въ окрестностяхъ Фочи мусульмане вмѣстѣ съ христіанами празднуютъ день Св. Прокопія; въ этотъ день все населеніе безъ различія религій не работаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ округахъ Босны-Герцеговины жители всѣхъ вѣроисповѣданій пользуются соскобленною съ средневѣковыхъ могильныхъ памятниковъ известковою пылью, вѣруя въ цѣлебность ея. Св. Георгій чтится нерѣдко и мусульманами. Погребальныя обряды во многомъ напоминаютъ православныя и католическіе. Могилы украшаются, такъ же какъ у христіанъ, яблоками и т. д. и т. д.

Несмотря, однако, на явную связь, фактически живо сохранившуюся между христіанскою и мусульманскою частями населенія, послѣднее во всѣ времена жестоко преслѣдовало своихъ христіанскихъ собратьевъ. Началось ли это утѣсненіе со стороны *мстныхъ* мусульманъ непосредственно послѣ покоренія страны турками—сказать опредѣленно трудно. Вѣроятно нѣтъ. Первый разрушительный толчекъ христіанству былъ данъ пришлыми врагами османліями. Но въ послѣдствіи, когда регенаты «сожгли свои корабли», когда имъ приходилось доказывать передъ стамбульскими властями свою лояльность, когда во второмъ и въ третьемъ поколѣніи начала ислама глубже проникли въ народъ, когда власть Турціи значительно укрѣпилась—тогда и христіанскому люду стало жить труднѣе. Прекрасныя мечети пришли въ XVI вѣкѣ на смѣну христіанскихъ храмовъ; послѣдніе разрушались десятками. Остатки этихъ церквей, частью сохранившіеся понынѣ, живо сви-

дѣлствуютъ, что нетерпимый духъ ислама глубоко проникъ и въ среду сербскихъ мусульманъ, отдавшихъ новой вѣрѣ со своей собственной славянскимъ народностямъ страстностью и преданностью своей религіи. Нѣкоторыя церкви передѣлывались въ мечети, напр. Карагѣозъ-джамя въ Мостарѣ, мечеть въ Самоборѣ на Дринѣ и др. Иныя церкви и монастыри просто разрушались до основанія, монахи подвергались истязаніямъ, смерти, монастыри же погибали совершенно. Такъ упразднилися монастыри и церкви въ Рамѣ, Модричѣ, Сребреницѣ, Граховѣ, Високѣ, Оловѣ, Дольней Тузлѣ, Коницѣ и Яйцѣ. Нѣкоторые, подвергшись разрушенію, продолжали свое существованіе, напр. въ Милешевѣ, Фойницѣ, Сутискѣ, Крешевѣ. Многочисленныя церкви обветшали и магометане нанесли лишь послѣдній ударъ; такъ, повидимому, погибла церковь Св. Георгія на р. Требиничицѣ, (впослѣдствіи возстановленная), Св. Георгія же въ окрестностяхъ Петровица, Св. Василия, въ окрестностяхъ Любинья, Св. Петра, въ окрестностяхъ Крупы, въ Устиколинѣ, на Бишче-полѣ, въ окрестностяхъ Фойницы, Висока и другія церкви во многихъ мѣстахъ Босны-Герцеговины. Неистовства мѣстныхъ мусульманъ, какъ сказано, начинаются съ XVI в. Съ этого времени наступаетъ систематическое искорененіе христіанскихъ святынь. Однако, едва ли не худшее время настало въ XVII в., послѣ первыхъ крупныхъ неудачъ турокъ, потерпѣвшихъ въ Европѣ рядъ пораженій и вынужденныхъ въ отношеніи христіанскаго міра перейти изъ наступательнаго положенія въ оборонительное. Вся ненависть, вся злоба противъ гяуровъ вымѣщается ими отнынѣ на своихъ подданныхъ. Въ это время довершается разрушеніе еще уцѣлѣвшаго. Положеніе христіанъ становится крайне тяжелымъ, почти невыносимымъ. Въ XVIII и началѣ XIX в. въ борьбѣ съ христіанствомъ уже не ощущается болѣе необходимости. Дѣло сводится на полное поработеніе, полное угнетеніе. Въ данную эпоху христіанское населеніе является уже вполне безправнымъ, молчаливою раіею (стадо). Надъ нею стоитъ сплоченная мусульманская аристократія, которая, не стѣсняясь никакими средствами, безнаказанно дѣлаетъ, что хочетъ. Мусульманскій духъ глубоко вкоренился въ извѣстную часть населенія, оно за исламъ жертвуетъ жизнію уже не по расчету, а по убѣжденію. Мало того, эта часть населенія коснѣетъ въ магометанствѣ, отвергаетъ наималѣйшій прогрессъ, всякое покушеніе на новшество разсматриваетъ съ религіозной точки зрѣнія. Фиксированныя нормы, подчасъ даже противорѣчація общимъ

магометанскимъ началамъ, возводятся въ законъ. Босняки-мусульмане начинаютъ упрекать Турцію въ отступничество отъ ислама: истинный, чистый магометовъ законъ—лишь въ Босніи, все остальное заражено гяурствомъ, достойно поэтому лишь презрѣнія. Традиціонный высоко-аристократическій духъ боснійскихъ магометанъ порождаетъ слѣсъ; высокомерное отношеніе къ демократической Турціи. Свой народъ христіанскаго закона—вдвойнѣ паріи: и какъ презрѣнные гяуры и какъ худородные плебеи. Лишь необходимость обработки земли оправдываетъ существованіе христіанъ, расы ни на что иное не нужной, вредной, богопротивной.

Угнетеніе христіанъ выражалось въ обремененіи налогами, въ ихъ гражданской неравноправности съ мусульманами и въ отсутствіи свободы отправленія богослужебныхъ обрядовъ. Христіанинъ работалъ на своего господина землевладѣльца, платилъ казенную десятину, арендную третину, налогъ за освобожденіе отъ воинской повинности, подвергался разнымъ случайнаго рода поборамъ, какъ напр. за право женитьбы, и т. п. Христіанинъ не могъ участвовать въ управленіи страной, не имѣлъ нигдѣ права голоса, свидѣтельство его на судѣ не признавалось; по любому указанію мусульманина, христіанинъ считался виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи. Наконецъ, въ первой половинѣ XIX вѣка стали требовать отличія въ одеждѣ христіанина. Убогія церкви едва терпѣлись. Малѣйшая поправка облагалась платою, церковныя процессіи не разрѣшались. Погребеніе должно было совершаться скромно, пѣніе не допускалось, колокольный звонъ считался преступленіемъ и церкви были лишены колоколовъ. Такое положеніе христіанскаго населенія приводило фактически къ полному его безправію. Мусульмане самовольно истязали христіанъ, грабили ихъ дома, крали дѣтей и обращали въ исламъ, пытками вынуждали лжесвидѣтельство христіанъ противъ своихъ же. Магометане безнаказанно убивали христіанъ, сжигали деревни, нападали на свадебныя поѣзды, оскверняли святыни. «Жизнь, личная свобода, честь, собственность, торговля, народное хозяйство, словомъ все, находится въ непрерывной опасности»—этими словами характеризовали положеніе христіанскаго народа въ Боснѣ-Герцеговинѣ податели памятной записки, представленной въ 1873 г. отъ лица христіанъ великимъ европейскимъ державамъ, гарантировавшимъ Парижскій трактатъ.

Такое безвыходное положеніе православныхъ и католиковъ босняковъ-герцеговинцевъ прекратилось послѣ нашей освободи-

тельной войны, имѣвшей послѣдствіемъ оккупацию Босны-Герцеговины Австро-Венгрією. Господство мусульманъ надъ христіанами кончилось, турецкіе чиновники, вмѣстѣ съ турецкими войсками, оставили страну. Мѣстные мусульманскіе беги и аги превратились въ равноправныхъ съ христіанами обывателей страны. Въ видахъ возможнаго обособленія босно-герцеговинскихъ мусульманъ отъ турецкаго міра, оккупационною властью въ 1882 г. учреждена должность мѣстнаго магометанскаго главы: рейсъ-эль-улемы. При немъ состоитъ особый совѣтъ изъ четырехъ членовъ (меджлисъ-эль-улема). Эти должностныя лица находятся на казенномъ содержаніи, получая: первый по 16.000 кронъ (6.400 р.), а вторые по 4.000 кронъ (1.600 р.) ежегодно. Послѣ оккупации, мусульманская часть населенія не вполнѣ утратила свое руководящее значеніе. Крупное землевладѣніе осталось въ рукахъ магометанъ, они же продолжаютъ составлять большую долю городского населенія. Поэтому за ними и по настоящее время сохранилась видная политическая роль. Въ большей половинѣ общинъ представители мусульманской вѣры составляютъ большинство. Первое мѣсто сохраняется за ними и въ городскомъ общественномъ представительствѣ. Городскія головы и ихъ помощники большею частью магометане. Нѣкоторые изъ представителей магометанскаго населенія такъ или иначе примирились съ существующимъ новымъ положеніемъ, хотя и продолжаютъ считать своимъ главою султана. Но большинство мусульманъ составляютъ оппозицію оккупационному правительству. Часть этого оппозиціоннаго населенія образуетъ прогрессивную партію, основанную на народныхъ началахъ. Они стремятся къ объединенію всѣхъ мѣстныхъ магометанъ и къ освобожденію церковнаго и школьнаго своего дѣла отъ надзора правительства. Наконецъ, часть мусульманъ остается непримиримой и ищетъ себѣ новое отечество въ единовѣрной Турціи. Выселеніе мѣстныхъ «турчиновъ» началось непосредственно послѣ оккупации. Статистическія данныя объ этомъ движеніи офиціальнаго характера имѣются, однако, лишь съ 1883 г. Согласно этимъ даннымъ, съ 1883 по 1899 годъ включительно, выселилось 16.692 мусульманина или по 982 души въ средній годъ. Эта цифра должна считаться весьма значительной, такъ какъ за тотъ же періодъ изъ Босны-Герцеговины выселилось: православныхъ—568, евреевъ—38, а католиковъ—лишь 16 душъ. Выселившіеся магометане составляютъ слѣдовательно 95% общаго числа эмигрантовъ.

Тяжелое нравственное состояніе современныхъ мусульманъ Босны-Герцеговины вполне понятно. Презрѣнный для него гяуръ не только не рабъ его, но хозяинъ страны, власть, требующая покорности и исполненія ряда распоряженій, не вяжущихся съ міровоззрѣніями аристократическаго бега. Не переставая оставаться въ нѣмой оппозиціи, беги эти, однако, не могутъ жаловаться на отсутствіе предупредительности мѣстныхъ властей. Тѣ изъ мѣстныхъ «турчинъ», которые менѣе знатны и менѣе богаты, частью ведутъ свою жизнь на старыи ладъ, занимаясь то земледѣліемъ, то торговлею, то содержаніемъ кофейныхъ, то ремеслами, частью же, приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни, ищутъ заработка въ извозѣ, на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ и заводахъ.

Оккупационное правительство, желая привлечь «турчиновъ» на свою сторону, ради вящаго успѣха борьбы съ православнымъ населеніемъ, ублажаетъ магометанъ всячески, переступая въ этомъ отношеніи всѣ предѣлы необходимости. Ихъ богоугодныя учрежденія опекаются, мечети отстраиваются, сооружаются новыя, школы субсидируются, духовный судъ развивается. Мусульманство какъ бы культивируется оккупационнымъ правительствомъ: проводятся въ жизнь правила Магометова закона, не всегда даже соблюдавшіеся мѣстными мусульманами. Въ войскахъ мѣстнаго происхожденія отъ солдатъ-магометанъ *требуется* точное исполненіе религіозныхъ предписаній ислама, причемъ контролирующимъ элементомъ является правительственный имамъ. Даже сторонники такого тенденціознаго направленія оккупационныхъ властей отмѣчаютъ, что «магометофильство» правительственныхъ органовъ доходитъ до крайностей. Дѣйствительно, не говоря уже о нравственной поддержкѣ, оказываемой мѣстному мусульманству, нельзя не отмѣтить крупныхъ издержекъ казны, произведенныхъ оккупационнымъ правительствомъ на религіозныя нужды магометанъ. За послѣднія десять лѣтъ на эти нужды израсходовано 1.155.751 кронъ, т. е. 462.300 руб., въ томъ числѣ по 800 р. ежегодно на торжественную пальбу во время рамазана.

Современный мусульманскій міръ Босны-Герцеговины изъ года въ годъ все болѣе и болѣе оцѣпляется культурнымъ европейскимъ міромъ. Какіе результаты въ этомъ отношеніи получаютъ въ будущемъ — предугадать трудно. Возможно однако думать—на то существуютъ характерные показатели—что среди элементовъ ислама въ скоромъ времени пробудится сознаніе

своего единокровнаго съ христіанскимъ населеніемъ происхожденія. Къ кому примкнуть вожаки магометанъ новой формациі—къ православной или къ католической части населенія—сказать пока съ опредѣленностью не представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ, отъ нихъ, т. е. отъ магометанъ въ значительной степени, стоитъ въ зависимости разрѣшеніе вопроса—должна ли Босна-Герцеговина остаться страной сербскою или превратиться въ страну хорватскую.

Магометанское населеніе занимаетъ, какъ ранѣе уже было отмѣчено, города. Кромѣ того оно разбросано въ разной пропорціи по всей странѣ ¹⁾. Болѣе или менѣе чисто мусульманскими мѣстностями можно назвать: крайній сѣверо-западный уголъ Босны-Герцеговины (котаръ Чажинъ) ²⁾, далѣе часть окрестностей средняго теченія Босны (въ котарѣ Зеница) и, наконецъ, по р. Спречѣ, въ котарѣ Дольняя Тузла. Затѣмъ магометанское населеніе преобладаетъ: на среднемъ теченіи р. Уны (котаръ Бихачъ, частью Петровацъ), на востокъ страны по верхнему и среднему теченію р. Дрины, на востокъ отъ верхняго теченія р. Босны (котары: Високо, Кладанъ), отчасти на востокъ отъ нижняго теченія р. Босны (котаръ Грачаница). Въ этихъ мѣстностяхъ магометане составляютъ отъ 60 до 80%, остальная часть населенія православная. Затѣмъ по верхнему и среднему теченію Неретвы (котаръ Коницъ) мусульмане перемѣшаны съ 20—40%, католиковъ. Наконецъ, на верхнемъ теченіи Вырбаса, въ котарахъ Дольній-Вакуфъ, Бугойно, Горній-Вакуфъ и Купрешъ, магометане живутъ смѣшанно съ православными и католиками, число которыхъ составляетъ по 20%. Магометанское населеніе почти нигдѣ не расположено (не считая городовъ) большими массами. Исключеніе составляетъ однако Подринье, а именно та его часть, которая примыкаетъ къ Косовскому вилаету: котары Сребреница, Рогатица, Вышеградъ (50—60%), Чайница и Фоча (60—80%). Въ остальныхъ мѣстностяхъ округа, преимущественно съ мусульманскимъ населеніемъ, очень раздроблены. Вообще говоря, мусульманская вѣра представляется какъ бы ворвавшейся съ востока и спорадически укрѣпившейся на востокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Босніи, а равно отчасти въ сѣверо-западномъ ея углу. Когда и какимъ образомъ установилось подобное положеніе—на это не представляется возможнымъ отвѣтить

¹⁾ См. приложенный къ этой главѣ чертежъ.

²⁾ Котаръ соотвѣтствуетъ нашей административной единицѣ—стану.

даже съ большей или меньшей вѣроятностью. Точныя статистическія данныя о народонаселеніи Босны-Герцеговины имѣются лишь со времени оккупации страны, особенно благодаря переписямъ 1885 и 1895 гг. Изъ опубликованныхъ официальныхъ данныхъ можно извлечь слѣдующія цифры. Въ 1879 г. магометане составляли 38,2% всего населенія, трехъ преобладающихъ вѣроисповѣданій, 1885 г.—37,1%, а въ 1895 г.—35,3%. Изъ этого видно, что мусульманское населеніе за 16 лѣтъ довольно значительно сократилось въ относительномъ числѣ. Это подтверждается и цифрами процента прироста. Такъ, съ 1879 г. по 1885 г. магометанское населеніе возрасло на 9,8%, т. е. оно увеличилось по 1,6% въ средній годъ; съ того же 1879 г. по 1895 г. процентъ прироста составлялъ 22,3%, или по 1,4% въ средній годъ; въ частности съ 1885 по 1895 г. процентъ прироста равнялся 11,4% или 1,1% въ средній годъ. Изъ этихъ цифръ съ несомнѣнною ясностью обнаруживается, что магометанское населеніе прогрессивно возрастаетъ медленно, причемъ возрастаніе это постепенно уменьшается, что и обусловливаетъ *относительное* убываніе магометанъ въ странѣ. Какъ ранѣе уже отмѣчено, причиною этого явленія служитъ эмиграція въ Турцію.

И приростъ магометанскаго населенія и его относительное убываніе не идетъ равномерно по всей странѣ, поэтому и общая картина сравнительнаго преобладанія магометанскаго населенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ мѣняется, хотя конечно и медленно. Не вдаваясь въ данномъ случаѣ въ излишнія детали, слѣдуетъ однако отмѣтить слѣдующее. Изъ шести окружій, соотвѣтствующихъ нашимъ уѣздамъ, въ 1885 г. всего больше магометанъ было въ Сараевскомъ (центръ и востокъ—52,4 %), засимъ въ Бихачскомъ (сѣверо-западъ) и въ Тузласкомъ (сѣверо-востокъ): здѣсь мусульманъ числилось по 45%, въ Травникскомъ (западъ)—31%, въ Мостарскомъ (югъ и юго-востокъ)—28% и въ Баянлукскомъ (сѣверъ)—23%. Въ 1895 г. ни въ одномъ изъ окружій магометане уже не составляли половины общаго числа жителей. При этомъ сравнительно наибольшій приростъ населенія дало Баянлукское окружье—по 1,8 % въ средній годъ, наименьшее же: Мостарское (по 0,75% въ ср. годъ) и Травникское (по 0,71%). Поэтому въ означенномъ году въ Сараевскомъ, Бихачскомъ и Тузласкомъ окружьяхъ магометане составляли лишь—по 43%, въ Травникскомъ—29%, въ Мостарскомъ—26%, и въ Баянлукскомъ—22%. Общее число магометанъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ по переписямъ

было: въ 1879 г.—448,613 душъ, въ 1885 г.—492,710 душъ и въ 1895 г.—548,632 души.

Послѣ завоеванія Босны-Герцеговины турками для мѣстной католической церкви наступаетъ совершенно новый періодъ ея исторіи, не имѣющій ничего общаго съ періодомъ предшествовавшимъ. Изъ воинствующей, поддерживаемой нѣличнымъ правительствомъ и подкрѣпляемой извнѣ, римская церковь превращается въ едва терпимую, гонимую и подавляемую. Она лишается всего своего блеска. Значеніе сосѣднихъ государствъ, еще недавно громадное, сводится почти на ничто. Католическая королевская династія упразднена, магнаты, частью бѣгутъ, частью принимаютъ исламъ. Уже ранѣе угнетенный народъ, воспринявшій отчасти католичество подъ сильнымъ давленіемъ, не выказываетъ твердости въ навязанной ему вѣрѣ. Опора церкви уже не правительство, а исключительно духовенство. По счастью для римской церкви управленіе ея сосредоточивалось въ однородныхъ рукахъ. Францисканцы національнаго происхожденія—вотъ тѣ люди, которыми всецѣло ввѣрены интересы босно-герцеговинской католической церкви. Поэтому исторія этого ордена въ странѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія католической церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Новый тяжелый ея періодъ длится очень долго, почти полныя 400 лѣтъ—до середины XIX вѣка.

По водвореніи въ странѣ магометанской власти, католическая церковь становится въ нѣсколько привилегированное, по сравненію съ церковью православною, положеніе. Султанскими грамотами за католиками признается право свободнаго вѣроисповѣданія, освобожденіе духовенства отъ податей, права церковныхъ учрежденій на землю и т. д. Причина этихъ льготъ заключалась въ характерѣ католическаго населенія. Католики не представлялись, съ точки зрѣнія мусульманскихъ властей, столь опасными какъ православные. Последніе олицетворяли собою сербскую народность, сплошь заселявшую значительную долю Балканскаго полуострова, народность, имѣвшую свои государственныя національныя традиціи, несовмѣстимыя съ турецкою государственною идеею. Католики представляли сравнительно безвредную группу: національныя стремленія не одушевляли ихъ, народность не была имъ извѣстна; къ тому же въ общей массѣ покоренныхъ Турціею на Балканахъ народовъ католики составляли меньшинство.

*

Невозможно опредѣлить какъ велико было католическое населеніе до паденія Босны-Герцеговины и въ какомъ численномъ отношеніи оно находилось къ богомильскому и православному. Но большое число монастырей (30) и церквей (150) позволяетъ думать, что католики въ старой Босніи были все же довольно многочисленны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по расположенію монастырей, отъ которыхъ и до настоящаго времени сохранились развалины, по воспоминаніямъ о нихъ, можно предполагать, что сѣверо-западъ страны представлялся весьма благонадежнымъ для католической церкви, благодаря сосѣдству съ Хорватіею. Здѣсь монастыри были рѣдки. На востокъ же, въ частности на юго-востокъ, католичество проникло мало—здѣсь монастыри совершенно отсутствовали. Главныя силы римской церкви были направлены на центръ страны, отъ Савы до Далматинскаго побережья. Здѣсь были расположены широкой лентой важные очаги францисканской проповѣди, монастыри: Модричъ, Тузла, Скакава, Градовирхъ, Олово, Усора, Лашва, Сутиска, Високо, Фойница, Крешево, Рама, Коницъ, Гламочъ (Жупаняцъ), Мостаръ и Любушки.

Первыя 50—60 лѣтъ турецкаго владычества сравнительно мало отразились на католической церкви, но приблизительно съ середины XVI вѣка начинается утѣсненіе монастырей, а затѣмъ и разрушеніе ихъ. Тяжесть положенія францисканцевъ увеличивается въ XVII вѣкѣ; наконецъ, изъ всѣхъ монастырей сохраняются только три: въ Фойницѣ, Крешевѣ и Сутискѣ. Такой ущербъ для католической церкви происходитъ не только отъ насилій магометанъ, но и отъ выселенія католиковъ и отъ перехода части ихъ въ магометанство. Силу этого перехода опредѣлить невозможно. Въ разныхъ мѣстностяхъ интенсивность этого процесса шла разнo. Современное относительное распредѣленіе густоты населенія по вѣроисповѣданіямъ съ несомнѣнною наглядностью показываетъ, что францисканскіе монастыри, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, способствовали сохраненію католической вѣры. Такъ, напримѣръ, и по сіе время католическое населеніе преобладаетъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ въ прежнее время распространялась дѣятельность монастырей, а именно въ окрестностяхъ Любушекъ, Гламоча, Мостара, Рамы, Крешева, Фойницы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ другихъ мѣстностяхъ монастыри не могли удержать населеніе изъ лонѣ католической церкви. Такъ, напр., населеніе бывшихъ Тузласкихъ монастырей, почти сплошь магометанское, въ окрестностяхъ Висока и Сутаски перемѣшано съ право-

славными. Въ окрестностяхъ бывшихъ монастырей Яйце, Зворникъ, Сребреница преобладаетъ православный людъ, перемѣшанный съ магометанами. Что касается запада страны, который, какъ можно полагать, былъ прежде наиболѣе католическимъ, то нынѣ, говоря вообще, въ немъ преобладаетъ православное населеніе, мѣстами же густо укоренились магометане.

Несмотря на извѣстную привилегированность, римская церковь оказалась въ турецкія времена въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ православная. Она потеряла опору, которая поддерживала ее извнѣ. Католическая вѣра базировала не на народности, не на національномъ чувствѣ, а на твердости духовныхъ руководителей — францисканцевъ. Церковь эта являлась поэтому слабой въ борьбѣ съ двумя противоположными началами — исламомъ и православіемъ и терпѣла постоянный ущербъ. На сторонѣ магометанской вѣры были матеріальныя блага, на сторонѣ православія — народность. Поэтому какъ мусульманское, такъ особенно православное населеніе, вопреки постоянной эмиграціи, увеличивалось въ числѣ за счетъ католическаго. Такая неустойчивость католичества вызывала особое презрѣніе магометанъ къ исповѣдникамъ Рима, выразившееся въ кличкѣ «шокацы». Слово это, впрочемъ, не турецкаго, а, какъ думаютъ нѣкоторые, иллирійскаго происхожденія и, лишь приуроченное къ католикамъ, получило характеръ браннаго слова. Выѣстъ съ тѣмъ, въ странѣ сохранилось понятіе о венгерскомъ, т. е. не національномъ происхожденіи католицизма въ Боснѣ-Герцеговинѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Крайнѣ, бывшей турецкой Кроаціи, католики называются мадьярами. Все это усугубляло невольное отчужденіе католиковъ отъ господствовавшаго населенія, какъ отъ православнаго, получившаго численное преобладаніе, такъ и мусульманскаго, сильнаго своимъ доминирующимъ положеніемъ.

Исключенія изъ общей массы католическаго населенія составляли францисканцы. Стоя по своему образованію выше толпы, твердо держась своей церкви, они пользовались полнымъ авторитетомъ среди своей паствы. Но и магометане съ своей стороны не отказывали имъ въ уваженіи. Этому способствовала «ученость» францисканцевъ, окружавшая ихъ извѣстнымъ ореоломъ таинственности и приводившая къ вѣрѣ въ ихъ сверхестественную силу. Изгоняя древнія языческія вѣрованія, отвергая силу языческихъ боговъ, францисканцы какъ бы принимаютъ на себя замѣстительство сброшенныхъ, но не уничтоженныхъ языческихъ идеа-

ловъ. Отъ «дурного глаза», отъ «навожденія дьявольскаго» спасаютъ уже не древніе обряды, а только Францисканскій монахъ. Лишь ему предоставлена сила борьбы съ мрачнымъ зломъ. Поэтому ладонки и разнаго рода талисманы, получаемые изъ его рукъ, приносятъ счастье, спасаютъ отъ житейскихъ бѣдъ. Францисканцы въ старое время изготовляли свои ладонки и талисманы собственно-ручно, но впослѣдствіи ихъ отъ этого труда избавила сосѣдняя Хорватія, снабжавшая Босну-Герцеговину большимъ количествомъ печатныхъ талисмановъ съ разнаго рода заклинаніями. Раздача подобныхъ ладонокъ, особенно печатныхъ, лишь подымала авторитетъ Францисканцевъ. Даже магометане, не свободные отъ суевѣрій, прибѣгали къ услугамъ могучихъ Фратероуъ.

Однако, ни авторитетъ, ни твердость Францисканцевъ не были въ состояніи удержать католичество въ народѣ на томъ уровнѣ развитія, на которомъ оно находилось ранѣе. Число католическихъ мірянъ неуклонно сокращалось, никакія проповѣди, никакія инныя старанія и даже татуировка не сдерживали перехода католиковъ въ православіе и магометанство. Слабость церкви обусловливалась ея собственнымъ характеромъ. Поэтому католическая паства оказалась къ срединѣ XIX вѣка въ необыкновенно жалкомъ видѣ. Въ большей части приходовъ числилось лишь незначительное количество мірянъ, несмотря на сравнительно большое количество Францисканскихъ братьевъ. Въ 50-хъ годахъ означеннаго столѣтія, кромѣ трехъ названныхъ монастырей, существовало лишь четыре католическихъ церкви, приходовъ было лишь 69, священниковъ же 92, а вообще лицъ духовнаго званія (монаховъ) 238. Такое положеніе церкви не могло не привести и само духовенство къ извѣстному апатическому состоянію. Дѣло, какъ говорится, валилось изъ рукъ. Католическая церковь безъ посторонней помощи обречена была на окончательную гибель.

Но именно въ это время извнѣ дается толчекъ, который вызываетъ впослѣдствіи радикальное измѣненіе въ положеніи католической церкви. Помощь идетъ изъ Австро-Венгріи, затѣмъ изъ Италіи (въ частности изъ Рима), наконецъ изъ Франціи. Съ середины XIX вѣка начинается новая эпоха исторіи римской церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Эта эпоха сначала характеризуется дарованіемъ новыхъ со стороны турецкихъ властей привилегій католической церкви. Далѣе ея укрѣпленіемъ, наконецъ ея господствомъ, которое, какъ и въ старину, въ XIV—XV вѣкахъ, придаетъ ей характеръ воинствующей церкви. Снова католичество

опирается на мѣстное правительство, былую аристократію замѣняетъ пришедшая католическая интеллигенція, а Австро - Венгрія старается довершить начатое когда-то Венгріею, но прерванное вторженіемъ турокъ, дѣло—окатоличенія мѣстнаго населенія.

Уже по Карловицкому миру (1699 г.) австрійскому императорскому дому было предоставлено покровительство католиковъ Оттоманской имперіи. Право это однако ничѣмъ не могло быть въ Боснѣ-Герцеговинѣ реализовано до 1850 г. Въ этомъ году въ Сараевѣ учреждено австрійское генеральное консульство. Событіе это было многознаменательно и имѣло въ послѣдствіи громадное значеніе. Въ лицѣ австрійскаго представителя въ Босну-Герцеговину вторгся европейскій контролирующій элементъ. Въ 1855—57 г. европейское представительство усилилось: въ это время учреждены были русское, французское и англійское консульства, въ 1863 г. итальянское, а въ слѣдующемъ году прусское. Всѣ эти консулы (не говоримъ уже объ австрійскомъ), даже тѣ, которые не принадлежали къ католическимъ державамъ, могли лишь способствовать возвеличенію католической церкви, къ развитію ея силы, могущества, такъ какъ всѣмъ этимъ наносился ударъ турецкой власти.

И дѣйствительно съ середины XIX вѣка положеніе католической церкви рѣзко мѣняется. При описаніи исторіи Мостарской епископской церкви было уже указано какимъ путемъ и какихъ успѣховъ въ 50—60-хъ годахъ достигло католичество въ центрѣ Герцеговины. Что касается вообще всей страны, то число церквей стало быстро возрастать. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ построены были три новые монастыря: въ Гучагорѣ, у Травника, въ Широкомъ Бригѣ, на западъ отъ Мостара и въ Горицѣ около Ливны. Число церквей достигло въ 60-хъ годахъ 11-ти, число приходоу же свыше 70. Количество священниковъ францисканцевъ равнымъ образомъ значительно возросло: въ 60-хъ годахъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ ихъ числилось 184, сверхъ того было 162 монаха и клирика. Въ это же время начинаетъ качественно улучшаться составъ священнослужителей. Главнѣйшая въ этомъ отношеніи заслуга падаетъ на епископа въ Дьяковѣ, Штросмейера (епископомъ съ 1849 г. по сіе время), устроившаго въ 1857 г. въ названномъ городѣ духовную семинарію спеціально для боснійскихъ францисканцевъ. Заслуги Штросмейера въ отношеніи католической церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ неисчислимы. Онъ обратилъ вниманіе на эту страну, поднялъ образовательный уровень хорватовъ и ихъ національное самосознаніе и тѣмъ самымъ приготовилъ въ ихъ лицѣ

сильный, убѣжденный, культурный и отчасти нафанатизированный элементъ, обрушившійся послѣ оккупации на Босну-Герцеговину и ведущій свою пропаганду не изъ-за отвлеченной религіозной идеи, а изъ идеи національно-хорватской. При такихъ условіяхъ римская церковь не могла не стать быстро на твердую почву. Теперь, когда эта церковь, поддерживаемая и мѣстнымъ правительствомъ и изъ Хорватіи, Венгріи и Рима, начала грознаю борьбу съ православіемъ, она является уже вполне организованною и представленною цѣлою арміею лицъ духовнаго сана. Вся страна раздѣлена на 4 епископства: Сараевское (архіепископство), Тузла-ское, Мостарское и Баянлукское. Эти епископства дѣлятся на 20 деканатовъ (протопресвитерствъ), причемъ одинъ приходится на 16.707 душъ. Деканаты раздѣлены на 149 приходовъ (кроме того 18 монастырей и резиденцій); одинъ приходъ считается на 2.242 души. Священно-служителей же, не считая іезуитовъ, 357 или 1 на 936 душъ.

По официальнымъ даннымъ на потребности католической церкви изъ мѣстныхъ средствъ расходуется сравнительно немного. По бюджету 1901 г. лишь представители высшей іерархіи и ихъ канцелярія пользуются пособіемъ отъ казны, которая въ означенномъ году несетъ издержки всего лишь въ 71.400 кр. или въ 28.560 р. Къ этой скромной цифрѣ слѣдуетъ однако прибавить болѣе крупную—въ 204,000 кр. или 81.600 руб., расходующую косвенно на нужды католической церкви и обозначенную въ бюджетѣ глухо подъ статьей «субвенции для религіозныхъ надобностей». Нѣтъ впрочемъ сомнѣній, что католическая церковь въ Боснѣ-Герцеговинѣ существуетъ главнымъ образомъ на средства, доставляемые изъ Австро-Венгріи, Рима и отчасти Франціи и расходимыя совершенно секретно.

Въ настоящее время мѣстностей съ болѣе или менѣе чисто католическимъ населеніемъ почти не существуетъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Вообще населеніе это осталось преобладающимъ въ трехъ частяхъ ¹⁾. Во первыхъ въ тѣхъ, которыя примыкаютъ къ Далмаціи: въ котарѣ Ливно, гдѣ оно перемѣшано на 20—40% съ православными, въ котарахъ Жупаняцъ (Гламочъ) и Любушки, которые могутъ считаться чисто католическими и въ котарѣ Столацъ, гдѣ католики перемѣшаны съ православными (20%) и магометанами (20%). Затѣмъ католики преобладаютъ по среднему и нижнему

¹⁾ См. приложенный къ этой главѣ чертежъ.

теченію Неретвы (к. Мостаръ), по р. Рамѣ (к. Прозоръ) и въ окрестностяхъ Травника и монастырей Крешева и Фойницы (к. Травникъ и Фойница). Здѣсь они перемѣшаны на 20—40% съ мусульманами. Наконецъ, католическое населеніе сохранилось преобладающимъ въ двухъ мѣстахъ по р. Савѣ, у нижняго теченія р. Босны (к. Дервентъ, съ примѣсъю 20—40% православныхъ) и далѣе на востокъ въ котарѣ Бырчкѣ (съ примѣсъю по 20% православныхъ и магометанъ). Сверхъ того нужно еще отмѣтить, что католики (съ 20—40% мусульманъ) преобладаютъ въ маленькомъ котарѣ Жепчѣ, на среднемъ теченіи Босны. Изъ распредѣленія относительной густоты католическаго населенія въ Боснѣ-Герцеговинѣ можно заключить, что главное вліяніе на сохраненіе количества имѣли съ одной стороны Далмація, затѣмъ уцѣлѣвшіе отъ разрушенія монастыри Фойница, Крешево и Сутискъ, а равно близость Хорватіи.

Если, какъ указано выше, магометанское населеніе Босны-Герцеговины, медленно возрастаая, относительно уменьшается, то католики, напротивъ, значительно увеличиваются числомъ въ странѣ. Такъ, абсолютное ихъ число съ 229.391 души въ 1879 г. возрасло къ 1885 г. до 265.788 д., а къ 1895 г. до 334.142 д. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и относительное число католиковъ увеличилось въ очень замѣтной прогрессіи. Въ 1879 г. католики составляли лишь 19,5 %, въ 1885 г.—ихъ было 20,0 %, а въ 1895 г.—21,4 %. Это увеличеніе шло неравномѣрно. Исповѣдниковъ римской вѣры прибавилось главнымъ образомъ въ первое время послѣ оккупации, а затѣмъ процентъ увеличенія нѣсколько понизился. Такъ, съ 1879 г. по 1885 г. католическое населеніе возрасло на 15,7 % или по 2,7 % въ средній годъ; къ 1895 г. процентъ этотъ (съ 1879 же года) достигъ 45,8 %, т. е. увеличеніе шло на 2,8 % въ средній годъ. Въ частности въ періодъ съ 1885 по 1895 г. католики увеличились на 25,7% или на 2,6% въ средній годъ.

Такой быстрый ростъ шелъ однако неравномѣрно по всѣмъ окружкамъ (уѣздамъ). Наибольшее увеличеніе шло въ Сараевскомъ окружѣ, которое за 10 лѣтъ (85—95 г.г.) дало по 4,2 % увеличенія въ средній годъ. Затѣмъ слѣдуютъ окружя, примыкающія къ Хорватіи: Бихачъ съ 3,4 % въ годъ и Банилука—съ 3% въ годъ. Меньше всего увеличилось католическое населеніе на западѣ и отчасти въ центрѣ, именно въ окружѣ Травникъ, съ 1,8 % прироста. Несмотря на столь неравномѣрный въ разныхъ мѣстностяхъ приростъ католическаго населенія, сравнительная его густота

въ отдѣльныхъ окружьяхъ осталась почти безъ измѣненій. Какъ въ 1885, такъ и въ 1895 г. на первомъ мѣстѣ по относительной густотѣ населенія осталось Мостарское окружье (югъ и юго-востокъ), въ которомъ въ 1885 г. католики составляли 38%, а въ 1895 г.—40%. На второмъ мѣстѣ какъ было, такъ и осталось Травникское окружье (западъ и отчасти центръ) съ 37% и 38%; на третьемъ мѣстѣ—Банялукское окружье (сѣверъ)—17% и 18%. На четвертомъ мѣстѣ въ 1885 г. стояло Тузлаское окружье (сѣверо-востокъ) съ 12%, а въ 1895 г. это мѣсто заняло Сараевское (центръ и востокъ) съ 17%. Это окружье стояло съ 1885 г. на пятомъ мѣстѣ и имѣло 14% католиковъ и замѣнилось въ 1895 г. Тузласкимъ—съ 14%. Наконецъ, послѣднее по порядку окружье, очень бѣдное католическимъ населеніемъ, было и осталось Бихачское (сѣверо-западъ); въ 1885 г. католики составляли здѣсь только 4%, а въ 1895 г., несмотря на громадный ежегодный приростъ (по 3,4 %),—4,5 %.

Уже ранѣе было отмѣчено, что большой приростъ католическаго населенія стоитъ въ тѣсной зависимости отъ иммиграціи въ Босну-Герцеговину уроженцевъ Австро-Венгріи и другихъ странъ ¹⁾. Надо замѣтить, что австро-венгерцевъ и вообще иностранцевъ въ странѣ еще до ея оккупациі находилось отъ 1,500 до 2,000 человекъ. Но такъ какъ ни принадлежность ихъ къ той или другой странѣ, ни ихъ вѣроисповѣданіе не извѣстны, то означенное количество чужеземцевъ не можетъ быть правильнымъ выразителемъ движенія и характера иммиграціи.

Перепись 1895 г. точно обозначаетъ число лицъ иноземнаго происхожденія. Ихъ въ означенномъ году было 70,848 д. Изъ этого числа 66,376 д. были уроженцами Австро-Венгріи, въ частности 24,018 д. изъ Австріи, 42,358 д. изъ Венгріи. Кромѣ того

¹⁾ Приписывать большой процентъ прироста католическаго населенія переходу въ лоно римской церкви пока, повидимому, оснований не имѣется. Статистическихъ данныхъ оффиціального характера о переходахъ изъ одной религіи въ другую совѣтъ не имѣется. Лишь одинъ авторъ, впрочемъ хорошо осѣдомленный, скрывающій свое имя подъ псевдонимомъ «ein Ungar» («Die Lage der Mohammedaner in Bosnien», Wien, 1900), отмѣчаетъ, что за время оккупациі лишь 144 человека перемѣнили свою вѣру. Причиной этого явленія обыкновенно женитьба. Согласно приводимымъ означеннымъ авторомъ даннымъ, за 21 годъ оставили свою религію: католиковъ—79, мусульманъ—32 и православныхъ—29 (остальные 4 человека принадлежали іудейскому и евангелическо-лютеранскому вѣроисповѣданіямъ). Приняли вѣру: православную—58, католическую—46 и мусульманскую—29. Въ результатъ прибыло: православныхъ—29 и убыло: католиковъ—33 и мусульманъ—3.

4,472 д. происходили изъ другихъ государствъ. Изъ означеннаго выше общаго числа иммигрировавшихъ въ Босну-Герцеговину иностранцевъ 40,752 д. были католики: изъ Австріи—20,209, изъ Венгріи—17,236, изъ другихъ же государствъ—3,307. Если слѣдовательно предположить, что до 1879 г. изъ 2.000 иностранцевъ $\frac{2}{3}$ были католики, то окажется, что первоначальное ихъ число равнялось 1,332 д. и что къ нимъ по 1895 г. прибавилось 39,420 д., или что первоначальное общее число католиковъ вслѣдствіе иммиграціи возрасло на 18,8% или по 1,2% въ средній годъ.

Что касается народности иммигрировавшаго въ страну католическаго населенія, то на этотъ вопросъ не дастъ прямого отвѣта перепись 1895 г. Тѣмъ не менѣе, возможно косвеннымъ путемъ опредѣлить національный составъ иновемнаго элемента, такъ какъ группировка народностей въ Австро-Венгріи довольно опредѣленна. Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что громадное большинство австро-венгерскихъ католиковъ славяне. Такъ, напримѣръ, изъ общаго числа иновемныхъ католиковъ: 11,834 приходится на Хорватію, 4,519 на Далмацію, 3,761 на Богемію, 2,570 на Крайну, 2,131 на Моравію, 1,731 на Штирію, 1,149 на Галицію. Такимъ образомъ на долю славянскихъ провинцій Австро-Венгріи изъ всѣхъ иммигрировавшихъ въ Босну-Герцеговину католиковъ приходится 27,695 д. Конечно, не всѣ они славяне, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что къ славянскому племени принадлежить большинство изъ нихъ. Къ тому же сюда возможно причислить незначительное число иновемцевъ, напримѣръ изъ Буковины, Каринтіи (Хорутанія) и т. д. Но наряду съ этимъ славянскимъ элементомъ водворилось значительное число католиковъ германскаго и венгерскаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, собственно изъ Венгріи (въ томъ числѣ и не венгерцевъ) прибыло 5,357 д., изъ провинцій Верхней и Нижней Австріи и Зальцбурга 1,294 д., изъ Тироля 1,039 д. Остальныя провинціи представлены слабо. Что касается указанныхъ выше 3,307 д. изъ другихъ, кромѣ Австро-Венгріи, государствъ, то, хотя и не представляется возможнымъ точно опредѣлить ихъ народность, тѣмъ не менѣе значительное число ихъ (вѣроятно даже большинство) слѣдуетъ отнести за счетъ германскихъ колонистовъ и другихъ эмигрантовъ Германіи, а равно Италіи, Россіи (поляки), Турціи (католическіе албанцы) и т. д.

Православное населеніе Босны-Герцеговины встрѣчается повсемѣстно. Сгруппировано оно, однако, преимущественно въ двухъ частяхъ страны ¹⁾. Оно рѣшительно преобладаетъ въ сѣверо-западной части и на востокѣ. Въ первой изъ означенныхъ частей (котары: Крупа, Сански-Мостъ, Петровацъ, Пріедоръ, Градишка, Ключъ, Гламочъ, Яйце, Варошъ, Тешанъ и Маглай) православные перемѣшаны (на 20%—40%) съ магометанами. Въ котарѣ Банялука, наряду съ православными, живутъ (20—40%) католики, котары Костайница и Пырняворъ, могутъ считаться чисто православными. На востокѣ страны отъ Савы до Далмаціи тянется широкая полоса равнымъ образомъ съ преобладающимъ православнымъ населеніемъ, отчасти смѣшаннымъ (на 20—40%) съ магометанскимъ. Эта полоса, образуемая котарами Бѣлина, Зворникъ, Власеница, Сараево, Невесинье, Гацко, Билеча, Любинье и Требинье, прерывается у верхняго теченія Неретвы магометанско-католическимъ котаромъ Коницъ. Въ южной части полоса эта, въ отношеніи распредѣленія народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ, нѣсколько мѣняетъ свой характеръ, а именно въ Любинѣ магометанъ замѣняютъ (20—40%) католики, а Билеча почти исключительно православный котаръ.

Въ отношеніи распредѣленія православнаго населенія надлежитъ замѣтить, что на относительную его густоту, повидимому, имѣли вліяніе какъ Сербія, такъ и Черногорія: востокъ страны, какъ сказано, занятъ преимущественно православнымъ людомъ, лишь со стороны Старой Сербіи (Косовскій вилаетъ) сгустилось мусульманское населеніе. Затѣмъ православіе удержало преобладаніе и со стороны католической Хорватіи.

Разсматривая Босну-Герцеговину съ точки зрѣнія распредѣленія въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ разныхъ вѣроисповѣданій, можно сказать слѣдующее. Въ преобладающее вообще православное населеніе вклинилось съ Далмаціи населеніе католическое. Клинь этотъ суживается къ сѣверу и раздѣляетъ, вообще, православное населеніе на двѣ большія группы: сѣверо-западную и восточную. Затѣмъ съ востока православное населеніе стѣснено магометанскимъ, мѣстами прорвавшимся и образовавшимъ спорадически мусульманскіе округа, частью въ центрѣ Босніи, частью же въ крайнемъ ея сѣверо-западномъ углу.

Православное населеніе, числившееся въ 1879 г. въ 496,485,

¹⁾ См. приложенный къ этой главѣ чертежъ.

а въ 1885 г. въ 571,250 душъ, возрасло къ 1895 г. до 673,246 д. Тѣмъ не менѣе процентъ, который оно составляло въ отношеніи общаго числа народонаселенія въ 1879 г.—къ 1895 г., почти совсѣмъ не измѣнился. Въ первомъ изъ означенныхъ годовъ православные составляли 42,3 %, въ 1885 г.—42,9 % и въ 1895 году—43,3 %. Вообще говоря, православное населеніе Босны-Герцеговины съ 1879 г. возрасло къ 1885 г. на 14,9 % или по 2,5 % въ средній годъ, а къ 1895 г. на 35,4 % или по 2,2 % въ годъ. Въ частности за послѣдне-означенныя 10 лѣтъ населеніе это увеличилось на 17,9 % или по 1,8 % въ годъ.

Увеличеніе православнаго населенія шло съ 1885 г. по 1895 г. во всѣхъ окружьяхъ довольно равномерно. Сравнительно большимъ процентомъ выдѣлялось Бихачское окружье (сѣверо-западъ), съ 2,4 % прироста въ годъ, а наименьшимъ—Тузлаское (сѣверо-востокъ), съ 1,4 % въ годъ. Въ остальныхъ окружьяхъ процентъ прироста колебался отъ 1,8 % до 1,9 % въ годъ. Въ трехъ окружьяхъ православное населеніе къ 1895 г. относительно нѣсколько уменьшилось сравнительно съ 1885 г. Такъ, въ Сараевскомъ (центръ и востокъ) процентъ 32,1 % снизошелъ до 32,0 %, въ Банялукскомъ (сѣверъ) съ 60,5 %—до 59,2 %, въ Тузласкомъ (сѣверо-востокъ) съ 42,3 %—до 42,0 %. Въ этихъ окружьяхъ православное населеніе претерпѣло (относительный) ущербъ въ пользу католическаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ трехъ остальныхъ окружьяхъ число православныхъ относительно возрасло. Это увеличеніе замѣтно главнымъ образомъ въ Бихачскомъ окружьи (сѣверо-западъ), гдѣ процентъ православныхъ съ 51,1 % въ 1885 г. возросъ до 52,7 % въ 1895 г., затѣмъ въ Травникскомъ окружьи процентъ православныхъ съ 31,6 % возросъ до 32,7 %, а въ Мостарскомъ съ 33,8 %,—до 34,1 % ¹⁾).

1) Въ дополненіе къ изложеннымъ статистическимъ даннымъ не безынтересно привести еще слѣдующія цифры, касающіяся *общаго и естественнаго* прироста населенія по вѣроисповѣданіямъ. Въ 1834 году населеніе Босны-Герцеговины, считая и отторгнутыя отъ нея части, распредѣлялось такъ: 53,5 %—православныхъ, 32,6 %—мусульманъ и 13,9 %—католиковъ. Въ 1850 г. населеніе страны, со включеніемъ нынѣшней черногорской, но съ исключеніемъ нынѣшней турецкой части Герцеговины, распредѣлялось по вѣроисповѣданіямъ такъ: 47,6 %—православныхъ, 36,9 %—мусульманъ и 15,5 %—католиковъ. По подсчету населенія въ 1879 г. въ Боснѣ-Герцеговинѣ, въ ея современномъ объемѣ, числилось: 42,3 %—православныхъ, 38,2 %—мусульманъ и 19,5 %—католиковъ. По переписи 1885 г.: 42,9 %—православныхъ, 37,1 % мусульманъ и 20,0 % католиковъ. По даннымъ переписи въ 1895 г. процентное отношеніе нѣсколько мѣняется: православныхъ—43,3 %, мусульманъ—35,3 % и католиковъ 21,4 %. Такимъ образомъ,

Что касается православнаго иноземнаго элемента, то онъ, какъ абсолютно, такъ и относительно, меньше католическаго. Къ 1895 г. иноземцевъ православной вѣры въ Боснѣ-Герцеговинѣ находилось 23.295 (противъ 40,752 католиковъ). Это число дало съ 1879 г. по 0,3% прироста (противъ 1,2% у католиковъ). Громадное большинство иммигрировавшихъ въ Босну-Герцеговину православныхъ (20.126) приходится на Хорватию и Славонию, затѣмъ 1911 д. пришли изъ Далмаціи, 608 д.—изъ Венгріи, 394 д. изъ другихъ государствъ. Что касается Австріи (за

съ теченіемъ времени православное населеніе *относительно* сократилось, благодаря отчисленію чисто православныхъ областей; число мусульманъ за послѣднее время равнымъ образомъ относительно сократилось, благодаря выселенію ихъ, а число католиковъ увеличилось, благодаря пришлему австро-венгерскому элементу. Увеличеніе или уменьшеніе населенія разныхъ вѣроисповѣданій можетъ вызываться, конечно, и относительной величиной естественнаго прироста. По этому вопросу въ нашемъ распоряженіи находятся точныя свѣдѣнія о рождаемости и смертности по вѣроисповѣданіямъ лишь за 1885—1886 г. (за 14 мѣсяцевъ: съ 1 Мая 1885 по 1 Юля 1886 г.). На основаніи имѣющихся цифръ, для этого времени можно опредѣлить слѣдующіе проценты *естественнаго* прироста: у католиковъ 2,0%, у православныхъ 1,9%, у мусульманъ 0,7. У послѣднихъ, слѣдовательно, естественный приростъ былъ почти вътрое меньше, чѣмъ у первыхъ. Это явленіе для указаннаго времени зависитъ главнымъ образомъ отъ малаго процента рождаемости: онъ составлялъ у мусульманъ лишь 2,9%, тогда какъ у православныхъ онъ 4,0%, а у католиковъ даже 4,8. Что касается смертности, то наибольшій процентъ ея приходился на католиковъ: 2,8%, у мусульманъ онъ: 2,2%, а у православныхъ меньше всего: 2,1%. Абсолютно населеніе исчислялось слѣдующее (въ тысячахъ): а) православныхъ—741 т. (1834 г.), 571 т. (1850 г.), 497 т. (1879 г.), 571 т. (1885 г.) и 673 т. (1895 г.); б) мусульманъ—452 т., 442 т., 449 т., 493 т., 549 т.; в) католиковъ—192 т., 185 т., 229 т., 266 т., 334 т., и г) всего (только три преобладающія вѣроисповѣданія)—1.385 т., 1.198 т., 1.175 т., 1.330 т. и 1.555 т. [Лютеранъ въ странѣ (въ 1895 г.) насчитывалось 3.596 д., евреевъ 8.213 д., остальныхъ исповѣданій 263 д.]. На основаніи приведенныхъ абсолютныхъ цифръ возможно опредѣлить слѣдующіе проценты *общаго прироста* населенія по вѣроисповѣданіямъ. Правильнѣе остановиться на цифрахъ 1879—1895 г.г., такъ какъ свѣдѣнія за 1834 и 1850 г.г. не основаны на переписяхъ, да и не относятся къ странѣ въ современныхъ ея границахъ. Приростъ за означенныя 16 лѣтъ (1879—1895 г.г.), какъ уже отмѣчено въ текстѣ, составляетъ: у православныхъ по 2,2% въ средній годъ, у мусульманъ—1,4%, а у католиковъ—2,8%. Въ частности проценты прироста за 1879—1885 г.г. были слѣдующіе: у православныхъ—2,5%, у мусульманъ—1,6%, у католиковъ—2,7%, а за 1885—1895 г.г.: у православныхъ—1,8%, у мусульманъ—1,1%, у католиковъ—2,6%. Эти проценты стоятъ въ тѣсной связи съ эмиграціею и иммиграціею населенія. Вполнѣ точныхъ свѣдѣній объ этихъ движеніяхъ изъ года въ годъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется. Но на основаніи существующихъ данныхъ слѣдуетъ считать, что съ 1879 по 1895 г.г. а) *выселилось*: магометанъ—17.000 д., православныхъ—500 д., католиковъ—8 д., и б) *приселилось*: православныхъ—23.000 д., а католиковъ—40.000 д. Принимая во вниманіе эти цифры, возможно опредѣлить *естественный приростъ* населенія за періодъ 1879—1895 г.г. въ слѣдующихъ процентахъ: у православныхъ—по 1,9% въ средній годъ, у мусульманъ—1,9% и у католиковъ—1,8%. Для большей наглядности и ради соображенія на сколько

исключеніемъ Далмаціи), то она дала незначительное число. Всего больше было изъ Галиціи и Буковины (127), Богеміи (30), Моравіи (25), Нижней Австріи (18), Крайны (17), Штирії (11) и т. д.

Церковь православная тамъ, гдѣ она вкоренялась, превращалась въ національную государственную. Не переставая оставаться единой по духу, церковь, приспособившись къ мѣстнымъ условіямъ, пріобрѣла разные оттѣнки. Сербская церковь, получивъ въ лицѣ Св. Саввы свою главу, не переставала оставаться въ тѣсномъ по духу единеніи со всѣмъ православіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она объединяла въ себѣ всю сербскую народность, обособила ее отъ другихъ, въ частности отъ греческой и болгарской. Эта особенность православной церкви, блестяще реализировавшаяся среди сербовъ, придавала имъ громадную нравственно-національную силу, благодаря которой сербы не погибли подъ тяжелымъ магометан-

та или другая часть населенія проиграла съ 1879 по 1895 г. отъ эмиграціи или выиграла отъ иммиграціи, полезно поставить приведенныя цифры въ слѣдующую таблицу.

Приростъ населенія въ средній годъ.	Православные.	Католики.	Магометане.
<i>Естественный ростъ.</i>			
Съ 1879 по 1895 г.г. . .	1,9%	1,8%	1,9%
<i>Общій ростъ.</i>			
Съ 1879 по 1895 г.г. . .	2,2%	2,8%	1,4%
Съ 1879 по 1885 г.г. . .	2,5%	2,7%	1,6%
Съ 1885 по 1895 г.г. . .	1,8%	2,6%	1,1%

Изъ этой таблицы видно, что у православныхъ и католиковъ естественный ростъ меньше общаго прироста. Въ теченіе всѣхъ 16 лѣтъ православные увеличивали путемъ иммиграціи свой ростъ на 0,3% въ годъ. Въ первыя 6 лѣтъ увеличеніе составляло по 0,6% въ годъ, а въ послѣдующія десять лѣтъ процентъ общаго меньше процента естественнаго роста: православное населеніе въ это время теряло по 0,1% въ годъ отъ эмиграціи. Католики, у которыхъ естественный ростъ нѣсколько меньше, чѣмъ у православныхъ и магометанъ, выигрывали передъ частями населенія другихъ вѣроисповѣданій, благодаря приселенію, весьма значительно. Въ теченіе 1879—1895 г.г. приселеніе католиковъ увеличивало ихъ естественный ростъ на 1% ежегодно, въ послѣднее десятилѣтіе нѣсколько меньше—на 0,8%. Магометане же, у которыхъ естественный ростъ больше, чѣмъ у католиковъ, терпѣли отъ эмиграціи сильный ущербъ: они теряли въ 16 лѣтъ по 0,5% въ годъ, а въ первыя шесть лѣтъ даже по 0,7% въ годъ.

скимъ игомъ, сохраняя зерно возрожденія для дальнѣйшаго культурнаго прогресса.

Центръ босно-герцеговинской православной церкви былъ, какъ сказано, въ Сербіи. Съ нашествіемъ турокъ центръ этотъ былъ подавленъ, разоренъ, порабощенъ. Магометанство наложило тяжелую руку не только на сербскую православную церковь, но на весь православный міръ Балканскаго полуострова, за исключеніемъ Черногоріи. Мірскія выгоды привели знатнѣйшихъ, «лучшихъ» людей, либо къ бѣгству, либо къ вѣроотступничеству. Бѣдный народъ остался съ духовными своими руководителями въ полномъ убожествѣ. Ни силы, ни власти, ни денегъ у этого народа не было, все было отнято вмѣстѣ со свободою. Совершенно въ иномъ положеніи находилась католическая церковь послѣ покоренія Босны-Герцеговины. Централизованная, незнающая національности, церковь эта не утратила съ завоеваніемъ страны своей опоры. Если прежній ея центръ Венгрія и оказался въ турецкихъ рукахъ, то все же на стражѣ ея интересовъ оставался Римъ. Этотъ заступникъ, такъ сказать, опекунъ оставался свободнымъ, ему никакой опасности со стороны турокъ не угрожало. Онъ былъ богатъ, средства стекались къ нему со всего католическаго міра. Онъ былъ силенъ, такъ какъ къ его услугамъ были всѣ католическія державы. Наконецъ въ этомъ центрѣ прогрессивно развивалось просвѣщеніе.

Столь равныя условія, въ которыхъ находились православная и католическая церкви, отразились на этихъ вѣроисповѣданіяхъ и въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Мѣстное католичество, лишенное силы въ самомъ себѣ и держась исключительно на духовенствѣ, начинаетъ, съ водвореніемъ въ странѣ турокъ, слабѣть, православіе же, сроднившееся съ народностью, проникаетъ въ нее глубже, распространяется и укрѣпляется въ странѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, католическое духовенство, не прерывая связи съ Римомъ, не утрачиваетъ и своего просвѣщенія. Оно возвышается надъ народомъ, дѣлается его полнымъ авторитетомъ и подготавливаетъ тѣмъ самымъ почву для усиленія въ будущемъ римской церкви. Православное же духовенство, утративъ свои очаги просвѣщенія, отчужденное и отъ греческаго церковнаго образованія, съ теченіемъ времени понижается въ своемъ умственномъ развитіи, почти смѣшивается съ общою массою населенія, коснѣетъ и доходитъ наконецъ до того, что безъ посторонней помощи не въ состояніи стать на ноги. Создаются условія, крайне осложняющія положе-

ніе православної церкви по отношенію къ церкви римской. Въ католическомъ населеніи Босны-Герцеговины слѣдуетъ видѣть элементъ, которому широко открыли двери просвѣщенія въ сосѣднихъ католическихъ странахъ, между тѣмъ какъ православному населенію достиженіе образованія во многомъ затруднено.

Положенное Св. Саввою начало самостоятельности сербской церкви не прекратилось въ послѣдующее время. Напротивъ, церковь окрѣпла ко времени Стефана Душана. Въ царствованіе этого государя, сербское архіепископство превратилось въ патріаршество, съ мѣстомъ пребыванія церковнаго главы въ Печѣ (Ипекѣ). Послѣ паденія Сербіи народно-сербскій патріаршій столъ прекратилъ на время свое существованіе: послѣ паденія Смедерева въ 1459 г. Печскій патріархатъ былъ соединенъ съ греческимъ Охридскимъ. Но въ 1557 г. турецкій великій визирь Мехмедъ Соколовичъ, родомъ герцеговинецъ, возстановилъ сербскую церковь, поставивъ своего брата Макарія Печскимъ патріархомъ. Въ 1690 г. послѣдовало, какъ уже указано раньше, громадное выселеніе сербовъ подъ предводительствомъ патріарха Арсенія Черноевича въ Венгрію. Переселеніемъ этимъ положено начало разъединенію православної сербской церкви и поработченію ея греческой патріархіею. Австрія не признаетъ всѣхъ ранѣ обѣщанныхъ переселенцамъ правъ, патріархія не удерживается въ новомъ отечествѣ бѣглецовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ей не удается прочно укорениться и въ родной землѣ. Въ 1737 г. изъ Сербіи идетъ новое большое выселеніе и на этотъ разъ опять съ патріархомъ (Арсеніемъ Іовановичемъ Шакабентомъ) во главѣ. Преемники его въ Венгріи носятъ титулъ митрополитовъ. Въ Сербіи же совершенно теряется автономія церкви, присоединенной къ Цариградскому патріаршему столу. Въ 1765 г. Константинопольскій патріархъ купилъ у султана право замѣщать своею властью всѣхъ епископовъ и съ этого времени въ Сербіи поставляются митрополиты изъ грековъ. Такое положеніе длится до 1832 г., когда съ образованіемъ новаго Сербскаго государства организована была и національная церковь съ народнымъ митрополитомъ, утверждаемымъ Константинопольскимъ патріархомъ. Что касается венгерскихъ сербовъ, то митрополиты ихъ несутъ съ 1848 г. титулъ патріарха, не имѣя, впрочемъ, отношенія ко всей сербской церкви. Послѣдняя раздроблена. Кромѣ названной митрополіи Сербскаго королевства, въ настоящее время, существуетъ указанная автокефальная церковь венгерскихъ сербовъ, образующая особое патріаршество въ Карловцѣ; далматинскіе сербы при-

надлежать къ Буковинской митрополіи, а Черногорія, въ свою очередь, образуетъ церковь съ митрополитомъ во главѣ. Это раздробленіе сербской земли въ церковномъ отношеніи, какъ слѣдствіе турецкаго нашествія и греческихъ домогательствъ, а равно переселенія патріарховъ Арсенія Черноевича и Арсенія Шакабента изъ Сербіи въ Венгрію, имѣло и имѣетъ для Босны-Герцеговины крайне пагубныя послѣдствія. Послѣ этихъ переселеній, положеніе высшаго церковнаго управленія въ странѣ сдѣлалось шаткимъ, и затѣмъ Босна-Герцеговинская церковь была какъ и Сербская подчинена греческому патріарху въ Константинополѣ. Результаты такого новшества были громадныя. Босна-Герцеговина лишилась своихъ народныхъ пастырей, а званіе и должность митрополита продавалась патріархомъ тому, кто давалъ большую плату. Національная церковь оказалась духовно порабощенной греками, которые, обирая народъ и унижаясь передъ мѣстными мусульманскими властями, нисколько не были заинтересованы въ процвѣтаніи церкви. Своєкорыстіе и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжественность и деморализація пришлыхъ греческихъ іерарховъ понижали и безъ того упавшій уровень священнослужителей. «Пока былъ сербскій патріархъ,—пишетъ Караджичъ,—и поставлялъ сербовъ митрополитами и епископами, эти послѣдніе могли стараться, чтобы священники и монахи что-нибудь знали; но греческіе митрополиты и епископы довели духовенство до того, что трудно найти священника, который умѣлъ бы хорошо читать. Они никогда не спрашивали, знаетъ ли что-нибудь тотъ, кто хочетъ принять священническій санъ, а смотрѣли лишь на то можетъ ли онъ платить. Отъ такихъ епископовъ нечего надѣяться на хорошее, такъ какъ они люди чужого народа и языка, притомъ такого народа, который никогда не былъ съ сербскимъ въ истинно дружескихъ отношеніяхъ. Наконецъ, они сами откупаютъ епархіи на годъ, а затѣмъ стараются собрать съ нихъ возможно больше денегъ, чтобы выручить капиталъ, дабы и впредь покупать и подкупать или же, въ случаѣ потери мѣста, жить до новаго удобнаго случая. Наконецъ, епископы сами большею частью люди простые, часто пропащіе, или монахи, вымаливающіе себѣ подаваніе отъ имени какого нибудь монастыря». Самъ народъ начинаетъ относиться съ ненавистью и съ презрѣніемъ къ высшимъ представителямъ своей церкви. Оскудѣніе идетъ быстрыми шагами. Однако, приблизительно съ середины XIX в. замѣчается подъемъ церковно-народнаго духа, въ которомъ, конечно, греческое духовенство не принимало и не могло принимать ни

малѣйшаго участія. Какъ важно было для сербской народности или части ея имѣть національнаго руководителя церкви видно на Черногоріи, въ которой роль владыкъ была такъ благотѣльна для сохраненія независимости маленькаго народца. Что же можно было ждать отъ иноземныхъ митрополитовъ и вообще іерарховъ, которые думали только о своемъ обогащеніи, а церковныя требы сводили на безсовѣстную торговлю. Для сербскаго народа, понимавшаго свою церковь лишь въ видѣ національнаго учрежденія, послѣдствія водворившагося порядка должны были быть неисчислимы.

Турецкое иго приостановило самостоятельное развитіе сербскаго народа, духовное его оскудѣніе идетъ быстро по наклонной плоскости. Въ турецкія времена въ разгаръ мусульманскаго владычества народное просвѣщеніе рѣзко падаетъ, почти совершенно утрачивается. Помощи между тѣмъ, казалось, неоткуда было ждать. Помощь Запада отвергалась, какъ опасная для самобытности церкви и слѣдовательно народа. Поэтому взоры угнетенныхъ обращаются къ отдаленной Россіи. Держава наша въ XVII в. настолько усилилась, что надежды, возлагавшіяся на нее южнымъ славянствомъ, не были неосуществимы, хотя бы и въ болѣе отдаленномъ будущемъ. Въ предѣлахъ единовѣрной Россіи появляются странствующие соплеменники съ юга, въ томъ числѣ и сербы. вмѣстѣ съ собираніемъ милостыни они запасаются и церковными книгами, которыя въ ихъ отечествѣ становятся болѣе рѣдкими. Эти представители угнетеннаго славянства и православія жалуются въ концѣ означеннаго вѣка на притѣсненія не только со стороны турокъ, но и «папешниковъ» и просятъ о заступничествѣ и зашитѣ. Въ XVIII в. ходатайства эти становятся настойчивѣе, натискъ католической церкви среди венгерскихъ сербовъ и навязываніе тамъ уніи становятся слишкомъ чувствительными. Многіе выселяются въ Россію. Въ ней одной сербы находятъ чистое, нетронутое православіе. Въ Россіи видятъ опору, отъ нея ждутъ поддержки и матеріальной и нравственной всѣ православные славяне, которымъ тяжело живется подъ иноземнымъ и иновѣрнымъ игомъ.

Дѣйствительно, въ XVIII и особенно въ XIX в. положеніе церкви среди православныхъ сербовъ и въ частности въ Боснѣ-Герцеговинѣ въ высшей степени осложняется. Она придавлена магометанскимъ правительствомъ. Съ сѣвера и запада окружаетъ ее католическій міръ, который съ измѣнившимся политическимъ

положеніемъ начинаетъ новую борьбу противъ православія. Духовенство, долженствующее быть опорой церкви — инородческое, по крайней мѣрѣ въ лицѣ большинства своихъ представителей. Церковь держится однимъ народомъ, его глубокою вѣрою, но народъ этотъ, духовно оскудѣвшій, лишенъ образованія, которое, при всемъ къ тому стремленіи, пріобрѣсти трудно. Общее положеніе церкви безъ помощи извнѣ становится почти безвыходнымъ.

Выше было указано, что католическая церковь по сравненію съ православной была въ Боснѣ-Герцеговинѣ церковью привилегированной. Это льготное ея положеніе увеличивало разнь между католиками и православными. Послѣдніе, не будучи въ состояніи достигать въ своихъ стремленіяхъ того, что съ легкостью подчасъ достигалось первыми, не могли не относиться съ антагонизмомъ къ католикамъ. Представители же римской церкви, сознавая, несмотря на льготное положеніе, внутреннюю слабость церкви, сугубо чувствительную тамъ, гдѣ они находились въ меньшинствѣ, — не щадили средствъ унижить и оскорбить православную церковь. Коренная распря церквей, перенесенная на почву Босны-Герцеговины, получила мѣстные особенности. Мелочные споры, несогласія, претензіи католиковъ и православныхъ на то или на другое кладбище, на ту или иную церковь, наконецъ изъ-за того или другого мірянина, собиравшагося жениться на иновѣркѣ, — все это выносилось наружу, приводило въ концѣ концовъ къ турецкимъ властямъ, которыя становились безконтрольными посредниками христіанъ. Надо, однако, ради справедливости отмѣтить, что, какъ о томъ свидѣлствуютъ авторы дооккупационнаго періода страны, въ церковномъ раздорѣ между православными и католиками роль защищающихся, по крайней мѣрѣ съ середины XIX в., выпадала преимущественно на первыхъ, тогда какъ католики являлись представителями агрессивной силы. Враждебныя отношенія церквей обострились со второй половины означеннаго столѣтія, когда и католическая и православная церкви Босны-Герцеговины начинаютъ становиться въ отношеніи турецкихъ властей на болѣе твердую ногу. Если прежде угнетенное положеніе церквей не приводило къ миру между ними, то болѣе поздній періодъ (50—70 г.) характеризуется полнымъ разрывомъ. Начинается настоящая борьба за существованіе. При этомъ римскій фанатизмъ сказывается съ полною силою. Католической церкви въ то время не доставало лишь власти, чтобы начать рѣшительную борьбу не противъ мусульманства — а противъ православія. Православное же населеніе старается

организоваться. Труды его въ этомъ отношеніи идутъ не безуспѣшно, но низкій уровень духовенства и мірянъ и слабая помощь извнѣ въ высшей степени осложняютъ его положеніе.

Рѣшительно всѣ авторы, писавшіе о Боснѣ-Герцеговинѣ, посѣтивъ эту страну въ періодъ дооккупационный (50—70 г.), единодушно отзываются о православномъ духовенствѣ крайне неблагопріятно. Въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія заподозрѣвать авторовъ въ пристрастіи. Слова ихъ звучатъ правдиво тѣмъ болѣе, что самые жестокіе упреки по адресу руководителей православной церкви идутъ отъ Гильфердинга, вполне преданнаго интересамъ сербской православной народности. «Православные священники и боснійскіе монахи невѣжественны выше всякаго вѣроятія», говоритъ между прочимъ означенный авторъ. Такое положеніе духовенства не представляло ничего удивительнаго. Иначе быть не могло. Положеніе это вызывалось съ одной стороны поработченнымъ состояніемъ сербскаго народа, которому неоткуда было получать постоянную и дѣятельную поддержку, съ другой же стороны—поработченіемъ греческими епископами и зависимостью церкви отъ Константинопольской патріархіи. Если православное духовенство, по выраженію Гильфердинга, «срамило свой санъ своимъ невѣжествомъ», то отвѣтственность за это цѣликомъ падала на вышнихъ его представителей греческой народности. Полная одичалость страны и общій гнетъ не позволяли думать о раціональномъ просвѣщеніи на мѣстѣ. Зависъ босно-герцеговинская православная церковь отъ свободнаго патріарха сербской народности, то, безъ сомнѣнія, наплась бы возможность содѣйствовать систематическому и организованному образованію духовенства за рубежомъ. Подобная мѣра была, какъ сказано, предпринята для опекаемаго извнѣ католическаго духовенства учрежденіемъ въ 1857 г. духовной семинаріи въ Дьяковѣ. Мѣра эта дала быстрые и прекрасные результаты для францисканскаго ордена въ Боснѣ-Герцеговинѣ. О православномъ духовенствѣ въ этой странѣ никто не заботился. Должности епископовъ въ Сараевѣ, Зворникѣ и Мостарѣ раздавались въ Константинополѣ за деньги. Естественно, что приходившіе въ Боснію блюстители церкви заботились лишь о своемъ обогащеніи. При этомъ владыки не думали о томъ, кого они поставляютъ въ священники. По свидѣтельству мѣстной лѣтописицы Стаки Скендеревой, владыка получалъ съ поставляемаго священника по 25 червонцевъ одновременно, не заботясь уже годится ли онъ для своего званія; при назначеніи на приходъ владыка получалъ отъ священника по талеру съ дома, за-

тѣмъ ежегодно «мирію» по числу домовъ (съ дома по 3 гроша и 4 пары), за освященіе воды ежегодно по 50 грошей и т. д. Пока архіереи избирались изъ среды народа, говоритъ мѣстный іеромонахъ Никифоръ Дучичъ (50 годовъ), они не были подобны посылаемымъ Константинопольской патріархіей; послѣдніе не заботятся объ управленіи церкви и духовенства и о просвѣщеніи народа, а только грабятъ церкви и монастыри, угнетаютъ народъ и духовенство и стараются объ истребленіи всего сербскаго. Самы «турчины», по свидѣтельству архимандрита Іоаннікія Памучины, (30—50 годовъ) и мѣстные мусульманскіе правители не стѣснялись бросать упрекъ греческимъ владыкамъ за притѣсненіе «сиротыни».

Невозможно точно опредѣлить сколько въ Боснѣ-Герцеговинѣ числилось въ 30—50 годахъ XIX в. православныхъ церквей. Въ юго-восточномъ углу, въ Требинскомъ краѣ, церквей и монастырей было довольно много, но большею частью они представляли изъ себя такія убогія помѣщенія, что приравнять ихъ мало-мальски къ понятію о церкви въ нашемъ смыслѣ весьма трудно. Къ тому же во многихъ изъ нихъ не происходило службы, они были «непокоющіе» по мѣстному выраженію. Тамъ же, гдѣ службы не прекращались, церкви часто были вовсе лишены крестовъ и иконъ; послѣднія хранились по домамъ у мірянъ, приносившихъ ихъ въ церковь только во время богослуженія. Остальная Босна-Герцеговина была почти совершенно лишена церквей; въ центральной Босніи, напримѣръ, не было ни одной сельской церкви. Положеніе это нѣсколько улучшилось въ 60—70 годахъ. Въ это время дѣйствительныхъ церквей и монастырей, не считая той части Герцеговины, которая отошла къ Черногоріи, было 25.

При такихъ условіяхъ нельзя не удивляться какъ много жизненныхъ силъ сохранила православная община и лучшіе представители ея духовенства. Послѣдніе сознавали крайнюю необходимость въ просвѣщеніи, тяготились низкимъ образовательнымъ, умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ своей братіи и мірянъ. Послѣ первой трети XIX вѣка стремленіе къ самообразованію и самовоспитанію становится рѣшительнымъ. Образованія ищутъ гдѣ только возможно: въ сосѣдней Сербіи, въ Россіи, въ Австро-Венгріи. Стараются самоучкою пріобрѣсти знанія. Основываютъ, насколько позволяютъ наличныя средства, элементарныя школы, строятъ планы объ училищахъ высшаго порядка—о духовной семинаріи, гимназій. Это національно-религіозное возбужденіе передается и мірянамъ всѣхъ слоевъ населенія. Собираются пожертво-

ванія и на училища и на церкви. Турецкія власти подкупаются, что даетъ возможность поправлять разрушающіяся церкви, возстановливать упавшіе монастыри, обзаводить храмы утварью и церковными книгами. Работа идетъ медленно, но упорно и съ успѣхомъ въ теченіе 40—50, особенно 60 и 70 годовъ. Въ этомъ возрожденіи кромѣ Сербіи играетъ важнѣйшую роль юго-восточная часть страны, граничащая съ Черногоріею. Здѣсь православіе издревле было сильнѣе, духъ народный свободнѣе, монастыри и церкви сохранились въ болѣе чистомъ числѣ. Поэтому и первые благодѣтельные признаки возрожденія шли именно отсюда. Они передались на всю страну, которая, несмотря на всѣ трудности и препятствія, начала настойчиво работать. При такихъ условіяхъ положеніе греческихъ владыкъ становится шаткимъ и вопросъ о замѣщеніи ихъ національными епископами является лишь вопросомъ времени. При развитіи общественнаго національнаго духа бразды церковнаго правленія переходятъ изъ рукъ высшихъ представителей іерархіи въ руки приходскихъ общинъ, которыя начинаютъ рѣшать не только узкіе приходскіе вопросы, но въ коллегіальныхъ собраніяхъ обсуждаютъ и общія во всей странѣ нужды. Но силы босно-герцеговинскаго православнаго люда были еще слабы и церковно-приходское управленіе не успѣло получить въ турецкія времена опредѣленной и прочной организаціи, были лишь намѣчены ея основанія, вытекавшія изъ жизненныхъ потребностей мірянъ. Къ тому же церковь оставалась въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха и чуждыхъ народу владыкъ.

Тѣмъ не менѣе, православная церковь въ Боснѣ-Герцеговинѣ, начиная со второй половины XIX в., рѣшительно крѣпнеть; духъ самосознанія развивается, общій уровень населенія возрастаетъ и турецкій режимъ становится невыносимымъ. Православное населеніе Герцеговины, а затѣмъ Босніи, поднимаетъ знамя возстанія и борется съ достойнымъ подражаніемъ мужествомъ за національное освобожденіе.

Этимъ возстаніемъ заканчивается второй періодъ исторіи православной церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ, началомъ котораго можно считать время покоренія страны. Въ этотъ періодъ православная церковь, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ и нравамъ, широко распространилась по всей Боснѣ-Герцеговинѣ, приобрѣла численное въ ней господство, пала въ своемъ уровнѣ и начала возрождаться и крѣпнуть матеріально и нравственно. Третій періодъ наступилъ

для жизни православія съ водвореніемъ въ странѣ австро-венгерскаго правительства.

Положеніе православной церкви съ оккупациею страны совершенно измѣнилось. Турецкую власть заступило европейское правительство.

Во второй половинѣ XIX в. ослабѣвшая Турція не могла не считаться съ христіанскимъ и въ частности съ православнымъ населеніемъ. Требования христіанъ были слишкомъ законны, ихъ домогательства поддерживались европейскими державами. Въ частности среди мѣстнаго православнаго населенія были такіе видные руководители народа, столь авторитетные его вожди, что не уступать ихъ требованіямъ, хотя бы и отчасти, не представлялось возможнымъ безъ серьезнаго риска. Опасность возстанія подъ руководствомъ вліятельныхъ главарей была слишкомъ велика и турецкое правительство не могло не идти на извѣстныя уступки. Подкупъ игралъ равнымъ образомъ видную роль, а капиталы, сосредоточившіеся въ рукахъ православныхъ коммерсантовъ, позволяли ставить дѣло вознагражденія турецкихъ чиновниковъ достаточно широко. Турція находилась уже подъ впечатлѣніемъ ряда возстаній, постепеннаго разложенія, отпаденія христіанскихъ частей государства. Съ сѣвера была постоянная угроза въ лицѣ Россіи, въ теченіе 150 лѣтъ побѣдоносно надвигавшейся на Турцію и покровительствовавшей православному населенію. Тѣсное нравственное единеніе балканскаго славянства съ единовѣрною Русью не подлежало сомнѣнію: славяне Балкана не скрывали этой связи. Россія, съ своей стороны, открыто признавала свои религіозно-нравственные интересы за Дунаемъ. Не только нашъ представитель въ Боснѣ-Герцеговинѣ, но и консулы другихъ державъ не могли не поддерживать православнаго населенія. Оно и для нихъ было христіанскимъ; поддерживая его, можно было съ большимъ правомъ отстаивать интересы католической части населенія. Къ тому же, недовольство православнаго люда было достаточно обосновано: неистовства мусульманъ были слишкомъ явны и вопіяли о защитѣ со стороны христіанской, культурной Европы противъ иновѣрной, варварской Турціи. Интересы всего христіанскаго населенія были силою самихъ вещей вѣрены представителямъ европейскихъ державъ; въ частности роль русскаго консула была опредѣленная. При всѣхъ этихъ условіяхъ турецкая власть, какъ ска-

зано, не могла въ 50—70 годах XIX столѣтія не идти на нѣкоторыя уступки: тутъ и тамъ воздвигаются церкви, Мостаръ и Сараево украшаются видными православными храмами, мѣстами открываются школы, сношенія съ единовѣрною Россіею развиваются, изъ нея притекають пожертвованія на церковно-школьное дѣло; приходскія общины организуются, крѣпнущъ. Православное населеніе исподволь оперяется. При этомъ оно имѣло и свои привилегіи. Православные, какъ и католики, сохранили извѣстную автономность. Брачныя дѣла въ ихъ гражданскомъ значеніи, по вопросамъ о приданомъ и содержаніи, относились къ вѣдомству церковныхъ судовъ; вся область завѣщательнаго права, поскольку оно вліяло на наслѣдство, входила въ кругъ вѣдѣнія тѣхъ же судовъ; школьныя программы утверждались, помимо турецкой власти, митрополитами, они же надзирали за школьнымъ управленіемъ. Такъ какъ должности священнослужителей раздавались за деньги, то, во время укрѣпленія православной общины, въ Босніѣ-Герцеговинѣ на эти должности проникли не въ маломъ числѣ и свои люди. Они принимали дѣло родной церкви близко къ сердцу, живя въ тѣсномъ единеніи съ общинами. Турецкое правительство не располагало другой силой, какъ грубой, матеріальной. Православнаго оскорбляли побоями, его убивали, либо обвиняя въ разбоѣ, либо вваливая вину на его единовѣрцевъ; его не заслушивали въ судѣ, считая показанія христіанина лживыми и незаслуживающими вниманія; его имущество грабили, не боясь суда. Но отъ него не отнимали оружія самообороны. Его не лишали посторонняго заступничества, ему предоставляли саморазвитіе на народныхъ началахъ.

Эту турецкую власть смѣнила власть австро-венгерская.

Послѣ оккупации страны православное населеніе сдѣлалось юридически совершенно равноправнымъ съ остальными частями босно-герцеговинскаго народа. Помощь, опека, поддержка извнѣ не вызывались поѣтому никакою необходимостью. Съ оккупациею Босна-Герцеговина какъ бы вошла въ составъ Австро-Венгріи—державы, включающей въ свои предѣлы многочисленныя народности, въ томъ числѣ народность и сербскую, единокровную и единовѣрную съ православными босно-герцеговинцами. Прежняя борьба православнаго сербства противъ мусульманства утрачиваетъ всякое значеніе, всякій смыслъ. Ни жизни, ни имуществу не грозитъ болѣе опасности; зависимость сербской церкви отъ греческаго патріарха какъ бы фиктивна. Въмѣсто прежняго случай-

наго заступничества европейскихъ державъ, вмѣсто покровительства отдаленной Россіи, Австро-Венгрія беретъ все православное населеніе въ постоянную опеку, интересы православной церкви обезпечены самимъ правительствомъ. Чиновники не подкупаемы, и тѣмъ самымъ православнымъ общинамъ сохраняется значительная доля ихъ прибылей. Австро-Венгрія не имѣетъ иныхъ жизненныхъ интересовъ внѣ своей территоріи, какъ только на Балканскомъ полуостровѣ, и потому интересы его населенія тѣмъ болѣе близко лежатъ къ ея сердцу. Съ Россіею же Босна-Герцеговина имѣетъ гораздо меньше общаго и по причинѣ языка и по причинамъ чисто территоріальнымъ. Какое отношеніе могли имѣть теперь представители иностранныхъ державъ къ мѣстному населенію?—Конечно, никакихъ. Сама церковная община утратила свое значеніе: ей незачѣмъ развивать свою дѣятельность, если само правительство входитъ во всѣ интересы народонаселенія. Поэтому вся организація общины подлежитъ рѣзкому измѣненію, во имя общихъ интересовъ страны. Расходы на церковь, на школу допустимы лишь въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ и церковь и школа руководятся самимъ правительствомъ. Населенію открыты широко двери къ сліянію съ имперіею въ одно органическое цѣлое.

Всѣ эти видимыя преимущества оккупации страны Австро-Венгріею на дѣлѣ жестоко отзываются на православномъ населеніи Босны-Герцеговины и на интересахъ православной церкви и сербской народности. Надо замѣтить, что православное населеніе страны не успѣло въ турецкія времена приобрѣсти вполне опредѣленную и твердую организацію. Эта организація шла съ 50-хъ годовъ XIX вѣка прогрессивно въ своемъ развитіи, но и борьба съ турецкими властями, и греческое происхожденіе многихъ священнослужителей и низкій образовательный уровень народа тормозили дѣло. Такимъ образомъ австро-венгерская власть, при оккупации, застала церковно-школьныя общины лишь при ихъ формации. Еще въ 60—70 годахъ происходили съѣзды (соборы) православныхъ представителей, обсуждавшихъ вопросы, касавшіеся всего православнаго люда въ странѣ. Но недоведенная до конца организація этихъ съѣздовъ и общиннаго управленія не позволяла и не позволяетъ развитъ православному народонаселенію ту силу, которую оно могло бы выказать при стройномъ самоуправленіи.

Къ тому же въ отношеніи удовлетворенія религіозныхъ нуждъ

современное босно-герцеговинское православное население находится въ значительно худшихъ условіяхъ, чѣмъ народонаселеніе католическое. Мѣстная православная церковь раздѣлена на три епископства: Сараевское (архіепископство), Мостарское и Тузла-ское; четвертое—Банялукское предположено учредить въ 1901 г. ¹⁾. Всѣ эти епископства раздѣлены на 25 протопресвитерствъ, а эти послѣднія на 200 приходовъ, не считая монастырей. Такимъ образомъ, одно протопресвитерство приходится на 26,929 душъ (у католиковъ на 16,707 душъ), а одинъ приходъ на 3,366 душъ (у католиковъ на 2,242 души). Затѣмъ священнослужителей православнаго вѣроисповѣданія въ Босніѣ-Герцеговинѣ 241 или по одному на 2,793 души, тогда какъ у католиковъ, не считая іезуитовъ, одинъ священнослужитель приходится на 936 душъ.

Отсутствіе организованности православнаго народонаселенія могло быть лишь на руку оккупационному правительству, въ видахъ скорѣйшаго подчиненія общины правительственной власти. Разрушая то, что уже существовало, расшатывая молодую и оттого не прочную еще организацію, вмѣшиваясь въ чисто церковныя дѣла православныхъ, католическая оккупационная власть достигла уже крупныхъ успѣховъ. Дабы имѣть развязанныя руки, необходимо было по возможности совершенно отторгнуть Босну-Герцеговину отъ внѣшней церковной власти—отъ Константинопольскаго патріарха. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе выгоднымъ для австро-венгерскаго правительства представлялось соединеніе босно-герцеговинской церкви съ венгерскою. Православное населеніе, однако, справедливо усматривая въ этомъ опасность для народной самостоятельности, безусловно воспротивилось отдѣленію отъ Царьградской патріархіи. При такомъ положеніи и не имѣя расчета доводить православное населеніе до крайняго раздраженія, оккупационное правительство заключило въ 1880 г. съ Константинопольскимъ патріархомъ конкордатъ, по § 6 котораго патріарху причитается отъ Австро-Венгріи по 58,000 грошей (шастровъ) ежегодно или по 3,480 р. въ годъ. Этимъ соглашеніемъ влияніе патріарха совершенно парализовалось и босно-герцеговинское православное насе-

¹⁾ Митрополиты и ихъ канцеларіи содержатся на мѣстныхъ казенныхъ средствахъ. По бюджету 1901 г. опредѣлено: Сараевскому митрополиту 16.600 кр., на консисторію и канцеларію ея и митрополита—26.200 кр., на содержаніе Мостарскаго митрополита—12.000 кр., на содержаніе митрополитовъ въ Тузлѣ и Банялукѣ—по 11.600 кр. и на остальныхъ должностныхъ лицъ православнаго церковнаго управленія—19.600 кр., а всего 97.600 кр. или 39.040 р.

леніе, оставаясь фактически безъ главы, было предоставлено въ борьбѣ съ инославнымъ правительствомъ самому себѣ и мѣстнымъ митрополитамъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ важнѣйшее значеніе получилъ вопросъ кто будетъ занимать должности высшихъ въ странѣ іерарховъ. При этихъ назначеніяхъ правительство руководилось, конечно, исключительно своими интересами. Крупное содержаніе изъ средствъ казны, а равно назначеніе митрополитовъ по возможности изъ венгерскихъ сербовъ—вполнѣ обезпечиваютъ, въ лицѣ мѣстныхъ епископовъ, интересы оккупационнаго правительства. Естественно, что народъ не можетъ относиться ни съ должной любовью, ни съ должнымъ уваженіемъ, ни съ должнымъ довѣріемъ къ своимъ духовнымъ руководителямъ. Для босняка-герцеговинца венгерскій сербъ, ставленникъ оккупационнаго правительства, есть не больше какъ «правительственный человѣкъ». Этотъ пришлый правительственный человѣкъ исполняетъ предначертанія властей, которыя выказали себя въ отношеніи православной части населенія враждебными. Правительствомъ поставленные митрополиты, съ своей стороны, считаютъ себя лишь относительно связанными съ интересами православнаго населенія. Они не входятъ, да и не могутъ входить, во всѣ тѣ соображенія своей паствы, которыми она живетъ, въ вопросы, которые ее волнуютъ. Обезпеченные казеннымъ содержаніемъ, митрополиты не могутъ не быть въ значительной степени «правительственными людьми», отторгнутыми отъ интересовъ, стремленій и надеждъ православнаго народа. Благодаря этому, въ православномъ населеніи утратилось и прежнее необходимое единство: высшая іерархія смотритъ на православное дѣло въ Боснѣ-Герцеговинѣ съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ населеніе. Одна часть послѣдняго, хотя и признаетъ авторитетъ своихъ епископовъ, однако осуждаетъ ихъ за ихъ распоряженія и дѣйствія, другая же стала въ открытую оппозицію въ отношеніи своихъ духовныхъ руководителей, оппозицію, предвѣщавшую разрывъ. Митрополиты правительственнаго направленія не могли, однако, сами по себѣ, значительно нарушить интересы православныхъ, пока въ тѣсномъ единеніи съ народомъ находились его приходскіе священники. Поэтому оккупационное правительство озабочилось и должности ближайшихъ къ народу пастырей замѣнить своими людьми. Задача облегчилась самими епископами. Избранные общинами священники не утверждались или лишались своихъ мѣстъ; ихъ замѣнили такъ называемые «субвенціонные» священники, т. е. получающіе особое содержаніе отъ правительства и

являющіеся послушнымъ его орудіемъ. Часть населенія поневолѣ примкнула къ новому положенію, другая же часть, не желая признавать правительственныхъ ставленниковъ, не оказавшихся на высотѣ своего призванія, совершенно отошла отъ церкви. Всѣ сношенія съ послѣднею были прерваны. Дѣтей перестали крестить, браки не заключались, погребеніе совершалось безъ участія церкви и ея служителей. Такое положеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ окружкахъ, особенно въ Сараевскомъ и Мостарскомъ, до настоящаго времени. Разрывъ паствы съ ея пастырями,—конечно, лишь выгоде для католической церкви: въ средѣ самого православнаго населенія созрѣваютъ элементы, способные содѣйствовать отчужденію отъ наличнаго церковнаго устройства. Католическіе священники, пользуясь указаннымъ положеніемъ православной церкви, укоряютъ ее въ слабости, въ неумѣнн управлѣться, противопоставляютъ свою организацію: «не долженъ ли—говорятъ они—у паствы быть одинъ пастырь, не въ Римѣ ли онъ, не слабы ли вы и не погибаете ли вы безъ нашего руководства; идите къ намъ, наша церковь съ любовью раскрываетъ вамъ свои объятія, готовая принять васъ въ свое лоно; давайте бесѣдовать о правильности нашей и вашей вѣры, давайте спорить, пусть споръ разрѣшитъ наше несогласіе; мы увидимъ справедливо ли вы себя называете православными». Для большей убѣдительности въ народѣ распространяются брошюры съ хулою на православіе и съ восхваленіемъ католической церкви. Брошюры эти по счастью, въ виду мало развитой грамотности народа, не достигаютъ пока намѣченной цѣли. Но на помощь литературѣ идутъ болѣе дѣйствительныя средства: католическіе образа и кресты, тѣ элементы уніи, которые въ свое время произвели должное дѣйствіе въ Литовской Руси. Православное населеніе не имѣетъ возможности противодѣйствовать въ достаточной степени этой католической пропагандѣ. Оно не располагаетъ средствами поддерживать духовное просвѣщеніе, на началахъ своей церкви, въ необходимой мѣрѣ. Оно лишено возможности на полемическую литературу католической церкви отвѣтить литературою въ пользу своей церкви, оно не можетъ замѣнить массу выпускаемыхъ въ народѣ католическихъ иконъ своими, оно лишено права публично пропагандировать начала своей церкви; у него даже отнято довѣріе къ своимъ собственнымъ священнослужителямъ. Все, чѣмъ еще выдѣляется православная церковь, ведетъ свое начало изъ турецкихъ временъ. Послѣ оккупации воздвигаются видныя зданія костеловъ, затмѣвающія скромныя православныя храмы.

Эти костелы сооружаютъ въ большомъ количествѣ и часто тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ католическаго населенія. Этотъ наплывъ католичества, стоящаго въ Боснѣ-Герцеговинѣ во всеоружіи въ видѣ грознаго врага православія и сербства, не можетъ не привести въ непродолжительномъ времени православную церковь къ самому плачевному положенію. Католическая церковь—государственная; на ея сторонѣ само правительство, за нее денежныя средства, въ изобиліи притекающія изъ за-границы, она опекается и руководится изъ государственнаго и церковнаго центровъ, за нее, наконецъ, агрессивная хорватская народность и образованность. Православная церковь въ Боснѣ-Герцеговинѣ одинока; ея глава, Константинопольскій патріархъ, ни мало не заинтересованъ ею, со стороны государства она лишь терпима, со стороны католической церкви она презрѣнна, какъ схизматическая; единовѣрная Россія не имѣетъ къ ней никакого отношенія ни матеріальнаго, ни нравственнаго; православная церковь связана въ странѣ съ сербскою народностью, ненавистною для народности хорватской; наконецъ, просвѣщеніе въ ней стоитъ на низкой степени развитія.

Руководителямъ православнаго населенія въ Боснѣ-Герцеговинѣ ясны положеніе ихъ церкви. Они сознаютъ, что слабость ея въ отсутствіи организаціи. Поэтому всѣ силы руководителей направлены на единеніе всего православнаго населенія. Это единеніе, въ той формѣ, о которой мечтаютъ передовые православные дѣятели, едва ли осуществимо, и по причинѣ существующаго раскола въ самой церкви, и по причинамъ чисто политическаго характера, такъ какъ предполагаемая организація, объединяя все православное населеніе, ставитъ на прочную ногу сербскую народность въ Боснѣ-Герцеговинѣ. Основанія выработаннаго, но не получившаго никакого движенія, устава церковно-школьнаго самоуправленія сводятся къ слѣдующему. Православная Боснійская церковь не автокефальная, но представляетъ единую автономную церковно-школьную область. Во главѣ стоитъ: а) «архіерейскій соборъ», наивысшее духовное учрежденіе по вопросамъ догматики, вѣры, церковныхъ обрядовъ, и б) «церковно-школьный соборъ» для управленія и надзора административнаго, собственно школьнаго и имущественнаго. Для ближайшаго управленія школьными и церковными дѣлами при церковно-школьномъ соборѣ стоитъ «соборный комитетъ»; для вершенія духовнаго суда во 2-ой степени при «архіерейскомъ соборѣ» стоитъ «великій духовный судъ». Каждая епархія имѣетъ свою «епархіальную скуп-

щину», при ней «епархіальный комитетъ» и «духовный судъ» первой степени. Въ свѣтскихъ учрежденіяхъ большая часть членовъ свѣтскіе, въ духовныхъ—лица духовнаго званія. Митрополиты избираются народомъ, одобряются патріархомъ и утверждаются императоромъ. Священники избираются общинами. Послѣдніе имѣютъ право пріобрѣтать и продавать свое имущество, получать дары и т. п. За правительственными властями сохраняется право надзора, разсмотрѣніе смѣтъ, контроль по вопросамъ о соотвѣтствіи программъ учебныхъ заведеній государственнымъ требованіямъ.

Этотъ уставъ, если бы онъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, несомнѣнно въ весьма значительной степени обезпечилъ бы интересы православной церкви. Но австро-венгерская власть, сознавая какая опасность грозитъ ей намѣреніямъ и цѣлямъ въ лицѣ организованной православной общины, дѣлаетъ все, чтобы не только не осуществились желанія православныхъ, но, чтобы возможно скорѣе распатать до основанія все, на чемъ покоится мѣстная православная церковь. Для этого отдѣльнымъ общинамъ препятствуютъ въ свободномъ избраніи народныхъ священниковъ, послѣднихъ удаляютъ, замѣняя правительственными ставленниками; мѣшаютъ постройкамъ церквей, запрещаютъ или затрудняютъ поступленіе пожертвованій на пользу приходовъ; стѣсняютъ отправленіе, съ должной торжественностью, церковныхъ торжествъ, не разрѣшаютъ возникновеніе церковныхъ хоровъ; конфискуютъ изображенія святыхъ, приравнивая ихъ къ картинамъ историческаго содержанія; дозволяютъ общинныя собранія лишь въ присутствіи полицейскихъ властей и чинятъ безконечное количество другихъ подобныхъ стѣсненій, дѣлающихъ жизнь общины почти невыносимой.

Конечно, хотя дѣйствія оккупационнаго правительства и его органовъ на мѣстахъ и безконтрольны, тѣмъ не менѣе явнымъ притѣсненіямъ все же положенъ извѣстный предѣлъ. Подобный предѣлъ существовалъ даже въ турецкія времена. Нынѣ, само собою разумѣется, неистовства австро-венгерскихъ чиновниковъ и духовенства, проявляющіяся спорадическими вспышками, не въ состояніи уничтожить въ странѣ православіе въ краткій срокъ. Наконецъ, явныя притѣсненія вызываютъ противодѣйствіе и сопротивленіе православнаго населенія. Жалобы послѣдняго слишкомъ громки и справедливы, на нихъ обращено уже всеобщее вниманіе. Но это лишь усиливаетъ негласное давленіе, тайное стѣсненіе.

ніе. И въ этой, такъ сказать, подпольной дѣятельности заключается главная опасность. Постройки католическихъ церквей тамъ, гдѣ живетъ исключительно православное населеніе, направленная въ пользу католиковъ аграрная политика, субсидированіе преданныхъ правительству священниковъ, изгнаніе священниковъ народныхъ, замѣщеніе должностей митрополитовъ лицами изъ имперіи, содержаніе ихъ на счетъ казны, распространеніе католическихъ иконъ и крестовъ, а равно брошюръ противоправославнаго направленія, главнымъ же образомъ закрытіе православныхъ школъ и замѣна ихъ интерконфессіональными правительственными—все это не можетъ не оказать въ ближайшемъ будущемъ крайне пагубнаго дѣйствія.

Поэтому весь босно-герцеговинскій вопросъ, сводящійся въ настоящее время на борьбу сербской и хорватской народностей, заключается въ борьбѣ православія и католичества. Силы въ этой, впрочемъ вѣковой уже, борьбѣ совершенно не равны. Неравенство заключается главнымъ образомъ въ степени просвѣщенія. Католическое оккупационное правительство страшно для православнаго населенія не тѣмъ, что оно противъ невооруженныхъ босно-герцеговинцевъ держитъ въ постоянной готовности цѣлый корпусъ солдатъ, а тѣмъ, что въ его распоряженіи находится школа, вооруженная армією католическихъ учителей, тѣмъ, что съ теченіемъ времени образовательный уровень мѣстныхъ францисканцевъ значительно поднялся, тѣмъ, что на помощь отечественнымъ францисканцамъ въ страну вѣдрились іезуиты, взявшіе часть народнаго образованія на себя, тѣмъ, что свѣтское духовенство высокаго образовательнаго уровня, тѣмъ наконецъ, что католическое населеніе Босны-Герцеговины опирается на высокообразованную, культурную и единовѣрную Австро-Венгрію и въ частности Хорватію, тогда какъ православное населеніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ опереться даже на сосѣднюю Сербію и Черногорію, которыя, въ отношеніи религіознаго просвѣщенія и вообще народнаго образованія, стоятъ еще на низкой степени развитія.

Л и т е р а т у р а.

Вопросы, касающіеся религіи и церквей въ Босніи и Герцеговинѣ, затрогиваются многими авторами. Во всѣхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ общій характеръ и упомянутыхъ подъ первою главой, конфессіональнымъ вопросамъ удѣлено весьма значительное мѣсто. Кромѣ того, рядъ историческихъ трудовъ и политическихъ брошюръ имѣютъ прямое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ Босны-Герцеговины. Сверхъ сего, надлежитъ отмѣтить еще слѣдующіе источники.

I. Христіанство, его распространеніе въ странѣ, его положеніе при турецкомъ владычествѣ, взаимное отношеніе христіанъ и мусульманъ.

Die Christen in Bosnien, Wien, 1853.

Гиргасъ.—Права христіанъ на востокѣ по мусульманскимъ законамъ. Спб., 1865 г.

Blau.—Annalen bosnischer Kirchengeschichte bis 1244 (Als Manuscript gedruckt Görlitz, 1872).

Christenverfolgungen in der Türkei unter d. Sultan Abdul—Hamid. Berl. u. Leipzig.

Поповъ.—Положеніе райи въ современной Босніи. («Слав. Собрн.», 1875, I).

Vambéry.—Bosnien u. Hercegovina oder die slavischen Unterthanen der Pforte. («Deutsche Rundschau», 1875, Novemberheft).

Kinkel.—Die christlichen Unterthanen d. Türkei in Bosnien u. Hercegovina. Basel, 1876.

Charmes.—La question religieuse en Bosnie et en Hercegovine. (Revue des deux Mondes, Juin, 1885).

Thomaschek.—Das christliche Element in der topographischen Nomenclatur d. Balkanländer. (Sitzungsber. der Wiener Akad. d. Wiss. h. ph. Cl. 136, 3).

Hörnes.—Glaube u. Aberglaube in der Hercegovina. («Ausland», LIV Jahrgang.).

Ugljen.—Donnerstag als allgemeiner Volksfeiertag in der Umgebung v. Jaice (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

II. Богомилство.

Петрановичъ.—Богомили, црква босанска и крстяне, у Задру, 1867.

Раѣки.—Bogomili i Patareni. Rad. Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, VII, VIII, X. 1869—70.

Левницкій.—Богомилство, болгарская ересь. («Христіан. Чтеніе», I, 1870).

Осокинъ.—Исторія альбигойцевъ и ихъ времени. Казань, 1869—72.

Веселовскій.—Калики переходже и богомилскіе странники. («Вѣст. Евр.», 1872, 4).

Hadschi Chalfa.—Rumeli und Bosna. (Deutsch von Hammer.).

Венгеровъ.—О богомиллахъ. («Слово», 1879, № 4).

Lombard.—Pauliciens, Bulgares et Bons-hommes en Orient et Occident. Geneve, 1879.

III. Православная Церковь.

Кромѣ нижеприводимыхъ источниковъ, надлежитъ особенно отмѣтить сочиненіе Гильфердинга (указанное подъ первой главой), «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія», въ которомъ удѣлено много мѣста Православной Церкви и православной части населенія Босны-Герцеговины.

Русская Весѣда, 1856 г. II. (Разсказъ архимандрита Іоаннікія о Герцеговинской мученицѣ Раисѣ Райковичъ).

Голубинскій.—Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской. М. 1871 г.

Геромонахъ Никифоръ Дучичъ.—Опытъ статистическаго описанія Требиньскаго, Препольскаго, Пльвельскаго и Невесиньскаго округовъ въ Герцеговинѣ. (Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, т. III, Спб., 1873).

Геромонахъ Никифоръ Дучичъ.—Описаніе монастырей Дужи и Твырдошъ въ Герцеговинѣ. (Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, т. III, Спб., 1873).

Ястребовъ.—Податка за исторіи Српске цркве. Београд., 1879.

Кулаковскій.—Праздникъ «Славы» у сербовъ («Русс. Вѣстн. » 1883, № 10).

Srbi u Ugarskoj, njihova povesnica, povlastice, crkva, političko i društveno stanje. S francuskoga preveo i popravama dapunio Dr. S. Povlović. U Novom Sadu, 1883.

Майковъ.—Православіе на востокъ. («Русс. Мысль», 1884, № 3).

Goršević.—Serbien u. d. Serben. Leipzig.

Ровинскій.—Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка Черногорскій. Спб. 1889.

Mihajlović.—Das Popovopolje in der Hercegovina u. d. Merkwürdigkeiten v. Zavalu. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Vitanović.—Das Kloster Ozren. (W. M. a. B. u. H., 1893, I). Дополненія къ этой статьѣ тамъ же: **Stratimirović**.—Die Kirche v. Ozren; **Rugarac**.—Die Inschrift in der Kirche zu Ozren u. d. Maler Pop Strahinja и **Stratimirović**.—Nochmals über die Kirche v. Ozren. Кромѣ того о той же церкви помѣщены статьи: въ журналѣ «Javog», 1880 г. № 7 и 1883 г. № 40; «Magazin srpsko dolmatinski», 1861. «Sarajevski list», 1884, № 114 (статья Казановича); «Bosanko hercegovacki Istočnik», 1890, (статья Петровича).

Шнелер.—Државно-правни положај Босне и Херцеговине, перевео Р. Веснич. Београд., 1893.

Архим. Дучич.—Историја српске православне цркве. Београд., 1894.

Липранди (Волынецъ).—Зачатки расколотиченія зап. славянства. Спб. 1895.

Александровъ.—Переходъ Елены Черногорской въ католичество. Казань, 1896.

Memorandum der serbisch—orthodoxen Kirchen u. Schul-Gemeinden aus Bos. u. Herceg. bezüglich Kirche, Schule u. Nationalität gemeinschaftlich übergeben zu Wien am 7 Dec. (25 Nov.) 1896 in der Allerhöchsten kaiserlichen Hofkanzlei.

Кирѣевъ.—Религіоз. задачи на православ. востокъ. Спб. 1896.

Косадинъ.—Цареградская патріархія и православіе въ Европейской Турціи. Спб. 1896.

Томичъ.—Православіе у Босни и Херцеговины. Београд., 1898.

Статути политичког друштва Српско Братство, Дубровник. 1898.

Нацрт устава црквене и школске самоуправе српског православног народа. У Новом Саду. 1898.

Кирѣевъ.—Старокатоличество въ связи съ славянскимъ вопросомъ. Спб. 1898.

Одѣж српског православног свѣщенства из Босне и Херцеговине. У Новом Саду, 1899.

Покори и ложна измотаванья Херцег-Босанске управе, у Новомъ Саду, 1899.

Гермогенъ.—Очеркъ исторіи славянскихъ церквей. Спб. 1899.

IV. Католическая Церковь.

Сверхъ нижеотмѣченныхъ источниковъ, важными по вопросамъ, касающимся католической церкви, являются труды объ исторіи францисканскаго ордена въ Босніи, о католическихъ монастыряхъ (приведены подъ предыдущими главами), а равно сочинение Клайча: исторія Босніи.

Брадицій.—Угорскіе шокацы (сербы католики) «Галичанинъ». 1867, № 19.

Blau.—Uebersicht der römisch-katholischen Bevölkerung Bosniens. (Zeitschrift für Erdkunde N. F, XI).

Ugljen.—Wie der Name Šokac entstanden ist. (W. M. a. B. u. H., 1893, I).

Glück.—Die Tätowirung der Haut bei den Katholiken Bosniens u. d. Herceg. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Truhelka.—Die Tätowirung bei den Katholiken Bosniens u. d. Herceg. (W. M. a. B. u. H., 1896, IV).

Barisić.—Kloster und Kirche der Franziskaner in Sućeska. (W. M. a. B. u. H., 1894 II).

Truhelka.—Auszug aus der Chronik des Fra Nikolaus von Lašva. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Farknői.—Cardinal Carvajal in Bosnien 1457. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Truhelka und Hörmann.—Olovo. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Radimský.—Die Kirchenruine von Dobrovina in Bezirke Visoko. (W. M. a. B. u. H., 1894, II).

Губеръ.—Иезуиты. Ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Спб. 1899.

XIII.

Народное образованіе.

Народныя школы въ турецкія времена. Преобразованія оккупационнаго правительства. Народное образованіе мусульманъ. Интерконфессіональныя правительственныя учебныя заведенія. Казенные расходы на народное образованіе. Борьба правительства съ православною школою.

Въ турецкія времена народное образованіе стояло на крайне низкой степени развитія. Въ мусульманскую часть населенія не проникла восточная ученость, что же касается католиковъ и православныхъ, то они, не располагая ни матеріальными средствами, ни какими либо правами, силою вещей были обречены на безграмотность. Кое какое образованіе держалось среди духовенства, не достигая вообще какъ у францисканцевъ, среди которыхъ оно стояло выше, такъ и у православныхъ священниковъ надлежащаго уровня. Собственно о христіанскихъ школахъ можно говорить начиная съ 50 годовъ XIX в. Свѣдѣнія, имѣющіяся за это время, не рисуютъ отрадной картины. Тѣмъ не менѣе, надо отмѣтить, что именно къ этому времени относится начало замѣчающагося возбужденія въ средѣ христіанскаго населенія къ развитію народнаго образованія. При этомъ, православные поддерживаются преимущественно Россіею, а католики—Австро-Венгріею. Несмотря, однако, на энергичное стремленіе къ прогрессу, въ этомъ отношеніи христіанское населеніе, вплоть до оккупации страны, отстаетъ, по крайней мѣрѣ *по количеству школъ*, отъ населенія мусульманскаго. Последнее имѣло, какъ то принято его единоувѣрцами въ Турціи, при каждой мечети особое училище, въ которомъ обучалось 20—30 дѣтей. Подобная постановка учебнаго дѣла, однако, не достигала желательной цѣли: мусульманскія дѣти, обучаясь грамотѣ и религіознымъ основамъ, усваивали преподаваемое съ трудомъ и въ концѣ концовъ выходили неучами, а невозмож-

ность примѣнить заученое къ жизни приводило къ забвенію и того немногого, что было усвоено въ школѣ. Характеръ мусульманскаго элементарнаго образованія извѣстенъ. Если оно вообще мало способствуетъ развитію обучающихся, то въ Боснѣ-Герцеговинѣ оно не имѣло и не имѣетъ никакого смысла. Уже неоднократно выше отмѣчено, что та часть населенія страны, которая исповѣдуетъ исламъ, не слилась съ турками, не превратилась въ турецкую народность; она осталась, какъ и была, сербскою, естественные интересы ея находились въ родной странѣ, а совѣмъ не въ мусульманской Турціи. Слишкомъ малочисленная по сравненію съ христіанскимъ населеніемъ, чтобы превратить Босну-Герцеговину въ мусульманскую страну, магометанская часть ея, при изложенныхъ условіяхъ, должна была скоро остаться за флагомъ, предоставивъ первое мѣсто въ отношеніи образованія православнымъ и католикамъ, которые нашли себѣ образецъ и поддержку въ христіанскихъ европейскихъ державахъ. Въ частности на православныхъ босно-герцеговинцевъ вліяло общее стремленіе къ образованію, обнаружившееся въ единовѣрныхъ и единомышленныхъ сербскихъ странахъ ¹⁾. Католики, въ свою очередь, находили опору въ сопредѣльной и единовѣрной Хорватіи. Степень образованія у католическаго и православнаго населенія въ 50-хъ и дальнѣйшихъ годахъ была болѣе или менѣе одна и та же, но характеръ самаго образованія былъ весьма различенъ.

Особенность обученія среди католиковъ Босны-Герцеговины заключалась въ томъ, что духовенство ихъ получало значительно лучшее образованіе, чѣмъ міряне. Вся школа находилась въ рукахъ францисканцевъ и слѣдовательно была такъ или иначе церковной. Для воспитанія лицъ, готовившихся къ духовному сану, были монастырскія училища, въ которыхъ предметы обученія въ низшихъ классахъ проходились на сербскомъ языкѣ, въ высшихъ же—на латинскомъ; свое богословское образованіе такіа лица завершали обыкновенно въ Дьяковѣ (Діяковарѣ) въ Славоніи или въ монастыряхъ Венгріи. Для общаго обученія остальнаго населенія существовали въ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ 27 содержавшихся францисканцами народныхъ школъ. Но преподаваніе

¹⁾ Въ Сербіи въ 30-хъ годахъ было уже 63 народныхъ школы (и одна гимназія); число ихъ въ 40-хъ годахъ возрасло до 173, а въ 50-хъ—до 274. Кромѣ того, въ 1845 году было 3 гимназіи, одно высшее учебное заведеніе и одно богословское училище.

въ нихъ было плохо и школы посѣщались мало, къ тому же не систематически. Причина этого заключалась въ крайней бѣдности населенія, вслѣдствіе которой мальчики являлись рабочей силою въ своей семьѣ, а равно въ разбросанности поселеній, не составляющихъ въ Боснѣ-Герцеговинѣ деревень въ нашемъ смыслѣ слова. Поэтому и результаты обученія были самыя ничтожныя, одинъ грамотный (впрочемъ едва умѣвшій читать и писать) прибавлялся въ годъ на 1000 человекъ. Школы поддерживались единовременными пособиями отъ правительства, а равно отъ частныхъ благотворительныхъ учреждений Австро-Венгріи. Въ 1865 г. учреждено было въ Сараевѣ на средства, отпущенныя австрійскимъ, итальянскимъ, французскимъ и турецкимъ правительствами, элементарное училище для католиковъ; преподаваніе велось спеціально подготовленными учителями и вообще было обставлено на европейскій образецъ.

Среди православнаго населенія Босны-Герцеговины не было въ 50—60-хъ годахъ, вообще, различія въ образованіи духовенства и мірянъ. Хотя лица духовнаго сана, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, и получали сравнительно высокое образованіе, но никакой въ этомъ отношеніи системы установлено не было. Общее число православныхъ народно-церковныхъ школъ (28) было почти то же, что и у католическаго населенія, но онѣ посѣщались большимъ числомъ учащихся; число мальчиковъ-католиковъ, посѣщавшихъ народныя школы, было приблизительно 200 на всю страну, православныхъ же 400—450. Кромѣ того, въ 50-хъ годахъ были учреждены четырехклассныя училища въ Сараевѣ и Мостарѣ. Въ каждомъ городѣ по два: одно для мальчиковъ, другое—для дѣвочекъ. Въ Сараевскомъ мужскомъ училищѣ воспитывалось 240, въ женскомъ—40, а въ Мостарѣ: въ мужскомъ—до 200, въ женскомъ—60. Средства на содержаніе всѣхъ этихъ православныхъ учебныхъ заведеній получались частью отъ русскаго правительства, частью отъ Австро-Венгріи (пособіе въ видѣ книгъ), частью отъ французскаго и итальянскаго правительствъ. Но главная сила для устройства и поддержанія православныхъ училищъ находилась въ церковныхъ общинахъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ Мостарское училище, прекрасная постановка котораго вызывала неоднократно одобренія постороннихъ лицъ. Училище основано было въ 1854 г. Средства для него собирались въ теченіе многихъ лѣтъ; наиболѣе крупныя лепты поступили отъ мѣстнаго купечества, поднимавшагося

къ этому времени до уровня довольно достаточнаго класса. Первоначальные предметы преподаванія были: чтеніе, писаніе, ариметика, катехизисъ, церковное пѣніе, грамматика и исторія Сербіи. Впослѣдствіи преподавались основы коммерческихъ знаній и заведены были высшіе классы для готовящихся къ духовному званію. Училище содержалось церковною общиною. Ежегодно члены ея собирались и обсуждали сколько кто имѣетъ платить; при этомъ, опредѣленной платы за обученіе дѣтей не полагалось и нѣкоторые бѣдные родители, имѣя въ училищѣ нѣсколькихъ дѣтей, совсѣмъ ничего не вносили за ихъ обученіе и, наоборотъ, лица, вовсе не имѣвшія дѣтей, но состоятельныя, вносили значительныя суммы. Сараевское училище подобнаго типа было поставлено хуже. Это происходило оттого, что Мостарская община поставила учителей изъ своей среды, глубокопреданныхъ дѣлу и получившихъ предварительно образованіе за границей, а сараевцы выписали преподавателей изъ венгерской Сербіи, причемъ, не имѣя возможности дать крупное содержаніе, имъ пришлось довольствоваться контингентомъ людей совсѣмъ не высокаго уровня, которымъ только и представлялось выгоднымъ отправиться въ полудикую Боснію.

Такимъ образомъ, въ турецкія времена въ Боснѣ-Герцеговинѣ, въ силу самихъ вещей, выработался типъ строго конфессіональныхъ школъ. При этомъ, мусульманскія школы образованы были по общему типу подобныхъ учебныхъ заведеній при мечетяхъ въ Турціи; католическія училища находились въ рукахъ францисканскаго духовенства, а православная школа содержалась и управлялась своей церковной общиною. Слѣдовательно, собственно какъ о народныхъ національныхъ школахъ можно говорить только о тѣхъ, которыя существовали у православнаго населенія.

Ко времени оккупации страны число училищъ католическихъ и православныхъ значительно возросло по сравненію съ 50-ми и 60-ми годами, тѣмъ не менѣе къ этому времени количественно они далеко отставали отъ мусульманскихъ. Общее число конфессіональныхъ школъ было къ означенному времени слѣдующее: мусульманскихъ мехтебе—499 и медресе—18, православныхъ церковно-народныхъ школъ—56, не считая Мостарскихъ и Сараевскихъ училищъ, о которыхъ говорено выше; католическихъ народныхъ школъ—54, не считая училищъ, предназначенныхъ для образованія лицъ, искавшихъ духовнаго званія. Въ такомъ положеніи нашло оккупационное правительство народную школу. Австро-Венгрія, какъ государство, въ которомъ народное образова-

ніе стоитъ высоко, не могла, въ лицѣ своихъ представителей въ Босніѣ-Герцеговинѣ, не обратить самаго серьезнаго вниманія на эту часть предстоявшей ей дѣятельности. Поэтому, немедленно по умиротвореніи края, мѣстныя власти принялись за школьный вопросъ. Дальнѣйшее существованіе конфессіональнаго раздѣленія училищъ было найдено совершенно невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, правительство, не упраздняя, впрочемъ, прямо существовавшія учебныя заведенія, задалось цѣлью совершенно уничтожить установившуюся ранѣе систему. Идя по этому пути, оно стало первымъ дѣломъ открывать на средства общаго бюджета страны интерконфессіональныя народныя школы. *Теоретически* такую мѣру невозможно не признать правильною. Въ самомъ дѣлѣ, если церковныя (будь то христіанскія или мусульманскія) школы могли быть терпимы въ турецкія времена, то лишь постольку, поскольку онѣ не превышали самаго ординарно-элементарнаго уровня. Невозможно, путемъ образованія, увеличивать разнѣ населенія, согласно его вѣроисповѣданію. Предоставивъ образованіе конфессіональному раздѣлію, можно было бы довести дѣло до открытія православнаго и католическаго университетовъ, т. е. довести его до чего то совершенно невозможнаго, небывалаго. Поэтому программа оккупационнаго правительства *теоретически* совершенно правильна. Однако, подобное соображеніе совершенно отвлеченнаго свойства привело на практикѣ къ полному неравенству отдѣльныхъ частей населенія. Въ ущербъ оказалось при этомъ собственно православное населеніе. Неравенство выразилось между прочимъ въ томъ, что мусульманское и католическое населеніе, составляя меньшинство, пользуется учебными заведеніями, въ устройствѣ и содержаніи которыхъ принимаютъ главное участіе православныя, которыхъ около половины всего населенія. Это имѣетъ, какъ сейчасъ увидимъ, большое значеніе.

Отъ реформы выиграли въ первую очередь мусульмане. Правильною постановкой учебнаго дѣла въ интерконфессіональныхъ народныхъ школахъ они получили возможность пріобрѣтать то образованіе, которое не были въ состояніи дать имъ ихъ старыя медресы, сохранившія, впрочемъ, право на существованіе. Затѣмъ надлежитъ отмѣтить, что оккупационное правительство пошло на встрѣчу интересамъ народнаго образованія мѣстнаго магометанскаго населенія. Такъ, ради удовлетворенія спеціально мусульманскихъ нуждъ, для магометанъ устроено шаріатское училище въ Сараевѣ, въ которомъ вырабатываются юристы ислама,—съ ассигнованіемъ

на это учебное заведение по 20.960 р. въ годъ (52.400 кр.). Далѣе правительство основало магометанскую учительскую семинарію въ Сараевѣ—даръ-уль-муаллиминъ. На это учрежденіе ежегодно расходуется изъ казны по 2.480 р. (6.200 кронъ). При правительственныхъ школахъ съ 1894 г. содержатся особые преподаватели магометаго закона. Они въ числѣ 112 содержатся за счетъ казны и на нихъ расходуется по 17.760 р. (44.400 кр.) ежегодно. Кромѣ того, правительство отнеслось сочувственно къ возникшему среди нѣкоторыхъ мѣстныхъ мусульманъ стремленію преобразовать мехтебе и содѣйствовало проведенію предположенной реформы. Мусульманскія мехтебе подлежали преобразованію еще въ турецкія времена, на основаніи законоположенія о государственныхъ школахъ 1869 г. По этому закону мехтебе должны были имѣть четырехлѣтній курсъ, въ теченіе котораго надлежало преподавать, кромѣ турецкаго и арабскаго письма, ариметику, географію и исторію Турціи. Законъ 1869 г. не встрѣчалъ сочувствія въ Босніи-Герцеговинѣ. Правда, въ босно-герцеговинскихъ мехтебе обучали кромѣ чтенія и письма арабскимъ буквамъ, но арабскій языкъ не преподавался. Преобразование нѣкоторыхъ мехтебе началось съ 1894 г. Съ поддержкою правительства къ 1900 г. преобразовано было 59. Содержаніе мехтебе новаго типа отнесено частью на вакуфныя имущества, частью на добровольныя пожертвованія, частью на казну, ассигнующую на это дѣло ежегодно по 8.000 р. (20.000 кр.) Преподавателями въ новыхъ мехтебе состоятъ хаджи, окончившіе курсъ въ мусульманской учительской семинаріи въ Сараевѣ.

Въ громадномъ, въ большемъ чѣмъ мусульмане, выигрыпѣ, отъ устройства правительственныхъ интерконфессіональныхъ школъ, оказалось католическое населеніе. Оно, вѣятое всецѣло, менѣе состоятельно, чѣмъ православное потому, что послѣднее выработало уже издавна торговый, довольно зажиточный классъ. Школы католиковъ не содержались общиною и субсидировались разными, но преимущественно австрійскимъ, правительствами. Католическое населеніе Босны-Герцеговины нашло въ оккупационномъ правительствѣ власть католическую же и оттого отнеслось къ нему съ полнымъ довѣріемъ; школа же оказалась поставленной хорошо. Этимъ и объясняется почему по умиротвореніи страны число католическихъ народныхъ школъ не увеличилось, а немедленно и зильно сократилось: съ 56 до 36 (1883 г.). Въ дѣйствительности же католическая часть населенія совсѣмъ не потерпѣла въ школь-

номъ образованіи, какъ то могло бы показаться при первомъ взглядѣ на цифры, а напротивъ того выиграло, такъ какъ вмѣсто 20 закрывшихся католическо-конфессіональныхъ школъ уже къ 1883 году были открыты 42 «интерконфессіональныя» школы, которыя фактически, однако, послужили на пользу католическаго населенія. Австрійскіе авторы, говоря съ похвалой о народныхъ неконфессіональныхъ школахъ и ссылаясь на официальную статистику, дѣлаютъ обыкновенно передержку въ цифрахъ: указывается на большое число открытыхъ школъ и приводится цифра учениковъ по вѣроисповѣданіямъ; при этомъ оказывается, что православныхъ значительно (соотвѣтственно общему распредѣленію населенія по вѣроисповѣданіямъ) больше, чѣмъ католиковъ. Передержка заключается въ томъ, что число православныхъ, обучающихся въ народныхъ школахъ, берется общее, т. е. какъ тѣхъ, которые обучаются въ школахъ интерконфессіональныхъ, такъ равно и тѣхъ, которые обучаются въ своихъ конфессіональныхъ церковно-приходскихъ школахъ, но послѣднія въ общее число народныхъ школъ не включаются.

Въ то время какъ конфессіональныя католическія училища за открытіемъ правительственныхъ школъ стали прекращать свое существованіе, православныя церковныя школы не сократились въ числѣ. Такъ, въ томъ же 1883 году, несмотря на открытіе къ этому времени 42-хъ правительственныхъ училищъ, число православныхъ школъ оставалось въ неизмѣнномъ (56), въ сравненіи съ временемъ дооккупационнымъ, положеніи.

Въ 1899 году мусульмане имѣли одно училище высшаго типа (шаріатское училище въ Сараевѣ), 40 среднихъ училищъ (одно для софтъ и 39 медресе) и 1005 низшихъ (мехтебе). Православные владѣли однимъ богословскимъ училищемъ въ Сараевѣ, однимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ для дѣвушекъ (въ Сараевѣ же) и 70 низшими основными школами. Католики имѣли одно высшее учебное заведеніе: богословское, содержимое іезуитами въ Сараевѣ, одну средне-іезуитскую гимназію въ Травникѣ и только 29 низшихъ основныхъ школъ. Слѣдовательно, тѣмъ временемъ какъ число учебныхъ заведеній послѣдняго типа у православныхъ, по сравненію съ дооккупационнымъ временемъ возрасло на 14, оно у католиковъ сократилось на 25. За то число правительственныхъ интерконфессіональныхъ основныхъ училищъ весьма увеличилось: въ 1899 году ихъ было 192, съ 23.020 учащимися (приблизительно 13% лицъ школьнаго возраста). Затѣмъ правительствомъ

содержалось 18 учебныхъ заведеній средняго типа: 2 мужскихъ гимназій, 3 женскихъ, 9 коммерческихъ училищъ, 1 реальное училище, 1 техническое, 1 ремесленное и 1 учительская семинарія ¹⁾.

По бюджету на 1901 годъ сумма, ассигнованная на нужды народнаго образованія, составляетъ 5, 8% общей суммы бюджета. А именно, всего на народное образованіе отпущено 2.475.425 кронъ. Этотъ расходъ возможно раздѣлить на издержки чисто конфессіональнаго характера, на издержки по содержанію правительственныхъ учебныхъ заведеній и пособій и на издержки, имѣющія въ отношеніи народнаго образованія косвенное значеніе. Къ послѣдняго рода расходамъ относятся: 103.000 кр. на содержаніе мѣстнаго музея и 40.000 кр. на изданія научнаго и беллетристическаго характера. Что касается пособій, отпускаемыхъ казною на дѣло конфессіональнаго образованія, то они распредѣляются приблизительно въ равныхъ доляхъ между православною церковью, католическою и магометанскимъ населеніемъ. На православную семинарію отпускается—126.250 кр., на епископскую католическую гимназію (116.500) и частныя учебныя заведенія (4.200)—120.700 кр., на нужды мусульманъ—123.000 кр. Изъ суммъ, расходуемыхъ на правительственныя учебныя заведенія, приходится 495.176 кр. — на среднеобразовательныя учебныя заведенія; 186.910 — на коммерческія, 131.000 кр. — на ремесленныя; 77.600 — на техническія; 107.800 кр. — на учительскую семинарію; 600.000 кр. — на элементарныя школы; 164.000 кр. — на стипендіи; 80.000 кр. — на книги и другія учебныя пособія и 120.000 кр. — на постройку и ремонтъ зданій.

Такъ какъ правительственныя училища ведутся въ духѣ католической церкви, то изъ приведенныхъ цифръ станетъ яснымъ, что на нужды собственно православной школы отпускается весьма незначительная сумма (126.250 кр.), почти равная отпускаемой магометанамъ. Между тѣмъ, на однѣ элементарныя правительственныя школы, которыми православные пользуются мало, ассигнуется сумма (600.000 кр.) почти въ пять разъ большая.

Неодинаковое отношеніе къ правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ православныхъ и католиковъ вполне понятно. Православныя общины, трудившіяся надъ образованіемъ школъ, собиравшія на

¹⁾ Кроме того, существуютъ нѣсколько частныхъ учебныхъ заведеній, содержащихся благотворительными обществами Австріи.

нихъ деньги—не могли относиться къ своимъ учрежденіямъ, взлѣ-
лѣяннымъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, индифферентно. Кромѣ того,
православное населеніе не могло не видѣть въ оккупационномъ
правительствѣ власть себѣ враждебную, направляющую всѣ свои
силы къ его денаціонализаци и окатоличенію. Поэтому у право-
славнаго элемента громадное недовѣріе къ правительственнымъ
школамъ и боязнь отдавать туда своихъ дѣтей: «имъ грозитъ ока-
толиченіе»—говорятъ православные. Изъ такого положенія вещей
проистекаетъ существеннѣйшій ущербъ для всего православнаго
населенія Босны-Герцеговины. Во первыхъ, оно дѣлаетъ двойными
затраты на школьное дѣло: оно участвуетъ въ большей долѣ въ
общемъ бюджетѣ страны, а слѣдовательно и училищномъ фондѣ, и
облагаетъ само себя для поддержанія конфессіональных школъ.
Во вторыхъ, и это самое существенное, православное населеніе
теряетъ передъ католическимъ въ образованіи. У православныхъ
общинъ нѣтъ такихъ средствъ, чтобы въ сооруженіи школъ кон-
курировать съ правительствомъ; нѣтъ возможности и оборудовать
всѣ школы надлежащимъ образомъ. Въ этомъ заключается глав-
ная опасность для православнаго населенія. Напротивъ, если бы
оно, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ (вѣдь право-
славныхъ въ два раза больше, чѣмъ католиковъ), закрывъ свои
школы, посылало своихъ дѣтей въ правительственныя учи-
лища, то православные ученики, сами по себѣ, наводнили бы
ихъ; на семьѣ и духовенствѣ лежала бы обязанность укрѣплять
малолѣтнихъ въ вѣрѣ, а на общинѣ лежала бы обязанность всѣми
силами поднимать образовательный уровень духовенства. Но право-
славное населеніе столь ошеломлено дѣйствіями католическаго окку-
пационнаго правительства, на столько запугано успѣхами католиче-
ской части населенія, на столько поражено надвигающеюся на него
культурной австро-венгерской силой, что оно не рѣшается избрать
этотъ, со стороны глядя, простой путь, требующій, впрочемъ, гро-
маднаго единодушія; оно предпочитаетъ оставаться въ оппозиціи,
не сознавая, какая въ этомъ вырастаетъ опасность.

Между тѣмъ, правительство, наладивъ вопросъ о народной
школахъ, съ энергіею взялось и за устройство средне-образователь-
ныхъ учебныхъ заведеній. Ихъ въ настоящее время, какъ ука-
зано, уже весьма значительное число. При этомъ, кромѣ обще-
образовательныхъ гимназій, учреждены спеціальныя училища,
преимущественно коммерческія. Профессионально-техническое и

ремесленное образованіе оставлено на заднемъ планѣ, о чемъ можно пожалѣть потому, что, хотя фабрично-заводская дѣятельность въ странѣ незначительна и находится въ рукахъ пришлаго элемента, тѣмъ не менѣе образованные техники и ремесленники изъ мѣстныхъ жителей были бы крайне полезны для страны.

Отношеніе православнаго населенія къ гимназіямъ правительства въ общемъ то же самое, что и къ правительственнымъ народнымъ школамъ, но результаты болѣе чувствительны. Православное населеніе относится къ этимъ гимназіямъ съ крайнимъ подозрѣніемъ и въ большинствѣ случаевъ не рѣшается отдавать туда своихъ дѣтей. Оно совершенно право въ томъ отношеніи, что въ этихъ гимназіяхъ дѣйствительно господствуетъ хорватскій, а слѣдовательно католическій духъ. Кириллица совершенно изгнана и всѣ учебники печатаны латинскимъ шрифтомъ, преподается исторія и географія Хорватіи, исторія же Сербіи изгнана, преподается грамматика «хорватскаго» языка и т. д. и т. д. Нѣкоторые болѣе рѣшительные педагоги увѣряютъ даже, что сербской народности вообще никогда не существовало, что тутъ недоразумѣніе, что сербы всегда были хорватами и что даже Марко Краевичъ былъ хорватомъ. Недовѣріе и подозрѣніе ко всему правительственному у православнаго населенія столь велико, что тѣ родители, которые отдаютъ своихъ дѣтей въ гимназіи, считаются отщепенцами, а тѣ изъ православныхъ, которые занимаются преподаваніемъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, называются предателями и шпионами австрійскаго правительства. Въ сознаніи, однако, необходимости образованія, православное населеніе посылаетъ своихъ дѣтей за границу, въ православныя земли, гдѣ оно увѣрено, что ученики не утратятъ своей вѣры и народности. Посылаютъ въ Черногорію (дѣвочекъ въ русскій институтъ въ Цетинѣ), въ Россію, въ Сербію. Но мѣстное правительство, строго преслѣдуя свои цѣли, категорически объявило, что права, пріобрѣтаемыя въ учебныхъ заведеніяхъ внѣ Босны-Герцеговины и внѣ Австро-Венгріи, ею не признаются. Правительство идетъ далѣе—оно не признаетъ священниковъ, получившихъ образованіе за границей, имъ не даются приходы. При такомъ трагическомъ положеніи православное населеніе стало добиваться устройства, уже давно намѣченной, общинной гимназіи въ Сараевѣ. Однако, несмотря на то, что православные указывали на существованіе конфессіонально-католическихъ, іезуитскихъ коллегій и на строющуюся францис-

канскую гимназію въ Високѣ, они получили отъ правительства рѣшительный отказъ ¹⁾).

Оккупационному правительству не удалось закрыть церковно-народныя школы православнаго населенія, поэтому оно занялось систематическимъ ихъ преслѣдованіемъ. При этомъ, притѣсненія исходили либо прямо отъ центрального управленія въ Сараевѣ, либо отъ отдѣльных его представителей. Строгой послѣдовательности въ этихъ преслѣдованіяхъ въ томъ отношеніи не существовало, что въ разныхъ округахъ дѣйствовали разное, но цѣль всегда была одна и та же—подавленіе «сербской» школы. Горести православнаго населенія въ этомъ отношеніи неисчислимы. Резюмируя всѣ дѣйствія правительства, направленные противъ народно-православныхъ училищъ, можно свести ихъ къ слѣдующему. Запрещаются (повсемѣстно) книги, въ которыхъ говорится о сербской національности, языкѣ, имени, даже тѣ, на обложкѣ которыхъ помѣщено изображеніе изъ сербской исторіи, и не дозволяется покупка земельныхъ участковъ подъ школы (Кукулевская община), штрафуются тѣ, которые стоятъ открыто за общинную гимназію въ Сараевѣ; не разрѣшаютъ открытіе въ Мостарѣ женскаго учебнаго заведенія; правительствомъ пропагандируются интерконфессіональныя школы; духовенству велѣно рекомендовать мірянамъ въ проповѣди посѣщеніе правительственныхъ школъ (Столацъ); родителямъ приказывается отдавать дѣтей въ эти школы (Сански Мостъ); родителей, стоящихъ за церковныя школы, штрафуютъ (Дубица); учителя не утверждаются, или утвержденные для одного мѣста не допускаются для другого; лишь тѣ священники правительственныхъ школъ получаютъ содержаніе, у которыхъ не менѣе 10 учениковъ, такъ что само духовенство вынуждается хлопотать объ увеличеніи учащихся; общину отговариваютъ отъ постройки школы, рекомендуя взамѣнъ этого реставрацію мѣстной церкви и суля на это субсидію изъ казны; требуется доведеніе до свѣдѣнія правительства о выборахъ учителей и запрещается послѣднимъ вступать, до утвержденія, въ исполненіе своихъ обязанностей; при этомъ, съ утвержденіемъ не торо-

¹⁾ Православная гимназія эта проектировалась еще въ 60-хъ годахъ. Въ основу капитала легли 20.000 гульденовъ, тогда же пожертвованныхъ купцомъ Ристомъ Николічемъ Тузличемъ. Нынѣ капиталъ этотъ возросъ до 100.000 гульденовъ (80.000 руб.). Въ 60-хъ годахъ австро-венгерское правительство поддерживало мысль православныхъ объ основаніи ихъ гимназій и пожертвовало тогда въ ея пользу книги и нѣкыя учебныя пособія.

пятся—и училища приостанавливают свою деятельность. Последне-означенное требование исходило от высшего местного правительства (распоряжение 25 Мая 1892 г.). Крайнее стеснение его побудило представителей общин (18/30 Апрѣля 1893 г.) обратиться къ правительству съ просьбой объ отменѣ распоряженія; ходатайство было оставлено безъ отвѣта. Но если это тягостное для православной общины распоряженіе является по крайней мѣрѣ закономѣрно оформленнымъ, то масса другихъ болѣе невыносимыхъ требованій властей передаются устно. При этомъ, несмотря на всѣ ходатайства объ изложеніи устныхъ приказовъ письменно, власти отъ этого отказываются, но вмѣстѣ съ тѣмъ грозятъ за неисполненіе ихъ штрафами. Именно этотъ способъ управленія, совсѣмъ недопустимый ни въ какомъ организованномъ государствѣ, довель терпѣніе православныхъ общинъ до крайняго напряженія. Оставался лишь одинъ путь: обратиться къ милостивому вниманію императора. Поэтому уполномоченные 13 православныхъ общинъ представили 25 Ноября (7 Декабря) 1896 г. въ императорскую канцелярію въ Вѣнѣ свой «меморандумъ», въ которомъ были изложены вышеприведенныя притѣсненія. Меморандумъ остался, однако, безъ отвѣта, по заявленію властей, вслѣдствіе подачи его не узаконеннымъ порядкомъ, т. е. помимо главнаго правителя страны, австро-венгерскаго министра финансовъ Каллая. Изложивъ свои горести, представители общинъ, въ отношеніи школъ, ходатайствовали о свободномъ употребленіи своего сербскаго языка и кирилловской азбуки, о свободномъ пользованіи сербскими историческими картинами, необходимыми для иллюстраціи національной исторіи, о правѣ свободного замѣщенія должностей преподавателей, о свободномъ возведеніи церковныхъ школъ, о правѣ принятія на школы добровольныхъ пожертвованій, о свободномъ распоряженіи школьнымъ имуществомъ, о свободномъ образованіи школьныхъ денежныхъ фондовъ, о свободныхъ ежегодныхъ собраніяхъ учителей, о правѣ основывать сербскія читальни, общества пѣнія и другія собранія, преслѣдующія развитіе народнаго образованія, о срочныхъ отвѣтахъ на свои ходатайства передъ мѣстнымъ правительствомъ, объ отменѣ установившейся практики словесныхъ распоряженій властей, съ замѣною ихъ письменными требованіями, о непривлеченіи къ отвѣтственности за дѣйствія общины отдѣльных лицъ, о непреслѣдованіи учителей и о невмѣшательствѣ властей въ дѣла собственно общинъ.

Изъ этихъ ходатайствъ яснѣе всего видно, въ чемъ заклю-

чаются нужды православныхъ общинъ и въ чемъ онѣ притѣсняются административными властями. Императорскаго отвѣта на меморандумъ, какъ сказано, не послѣдовало, но за то на него отвѣтили мѣстныя власти: преслѣдованіями подписавшихъ и давленіями на соотвѣтственныя общины. Подобными дѣйствіями власти ведутъ энергично къ ослабленію православнаго населенія, слѣдствіемъ чего, въ виду оппозиціоннаго положенія, можетъ быть пониженіе его общаго образовательнаго уровня. Если прибавить къ этому еще и то, что благосостоянію православнаго торговаго класса нанесенъ чувствительный ударъ появившимися австро-венгерскими торговцами, то станетъ понятнымъ какая опасность грозитъ въ ближайшемъ будущемъ всей православной части населенія Босны-Герцеговины.

Австрійцы охотно упрекаютъ православныхъ въ «костномъ упрямствѣ», но надо знать истинное положеніе вещей, надо войти въ психологію православнаго населенія, чтобы понять и по достоинству оцѣнить ту горечь, которую оно испытываетъ, и то недоувѣріе, которое оно питаетъ къ оккупационному правительству. Въ безотчетномъ сознаніи своей относительной культурной слабости передъ вошедшей, въ лицѣ католической Австро-Венгріи, высококультурной Европой, въ пламенномъ желаніи получить образованіе и стать на равную съ пришельцами ступень, не утративъ своей вѣры, своей народности—есть несомнѣнно нѣчто высокое, которое частью не понимается, частью игнорируется и попирается оккупационнымъ правительствомъ. Надо видѣть съ какою страстною радостью простой крестьянинъ православный говоритъ о томъ, что его сынъ учится въ Бѣлградѣ, или что его дочь воспитывается въ русскомъ институтѣ въ Черногоріи, чтобы понять до чего доведено системою интерконфессіональныхъ школъ православное населеніе Босны-Герцеговины, населеніе, численно превосходящее католическое, но стоящее одиноко, безъ опоры, предоставленное самому себѣ, тогда какъ интернаціональный католикъ господствуетъ, похваляясь силою единовѣрнаго ему правительства.

Л и т е р а т у р а.

Свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Боснѣ-Герцеговинѣ можно найти въ большинствѣ трудовъ общаго содержанія, приведенныхъ подъ первою главою. Затѣмъ, вопросы о народномъ образованіи освѣщаются статистическими данными, помѣщенными въ трудахъ по статистикѣ, отмѣченныхъ подъ шестой главой. Кромѣ того, въ виду тѣсной связи въ Боснѣ-Герцеговинѣ школьныхъ вопросовъ съ вопросами конфессіональными и политическими, данныя о народномъ просвѣщеніи разсѣяны въ сочиненіяхъ, касающихся религій и конфессій въ странѣ и ея политическаго положенія (вторая и двѣнадцатая главы). Сверхъ сего, надлежитъ отмѣтить еще слѣдующія двѣ брошюры:

Ровинскій.—Дѣвичій институтъ въ Черногоріи. Спб. 1895.

Bismark.—Eine pädagogische Studienreise nach Bosnien u. d. Hercegovina. Leipzig, 1898.

